

О. БАРКОВЕЦ

А. КРЫЛОВ-ТОЛСТИКОВИЧ

НЕИЗВЕСТНЫЙ ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР III

О ЖИЗНИ, ЛЮБВИ И СМЕРТИ

АЛЕКСАНДР III

НЕИЗВЕСТНЫЙ ИМПЕРАТОР

Ольга БАРКОВЕЦ
Александр КРЫЛОВ-ТОЛСТИКОВИЧ

НЕИЗВЕСТНЫЙ ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР III

Очерки о жизни, любви и смерти

*Пусть меня ругают и после моей смерти
еще будут ругать, но, может быть,
наступит тот день, наконец,
когда и добром помянут...*

*Из письма Александра III
К. П. Победоносцеву*

РИПОЛ КЛАССИК
МОСКВА, 2003

Барковец О., Крылов-Толстикович А.

Б25 **Неизвестный император Александр III: Очерки о жизни, любви и смерти. — М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003.— 272 с.: ил.**

ISBN 5-7905-1412-X

За тринадцать лет царствования императора Александра III (1881–1894 гг.) Россия смогла в кратчайший срок совершить стремительный экономический рывок, создать мощную промышленность, перевооружить русскую армию и флот, стать крупнейшим в мире экспортером сельскохозяйственной продукции. Примечательно, что все годы правления Александра III Россия прожила в мире. Народ наградил за это своего императора прекрасным именем «Царь-Миротворец».

Книга «Неизвестный император», созданная на основе редких архивных документов, воспоминаний, дневников современников, поможет читателю лучше узнать личность Александра III.

ББК 63.3(2)52

ISBN 5-7905-1412-X

© Барковец О., Крылов-Толстикович А., 2003
© Издательский дом
«РИПОЛ КЛАССИК», 2003

Содержание

Вместо предисловия / 7
СЫН ЦАРЯ-ОСВОБОДИТЕЛЯ / 11
НАСЛЕДНИК БРАТА / 25
ГЕОРГИЕВСКИЙ КАВАЛЕР / 41
ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ТЕРРОРИЗМА / 57
ФАВОРИТКА / 71
«ДИКТАТУРА СЕРДЦА» ГРАФА ЛОРИС-МЕЛИКОВА / 85
1 МАРТА 1881 ГОДА / 93
СМЕНА КУРСА / 105
КОРОНАЦИЯ / 125
ДВА СОЮЗНИКА РОССИИ / 133
СТРОГИЙ ХОЗЯИН / 145
САМЫЕ СЛОЖНЫЕ ВОПРОСЫ В МИРЕ / 167
БОЖЕ, ЦАРЯ ХРАНИ! / 181
«ГЛАЗА У НЕГО ЛАСКОВЫЕ И ОЧЕНЬ ДОБРЫЕ» / 195
ВЫБОР НИКОЛАЯ / 211
ФИНАЛ / 221
АРХИВ ИМПЕРАТОРА / 233
Основные даты жизни Александра III и важнейшие события его царствования / 238
Принятые сокращения / 240
Библиография: /241
Архивные источники
Опубликованные источники
Литература
Именной указатель / 246

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В истории существует магия чисел, когда словно в таинственном пасьянсе выстраивается странная цепочка цифр, обозначающая рождение и смерть, триумф и падение исторических персонажей, определявших судьбы тысяч, а может быть и миллионов, людей. Закономерность повторения хронологических дат поражает воображение своей логической завершенностью.

Тринадцатый российский император взошел на престол 13 марта по новому стилю и царствовал тринадцать лет; он умер в сорок девять лет, что в сумме цифр дает то же роковое число, как и год его смерти — девяносто четвертый... Говорят, тринадцать — плохое число, чертова дюжина...

Но были ли до того в истории России годы более спокойные и удачливые, чем те тринадцать лет, что царствовал тринадцатый император Александр III Миротворец?

История — зеркало будущего, обращенное в прошлое, и чем сильнее разочарование в современниках, тем с большим интересом люди вглядываются в исторические портреты бывших государственных деятелей, российских монархов, стремясь найти в них утраченные ныне добродетели и идеалы.

Александру III менее других повезло в широкой известности: он не стал героем романов, написанных классиками; монографии, серьезные научные исследования о тринадцатом императоре исчисляются единицами. В школьные учебники коммунистической эпохи Александр III удостоился чести попасть лишь по причине неудачного покушения террористической группы Александра Ульянова 1 марта 1887 года. Император шутить не любил, да и память об убийстве отца — Александра II, погибшего ровно за шесть лет — день в день — до этого, требовала принятия самых крутых мер. Суд приговорил террористов к смертной казни...

Он хорошо помнил мартовские дни 1881 года, когда взошел на престол, залитый кровью отца. Только решительные действия могли предотвратить падение России в пропасть, уберечь ее от бессмысленного и жестокого русского бунта. Александр III сумел остановить революционный беспредел, дал возможность обыкновенному человеку, обывателю жить в спокойной, стабильной стране, наслаждаясь миром и благополучием.

Лев Толстой тогда написал Александру III пространное письмо, в котором просил помиловать убийц. Он цитировал Евангелие, напоминая молодому императору о христианском всепрощении.

Убийство Александра II — царя, отменившего крепостное право, великого реформатора на российском престоле, стало первым звеном тяжелой, длинной цепи, прико-

вавшей русский народ к безумным революциям, братоубийственным гражданским войнам, преступлениям коммунистической власти.

В Большой Советской энциклопедии Александр III характеризуется как: «Ограниченный, грубый и невежественный». Этот шаблон, не без успеха тиражированный малограмотными историческими мистификаторами типа Валентина Пикуля, на долгие годы определил шаржированный портрет одного из выдающихся отечественных государственных деятелей. Сегодня пришло время восстанавливать истину.

Личность Александра III, его государственная деятельность, не только вызвавшая разительные изменения во внутрисполитической обстановке в стране, но и сказавшаяся на всей мировой политике, удивительные преобразования в промышленности, позволившие России совершить экономический скачок, бесспорно, ждут серьезного научного анализа. В то же время накопленные исторические материалы, как и продолжающиеся публикации архивных документов, дают возможность рассматривать эпоху Александра III с позиции непредубежденного исследователя. Авторы хотели увидеть Россию своих прадедов глазами прямых потомков, без идеологических шор советской историографии.

Знание истории своей страны позволяет более правильно судить о событиях нынешнего дня. С этих позиций исторический опыт политического урегулирования острых проблем, стоявших перед Россией в последней трети девятнадцатого столетия, особенно важен сегодня.

Рост отечественной экономики, укрепление российского рубля, приоритет отечественного производителя перед зарубежным экспортером, возрождение армии и флота — единственных, по словам Александра III, союзников России — эти вопросы так же актуальны сегодня, как и сто двадцать лет назад.

Не менее важны проблемы, связанные с межнациональными отношениями, сосуществованием народов с разными религиозными, историческими традициями, но живущими в едином государстве, под сенью российского двуглавого орла.

Все годы царствования Александра III Россия не знала страшного слова «война», «Солдафон на престоле» — по определению советских историков, сумел одним из первых понять и убедить соседей в том, что мирное решение политических споров между державами — наиболее рациональный и разумный способ ведения дипломатических отношений. Впервые в русской истории авторитет России в международных делах поддерживался не штыками, а взвешенной и мудрой внешней политикой царя. Александр III явился одним из создателей союза Антанты, на много лет вперед определившего отношения между европейскими государствами. Памятником царю-Миротворцу стал знаменитый мост Александра III в Париже, по сей день украшающий французскую столицу.

Годы правления Александра III связаны с расцветом русской национальной культуры — искусства, музыки, литературы и театра. В это время творили Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, П. И. Чайковский, художники-передвижники.

Александр III проявил себя щедрым меценатом и мудрым коллекционером. Его личное собрание произведений живописи и скульптуры легло в основу коллекции всемирно известного Русского музея, носящего имя тринадцатого императора.

Настоящая работа не претендует на широкие обобщения — авторы видят свою задачу много скромнее: книга представляет собой серию очерков, рассказывающих о

жизни, любви, смерти Александра III, о его государственной деятельности, об окружающих его людях.

Одной из особенностей книги являются многочисленные архивные документы и фрагменты воспоминаний, писем, дневников, приводимые на ее страницах. Именно эти, подчас очень пристрастные, свидетели прошлого дают возможность ощутить подлинную атмосферу тех дней, лучше понять характер, душу человека, которому выпала тяжелейшая обязанность — нести бремя царской власти...

Наверное, ни один биограф в силу специфики своего творчества не может быть до конца объективен по отношению к своему персонажу. Те чувства и мысли, которые определяют выбор героя исторического исследования, во многом обуславливают тональность изложения, симпатии или антипатии историка. Не стали исключением и авторы настоящей книги, которые должны признаться, что, выбрав в качестве своего героя императора Александра III, они прошли достаточно сложную психологическую метаморфозу, попав, к моменту окончания своего труда, под обаяние августейшего персонажа.

Одним из немногих современников, сумевших оценить роль Александра III в русской истории, был Дмитрий Иванович Менделеев, сказавший вскоре после смерти царя такие слова: «Миротворец Александр III предвидел суть русских и мировых судеб более и далее своих современников. Люди, прожившие Его царствование, ясно сознавали, что тогда наступила известная степень сдержанной сосредоточенности и собирания сил, направленных от блестящих, даже ярких преобразований и новшеств предшествующего славного царствования — к простой обыденной внутренней деятельности...

Мир во всем мире, созданный покойным Императором, как высшее общее благо, действительно укреплен Его доброю волею в среде народов, участвующих в прогрессе. Всеобщее признание этого ляжет неувядаемым венком на его могилу и, смеем думать, даст благие плоды повсюду».

* * *

В книге представлены документы и фотографии, хранящиеся в фондах Государственного архива Российской Федерации. Авторы благодарят всех сотрудников архива, и в первую очередь начальника отдела хранения дореволюционных фондов Елену Алексеевну Чиркову и заведующего архивохранилищем личных дореволюционных фондов Игоря Сергеевича Тихонова, учредителя Фонда «Связь поколений» генерал-майора Александра Ивановича Котелкина и директора Сергея Васильевича Машина, Владимира Васильевича Чуйко и коллектив магазина «Антиквар на Мясницкой».

*Ольга БАРКОВЕЦ
Александр КРЫЛОВ-ТОЛСТИКОВИЧ*

Москва, 2001 год

Е Г Л А С И А Л Е

СЫН
ЦАРЯ-ОСВОБОДИТЕЛЯ

26 февраля 1845 года в три часа пополудни 301-м залпом пушек Петропавловской крепости жители столицы были извещены о прибавлении в царском семействе, а подробности столь счастливого для всех россиян события в скором времени сообщил государев манифест.

«Божиею милостью

Мы, Николай Первый, Император и Самодержец Всероссийский и проч. проч. проч., объявляем всем верным Нашим подданным.

В 26-й день сего Февраля, любезная Наша невестка Цесаревна и Великая Княгиня Мария Александровна, супруга любезного Нашего Сына Наследника Цесаревича, разрешилась от бремени рождением Нам внука, и Их Императорского Высочества Сына, нареченного Александром. Таковое Императорского Нашего дома приращение приема новым ознаменованием благодати Божией, в утешение Нам ниспосланной, Мы вполне удостоверены, что все верноподданные Наши вознесут с Нами к Всевышнему теплые молитвы о благополучном возрасте и преуспевании новорожденного. Повелеваем писать и именовать во всех делах, где приличествует, сего любезного Нам Внука Новорожденного Великого Князя — Его Императорским Высочеством.

Дан в С.-Петербурге в 26 день сего Февраля в лето от Р. Х. тысяча восемьсот сорок пятое, царствования же Нашего в двадцатое.

На подлинном собственной Е. И. В. рукой подписано

Николай».

...Радость августейшего деда была столь велика, что по случаю рождения внука Александра он повелел отменить траур по великой княгине Елисавете Михайловне, жене герцога Адольфа Нассауского, скончавшейся 16 января 1845 года. Но тем дело не кончилось...

Сохранился любопытный исторический анекдот, повествующий, как провел то достопамятное утро русский император. Подписав рескрипт и отобедав (впрочем, кушал Николай Павлович всегда замечательно мало), государь император по обыкновению отправился на прогулку по Невскому проспекту. Приятные чувства переполняли его душу, и Николай почувствовал необходимость сделать что-нибудь значимое, о чем долго будут говорить в салонах и о чем непременно когда-нибудь напишут историки.

Он оглянулся — свита следовала за ним на почтительном расстоянии. Государь поздравил адъютанта и, указав ему на идущую с караула роту Астраханского полка, потребовал к себе ротного. Оробевшего от неожиданности офицера он милостиво похлопал по плечу и распорядился немедленно доложить командиру полка, что отныне его новорожденный внук становится шефом Астраханского полка (*Шевелев А. А. Цесаревич на войне 1877–1878 гг., его отношение к войне и военному делу в России. М., 1905. С. 9*).

Так началась служба России великого князя Александра Александровича Романова...

* * *

Это было время расцвета царствования Николая I. Все казалось незыблемым на святой Руси, но изнутри уже зрели силы, которые должны были разбудить ее. И мало кто мог предвидеть, какую роль в этом процессе предстоит сыграть новорожденному великому князю, который спустя тридцать шесть лет взойдет на залитый отцовской кровью престол.

«Новый Александр, — писал поэт П. А. Плетнев своему собрату по перу В. А. Жуковскому, — должен внести с собой в семью наследника все радости, какие соименный ему император* некогда внес в сердце Екатерины. Нам не увидеть этого будущего, которое так таинственно и значительно. Чем некогда сделается Россия? А к ее бытию много, много судеб приобщено Провидением» (цит по: *Шевелев А. А. Некоторые материалы для истории жизни и царствования великого царя-мироворца Александра III Александровича. М., 1897. Т. 1. С. 80–81*).

Родители новорожденного были еще молоды. Отец — великий князь, цесаревич Александр Николаевич, был замечательно хорош собой. Высокого роста, с манерами, исполненными царственной простоты и достоинства, он в любом обществе оказывался в центре внимания. На загорелом лице выделялись по-романовски чуть навывкате светло-голубые глаза. Решительный, твердый подбородок с едва заметной ямкой выдавал мужественного и смелого человека. Жена великого князя, урожденная принцесса Максимилиана Гессен-Дармштадтская, слыла образцом утонченного изящества.

Их знакомство произошло весной 1839 года, когда двадцатилетний наследник русского престола великий князь Александр Николаевич совершал большое турне по европейским дворам. Цель поездки состояла в том, чтобы познакомить будущего императора с союзниками, дать опыт дипломатического общения, да и здоровье цесаревича, после затяжной болезни легких, требовало пребывания в мягком климате, а не в промозглой Северной Пальмире. Существовала еще одна причина, о которой вслух не говорилось, хотя все сопровождавшие великого князя были прекрасно о ней осведомлены: Николай I, которому наскучили бесконечные любовные интрижки сына с хорошенькими фрейлинами, желал, чтобы тот во время путешествия сделал выбор спутницы жизни. Но менялись столицы, а Александр оставался совершенно равнодушным к чарам европейских коронованных красавиц.

В самом центре политической карты Европы середины XIX века располагалось небольшое — можно накрыть почтовой маркой — герцогство Гессен-Дармштадтское.

Конечно, Дармштадт не мог играть сколько-нибудь заметной роли в политических играх таких мировых гигантов, как Англия, Франция или Россия, но была область, в которой правящая династия издавна пользовалась большим авторитетом: на протяжении столетий ее члены сумели породниться с большинством европейских царствующих семей, а принцесса Вильгельмина-Луиза стала первой супругой наследника русского престола великого князя Павла Петровича.

В пышной кроне генеалогического древа местных герцогов имелась даже святая Елизавета Тюрингенская, одна из родоначальниц Гессенского дома, канонизированная Католической Церковью еще в XIII веке.

У царствующего герцога Людвига II Гессен-Дармштадтского и его жены Вильгельмины было четверо детей, однако мира в семье не было: нередко супруги месяцами жили

врозь, благо венценосцы, не отягощенные квартирным вопросом, могли позволить себе подобную слабость. Поздняя беременность Вильгельмины послужила темой для множества смелых гипотез. Называлось, как минимум, три возможных отца маленькой принцессы, получившей при рождении 27 июля 1824 года имя Максимилианы-Вильгельмины-Августы-Софьи-Марии. Наиболее вероятным из них считался шталмейстер герцога барон Август-Людвиг де Гранси.

Сам герцог мало обращал внимания на сплетни, а рождение дочери на какое-то время даже сблизило супругов, но затем Людвиг вновь стал предпочитать охоту спокойной семейной жизни.

Безусловно, тайна рождения впоследствии изрядно отягощала жизнь принцессы, но первое настоящее горе настигло ее уже в десять лет, когда внезапно умерла мать. Не надо быть психоаналитиком, чтобы понять, какой след в душе ребенка оставляет подобная травма. Схожая ситуация случилась спустя тридцать лет с внучатой племянницей Мари, семилетней Аликс — будущей русской императрицей Александрой Федоровной, женой Николая II. Многие особенности их характеров: замкнутость, застенчивость, склонность к мистицизму — связаны именно с этими детскими трагедиями.

К весне 1839 года принцесса Мари превратилась в высокую, грациозную девушку с внимательным взглядом голубых глаз.

* * *

В план путешествия цесаревича, тщательно разработанный в Петербурге, не входила долгая остановка в Дармштадте и визит к герцогу, а тамошние принцессы всерьез не рассматривались на роль жены наследника.

Когда 10 марта 1839 года Александр со свитой прибыл в Дармштадт, его единственным желанием после утомительной дороги было хорошенько выспаться в местном отеле «Траубе», чтобы назавтра вновь тронуться в путь. Но не успели путешественники расположиться на отдых, как цесаревичу доложили, что герцог Людвиг II Гессен-Дармштадтский прислал кареты, приглашая высоких гостей посетить его замок.

Предложение оказалось неожиданным. Утомившийся за день Александр уже хотел под благовидным предлогом отклонить его, но шталмейстер барон Ливен заметил, что было бы неучтиво отказывать престарелому герцогу, тем более что и родственные связи обязывали к визиту вежливости.

Вполголоса проклиная условности этикета и многочисленных родственников с их докучливым гостеприимством, Александр в сопровождении графа Орлова решил на несколько часов заехать к герцогу, предложив свите оставаться в гостинице.

Минуло назначенное время. Стрелки часов словно замерли; среди придворных началась тихая паника — великий князь словно в воду канул. Прошло несколько часов, пока Александр вспомнил о своих спутниках. Скорострел принес приказ великого князя всем немедленно прибыть в придворный театр. На сцене шла опера «Весталка», а в большой, богато убранной ложе сидело все семейство герцога вместе с наследником русского престола.

На следующий день граф Орлов отослал в Петербург курьера с подробным описанием происшествия: «Государь! Человек предполагает, а Бог располагает. Ваше Величество, изволите припомнить, что только два дня тому назад я Вам писал, что все проекты же-

нитьбы отложены и что человеческому предвидению не дано разгадать волю Божию. Справедливость моих слов только что подтвердилась. Кто мог бы подумать, что в Дармштадте, который Великий Князь хотел миновать... что именно там окажется принцесса, которая с первого же взгляда очаровала Великого Князя. Только из чувства приличия настаивая, что нужно там остановиться.

Это принцесса Мария, дочь великого герцога Гессен-Дармштадтского; в августе этого года ей будет 15 лет; у нее изящная фигура и очень благородные манеры; лицо, не будучи, безусловно, красивым, привлекательное и очень умное; она прекрасно воспитана, и разговор ее умен и остроумен. Одним словом, все, что мне удалось узнать про нее, говорит в ее пользу. По неисповедимым судьбам я был почти единственным свидетелем первого свидания. Впечатление было сильное и очень серьезное, потому что с тех пор он вне себя от радости и настаивает, что она вполне для него подходит и понравится всей семье. Я не оказывал на него ни малейшего влияния и только высказал, что брак с племянницей Императрицы Елизаветы Алексеевны и королевы Баварской и с двоюродной сестрой будущей королевы Прусской и многих других принцесс, по моему мнению, совершенно подходящий...

Молодая принцесса будет подтверждена только в сентябре этого года, и я не сомневаюсь, что родные ее будут согласны на все условия, которые Вы признаете необходимыми: оказанный нам прием может служить тому доказательством. Итак, мы будем ждать распоряжений Вашего Величества...

Если бы я хотел сказать больше, если бы я хотел предсказать будущее, я взял бы на себя слишком большую ответственность и поэтому ограничусь настоящим — правдою, одною только правдою. Милость Божия и Ваша мудрость сделают остальное» (ТАРФ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 113. Л. 12–14).

Несмотря на все тяготы весенней распутицы, секретарь русского посольства во Франкфурте И. И. Маркелов за девять дней добрался до Петербурга. Ровно в семь часов утра 25 марта он был принят Николаем I в Аничковом дворце.

«Вы приносите добрую весть, — милостиво сказал император, — а так как сегодня Благовещение, то я вижу в этом хорошее предзнаменование» (Александр Второй. Воспоминания, дневники. СПб, 1995. С. 84).

Граф Орлов в первом письме не посмел поделиться с императором своими сомнениями о законности происхождения принцессы. Но и без этой информации в Петербурге хорошо знали о неурядицах в семейной жизни дармштадтского герцога. Впрочем, русский император Николай Павлович весьма снисходительно относился к слухам о возможном незаконном происхождении его младшей дочери. Позднее в секретной записке, адресованной Орлову, он писал: «Сомнения относительно законности ее происхождения более действительны, чем ты полагаешь. Известно, что из-за этого ее едва терпят в семье, но она официально признана дочерью своего отца и носит его фамилию, следовательно, никто не может ничего сказать против нее в этом смысле...» (Николаев В. Александр Второй — человек на троне. Мюнхен. 1988. С. 182).

Вопрос о помолвке был в скором времени решен, и в марте 1840 года Александр снова отправился в Дармштадт. Весна в тот год выдалась теплой, земля быстро освобождалась от снега, в воздухе повис густой туман, и семафорный телеграф, которым пользовались в ту эпоху, оказался не в силах преодолеть коварство природы. Сообщение о помолвке, состоявшейся 4 марта, пришло в Петербург с опозданием на трое суток.

«Слава Богу, я очень рад за Сашу», — сказал Николай I, получив долгожданную весть.

Можно лишь строить более или менее смелые гипотезы о том, какие чувства переполняли душу молодой девушки, почти подростка, накануне крутого поворота судьбы. Замужество, разлука с родными, переезд в далекую, неведомую страну, с чужим языком, незнакомыми людьми — обстоятельства, заставлявшие глубоко задумываться о будущем. Чтобы скрыть сомнения и неуверенность от посторонних, Мари прибегла к испытанному средству застенчивых людей — полная внутреннего достоинства, она отныне надела маску невозмутимой гордости, надежно защитившей ее внутренний мир от нескромных взглядов.

Мари писала о своем настроении в письме к брату Карлу: «Хотя я в общении с людьми веселыми, доверчивыми и откровенными сама стала общительной, но все это как бы составляет только одну часть меня самой, а другая — остается замкнутой, и, когда я хочу высказаться, я не нахожу подходящих слов. Многое в этом зависит от свойств самого характера, но многое тоже и от привычки, приобретенной с детства, конечно, многое зависит и от степени симпатии, которую мы чувствуем к окружающим нас» (*ТА РФ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 113. Л. 42*).

Летом 1840 года Мари отправилась в Россию. Сразу по приезде императрица Александра Федоровна строго наказала фрейлинам говорить с принцессой только на русском языке. Мари еще в Дармштадте начала брать уроки русского. Ей повезло с педагогом: им стал Василий Андреевич Жуковский. Старый поэт не только научил Мари говорить и писать по-русски без ошибок, главное, его уроки расположили сердце принцессы к России, внушили любовь и сочувствие к ее народу, традициям, истории.

Мари предстоял еще один серьезный шаг: будущая жена наследника русского престола могла быть только православной. С переходом в православие Мари стала именоваться великой княжной Марией Александровной.

Дни, заполненные занятиями, развлечениями, балами пролетали незаметно. Совсем непросто оказалось принцессе из маленького Дармштадта привыкнуть к пышному церемониалу русского двора. Не обходилось без досадных промахов. Императрица могла утром зайти в покои великой княжны и, заглянув за ширму, сделать колкий выговор дежурной фрейлине. Немецкие камер-юнгферы, прибывшие вместе с Марией, были поражены русским педантизмом. Сама принцесса, по словам фрейлины А. Ф. Тютчевой, «была более испугана, чем ослеплена, когда внезапно была перенесена ко Двору, самому пышному, самому блестящему и самому светскому из всех европейских Дворов, и в семью, все члены которой старались наперерыв друг перед другом оказать самый горячий прием молодой иностранке, предназначенной занять среди них такое высокое положение. Она мне говорила, что много раз после долгих усилий преодолеть застенчивость и смущение она ночью в уединении своей спальни предавалась слезам и долго сдерживаемым рыданиям» (*Тютчева А. Ф. При Дворе двух императоров. М., 1990. С. 77*).

Петербургский климат оказался не слишком гостеприимным, Мария простудилась и надолго слегла в постель. Сначала бронхит, а затем рожистое воспаление лица заставили придворных медиков не на шутку испугаться. Александр не отходил от невесты, часто навещал больную и Николай I. Как нередко бывает, беда сблизила — болезнь позволила Марии ощутить доброту будущих родственников.

И хотя еще в канун нового, 1841 года она писала брату Карлу в письме, что настроение, «как обыкновенно, серьезное и грустное», но кризис миновал — вместе с выздоровлением возвращалась бодрость; любовь дарила надежду на счастье.

Свадьба состоялась 16 апреля 1841 года, накануне дня рождения Александра Николаевича. Венчальный обряд в Большом придворном соборе совершал протопресвитер Николай Музовский. После венчания Николай I с молодыми появился на балконе дворца перед толпой столичных жителей. Император и цесаревич были в казачьих мундирах. Затем последовал парадный обед на 750 персон, а вечером был дан большой бал. День выдался светлый, тихий и теплый, но многие из гостей жалели, что весенняя ночь в Петербурге начинается слишком поздно — для подобных празднеств искусственное освещение лучше дневного света. В весеннем воздухе, далеко по Неве, плыли волшебные звуки музыки, взлетали огни фейерверка, народ густыми толпами теснился по окружающим Зимний дворец улицам и площадям. Только горожане, проживающие на другом берегу Невы, не смогли присутствовать на гулянии — на реке начался ледоход.

Скромность, выдержка, такт снискали Марии популярность в столичных кругах. Но подлинный смысл существования для нее заключался в уютном мирке детской, вдали от шума и суеты дворцовой жизни. Положение супруги наследника престола обязывало ее присутствовать на бесконечных официальных церемониях, и она без сетований соблюдала правила игры, хотя рассеянный вид выдавал внимательному наблюдателю утомление и скуку. Уходя из парадных залов, Мария Александровна производила впечатление только что проснувшегося человека, хотя ее красота, безукоризненная грация, неуловимая прелесть мечтательного и слегка меланхоличного лица привлекали и очаровывали окружающих.

Фрейлина А. Ф. Тютчева, вспоминая на склоне лет свою жизнь при Дворе, писала о Марии Александровне: «Она всю жизнь сохранила эту молодую наружность, так что в 40 лет ее можно было принять за женщину лет тридцати. Несмотря на высокий рост и стройность, она была такая худенькая и хрупкая, что не производила на первый взгляд впечатление *belle Femme*»; но она была необычайно изящна, тем совершенно особым изяществом, какое можно найти на старых немецких картинах, в мадоннах Альбрехта Дюрера, соединяющих некоторую строгость и сухость форм со своеобразной грацией в движении и позе, благодаря чему во всем ее существе чувствуется неуловимая прелесть и как бы проблеск души сквозь оболочку тела. Ни в ком никогда не наблюдала я в большей мере, чем в цесаревне, это одухотворенное и целомудренное изящество идеальной отвлеченности. Черты ее не были правильны. Прекрасны были ее чудные волосы, ее нежный цвет лица, ее большие голубые глаза, смотревшие кротко и проникновенно... Рот был тонкий, со сжатыми губами, свидетельствующими о сдержанности, без малейших признаков способности к воодушевлению или порывам, а едва заметная ироничная улыбка представляла странный контраст к выражению ее глаз. Я настаиваю на всех этих подробностях потому, что я редко видела человека, лицо и наружность которого лучше выражали оттенки и контрасты его внутреннего чрезвычайно сложного «я».

...Она была нежно привязана к мужу и детям и добросовестно исполняла обязанности, которые налагали на нее семья и ее высокий сан; она, по крайней мере, всеми силами старалась их исполнять, но в самом этом усилии чувствовалось отсутствие непосред-

ственности в этих отношениях; она искала и находила власяницу там, где характер более открытый нашел бы удовлетворение интимных стремлений и применение природных способностей...

Ум цесаревны был подобен ее душе: тонкий, изящный, пронизательный, очень ироничный, но лишенный горячности, широты и инициативы» (*Тютчева А. Ф. При Дворе двух императоров. М., 1990. С. 78–80*).

* * *

Любовь еще согревала сердца супругов; потом придут отчуждение, ложь, измена, но пока Александр Николаевич трогательно ухаживал за женой, тяжело перенесшей беременность и роды.

Александр был уже третьим ребенком в семье цесаревича. До него в 1842 году родилась дочь Александра, а в сентябре 1843 года сын Николай, или как его звали дома — Никса, первый прямой наследник престола после отца.

Но девочке суждено было прожить всего семь лет *** . И хотя к тому времени в семье родилось три сына, а смерть детей в ту эпоху была обычным явлением, потеря дочери стала трагедией для матери. Мария писала: «Отныне наше счастье уже не будет полным, но оно всегда будет тем, чем должно быть счастье на земле: к нему всегда будет примешиваться чувство сожаления, но вместе с тем и надежда, что Господь по милосердию своему приведет нас туда, куда раньше нас последовал наш ангел, и эта мысль уладит нашу кончину...» (*ТАРФ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 113. Л. 161*).

Роды нового члена семьи наследника престола принимали доктор Шольц и главная акушерка Воспитательного дома Анна Чайковская, широкоплечая, могучая дама, с лицом, помеченным оспой. Насупленные густые брови, резкие манеры, строгий голос производили при первом знакомстве устрашающее впечатление. После встречи с акушеркой великая княгиня пошутила: «Бедное дитя! Как только оно появится на свет, так тотчас должно испугаться — так ужасно выглядит эта женщина».

Акушерка оказалась мастером сложного повивального искусства — роды прошли успешно. 17 марта 1845 года в Придворном соборе Зимнего дворца состоялось крещение новорожденного. К половине одиннадцатого ко дворцу стали съезжаться «дамы в русском платье и кавалеры в парадных мундирах». На обряде присутствовали Николай I с императрицей Александрой Федоровной, великие князья Константин Николаевич, Николай Николаевич, Михаил Николаевич, Михаил Павлович с супругой, великой княгиней Еленой Павловной, великая княжна Ольга Николаевна, герцог Максимилиан Лейхтенбергский, принц Петр Ольденбургский и принц Александр Гессенский; «члены Государственного Совета, министры, послы, генералы штаба и обер-офицеры гвардии, армии и флота. «Купечество первых двух гильдий, Российское и Иностранное, обоего пола, также было приглашено к сему торжеству».

Таинство священного крещения совершал митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Антоний. Новорожденного несли статс-дама графиня М. Д. Нессельроде. По бокам от нее, поддерживая подушку и покрывало, шли генерал-фельдмаршал граф И. Ф. Паскевич и канцлер граф К. В. Нессельроде. После крещения канцлер капитула имперских орденов на золотом блюде поднес знаки ордена Святого Андрея Первозванного, которые Николай I возложил на внука. Затем «для особ первых трех классов был обеденный стол, а вечером город был иллюминирован» (*С.-Петербургские ведомости. 1845. № 60*).

* * *

С момента рождения великий князь Александр Александрович стал после отца и старшего брата Николая третьим претендентом на императорскую корону. Вполне естественно, что основное внимание в семье уделялось образованию старшего сына Николая. Вторым же сыном наследника престола — фигура не самая заметная в сложной иерархической системе русской абсолютной монархии — слишком уж призрачны его шансы на скипетр и державу.

Саша, как звала его мать, рос озорным и непоседливым ребенком. В своем письме брату принцу Карлу от 24 января 1849 года она пишет: «Сашка с каждым днем все резвее, он точно начинен весь шалостями, и на лице у него так и нарисовано выражение шаловливости» (*ГАРФ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 113. Л. 263об.*).

Исторические часы идут своим ходом, независимым от суетных желаний простых смертных: девятнадцатый век миновал свой зенит. Пятидесятые годы стали временем социальных и экономических потрясений для Российской империи. Крымская война была бездарно проиграна. Воровство, коррупция на всех уровнях административной и судебской власти подрывали государство изнутри.

18 февраля 1855 года в Зимнем дворце на своей походной кровати, накрытый офицерской шинелью, скончался одиннадцатый русский император. Последние слова умирающего Николая I, обращенные к сыну, стали горьким признанием: «Сдаю тебе команду, но, к сожалению, не в таком порядке, как желал. Оставляю тебе много трудов и забот. Теперь иду молиться за Россию и за вас. После России я вас более всего люблю» (*Татищев С. С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. М., 1996. Т. 1. С. 153*).

Действительно, Александру II досталось тяжелое наследство. Вступая на престол, он дал многообещающий обет — всегда иметь единой целью благоденствие Отечества: «При помощи Небесного Промысла, всегда благодеещего России, да утверждается и совершенствуется ее внутреннее благоустройство, правда и милость да царствует в судах ее; да развивается повсюду и с новой силою стремление к просвещению и всякой полезной деятельности, и каждый, под сенью законов, для всех равно справедливых, всем покровительствующих, да наслаждается в мире плодами трудов невинных...» (*Там же. С. 225*).

26 августа 1856 года в Успенском соборе Кремля прошло венчание на царство Александра II и Марии Александровны. Под гул колоколов новый император возложил на голову супруги корону. Протодиакон провозгласил полный титул русского самодержца.

После смерти Николая I и воцарения Александра II титул цесаревича перешел к его первенцу — великому князю Николаю Александровичу. Александр и младшие братья должны были стать надежной опорой престолу, ближайшими помощниками отца и старшего брата. Соответственно этой задаче и было подчинено воспитание великих князей.

Фрейлина А. Ф. Тютчева, по поручению императрицы, писала мадемуазель Гранси — воспитательнице бывшей дармштадтской принцессы, подробные письма, в которых рассказывала о жизни царской семьи и, в том числе, о воспитании маленького Александра. «Из-за похорон [императора Николая I] у Великих князей были отменены уроки. Когда после этого Бажанов впервые пришел к ним на первый урок, он побеседовал с Великими князьями о том, что произошло, и спросил, какие мысли и чувства вызвало у них это событие. Великий князь Александр ответил: «Оно научило меня пятой заповеди». (Должна

напомнить, что у нас «Возлюби отца своего» — пятая заповедь, а не четвертая.) Не правда ли, замечательный ответ!» — писала Тютчева в своем письме от 19 марта 1855 года (*Письма А. Ф. Тютчевой к т-ле Гранси. В кн.: Николай I. Муж. Отец. Император. Сборник документов, воспоминаний. М., 2000. С. 550*).

Первоначальное воспитание Александра было поручено генерал-адъютанту Н. В. Зиновьеву, бывшему воспитателем и старшего сына Николая. С 1860 года наставником великих князей Александра и его младшего брата Владимира становится граф Б. А. Перовский, немало сделавший для своих воспитанников. Однако, будучи достойными, добрыми людьми, оба генерала были очень далеки от знаний детской психологии, искусства учителя.

Строгость, пунктуальность, почти военная дисциплина лежали в основе тогдашней педагогики. И хотя среди учителей Александра было немало замечательных ученых: историк С. М. Соловьев, филолог Я. К. Грот, правовед К. П. Победоносцев, профессора А. И. Чивелев, Ф. И. Буслаев, И. К. Бабст, — учебная программа была составлена довольно рутинно, по стандартам военно-учебных заведений. Неудивительно, что это накладывало свой отпечаток на отношение детей к занятиям.

Вероятно, благодаря не самым теплым воспоминаниям о годах учебы Александр III изменил систему образования для своих сыновей, положив в основу обучения углубленный гимназический курс наук, дополненный университетской и военно-академической программами.

Учеба Александра началась в восемь лет и продолжалась целых двенадцать. Среди предметов, которым усиленно обучали мальчика, были математика, география, всеобщая история, отечественная история, Закон Божий, русский язык, три иностранных языка (французский, английский, немецкий), чтение, чистописание, естественные науки, рисование, музыка, танцы. Помимо этого, великого князя обучали труду: почти пять лет он постигал секреты «токарного искусства», два года — «столярного». В 12 лет Александр стал изучать предметы: «Устав воинской службы», «Артиллерийские приемы», чуть позже — «Тактику». В 1860 году он прошел отдельный курс новейшего и сразу завоевавшего популярность фотографического мастерства. Кроме того, неизменно большое внимание уделялось физическим упражнениям: гимнастике, фехтованию, верховой езде (*ТА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 990. Л. 1–2*). При этом условия быта царских детей были почти спартанские: великий князь Владимир Александрович, вспоминая о детстве, шутил: «Нам давали бифштексы из мяса королевы Виктории». Он рассказывал, что наследника престола и его братьев кормили мало и «они радехоньки были, когда по праздникам их приглашали к родительскому столу» (*Александр Второй. Воспоминания. Дневники. С. 304*).

Воспитатели регулярно представляли Александру II отчеты о занятиях и поведении его детей. Из докладной записки генерала Перовского: «12 сентября 1861 г. ...Сегодня уроки у Ал<ександра> Ал<ександровича> шли хорошо. Как приготовления, так и внимание в классах были весьма удовлетворительные, — дай Бог, только чтобы это не было случайностью, но чтобы так продолжалось.

14 сентября 1861 г. Уроки были удовлетворительны, кроме истории, за которую как Ал. Ал. так и Вл<адимир> Ал<ександрович> получили дурные отметки» (*ТА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 183*).

По воспоминаниям современников, Александр был способным и любознательным ребенком, но медленно разбирался в сухих материях, грамматических правилах. По ха-

рактору он был весел, добродушен и кроток. Кроме того, Александр обладал светлым и ясным здравым умом, который составлял его главную особенность и вызывал в нем замечательную сообразительность, которую он сам в шутку прозвал «смекалкой».

Лучше других Александру давались Закон Божий, история, география, французский и рисование. Он частенько ленился готовить домашние задания, но с юных лет любил читать. Впоследствии Александр признавался в письме писателю Лажечникову: «Мне приятно заявить, что «Последний Новик», «Ледяной дом» и «Басурманин», вместе с романами Загоскина («Юрий Милославский» и др.), были в первые годы молодости любимым моим чтением и возбуждали во мне ощущения, о которых я теперь с удовольствием вспоминаю. Я всегда был того мнения, что писатель, оживляющий историю своего народа поэтическим представлением ее событий и деятелей в духе любви к родному народу, способствует оживлению народного самосознания и оказывает немаловажную услугу не только литературе, но и целому обществу» (цит по: *Назаревский В. В. Царствование императора Александра III. М., 1910. С. 68*).

Большое участие в воспитании детей принимала мать, императрица Мария Александровна. В России женщины традиционно любили политику: достаточно вспомнить сестру Петра I царевну Софью Алексеевну, его дочь — Елизавету Петровну, императрицу Екатерину Великую и множество других женских имен, не столь великих, но нередко вспыхивающих на политическом небосклоне звездочками разной величины. Мария Александровна не стремилась входить в суть политических событий, хотя П. А. Кропоткин и утверждал, что «Мария Александровна принимала далеко не последнее участие в освобождении крестьян» (*Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1988. С. 168*). Умная и утонченная императрица больше предпочитала заниматься воспитанием детей, делами милосердия и народного образования, чем обсуждать политические проблемы с мужем или придворными дамами.

Под высочайшим покровительством императрицы находились многочисленные благотворительные учреждения во всех концах необъятной империи. С 1860 года она активно занималась решением вопросов, связанных с организацией женского образования. Вскоре в России появились первые всесословные женские гимназии. В 1867 году Мария Александровна поддержала предложение фрейлины Марии Сабониной об организации общества попечительства о раненых и больных воинах, преобразованного в 1879 году в Российское общество Красного Креста.

Много лет спустя Александр в письме к своей жене вспоминал детские годы: «... Я вообще не люблю и не умею передавать мои душевные мысли и думы, но теперь само вышло!»

Если есть что доброе, хорошее и честное во мне, то этим я обязан единственно нашей дорогой, милой Мама. Никто из гувернеров не имел на меня никакого влияния, никого из них я не любил (кроме Б. А. Перовского, да и то позже), ничего они не могли передать мне, я их не слушал и на них не обращал решительно никакого внимания, они для меня были просто пешки. Мама постоянно нами занималась, приготовляла к исповеди и говению; своим примером и глубокою христианскою верою приучила нас любить и понимать христианскую веру, как она сама ее понимала. Благодаря Мама мы все братья и Мари [великая княгиня Мария Александровна] сделали и остались истинными христианами и полюбили и веру, и церковь. Сколько было разговоров самых разнообразных, душевных; всегда Мама выслушивала спокойно, давала время все высказать и всегда

находила, что ответить, успокоить и побранить, одобрить, и всегда с возвышенной христианской точки зрения.

Кроме Мама, один во всю жизнь оставил мне дорогое незабываемое воспоминание и тоже имел влияние на мою жизнь и характер, это дорогой брат и друг Никса, все остальное только мелькало перед моими глазами и умом, и ничего меня не останавливало обратить на них внимание — Папа мы очень любили и уважали, но он по роду своих занятий и заваленный работой не мог нами столько заниматься, как милая, дорогая Мама.

Еще раз повторю — всем, всем я обязан Мама — и моим характером, и тем, что есть! Никогда и никто не имел на меня влияния, кроме двух дорогих существ — Мама и Никсы» (*ТА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 709. Л. 15*).

* * *

Детство есть детство. Занятия сменялись играми, в которых принимали участие дети из окружения царской семьи. В одном из залов Зимнего дворца был сооружен деревянный бруствер, обтянутый зеленым сукном и имевший довольно крутые скаты. Здесь разыгрывались нешуточные сражения со стрельбой из ружей и пушек.

Граф С. Д. Шереметев, участвовавший в этих играх, впоследствии вспоминал любопытные детали: «... Во время так называемого бомбардирования, когда все разделялись на два враждебных лагеря, из которых один занимал деревянное укрепление (сделанное в комнате — бруствер), другой же осаждал его, т. е. бросал крепкие резиновые мячики (из-за бруствера отвечали тем же, и это было истинное побоище). Тогда только воинственный жар овладевал мною, и я становился на свою позицию. Позиция эта была чрезвычайно выгодна: заслоненный большою деревянною горою, из-за которой меня решительно не было видно, я постоянно был усердным помощником осаждающих. Шары мои хорошо попадали в цель, сам же я находился вне опасности. Вообще, чувство самосохранения уже и тогда было во мне очень развито. Я нисколько не желал, чтобы резиновый шар, сделавшийся от частого употребления подобным камню, попал бы мне в висок или глаз. А между бойцами были такие богатыри, которые с удивительною силою и меткостью принарамливались, как бы кого выбить из строя в истинном смысле слова» (*Мемуары графа С. Д. Шереметева. М., 2001. С. 21*).

Так, одному из юных участников военных забав, графу Ламберту, метко брошенный мяч сломал нос. Подчас доставалось и почтенным воспитателям: генерал Гюгель, пока он о чем-то рассуждал с кем-то из адъютантов, был сражен прямым попаданием в живот.

Эти воинственные игры преследовали вполне практические цели: с младых лет великих князей готовили к их традиционной обязанности — быть профессиональными военными.

Свой первый офицерский мундир и саблю Александр получил в семь лет на день рождения от Финляндского стрелкового батальона.

Со дня своего рождения великий князь был внесен в списки гвардейских Павловского и Преображенского полков и назначен шефом 12-го гренадерского Астраханского полка. Когда подошел срок, он вместе с братьями был зачислен в Первый кадетский корпус. В 1864 году Александр был прикомандирован к учебному пехотному батальону, где постигал премудрости строевой службы. Его теоретическими занятиями руководили видные военные ученые, фортификаторы, топографы. Среди них особым авторитетом

пользовался генерал-адъютант Михаил Иванович Драгомиров, известный военный писатель, профессор тактики Николаевской академии Генерального штаба. Его фундаментальный труд «Учебник тактики» несколько десятилетий оставался учебным пособием для русских офицеров.

После теоретического курса Александр на практике проверяет полученные знания, командуя сначала отдельными строевыми частями, затем лейб-гвардейским Преображенским полком, 1-й гвардейской пехотной дивизией, гвардейским корпусом и, наконец, войсками гвардии и Петербургского военного округа.

Таким образом, военное образование Александра III основывалось не на ефрейторских навыках воинских экзерциций, а на академическом курсе стратегии и тактики, знание которых цесаревич в полной мере проявил во время войны за освобождение Болгарии.

Однако сам Александр, став наследником престола, понимал ущербность своего образования. Колоссальная работоспособность, трудолюбие, педантичность, желание дойти до сути дела позволили ему в дальнейшем восполнить его пробелы и стать государственным деятелем, способным не только понимать и правильно оценивать происходящие события и возникающие перед страной проблемы, но и находить собственные пути их решений.

Скептический граф С. Ю. Витте, желчью писавший свои мемуары, не сказавший практически ни про одного из современников теплого слова, был вынужден признать: «Я не стану спорить о том, что император Александр III был человеком сравнительно небольшого образования, можно сказать — он был человеком ординарного образования... но у него был громадный выдающийся ум сердца: это — своего рода ум, присутствие которого нечасто, в особенности в положении лиц, которым приходится умом предвидеть, предчувствовать и предопределять» (*Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 1. С. 408*).

Летом 1861 года Александр впервые поехал с воспитателями в поездку по стране. Этому достаточно прозаическому событию предшествовало 19 февраля 1861 года — одна из самых знаменательных дат в отечественной истории: в тот день ушла в небытие крепостная Россия, миллионы ее граждан стали свободными людьми. Несмотря на множество очевидных недостатков и грубых ошибок при ее реализации, крестьянская реформа стала важнейшим этапом длинной цепи преобразований, изменивших весь спектр социально-политической жизни крупнейшей в мире державы на многие десятилетия вперед.

Шестнадцатилетний Александр впервые встретил тысячи простых горожан, крестьян, пришедших за десятки верст из дальних деревень посмотреть на сына Царя-Освободителя. Любой из них был готов в эти минуты отдать жизнь, испытать любую муку за него. Эти встречи поразили юного великого князя. Он желал только одного — быть нужным своему народу, исполнять волю отца и стать надежным помощником старшему брату Николаю — наследнику отцовского престола.

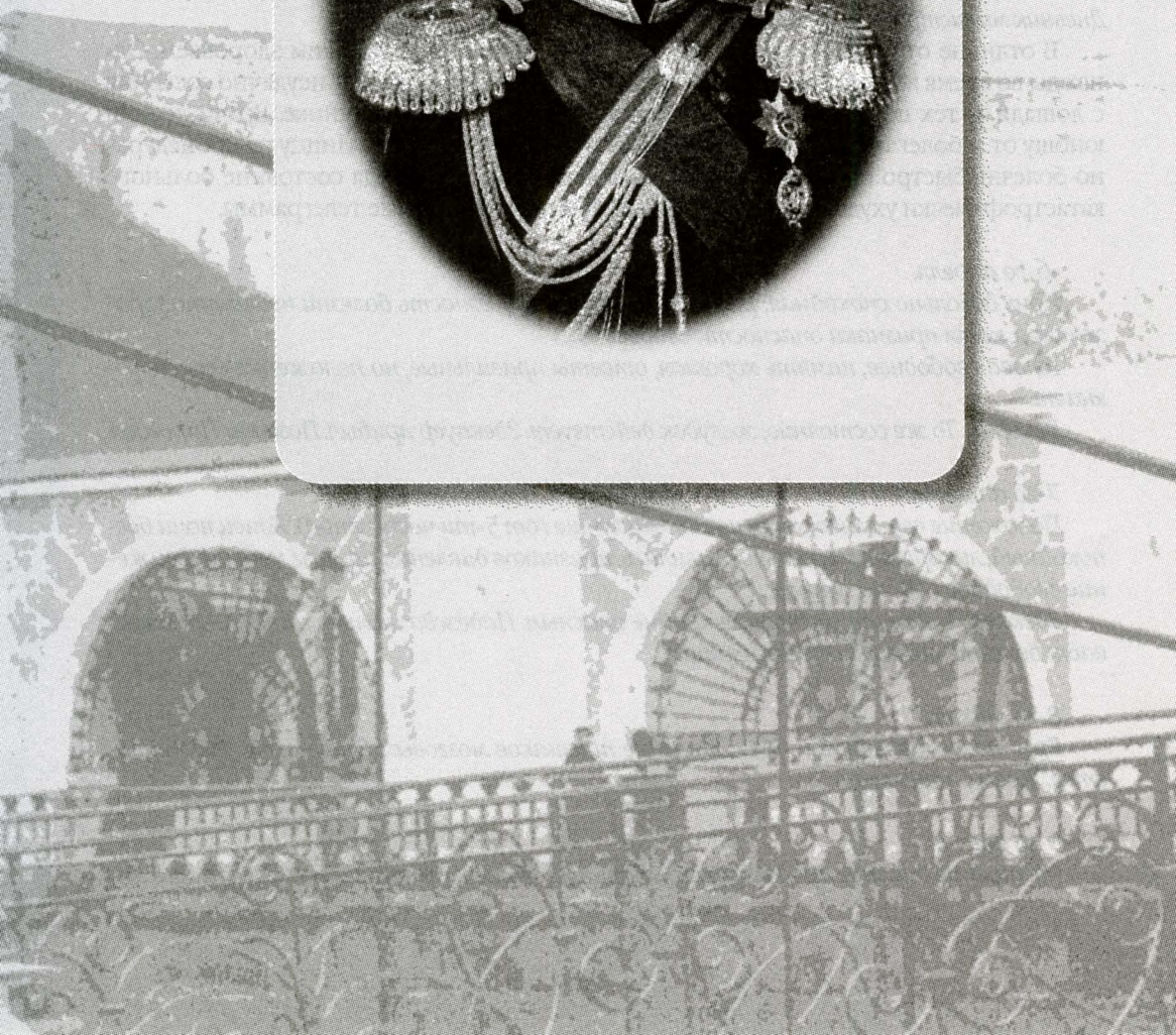
* Александр I.

** прекрасной женщины (*фр.*)

*** Александра Александровна (1842—1849), великая княжна, дочь Александра II.

НАСЛЕДНИК БРАТА

Жизнь полна неожиданностей, и одной из них стала скоропостижная смерть цесаревича Николая Александровича. Он был на два года старше Александра, но это обстоятельство ни в малой степени не мешало их дружбе. Александр, по-мальчишески влюбленный в брата, старался во всем подражать ему, без всякой зависти наблюдая за его успехами в учебе. Николай, по единодушной оценке современников, был одаренный, умный юноша, с отзывчивым добрым характером. В свою очередь, он с трогательным вниманием относился к младшему брату. «В нас всех есть что-то лисье, Александр один вполне правилен душой», — тонкая наблюдательность отличала этого рано ушедшего из жизни юношу... (Валуев П.А, *Дневник министра внутренних дел. М., 1961. Т. 2. С. 42*).

В отличие от младшего, старший брат не отличался богатырским здоровьем. Однажды во время военных маневров Николай получил травму спины, неудачно соскочив с лошади. С тех пор его постоянно беспокоили боли в позвоночнике. Врачи лечили юношу от заболевания почек. Осенью 1864 года он отправился в Ниццу на процедуры, но болезнь быстро прогрессировала, и к весне следующего года состояние больного катастрофически ухудшилось. В Петербург полетели отчаянные телеграммы.

«6-го апреля.

Ночь довольно спокойная; редко просыпался; серьезность болезни неизменно угрожающая, хотя признаки опасности слабее.

Голова свободнее, память хорошая, ответы правильные, но положение свое не знает.

Вечером. То же состояние; желудок действует. Здекауер прибыл. Позвали Пирогова.

7-го апреля.

Положение серьезное, хотя несколько лучше (от 5-ти часов утра). Конец ночи беспокойный, лихорадка несколько усилилась, признаков давления на мозг меньше, движение свободное (10 час. утра).

*Здекауер находит состояние крайне опасным. Надежда только на Бога. Он называет болезнь: *meningite cerebro-spinalis*.*

8-го апреля.

Бред после тревожной ночи. Усиление признаков мозговых. Опасность увеличивается. Ждем Опольцера.

9-го апреля.

Состояние опасное продолжается. Ночь эта может быть решающей. Предписан-

ные средства произвели временное успокоение. Сон прерывался бредом. Временами больной узнает окружающих.

10-го апреля.

Ночь беспокойная, с бредом. Узнает, отвечает хорошо, но язык несколько затруднен; опасность очень велика. Большая слабость, истощение опасное.

11-го апреля.

Легкое тревожное состояние. Быстрый упадок сил. 24 часа без сна. Сегодня утром свидание с принцессой Дагмарой и братьями. Опасность усиливается.

(Мецкерский В. П. Мои воспоминания. СПб., 1897. Т. 2. С. 445–446).

Это была последняя телеграмма о состоянии цесаревича — 12 апреля 1865 года вскоре после полуночи его не стало.

Окончательный диагноз не внес ясности в причину смертельного недуга: врачи предполагали менингит, но в заключении о смерти говорится о «ревматизме почечных мышц и поясничной спинной фасции».

Право на наследование престола перешло к Александру, однако это обстоятельство не могло и в малой степени умерить его горе. Потеря оказалась слишком велика. Спустя пять месяцев он пишет в дневнике: «Опять все грустные и тяжелые воспоминания Ниццы наполнили душу безотрадной грустью, все снова живо представилось в воображении, все, что я потерял со смертью моего милого незаменимого друга и брата... Плакал я как ребенок, так сделалось грустно без моего друга, которого я любил всех более на земле и которого никто на свете мне заменить не может не только теперь, но и в будущем. С ним я разделял и горесть, и веселье, от него я ничего не скрывал и уверен, что и он от меня ничего не скрывал. Такого брата и друга никто из братьев мне заменить не может, а если и заменит мне его кто отчасти, то это Мать или будущая моя жена, если это будет милая Дагмар» (ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 298. Л. 73об.—74).

После смерти старшего брата Александр унаследовал не только титул цесаревича, но и его невесту — принцессу Дагмар, дочь датского короля Христиана IX. Подобную матримониальную настойчивость можно объяснять достаточно прагматично: брак русского великого князя с датской принцессой отражал политические интересы России, демонстративно отказавшейся от традиционного рынка германских принцесс, становившихся женами русских великих князей.

Политическая ситуация в Европе чрезвычайно тревожила Александра II. Все больший политический и военный вес приобретала Пруссия, становясь потенциальным противником России. В 1864 году Пруссия и Австрия сумели захватить у Дании два южных района — Шлезвиг и Гольштейн. Союз России с Данией позволял России в случае военного конфликта иметь мощный плацдарм в тылу противника, заставив его тем самым вести войну на два фронта.

Подчас в исторической литературе приводится не слишком убедительный довод о том, что брачный русско-датский союз способствовал и улучшению отношений с Великобританией: Английский королевский дом также состоял в родстве с датским королем Христианом IX — его старшая дочь Александра была женой наследника британской короны принца Альберта-Эдуарда, герцога Уэльского. Однако с английской королевой

русского императора и без того связывали достаточно тесные семейные отношения: дочь Александра II — Мария была замужем за сыном королевы Виктории, герцогом Альфредом Эдинбургским. Впоследствии во время заграничных визитов императора Николая II многие путали его с английским королем Георгом V, настолько были похожи между собой кузены.

Но внешнее сходство или взаимные симпатии монархов редко совпадали с интересами их империй. Значительно чаще им приходилось быть политическими соперниками. Более того, можно сказать, что в той или иной степени родства находились между собой все главы монархических держав, участвовавших в Первой мировой войне с обеих враждующих сторон, за исключением разве что императора Страны восходящего солнца. К сожалению, родственные связи немецкого кайзера, австрийского и русского императоров, английского короля не уберегли человечество от первой из глобальных войн XX века.

* * *

Принцесса Мария-София-Фредерика-Дагмар была второй дочерью Христиана IX и его супруги королевы Луизы. Она родилась в 1847 году. В семье девочку звали «Минни». Она никогда не блистала красотой, но живая, общительная, неизменно веселая и добродушная Минни пользовалась всеобщей любовью.

В сентябре 1864 года во время визита в Данию великий князь Николай Александрович познакомился с Дагмар. Взаимная симпатия быстро переросла во влюбленность.

«Если бы Ты знала, как я счастлив: я влюбился в Dagmar, — спешил он поделиться своим чувством с матерью. — Не бойся, что это так скоро, я помню твои советы и не могу решиться скоро. Но как же мне не быть счастливым, когда сердце говорит мне, что я люблю ее, люблю горячо... Как мне описать ее? Она так симпатична, проста, умна, весела и вместе застенчива. Она гораздо лучше портретов, которые мы видели до сих пор. Глаза ее говорят за нее: такие добрые, умные, бойкие глаза» (ТА РФ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 33. Л. 140об.).

О женитьбе на Дагмар как о непереложном событии написал Николай и в письме к отцу: «Более знакомясь друг с другом, я с каждым днем все более и более ее люблю, сильнее к ней привязываюсь. Конечно, найду в ней свое счастье; прошу Бога, чтобы она привязалась к новому своему отечеству и полюбила его так же горячо, как мы любим нашу милую родину. Когда она узнает Россию, то увидит, что ее нельзя не любить. Всякий любит свое отечество, но мы, русские, любим его по-своему, теплее и глубже, потому что с этим связано высоко религиозное чувство, которого нет у иностранцев и которым мы справедливо гордимся. Пока будет в России это чувство к родине, мы будем сильны. Я буду счастлив, если передам моей будущей жене эту любовь к России, которая так укоренилась в нашем семействе и которая составляет залог нашего счастья, силы и могущества...» (ТА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 814. Л. 126об.).

17 сентября 1864 года было объявлено о помолвке. Но прошло всего полгода, и Минни сидела у кровати умирающего жениха. Рядом с больным, то поддерживая ему голову, то давая воды, находился убитый горем младший брат цесаревича — Александр. Так общее горе впервые свело их. Это были грустные свидания: панихиды, траурные мероприятия, подготовка к долгой дороге в Россию. Гроб с телом умершего везли на фрегате вокруг Европы, а царская семья возвращалась на поезде. Вместе с ней домой

уезжала и Минни. По дороге в Россию пришлось из-за ухудшения состояния императрицы Марии Александровны на несколько дней остановиться в Югенхайме.

Александр с Минни часто гуляли вместе, вспоминая Николая. Нельзя исключить, что, увидав их на прогулке, Александр II впервые подумал о браке второго сына на датской принцессе. Минни понравилась царской чете, ее искренняя грусть вызвала сочувствие.

Вернувшись в Россию, Александр II после разговора с женой решил прозондировать почву: он написал письмо в Копенгаген, в котором, кроме обычных слов поддержки, недвусмысленно выразил надежду на то, что Дагмар останется членом их семьи. В письмах к королю и королеве Александр дипломатично намекал на возможность возобновления прежних брачных соглашений.

Ответ не заставил долго ждать — король охотно принимал предложение Александра II, а вскоре пришло письмо и от Дагмар.

«Мне очень приятно слышать, что Вы повторяете о Вашем желании оставить меня подле Вас. Но что я могу ответить? Моя потеря такая недавняя, что сейчас я просто боюсь проявить перед ней свою непреданность. С другой стороны, я хотела бы это услышать от самого Саши, действительно ли он хочет быть вместе со мной, потому что ни за что в жизни я не хочу стать причиной его несчастья. Да и меня бы это скорее всего также не сделало бы счастливой. Я надеюсь, дорогой Папа, что Вы понимаете, что я этим хочу сказать. Но я смотрю на вещи так, и считаю, что должна об этом Вам честно сказать» (ТА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 604. Л. 34 об.—35).

Можно, конечно, предположить, что письмо Минни подверглось тщательному редактированию родительской рукой, но тем не менее суть очевидна: девушка согласилась на брак с Александром. Император договорился с Христианом IX о визите сына в Данию летом 1866 года.

Итак, осталось выполнить одно маленькое условие — добиться согласия самого Александра. В день своего рождения 26 февраля 1866 года он записал в своем дневнике: «Но вот его [Николая] не стало, и он оставил мне свое место, которое для меня было всегда ужасно, и я только одного и желал, чтоб брат мой был женат скорей и имел сына, тогда только, говорил я себе, я буду спокоен. Но этому не суждено было исполниться» (ТА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 298. Л. 171).

Причина беспокойства Александра не была тайной для окружающих. Уже более года сердце молодого человека было покорено фрейлиной императрицы княжной Марией Элимовной Мещерской. «Я ее люблю не на шутку и если бы был свободным человеком, то непременно женился и уверен, что она была бы совершенно согласна» (Там же. Л. 181).

В детстве Мария воспитывалась под строгим надзором матери и тетушки. С пятнадцати лет она жила у бабушки в Ницце; в Россию девушка вернулась уже в восемнадцатилетнем возрасте.

Отношения Александра и Марии Мещерской были по-юношески романтичны. Встречаясь при Дворе почти ежедневно, Александр невольно попал в плен очарования и ума княжны. Их дружеские отношения стали особенно близкими с весны 1865 года.

Прежде беспечная жизнь нового цесаревича постепенно наполнялась новыми обязательствами. Увеличилось количество преподавателей, к учебному курсу прибавились новые предметы и дисциплины. Наконец наступил день, которого он долго ждал и боялся — 20 июля 1865 года, день принятия присяги цесаревичем. «Страшно было выхо-

дить посреди церкви [Зимнего дворца], чтобы читать присягу. Я ничего не видел и не слышал; прочел кажется недурно, хотя немного скоро. Из церкви пошли тем же порядком в Георгиевскую залу, где Папа, Мама и Тети стояли на троне и на ступеньках. Тут я прочел военную присягу... Тяжелый был день для меня ... как будто камень свалился с плеч» (*Там же. Л. 45об.*).

С тех пор Александру все чаще стал приезжать в Зимний дворец для встреч с дипломатами или присутствовать при докладе военного министра у государя. Он начинал познавать сложное бремя государственной службы, вникал в подробности жизни страны, проходя ученический курс императорской науки управления такой огромной страной, как Россия.

Летом 1866 года Александру было поручено возглавить комитет по борьбе с холерой. Первый опыт заседания в комитете — «путного ничего не сделали, потому что спорили много и переливали из пустого в порожнее...» (*Там же. Л. 134*).

Но по-прежнему он выбирает время для встреч с княжной Мещерской. На страницах дневника Александр с почти детской непосредственностью описывает свои разговоры с «дусечкой М. Э». В этих записях прослеживаются и черты характера самого Александра: «...меня никто не может заставить насильно переменить образ мысли, и я всегда остаюсь при своих мнениях» (*Там же. Л. 64об.*).

Характер цесаревича испытал на себе даже отец, вынужденный сделать строгий выговор сыну, «что противился пригласить к обеду этого скота Головнина !!!» (*Там же Л. 147*). Император поставил сына на место, сказав, что «слишком молод, чтобы судить о людях, ... что должен уважать должность Министра и хотя личность... не нравится, но так как оно поставлено Государем, то... не должен ничего против него делать явно» (*Там же*).

Любовь Александра к молоденькой фрейлине породила массу сплетен. «Проклятый свет не может никого оставить в покое. Даже из таких пустяков подымают истории. Черт бы всех этих дураков побрал!!! Даже самые невинные удовольствия непозволительны, где же после этого жизнь, когда повеселиться нельзя. Сами делают черт знает что, а другим не позволяют даже видиться, двух слов сказать, сидеть рядом. Где же после этого справедливость!» (*Там же. Л. 120*) — с горечью записал Александр в своем дневнике.

Некоторые сплетни о любовном увлечении цесаревича попали в зарубежные газеты и достигли берегов Дании. Встревоженный датский король в письме к Александру II просил объяснить причины скандальных слухов. Между двумя Александрями, отцом и сыном, 19 мая 1866 года состоялся суровый мужской разговор, который решил все.

«Остался с Папа один, — записал в дневнике цесаревич. — Он у меня спросил, подумал ли я о вчерашнем [разговоре] и на что я решился. Я отвечал, что решительно не могу ехать в Данию. Тогда Папа спросил у меня, что мне мешает ехать, я отвечал, что чувствую, что не могу любить ее и поэтому не хочу ехать. Папа сам сказал, что, наверное, твои чувства к М. Э. мешают ехать. Я хотел молчать, но Папа заставил меня сказать. Тогда Папа рассердился и сказал мне: «Что же ты хочешь, чтобы я так и написал в Данию, что все, что написано в газетах, правда, и поэтому ты не приедешь?»

Я отвечал — конечно, я этого не желаю. Тогда я решился высказать все, что у меня было на душе, и сказал о том, что я решил отказаться от престола, потому что чувствую себя неспособным. Папа окончательно рассердился на меня и сказал: «Что же ты думаешь, что я по своей охоте на этом месте, разве ты так должен смотреть на свое призва-

ние? Ты, я вижу, не знаешь сам, что говоришь, ты с ума сошел». И потом прибавил: «Если это так, то знай, что я сначала говорил с тобой, как с другом, а теперь приказываю ехать в Данию, и ты поедешь, а к[няжну] Мещерскую я отошлю...

Папа сказал мне: убирайся вон, я с тобой говорить не хочу. С тем я и вышел, но что происходило у меня в груди, этого описать нельзя: грусть, тоска и раскаяние» (*Там же. Д. 299. Л. 79–80*).

Тем не менее на следующий день после разговора с отцом, Александр объявил, что готов ехать в Данию. Император был доволен послушанием сына, между прочим, помужски добавив, «что он сам был совершенно в этом же положении перед тем, как жениться. Он тоже любил и хотел тоже отказаться от престола, но, что все вышло к лучшему» (*Там же. Л. 83*).^{*} Цесаревичу было обещано родителями, что удаление от Двора княжны Мещерской будет незаметным под предлогом ее поездки к своей тетушке княгине Чернышевой. Прощание со своей первой любовью было трогательным и искренним. Уединившись в маленькой комнате Царскосельского лицея, они «долго целовались... прямо в губы и крепко обняв друг друга» (*Там же. Л. 93*).

Спустя два года, выйдя замуж за князя П. П. Демидова Сан-Донато, она умрет в Париже при родах. Александр встретил «М. Э.» только один раз, в мае 1867 года, во время визита российского императора Александра II во Францию — «после целого года разлуки, странное чувство было снова увидеться» (*Там же. Д. 300. С. 208*). Узнав, что она выходит замуж за Демидова, он был рад: «Дай Бог ей всякого, я это ей желаю от всего сердца, она заслуживает это!» (*Там же. С. 218*). Потом, узнав о ее смерти, Александр не раз с грустью вспоминал о своей первой любви, с нежностью и благодарностью к милой «М. Э.».

* * *

2 июня 1866 года императорская яхта «Штандарт», на борту которой находился Александр вместе с младшим братом Владимиром, вошла в гавань Копенгагена. На берегу великих князей встречал король Дании Христиан IX, а при подъезде к королевскому дворцу Фреденсборг — королева Луиза и Дагмар, при виде которой у Александра «слишком билось сердце».

Его поселили в тех же апартаментах, в которых в свое время останавливался брат Николай, приезжавший к невесте. Он даже нашел на оконном стекле нацарапанные имена Дагмар и Никсы.

Великих князей принимали гостеприимно, но без излишней чопорности и официоза. Поездки на природу, экскурсия в замок Гамлета — Эльсинор, непринужденная беседа — этикет здесь соблюдался в значительно меньшей степени, чем дома в Зимнем дворце.

В эти дни Александр принял окончательное решение: «Я уверен, что я буду счастлив с милой Дагмар и что Бог благословит наш брак» (*Там же. С. 97*).

Спустя девять дней Александр объяснился с Дагмар. Они прошли к ней в уютную гостиную... Однако предоставим слово самому великому князю, цесаревичу Александру Александровичу: «Сначала осмотрел всю ее комнату, потом она показала мне все вещи от Никсы, его письма и карточки. Осмотрев все, мы начали перебирать все альбомы с фотографиями... Пока я смотрел альбомы, мои мысли были совсем не об них; я только и думал, как бы начать с Минни мой разговор. Но вот уже все альбомы пересмотрены, мои руки начинают дрожать, я чувствую страшное волнение. Минни мне пред-

лагает прочесть письмо Никсы. Тогда я решаюсь начать и сказал ей: говорил ли с Вами король о моем предложении и о моем разговоре? Она меня спрашивает: о каком разговоре? Тогда я сказал, что прошу ее руки. Она бросилась ко мне обнимать меня. Я сидел на углу дивана, а она на ручке. Я спросил ее: может ли она любить еще после моего милого брата? Она отвечала, что никого, кроме его любимого брата, и снова крепко меня поцеловала. Слезы брызнули и у меня, и у нее. Потом я ей сказал, что милый Никса много помог нам в этом деле и что теперь, конечно, он горячо молится о нашем счастье. Говорили много о брате, о его кончине и о последних днях его жизни в Ницце» (*Там же. С. 109*).

Судьба молодых людей была решена. Александра и Минни поздравили король и королева, родные. В тот же день о помолвке объявили официально. В Петербург полетели телеграммы. Среди них шифрованная телеграмма наследника Александру II: «Поздравьте и помолитесь за меня; сегодня утром мы с нею объяснились, и я счастлив...» (*ТАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 730. Л. 69*).

Ответ не заставил себя долго ждать. Родители жениха телеграфировали: «От всей души обнимаем и благословляем вас обоих. Мы счастливы вашим счастьем. Да будет благословение Божие на вас» (*ТАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 697. Л. 148*).

В день отъезда цесаревича в Россию, 28 июня/10 июля 1866 года, Александр и Дагмар написали свои имена на стекле. Это была уже вторая запись с именами влюбленных на стекле окна королевского дворца в Фреденсборге. Поменялись лишь мужские имена, женское осталось прежним — Минни.

Вернувшись в Россию, Александр не находил себе места. Он уговаривал родителей ускорить свадьбу, не откладывая, как планировалось, на год. Чувство новой любви полностью завладело им. Он с нетерпением ждал писем из Дании. «Меня так и тянет туда...» А пока наступила для Александра, по его словам, «несносная жизнь» — маневры в Красном Селе, государственные заботы наследника престола.

Наконец наступило 14 сентября, когда два датских корабля «Шлезвиг» и «Пелер Скрам» в сопровождении русской эскадры вошли в гавань Кронштадта. Будущую невестку встречали русский император с семьей.

«Утром у обедни. Слышал гром пушечных салютов в честь приезда принцессы Дагмар, — писал министр внутренних дел П. А. Валуев. — У нас три дня италийское небо, италийское солнце. Торжественное вступление на русскую почву словно благословляется небом. Светло, тепло, тихо, кротко и мирно на небе и на земле. Да будет это предзнаменованием и да исполнится предзнаменование. Много слез на Руси, много скорби и грусти. Да будет Дагмар им утешительницей и миротворицей...» (*Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел. Т. 2. С. 149*).

Александр увлеченно готовился к свадьбе, перестраивал Аничков дворец, в котором предстояло жить молодоженам. Он тщательно подбирал мебель, картины, формировал свою библиотеку. Украшением Аничкова дворца стали два зала домашнего музея, в основу которого легла коллекция антиквариата и картин, оставшихся от старшего брата, и значительно пополнившаяся после приобретений Александра на аукционах произведений искусства в Дании. Первыми картинами русских художников в коллекции цесаревича стали полотна профессоров Гуна и Харламова.

Аничков дворец преображался на глазах: в залах появились живописные работы французского художника Робера, стены покрылись изысканными гобеленами. Малый

столовый зал украшало изящное панно и мебель восемнадцатого века. Немалые деньги без всякого сожаления были отданы за серебряные сервизы Людовика XV. В то же время Александр, всегда очень бережно относившийся к личным расходам, мог резко отказать излишне корыстолюбивому мэтру, потребовавшему несоразмерную плату за свое творение.

«На днях Гун присылал свою новую картину показать, но я не взял, — писал Александр в письме профессору А. П. Боголюбову, учившему Дагмар рисунку и живописи. — Во-первых, она великолепно написана и детали очень хороши, но все вместе ужасно серо и пестро; во-вторых, картина небольшая, а он запросил за нее две тысячи рублей — это уже не деликатно» (*Письма императора Александра III к А. П. Боголюбову. СПб., 1900. С. 15*).

Наконец работы во дворце были завершены, придворный архитектор Монигетти получил августейшую благодарность и мог заняться иными делами, а жених и невеста считали дни, оставшиеся до свадьбы. Они все больше и больше узнавали друг друга, раскрывая друг другу свои сердечные тайны. Минни рассказала жениху о Мольтке, к которому она была некоторое время равнодушна.

12 октября 1866 года в Зимнем дворце состоялось миропомазание Дагмар. Девушка приняла православие, новое имя и титул, став великой княжной Марией Федоровной. Твердо и чисто выговаривала она величавые славянские глаголы, отвечая на вопросы священника. «Мария-Дагмар — неразгаданная загадка. Ее осанка и все приемы во время обряда были безукоризненны. Но вместе с тем мне казалось, что она вполне сознавала, что совершается только необходимый обряд. Не чувства, а мысль царила в ее чертах», — записал в своем дневнике наблюдательный П. А. Валуев (*Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел. Т. 2. С. 156*).

Шли последние приготовления к бракосочетанию наследника престола. Даже для простого смертного подобная суета дается нелегко, а здесь... Бесконечные приемы и визиты, согласование списков приглашенных, невероятная суматоха и неразбериха, неизбежно связанные с ответственным придворным церемониалом, начали угнетать Александра.

«Я теперь нахожусь в самом дурном настроении духа в предвидении всех несносных праздников и балов, которые будут на днях. Право, не знаю, как выдержит моя милая бедная душка Минни все эти мучения. Даже в такие минуты жизни не оставляют в покое, а мучают целые две недели. Это просто безбожно. А потом будут удивляться и кричать, что я не в духе, что я нарочно не хочу казаться веселым. Что же здесь делать, решительно приходишь в отчаяние. Господи, как я буду рад, когда все кончится и наконец, можно будет вздохнуть спокойно и сказать себе: теперь можно пожить тихо и как хочешь. Но будет ли это когда-нибудь или нет? Много таких и иных мыслей приходит в голову, но где же всего напишешь. И теперь насилу хватает часу спокойного, чтобы писать, а потом когда? Вот это называется веселье брачное. Где же оно и существует ли для нашего брата?» (*ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 299. С. 284*).

Наконец, 28 октября 1866 года, состоялось бракосочетание. В час пополудни пушечные выстрелы с Петропавловской крепости подали сигнал высочайшего выхода в Зимнем дворце. За императором Александром II и Марией Александровной шествовали жених с невестой в бриллиантовой короне, в платье из серебряной парчи и в бархатной малиновой мантии, подбитой горностаем.

При входе в дворцовый собор новобрачных встретили митрополит Исидор, члены Синода и придворное духовенство. Великолепно подобранная и спетая придворная певческая капелла запела псалом «Господи, силою твоею возвеселится Царь». Александр II, взяв под руки обрученных, подвел их на подготовленное возвышение.

Таинство бракосочетания совершал протопресвитер Бажанов. Венец над головой цесаревича держал его младший брат Владимир, а над Минни — ее брат, наследный датский принц Фредерик. После прочтения Евангелия их сменили великий князь Алексей Александрович и князь Николай Максимилианович, герцог Лейхтенбергский. В этот момент протодиакон густым басом, от которого задрожали стекла, в первый раз торжественно провозгласил: «О благоверном Государе Наследнике Цесаревиче великом князе Александре Александровиче и супруге его, благоверной государыне цесаревне великой княгине Марии Федоровне». Кроме многочисленных гостей, на свадьбе присутствовала вся императорская семья и пять наследных принцев: Уэльский, Прусский, Датский, Гессенский и Веймарский.

Вновь грянул салют петропавловских батарей. В пять часов, в Николаевском зале Зимнего дворца происходил парадный обед, в продолжение которого был дан вокальный и инструментальный концерт.

«Такое приятное и вместе с тем необыкновенное чувство было думать, что наконец я женат и самый главный шаг в жизни сделан... Душка Минни была как-то особенно хороша весь день» *(Там же. С. 287).*

В восемь часов вечера Георгиевский зал вновь заполнился приглашенными на бал, впрочем очень непродолжительный, — гости разъехались уже в одиннадцатом часу.

Молодожены вернулись в Аничков дворец, где получили благословение родителей. Александр надел тяжелый расшитый серебром халат** и вошел в спальню Минни. «Сердце просто хотело выскочить... Здесь дальше я не буду распространяться», — целомудренно записал он в дневнике... *(Там же. С. 289).*

На следующий день Минни слегла с сильной простудой, и Александру пришлось в одиночестве развлекать родственников. 31 октября он принял присягу в Государственном Совете, став его полноправным членом.

Заканчивая дневник, которому он поверял свои мысли в течение восьми месяцев 1866 года, Александр писал: «... Часто я думал тоже, как я наследовал от моего милого брата и престол, и такую жену, как Минни, которую он любил, еще не зная ее, и о которой я тогда не думал и уж в голову не приходило, что она будет когда-нибудь моей женой. Вот что значит Божья воля! Человек думает одно, а Бог совершенно иначе располагает нами. Не наше дело рассуждать, лучше то или хуже было прежде или как теперь!.. Через такие перемены, через какие я прошел, я думаю, ни один человек не прошел и не пройдет... Это была борьба между долгом и страстью, и Слава Богу, что так кончилось!» *(Там же. С. 330).*

* * *

Известно, что браки совершаются на небесах, но живут, любят, рожают детей и умирают люди все же на земле... В свое время немало было сказано и пересужено о браке принцессы Дагмар и младшего брата ее умершего жениха. Вероятно, было бы ошибкой утверждать, что молоденькой датской принцессе не хотелось в перспективе

стать императрицей великой мировой державы. Конечно, честолюбивое желание в какой-то степени и до какого-то момента определяло поступки принцессы. Однако, кроме династических, политических и иных «высших» интересов, рано или поздно, но непременно должен был наступить момент, когда начинают действовать совершенно иные законы человеческого бытия, великого таинства, именуемого «Любовью». Поступки, диктуемые этим непонятым даже для философов чувством, подчас приводят к неожиданным результатам; порой оно делает людей счастливыми...

Именно такой редкий жребий выпал Дагмар и великому князю Александру Александровичу. Чувство, связавшее их в юности, они смогли донести до последнего мгновения жизни. Принцесса Дагмар стала русской императрицей Марией Федоровной не только по титулу, но и душой, поняв самые сокровенные черты русской натуры своего мужа и его народа.

* * *

После свадьбы жизнь молодых супругов постепенно входила в свою колею. День Александра начинался, как правило, в 8 часов утра. Пил кофе, курил, писал свой дневник или читал бумаги. Продолжались занятия с преподавателями. «Много я переменился в эти последние месяцы, но все еще много остается переделать в самом себе» — замечает он в своем дневнике (*ТА РФ. Ф. 677. Он. 1. Д.299.Л. 46*).

Днем Александр ехал в Зимний дворец, где присутствовал на Высочайших докладах министров или участвовал в заседаниях Комитета министров. «Я знаю, что Бог тебе даровал чистое, любящее и правдивое сердце... Желаю только, чтобы ты почаще и серьезнее думал о твоём будущем призвании и готовил себя меня заступить ежеминутно», — напоминал император Александр II сыну (*ТА РФ. Ф. 677. Он. 1. Д.669.Л. 87*).

Любопытно, что в эти годы его взгляды на решение государственных вопросов зачастую не совпадали с решениями отца-императора. Причины вполне понятны: отсутствие государственного опыта у наследника, категоричность суждений, свойственная молодому возрасту — ему исполнилось только 21 год. Но уже в эти годы Александр проявляет качества, которые в будущем, когда он станет императором, помогут ему выработать свой стиль управления — жесткий, требовательный, волевой. Вот один из характерных примеров. В марте 1867 года Александр встретился с депутацией из Туркестанской области во главе с генерал-губернатором Романовским. Во время разговора наследник престола понял, что переводчик отвечает невпопад, а его вопрос о проблемах и жалобах перевел иначе. После встречи Александр выяснил, что депутатам категорически было запрещено жаловаться его императорскому высочеству. На следующий день цесаревич, пригласив некоторых депутатов и потребовав других переводчиков, выяснил истинные нужды и проблемы Туркестана.

В 1868 году Александр активно стал заниматься вопросом перевооружения армии. Он лично поехал на заводы Путилова, чтобы осмотреть производство — выпуск ружей по системе Баранова. В присутствии императора Александр горячо доказывал целесообразность новой системы, обвиняя военное ведомство в нежелании действовать энергичным образом. Но цесаревичу не удалось убедить отца, который более доверял в этих вопросах военному министру и артиллерийскому ведомству. Дело затягивалось. Император строго запретил Александру вмешиваться в эти вопросы; сын, в свою очередь, расценил решение отца как «моральную пощечину».

«При твоей неопытности в делах и малом знании людей и тех скрытых пружин, которые большею частью заставляют действовать на этом свете, тебе должно быть вдвойне осторожнее, не относительно меня, перед которым обязанность твоя говорить вещи как ты их понимаешь, даже когда ты и ошибаешься, но относительно тебя окружающих и в особенности тогда, когда тебе уже известно, что дело мною решено, может быть и вопреки твоего собственного мнения», — наставлял своего сына в письме от 9/21 августа 1868 года Александр II (*Там же. Л. 98 об. — 99*).

Но цесаревич все-таки добился своего: вопрос о перевооружении армии был решен — старая система ружей была признана негодной.

* * *

В апреле 1867 года Александр и Мария в сопровождении великого князя Владимира Александровича прибыли в Первопрестольную столицу, а в мае на специальном поезде они доехали до Риги, где пересели на корвет «Аскольд», отбывавший в Данию. Проведя несколько дней в Копенгагене, Александр отправился в Париж, где должен был сопровождать отца во время его официального визита. Минни осталась у родителей, она плохо себя чувствовала, доктора предполагали беременность и рекомендовали цесаревне воздержаться от дорожных превратностей.

Визит Александра II в Париж был омрачен покушением поляка Березовского, стрелявшего из револьвера по карете, в которой находились Александр II и Наполеон III.

Монархи отнеслись к покушению с олимпийским спокойствием. Александр с обычной любезностью говорил комплименты французской императрице Евгении и выражал полное удовлетворение приемом. Расставаясь вечером того дня, Наполеон III произнес: «Ваше величество, мы вместе побывали в огне и оба выходим невредимыми из него». Александр II только молча пожал ему руку.

Цесаревич записал в дневнике: «Чужало мое сердце, что-то недоброе в Париже, и вот случилось! Боже милосердный, помози рабам Твоим. Господи, не оставь нас и помилуй нас! Да будет Воля Твоя!» (*ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 301. Л. 111*).

Только 31 мая Александр Александрович покинул Париж и поехал в Копенгаген. Здесь его ожидало разочарование в надеждах стать отцом: врачи поспешили, объявив о беременности Минни.

* * *

Через два года после свадьбы у Александра и Марии Федоровны 6 мая 1868 года в день Иова Многострадального родился первенец — будущий последний российский император Николай II. Александр записал в дневнике: «Мама и Папа приехали около 10 часов и Мама осталась, а Папа уехал домой. Минни уже начинала страдать порядочно сильно и даже кричала по временам. Около 12 ½ жена перешла в спальню и легла уже на кушетку, где все было приготовлено. Боли были все сильнее и сильнее, и Минни очень страдала. Папа вернулся и помогал мне держать мою душку все время. Наконец, в ½ 3 час. пришла последняя минута и все страдания прекратились разом. Бог послал нам сына, которого мы нарекли Николаем. Что за радость была — нельзя представить. Я бросился обнимать мою душку-жену, которая разом повеселела и была счастлива ужасно. Я плакал, как дитя, и так легко было на душе и приятно» (*Там же. Л. 168 об. — 169*).

Александр и Минни молоды, влюблены, счастливы... Через год после рождения первенца, 20 мая 1869 года, родился второй сын — Александр. А вскоре, 10 июля, цесаревич отправился в долгожданное путешествие по России, к которому он тщательно готовился. Минни со слезами прощалась с детьми, но долг обязывал сопровождать мужа. Первый город, который посетил Александр, была Москва — Успенский собор и Чудов монастырь в Кремле, Ходынское поле с парадом войск, строящийся храм Христа Спасителя.

Далее — Нижний Новгород, где «крики “ура!” пугали лошадей», а жара была такая, что все походили «на вареных раков». Поклонившись могиле Козьмы Минина, Александр с женой спустились в сад. Хроникер писал: «После обеда, в саду Дворцового Дома собраны были крестьянки села Морки и Черемисянки в своих костюмах, увешанных набором старинных и новых серебряных монет. Их угощали конфетами и пряниками» (*Путешествие государя императора наследника-цесаревича с государыней цесаревной в 1869 г. М., 1869. С. 8*).

На следующий день Александр посетил местную знаменитую ярмарку, где купечество поднесло традиционные хлеб-соль. Вечером на пароходе «Ахтуба» долго катались по Волге. На палубе играл оркестр, в небо пускали фейерверк, именитые гости во главе с предводителем дворянства из всех сил развлекали гостей.

На пароходе «Счастливый» («Дай Бог, чтобы наше путешествие окончилось так же, как и название нашего парохода!») наследник с женой спустились по реке до Казани, а потом до Царицына. Далее маршрут лежал на Дон, по земле Войска Донского. «Вообще Дон — это совершенно другая земля, другой мир, и поэтому все интересует и занимает, а в особенности меня, так как я атаман казаков и люблю казачье сословие... — записал в своем дневнике Александр. — ...Я совершенно счастлив на Дону и чувствую себя гораздо вольнее и веселее, чем на Волге, люблю смотреть на казаков и их рожи молодецкие, чудный народ и можно влюбиться в них» (*ТА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 303. Л. 90б, 100б*).

При каждом удобном случае наследник старался нарушить официозность приемов: «Сильное впечатление на народ производило усердие Высоких путешественников к храмам Божиим и их внимание к памятникам родной старины и к самой жизни народа, — писал историк В. Назаревский. — Оставляя свой пароход, они пешком или в простом тарантасе отправлялись в соседние села, где их совсем не ожидали, чтобы поближе посмотреть, как живет наш народ, и познакомиться с его нуждами. Их Высочества заходили в крестьянские избы, в дома сельского духовенства, в приходские школы...» (цит. по.: *Тальберг Н. Д. Русская быль. Очерки истории императорской России. М., 2000. С. 545*).

Отдых наступил только в Ливадии, в конечном пункте путешествия цесаревича, куда они приехали 6 августа. Но однообразная крымская жизнь быстро надоела Александру: «13 августа. Мне становится очень скучно здесь, и не знаешь, что делать, так хочется скорее вернуться в Царское Село. Здесь жарко невыносимо, спать скверно, в доме множество блох, муравьев и, что всего хуже, — крыс» (*ТА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 303. Л. 23 об*).

После длительного путешествия было особенно приятно возвратиться домой, в Аничков дворец, где их ждали дети и близкие, новые радости и беды.

Первое большое горе в их семье случилось в апреле 1870 года. Тяжело заболел одиннадцатимесячный Александр. В эти дни Александр все-таки возвращается к своему

дневнику: «15 апреля. Аничков дворец... Послали за Раухфусом.... к 5 часам утра показались признаки поражения мозговых оболочек и левая нога и рука понемногу стали отниматься. Доктора сказали мне, что болезнь пошла так скоро и опасно, что на выздоровление нет почти надежды. Это был ужасный удар, Минни дремала на кресле, и потом я передал ей решение докторов. Мы просидели всю ночь у маленького... Я больше не мог сдерживать слез и плакал долго, и бедная Минни тоже.

20 апреля. Только я начал засыпать, пришли меня разбудить и просить вниз. Это было в $\frac{1}{2}$ 5 утра. Я скорее оделся и побежал к маленькому, у него вдруг пульс стал биться слабее и дыхание сделалось слабее, так что Гирш решился послать за мною и к Папа и Мама. Маленький лежал на коленях... и был совершенно в забытии. Папа, Мама, Владимир и Алексей приехали уже в $\frac{1}{4}$ 6 и оставались весь день. Мы с Минни были все время внизу... Что за мучение и тоска было видеть его и ждать все конца. Около $\frac{1}{4}$ 2 Минни в последний раз взяла нашего душку Александра на колени, а я все время смачивал ему голову водой. Мы оба так устали, что дремали и насилу сидели. Дыхание начало учащаться все больше и больше и пульс бился страшно скоро, так что и сосчитать нельзя было, но, наверное, более 200 раз в минуту, потом дыхание начало заметно слабеть, и в $\frac{1}{4}$ 4 уже не стало на свете нашего милого душки, ангела маленького, он умер у Минни на коленях, и лицо его сделалось таким ангельским и совершенно, как будто он спал. Что за ужасная была эта минута, но еще хуже весь этот день, страданий моральных, ожиданий и грусти ужасной.

...В 7 часов я понес нашего ангела наверх, а Минни шла сзади, и положили его снова на его кроватку в приемной комнате возле кабинета Минни, где устроили и украсили кровать и крутом цветами. ... Мы просили приехать художника Крамского, который сейчас же начал портрет карандашом, и прелесть как удалось, совершенно, как он был в постели и его выражение.

22 апреля. Боже, что за день Ты нам послал и что за испытание, которое мы никогда не забудем до конца нашей жизни, но «Да будет Воля Твоя Господи», и мы смиряемся пред Тобой и Твоей волей. Господи, упокой душу младенца нашего, ангела Александра» *(Там же. Л. 151об., 153об.—154об.)*.

Время лечит любую боль, жизнь продолжается, и мало кто задумывается о новых переживаниях, которые неизбежно ждут каждого в будущем...

27 апреля 1871 года у Минни и Александра родился третий сын — Георгий, который проживет 28 лет и умрет от туберкулеза; в 1875 и 1882 годах в семье появились две дочери — Ксения и Ольга, которым будет суждено намного пережить своих братьев и обещим умереть вдали от родины в один, 1960 год. Любимый младший сын Александра — Михаил, родился 22 ноября 1878 года. Его постигнет участь старшего брата: в июне 1918 года его зверски убьют большевики в лесу под Пермью.

Датская принцесса Дагмар, русская императрица Мария Федоровна, пережив своего мужа на 34 года, умрет у себя на родине, в Копенгагене в 1928 году, так и не поверив до конца своих дней в гибель сыновей, внучек и внука, до последнего вздоха ожидая чуда, которого не могло случиться.

* Калиновская Северина (Ольга) Осиповна, фрейлина великой княжны Марии Николаевны, вышла замуж за генерала Н. Ф. Плаутина. Ради нее цесаревич Александр Николаевич был готов отказаться от своей невесты принцессы Марии.

** По семейной традиции Дома Романовых серебряный халат (вес 16 фунтов) и туфли из серебряной парчи надевал новобрачный перед тем, как войти в день венчания в спальню своей молодой жены.

ГЕОРГИЕВСКИЙ КАВАЛЕР

Балканы издавна были одной из самых горячих точек Европы, где сталкивались интересы Востока и Запада, где тесно переплелись предательство и насилие, где поколениями воспитывалась взаимная религиозная и национальная нетерпимость. Османская империя, господствовавшая в этом регионе, являлась типичным военно-феодальным государством, чья идеология основывалась на мусульманстве, а экономическое и военное могущество строилось на жесткой эксплуатации завоеванных стран и народов, многие из которых исповедовали христианство. Именно этнические и религиозные различия служили причиной постоянных конфликтов между метрополией и поработенными провинциями.

На этот раз поводом для войны послужило очередное восстание христиан, вспыхнувшее в подвластных Турции районах Боснии, Герцеговины, Болгарии в апреле 1876 года. Особенно активными были действия повстанцев в Копривштице, Панагюриште, Батаке. Мусульманский фанатизм, охвативший Турцию, вылился в кровавые погромы в Болгарии. На подавление восставших турки отправили регулярные войска и отряды иррегулярной конницы. Во многих селениях христианское население, начиная с младенцев и кончая древними старцами, было беспощадно вырезано. По самым скромным подсчетам было убито около 30 тысяч болгар (*Толмачев Е. П. Александр II и его время. М., 1998. Т. 2. С. 63*).

18 июня 1876 года Сербия и Черногория в знак поддержки Болгарии объявили войну Турции, но серьезного сопротивления армии этих стран оказать не смогли.

В России известия с Балкан вызвали всеобщее негодование. Турцию здесь крепко не любили, памятуя давнюю вражду между двумя странами, столетиями выливавшуюся в многочисленные русско-турецкие войны. Славянофилы возопили о попранной славянской идее, бойкие журналисты вспоминали Византию и поруганные храмы. Лев Толстой отправил героя своего романа — Вронского — освобождать болгар от турецкого ига. Повсеместно проходили сборы в помощь братьям славянам, а некоторые сорвиголовы пробирались к берегам Черного моря, чтобы с оружием в руках воевать за чужую свободу.

Александр II разрешил офицерам выходить во временную отставку и в качестве волонтеров отправляться на Балканы в состав действующей сербской армии. Среди добровольцев были генерал М. Г. Черняев, прославившийся в Туркестане, севастопольский генерал С. К. Новоселов, полковник генерального штаба Д. П. Дохтуров, врачи Н. В. Скифосовский, С. П. Боткин. Общее число русских волонтеров составляло около четырех тысяч человек. В составе отряда, возглавляемого Черняевым, было 640 русских офицеров и 1806 нижних чинов (*Там же. Т. 2. С. 63*).

Но на самом деле балканские проблемы решались вдали от Боснии, Сербии или Болгарии — в уютных особняках дипломатов Англии, Австро-Венгрии, Германии и Рос-

сии. Именно политические пристрастия и антипатии великих держав могли определить исход конфликта в Османских провинциях.

В своей ближневосточной политике Англия традиционно поддерживала Турцию, видя в ней естественного союзника против нарастающего влияния России на Балканах. И Россия, и Англия, в стремлении добиться преобладающего влияния в Константинополе, всячески старались помешать друг другу в достижении поставленной цели. Английский государственный деятель Джордж Кэмпбелл, герцог Аргальский, писал: «Туркам должно было быть вполне ясно, что мы действовали, не забывая о собственных интересах и желая остановить какой-бы то ни было ценой надвигающуюся мощь России». (*Там же. С. 64*). Британская пресса с успехом формировала общественное мнение, убеждая обывателя в том, что появление русских войск в Болгарии станет прологом настоящих «болгарских ужасов».

Помимо моральной и дипломатической поддержки Англия оказывала и вполне осязаемую помощь, снабжая турецкую армию современным оружием и снаряжением; кроме того, в ее составе находилось почти 500 британских инструкторов и специалистов, обучавших янычар непростому искусству воевать по-европейски.

Неподдельный интерес к ближневосточному вопросу проявляла Австро-Венгрия. Император Франц-Иосиф рассчитывал расширить свои владения за счет Боснии и Герцеговины и выйти к Эгейскому морю. Состоялись тайные англо-австрийские переговоры о возможном союзе против России, в котором роли распределялись бы таким образом: Англия предполагала послать свой флот в проливы, а на Австро-Венгрию возлагалось проведение наземной операции. Ясно было, что риск союзников оказался неравным — английскому флоту не грозила встреча с русскими кораблями по той простой причине, что их после Крымской войны вообще не было на Черном море. Австрия же легко могла быть втянута в полномасштабную войну с Россией. В результате Вена, трезво оценив предложение Лондона, предпочла занять выжидательную позицию.

Немало козырных карт было в руках блестящего европейского политика — канцлера германской империи Отто Бисмарка, решившего сыграть на разжигании англо-русских противоречий. Он даже посулил России в случае войны устроить заем в 100 млн. рублей на военные нужды через близкого ему банкира Блейхредера, надеясь затянуть балканскую петлю на русской шее (*История дипломатии. М., 1945. Т. 2. С. 39*).

В октябре 1876 года Александр II провел в Ливадии несколько совещаний, на которых было решено постараться максимально использовать весь ресурс дипломатических мер и только в случае неудачи переговоров с европейскими державами и Турцией приступить к мобилизации армии на случай возможной войны.

Незадолго перед этим, 31 августа 1876 года, в Константинополе произошел дворцовый переворот. На турецкий престол вступил султан Абдул-Хамид II, человек жестокий, трусливый, но чрезвычайно хитрый и изворотливый. Он прославился организацией армянских погромов, резней греков на Крите, за что получил прозвище «кровавого султана» (*Толмачев Е. П. Александр II и его время. Т. 2. С. 66*).

Новый властитель Османской империи направил против Сербии значительные силы, быстро добившись заметных успехов. В ходе крупного сражения под Джунисом 17 октября 1876 года турки разгромили сербскую армию. Русское правительство, поняв, что спасти Сербию от окончательного поражения и капитуляции не

удастся, оказалось вынужденным предъявить Турции ультиматум с требованием остановить военные действия и начать переговоры с Сербией. Одновременно было объявлено о мобилизации 20-ти русских дивизий, расквартированных в южных губерниях.

Решительные действия России активизировали дипломатические переговоры и ускорили проведение Константинопольской конференции великих держав, открывшейся 29 ноября 1876 года. После продолжительных дебатов, закулисных интриг и взаимных консультаций европейские дипломаты договорились о создании автономии для Боснии, Герцеговины и Болгарии; в каждой провинции должен был находиться наблюдатель, назначенный участниками конференции. Россия к тому же отказывалась от военных действий в районе Балкан.

Но в день, когда участники конференции готовились официально объявить о своем решении, хитроумный Абдул-Хамид проделал маневр, ошеломивший даже выдавших виды дипломатов. В то время как в зал входили представители турецкого правительства, чтобы узнать мнение конференции, за окнами дворца раздался оглушительный артиллерийский залп. Все небо осветилось праздничным салютом. Любезно улыбаясь, турецкий министр иностранных дел Саффет-паша широко развел руками. «Великий акт, — торжественно провозгласил паша, — совершившийся в этот момент, изменил форму правления, существовавшую в течение 600 лет: провозглашена конституция, которой его величество султан осчастливил свою империю!»

Ввиду этого эпохального события, по мнению турецкой стороны, труды конференции представляются совершенно излишними: ведь, предоставив конституцию, падишах уже дарует всем своим подданным все необходимые права и реформы (*История дипломатии. Т. 2. С. 37*). Турция категорически отклонила рекомендации европейских держав о создании автономных южнославянских государств. В воздухе вновь запахло порохом...

«Вся Россия говорит о войне и желает ее и вряд ли обойдется без войны. Во всяком случае, она будет одна из самых популярных войн и вся Россия ей сочувствует», — записал в своем дневнике в эти дни цесаревич Александр (*ТАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 307. Л. 61*).

Однако Александр II не решался начать военные действия, предварительно не заручившись нейтралитетом Австро-Венгрии и не имея на руках договора с Румынией о прохождении русских войск через ее территорию. Обе задачи были успешно решены русскими дипломатами. 3 января 1877 года в Будапеште была подписана секретная русско-австрийская конвенция, которая обеспечивала нейтралитет Габсбургов, хотя цена соглашения оказалась немалой. В обмен Австро-Венгрии предоставлялось право оккупировать Боснию и Герцеговину.

23 марта 1877 года в Бухаресте румынский князь Карл Гогенцоллерн подписал соглашение о проходе русских войск через территорию Румынии, при этом Россия выплачивала 1 млн. франков и обязалась «защищать нынешнюю целостность Румынии» (*Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. СПб., 1899–1900. Вып. 2. С. 234–242*).

В марте 1877 года стало очевидно, что дипломатические переговоры зашли в тупик и военного конфликта не избежать. Стороны начали лихорадочные приготовления к войне. Султан распорядился провести мобилизацию 120 тысяч запасников и перевести флот из Мраморного моря в Босфор.

* * *

12 апреля 1877 года канцлер князь А. М. Горчаков уведомил турецкого поверенного в делах в Петербурге о происшедшем разрыве и отправил к нему паспорта для выезда из России всех чинов турецкого посольства. В тот же день Александр II подписал манифест о начале войны. «Исчерпав до дна миролюбие Наше, Мы вынуждены высокомерным упорством Порты приступить к действиям более решительным. Того требует и чувство справедливости, и чувство собственного Нашего достоинства», — говорилось в нем.

Дунайская армия, под командованием великого князя Николая Николаевича-старшего, четырьмя колоннами перешла границу, а передовой отряд полковника Струкова занял важный стратегический объект — Барбошский мост на Серете. Одновременно Кавказская армия, руководимая великим князем Михаилом Николаевичем, вошла в районы Армении, оккупированные турками, и четырьмя колоннами направилась к Карсу, Баязету, Ардагану и Батуму.

Первые действия русской армии оказались удачными: несмотря на сильные дожди и половодье, войска успешно форсировали Дунай и развили наступление. Турки быстро отступали по направлению к Тырново и Рушук.

21 мая император и наследник престола выехали из Царского Села в действующую армию. Александр II направлялся, как он говорил, «братом милосердия», а цесаревич получил командование 40-тысячным Рушукским (Восточным) отрядом*, названным так по имени болгарского города Рушук, который планировалось штурмовать в первую очередь. 26 июня 1877 года в главной квартире у деревни Павло цесаревич подписал приказ по войскам Рушукского отряда под № 1: «На основании приказа Его Императорского Высочества Главнокомандующего действующей армии, от 22 сего июня, я сего числа вступил в командование Рушукским отрядом, а потому предписываю всем войскам, назначенным в состав Моего отряда, относиться ко Мне по делам службы установленным существующим законоположением и приказом по действующей армии порядком. Подписал: командир Рушукского отряда, Генерал-адъютант Александр» (ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 371. Л. 5). Начальником штаба командующего Рушукским отрядом был назначен генерал-лейтенант П. С. Ванновский, ставший впоследствии военным министром.

* * *

Рушук — небольшой городок на правом берегу Дуная, достигающего в этих местах до полутора километров. Рушук известен еще с римских времен как важный опорный пункт при переправе через Дунай. Во время владычества турок крепость стала одним из главных мест стоянки турецкой дунайской флотилии. Вместе с Силистрией, Шумлой и Варной Рушук составлял четырехугольник турецких крепостей, имевших важное стратегическое значение во всех многочисленных войнах России с Турцией. Неоднократно русские войска осаждали крепость, а в 1810 году гарнизон Рушук был вынужден сдаться графу Н. М. Каменскому.

К началу новой войны стратегическое значение Рушукской крепости еще более возросло после строительства железной дороги до Варны.

Город был обустроен по последнему слову тогдашней фортификационной науки: его окружал мощный вал с тринадцатью вынесенными далеко вперед укреплениями, на

которых размещались 170 полевых орудий и 40 крепостных пушек большого калибра. Гарнизон крепости насчитывал до 30 тысяч человек.

Кроме крепостного гарнизона, состоявшего из регулярных турецких войск, в округе шаталось много всякого сброда: русские и турецкие дезертиры, лихие черкесы и чеченцы, местные разбойники, объединявшиеся в интернациональные банды. Все они не только воровали и мародерничали, добывая раненых и стаскивая с убитых сапоги, но при случае могли напасть и на отдельные воинские части.

Оставлять рушукскую группировку противника у себя в тылу было никак нельзя. Поэтому перед великим князем Александром Александровичем ставилась первоочередная задача — овладеть крепостью в кратчайшие сроки. Затем отряду предстояло штурмовать Никополь и, двигаясь вперед, взять под контроль важный перевал через Балканы у Шипки. Для выполнения поставленной задачи 10 июля отряд, сосредоточив главные силы на реке Янтре и выдвинув авангард к Обретенику, взял направление на Рушук. Но уже 12 июля неудача основных русских сил под Плевной и передового отряда генерала Гурко заставили командующего Рушукским отрядом приостановить наступление. «Грустно, страшно и тяжело, но не следует падать духом и Бог нам поможет, я уверен, выйти из этого положения... Что еще более грустно, это та страшная потеря в войсках и сколько несчастных наших раненых в руках этих извергов», — пишет в эти дни Александр отцу (*ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 732. Л. 69, 69 об. Письмо от 21 июля 1877 г.*).

Из Тырнова пришло неутешительное распоряжение от начальника штаба главнокомандующего генерал-адъютанта А. А. Непокойчицкого: «... Великий князь, Главнокомандующий приказал, чтобы предположенное движение Рушукского отряда было отложено до разъяснения положения дела у Плевны и до сосредоточения остальных войск 4-го армейского корпуса; о времени выдвижения последует особое приказание Главнокомандующего.

Если же движение уже началось, то обратить его в усиленную рекогносцировку, а затем войскам Рушукского отряда занять такое положение, чтобы большая часть его сил была сосредоточена и готова встретить турок в случае наступления их армии из Шумлы...» (*Сборник материалов по русско-турецкой войне. Вып. 27. СПб., 1900. С. 95–96*).

Войска цесаревича заняли оборонительную позицию по левому берегу реки Кара-Лома.

* * *

Потери русской армии во время двух неудачных штурмов Плевны превысили 15 тысяч человек, в то время как турки потеряли всего 3,5 тысячи. Неудачи посеяли неуверенность в командовании, решившем во избежание дальнейших неприятностей перейти к обороне. Из России затребовали дополнительные силы и стали ждать подхода союзной румынской армии под личным предводительством князя Карла.

Не добилась значительных успехов и кавказская армия великого князя Михаила Николаевича, также перешедшая к обороне.

Первый энтузиазм, с которым добровольцы отправлялись на помощь братьям славянам, исчез. Вместе с лишениями, кровью и страданиями пришло понимание, что воевать приходится с умным, хорошо вооруженным противником. Да и настроения местного населения не всегда оправдывали изначальный оптимизм русских спасителей Болгарии...

«Не знаю, что будет дальше, но до сих пор болгары не вызывают моей симпатии: что за глупые физиономии с черепами редькой кверху, — сокрушался лейб-медик Александра II, замечательный русский клиницист Сергей Петрович Боткин. — Сегодня были мы все в церкви, — служили наши придворные певчие и поп; много собралось болгар, и все-таки я не видел таких лиц, которые примирили бы меня с этой нацией; кроме этого нужно признаться, что большой радости и гостеприимства русским они не показывают» (*Боткин С. П. Письма из Болгарии. СПб., 1893. С. 82*). Зато плененные враги вызывали симпатию русского доктора: «Турки народ крепкий и много у них красивых; без всякого сомнения, они смотрятся гораздо интеллигентнее и даже добродушнее наших братушек» (*Там же. С. 307*).

Мнение профессора Боткина не было исключением. По письмам другого участника войны: «От солдата до генерала вы только и слышите, что не стоят братушки понесенных трудов и пролитой крови наших воинов... Изобилие замечается у болгар во всей жизненной обстановке, а спроси чего-нибудь у них — один неизменный ответ: «Нету, братушка!..» (*Исторический вестник. 1900. Сентябрь. С. 907*).

Русская армия мужественно сносила лишения и сдерживала наступление противника. Турецкая армия перешла в наступление на Шипку, которое обернулось пятимесячной осадой. Героическая оборона Шипки русскими войсками получила название «Шипкинского сидения». Несмотря на большие потери (только от переохлаждения здесь ежедневно погибало до 400 человек), Шипка не сдалась вплоть до перехода русской армии в общее наступление в январе 1878 года. Все это время генерал Ф. Ф. Радецкий свой ежедневный рапорт о положении дел на Шипке заканчивал одной фразой: «На Шипке все спокойно». Героизм русских солдат не пропал даром — оборона Шипки не позволила соединиться двум крупным группировкам турецких генералов Сулеймана-паши и Мехмета-Али.

В разгар летних боев на Шипке командующий Восточной армией осторожный Мехмет-Али, ожидая успеха от Сулеймана-паши, предпочел занять выжидательную позицию. Когда же стало очевидно, что осада Шипки затягивается, Мехмет-Али начал наступление на Рушукский отряд 9 августа 1877 года Главнокомандующий великий князь Николай Николаевич-старший телеграфировал цесаревичу: «Бой у Шипки продолжается до сих пор, хотя несколько приступов отбито; будь готов встретить неприятеля в случае, если он пойдет на тебя. Николай» (цит по: *Шевелев А. А. Некоторые материалы к истории жизни и царствования великого царя-миротворца Александра III Александровича. Т. 3. С. 28*).

* * *

20 августа разведчики сообщили командующему Рушукским отрядом, что Мехмет-Али с главными силами движется к селению Кацелово, на правом берегу Кара-Лома, стремясь разгромить 13-й корпус раньше, чем к нему на подмогу сможет успеть 12-й корпус великого князя Владимира. Турецким авангардом руководил дивизионный генерал Фауд-паша, имевший в распоряжении свыше пятидесяти двух кавалерийских эскадронов.

Цесаревич в сопровождении начальника штаба Ванновского, генерал-лейтенанта барона А. Ф. Дризена и начальника 33-й пехотной дивизии генерал-майора А. А. Тимофеева объехал передовые линии. Селение Кацелово занимало левый фланг позиции, а

в центре, на левом берегу Кара-Лома, находилась деревня Аблово. Обрывистый, поросший кустами берег отвесно поднимался над рекой на высоту до трехсот метров, кое-где виднелись слоистые террасы и узкие ложины. На реке были разбросаны водяные мельницы и деревянные мостки.

24 августа с самого утра у местечка Аблово началась артиллерийская дуэль. Войска Мехмета-Али пошли в атаку. Турки перешли Кара-Лом и рассыпались по виноградникам, часть из них вошла в Аблово, с высот которого открыла интенсивный ружейный огонь, отрезав русским батальонам путь для отхода.

Русские батареи картечью и гранатами попытались выбить турок, но те успешно укрывались в виноградниках. Положение становилось критическим. В этот момент генерал-майор Тимофеев, обнажив шашку, поднял цепи Бессарабского полка, увлекая их в отчаянную атаку. Несколько рот Копорского полка в штыковой атаке смяли противника, а артиллерия сосредоточила огонь по переправе.

День был на исходе, когда на противоположном берегу показался турецкий парламентар, просивший перемирия, чтобы по мусульманскому обычаю, до захода солнца, похоронить убитых.

В донесении о бое 24 августа генерал-лейтенант барон Дризен одержанную победу полностью приписывал «стойкости и храбрости офицеров и солдат, которые дрались против в четыре раза сильнее врага под начальством турецкого главнокомандующего Мехмета-Али-паши, численность войска которого доходит до 60-ти таборов пехоты, с 60-ю орудиями, двух тысяч черкесов и нескольких полков кавалерии» (*Там же. Т. 3. С. 33–34*).

На поле кровопролитного боя осталось 53 русских офицера и 1248 солдат... На следующий день в Копровице Александр писал в письме к жене: «25 августа провел я ужасный день и никогда его не забуду...» (*ТАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 707. Л. 58*).

Однако, остановив противника под Аблово, цесаревич не мог не понимать, что турецкая армия продолжает оставаться грозной силой. Если бы Мехмет-Али предпринял попытку удара в центр наших позиций, то прорыв противника оказался бы неминуем и тогда перед ним открывалась бы прямая дорога к Шипке. В этих условиях принимается непростое решение об отступлении. Войскам предстоял сложный фланговый маневр.

Генерал-лейтенант Дризен, окруженный с трех сторон, должен был отступать по единственной в ущелье узкой дороге. Его задача осложнялась тем, что дорога оказалась забитой подводами с ранеными и снаряжением.

Великому князю Владимиру предписывалось скорым маршем идти с севера на юго-запад, подставляя противнику левый фланг. Генерал-лейтенант А. Ф. Ган следовал с юга на северо-запад. Дожди и размытые дороги значительно задерживали передвижение войск.

Отдав приказ по войскам, цесаревич перенес свой штаб в Копровице, на поддороге до Белы, где должен был сосредоточиться 13-й корпус Дризена.

К ночи в штаб Александра Александровича стали поступать тревожные сообщения, что турки прорвали центр русских позиций и находятся в Широко. Это отрезало войска 12-го корпуса великого князя Владимира от Александра. Неутешительные сведения привез адъютант и от генерала Дризена, прочно застрявшего в ущелье среди лазаретных повозок. Таким образом, на пути стотысячной турецкой армии оказался

лишь штаб командующего Рушукским отрядом, без войск, лишь с небольшим казачьим конвоем.

На экстренном совещании каждый из штабных офицеров предлагал свое решение проблемы. Граф И. И. Воронцов-Дашков предлагал командующему срочно отправиться в 13-й корпус. П. С. Ванновский, беспокоясь о судьбе великого князя, предложил более безопасный путь на юг, навстречу отряду генерала А. Ф. Гана.

Выслушав все точки зрения, Александр Александрович спокойно заметил, что предложения касаются только того, что делать именно ему. А о войсках как будто забыли... Цесаревич распорядился немедленно прекратить пустые разговоры и начать заниматься делом. В первую очередь Александр потребовал внимательно проверить полученные ночью сведения, разослав по всем направлениям разъезды во главе с адъютантами.

Александр Александрович оказался прав: панику посеяла банда черкесов, грабившая отставших солдат. Вскоре в Копровицу подошли и войска барона Дризена, который, отступая с позиций, оставил там разъезды казаков, запаливших множество костров. Турки, смущенные таким количеством бивуачных огней, не решились на ночную атаку, дав возможность Дризену расчистить дорогу и в полном порядке совершить сложный маневр.

Маневр, проведенный русскими войсками под Аблово, не был простым отступлением армии, потерпевшей поражение. Напротив, военначальник, выигравший тяжелый бой, отходил, чтобы, соединив все свои ресурсы, с новой силой воевать с более многочисленным противником.

Как и при всяком отступлении, на долю войск выпало немало трудов, бессонных ночей и голодовок. Нередко полки и батальоны приходили на ночлег глубокой ночью с тем, чтобы, едва забрезжит рассвет, вновь двигаться дальше. Размытые проливными дождями дороги, непроглядная мгла южной ночи, громадные обозы, толпы болгар, шайки мародеров, следовавших за войсками, замедляли движение, раздражая и без того утомленных людей.

Только благодаря хладнокровию и спокойной распорядительности командующего великого князя Александра Александровича войска Рушукского отряда смогли сохранить полный порядок и осуществить сложный фланговый маневр практически незаметно для противника. Недаром фельдмаршал Мольтке считал маневр Рушукского отряда после Абловского боя одной из лучших тактических операций XIX века (*Назаревский В. В. Царствование императора Александра III. М., 1910. С. 33*).

* * *

Черты характера цесаревича нашли свое отражение и в его руководстве боевыми операциями. В Рушукском отряде не было лихих кавалерийских атак: твердо, надежно стояли армейские полки, возглавляемые Александром. Но в письмах к своей любимой Минни он раскрывается еще с одной стороны, о которой, может быть, даже не догадывались его подчиненные: в каждой строке чувствуется грусть, усталость, тоска по любимой, детям.

«Обнимаю тебя, моя душка Минни, и благодарю Господа всею душою за то счастье, которое он послал в эти одиннадцать лет. Вспоминаю с радостью тот счастливый день 11 июня, в милом Фреденсборге, который решил нашу судьбу...

Моя милая душка Минни, не грусти и не печалься, и не забывай, что я не один в таком положении, а десятки тысяч нас, русских, покинувших свои семейства за честное, прямое и святое дело по воле Государя и благословению Божьему. Господь да благословит нас всех, а ты молись за меня, и Господь, верно, не оставит нас...

...Иногда становится тяжело и грустно здесь одному, и думаю о своих, и как бы хорошо было бы быть всем вместе, но это, конечно, когда стоишь так долго на месте и ждешь, все ждешь, когда-то будет дело. Иногда у меня положительно бывает тоска по родине, но я стараюсь прогнать от себя подобные чувства, и не следует давать им волю, тем более что сколько десятков тысяч людей в таком же положении, как и я, а служат и идут куда прикажут...» (ТА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 707. Л. 21).

Сосредоточив оба корпуса на небольшом участке фронта, Александр ожидал наступления турок. 9 сентября 1877 года разгорелся бой под местечком Чаиркой, где войска цесаревича одержали серьезную победу (турки потеряли 1500 человек; наши потери составили 500 человек), имевшую несколько важных последствий. Во-первых, на следующий день после поражения началось отступление турецкой армии, стоящей против Рушукского отряда. Таким образом, в один день противник потерял все, что с большими жертвами смог добиться за август месяц. Во-вторых, генерал Мехмет-Али, обвиненный в поражении, был смещен, а его место занял Сулейман-паша, значительно уступавший предшественнику в тактическом искусстве. Сократилась и общая численность неприятельской армии, из которой были выведены египетские войска, не проявившие стойкости и склонные к паническому бегству.

За руководство войсками в этих сражениях 15 сентября цесаревич был награжден орденом Святого Владимира первой степени (ТА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 42. Л. 1).

14 ноября 1877 года у Трестеника и Мечки произошел решительный бой, в котором победа вновь досталась русским солдатам. За бой под Трестеником 150 солдат получили Георгиевские кресты. Потери русских войск составили 24 офицера и 775 нижних чинов. Турки потеряли более трех тысяч человек.

Этим сражением окончилась активная боевая деятельность Рушукского отряда — Сулейман-паша, видя невозможность прорыва линии Трестеник–Мечки, больше не пытался штурмовать русские позиции.

* * *

Казалось, забыли о Рушукском отряде и в штабе Главнокомандующего великого князя Николая Николаевича-старшего. Там еще не могли прийти в себя после третьей неудачной попытки взять штурмом Плевну 27–31 августа. Потери русских были тяжелы: 2 генерала, 297 офицеров и 12471 нижний чин; союзная румынская армия потеряла около трех тысяч человек.

Александр, искренне беспокоившийся о каждом своем солдате, возмущенно писал Марии Федоровне: «Непростительно и преступно со стороны Главнокомандующего подобные необдуманные действия, и нет сомнения, что он должен будет отвечать перед всей Россией и отдать отчет Господу Богу за эту непростительную драму» (ТА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 707. Л. 85).

Отношения дяди Низи, как звали в семье великого князя Николая Николаевича-старшего, и племянника — цесаревича, наследника престола, не заладились с самого начала кампании. Александр не раз предлагал придать действиям Рушукского от-

ряда более активный характер, «так как чисто пассивная оборона допускает, при растянутости позиции, очевидную возможность разрыва оборонительной линии и все истекающие из сего невыгоды» (*Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Вып. 27. С. 32*). Главнокомандующий молча пренебрегал инициативой племянника. Николай Николаевич давно усвоил привычку с ироничной усмешкой наблюдать за наследником, считая его в душе неотесанным юнцом. Александр Александрович, в свою очередь, недолюбливал фатоватого дядюшку Низи, видя в великом князе и его окружении главных виновников наших неудач на фронте. После печальных событий конца августа 1877 года цесаревич написал отчаянное письмо отцу, предлагая ему взять на себя верховное командование русской армией: «Что ни говори, в полевом штабе царствует полный хаос... Прости мне, милый Па, оно не прилично, теперь Твой долг перед войсками и Россией» (*ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 732. Л. 81, 82 об. Письмо от 10 сентября 1877 г.*).

Отражением неприязненных отношений дяди и племянника стала серия статей, появившихся в журнале «Nouvelle Revue» в 1878 году. Исходили они от Николая Николаевича и серьезно обидели Александра. В письме к М. Т. Лорис-Меликову цесаревич сообщал: «Мне Государь писал, что по поводу статей в «Nouvelle Revue» он имел весьма неприятное и тяжелое объяснение с Николаем Николаевичем и что при этом он ему высказал всю правду, так что Государь прибавляет в письме: «Не знаю, что он делает теперь, но если будет проситься уйти, я его не удержу». Значит, Государь очень недоволен поведением своего брата, и я могу откровенно Вам признаться, что я очень рад, что, наконец, Государь энергично начал действовать с семейством, а то они позволяют себе все и безнаказанно. Теперь бы и старшему брату Государя [великому князю Константину Николаевичу], при удобном случае, тоже дать хорошего нагоняя» (*ГА РФ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 143. Л. 2*).

В дальнейшем, когда Александр станет императором, конфликт примет еще более острый характер. В письме к К. П. Победоносцеву цесаревич писал:

«Благодарю Вас, добрейший Константин Петрович, за Ваши длинные и интересные письма, которые меня очень интересуют, так как, кроме газет, мы ничего не получаем из России, а в частных письмах не все решаются писать правду...

Но Вас, конечно, более интересует знать, что делается у нас. Как Вы знаете, одновременно с большими успехами на Кавказе были, хотя и не столь блестящие, маленькие успехи и под Плевной и заняты были новые, весьма важные для нас позиции. Теперь, кажется, можно надеяться на полный успех под Плевной, но когда она сдастся — это решительно невозможно сказать и зависит совершенно от количества продовольствия, которое турки имеют в городе. Прорваться они не могут, и, во всяком случае, если даже и удалось бы им это сделать, то с громадной потерей и не много бы их ушло оттуда.

Теперь главный вопрос, что успеем мы сделать в нынешнем году и до чего довести в этом году кампанию. Что всего более нас беспокоит — это продовольствие армии, которое до сих пор еще шло кое-как, но теперь с каждым днем становится все более и более затруднительным, а фуража для кавалерии уже нет более в Болгарии, и приходится закупать все в Румынии, откуда доставка весьма затруднительна. Вам, конечно, известно существование жидовского товарищества для продовольствия армии; это безобразное товарищество почти ничего не доставляло войскам, а теперь почти уже не существует, но имеет сильную поддержку в полевом штабе...

Что касается моего отряда, то ничего нового, к сожалению, не могу Вам сообщить: стоим мы вот уже 6-й месяц на месте и ничего не можем предпринять до окончания дела под Плевной, и все наши резервы пошли в дело под Плевну, где теперь сосредоточена армия до 130 тысяч, вместе с румынами...

Хотя мы живем в Болгарии и принадлежим к действующей армии, а почти ничего не знаем, что делается в Главной квартире, а если что узнаем, то совершенно случайно от приезжающих оттуда, и то очень мало. Кажется, тот же сумбур и отсутствие всяких распоряжений продолжается, как и вначале, да и не может быть иначе при тех же условиях и с теми же личностями.

Да, невесело будет здесь оставаться в случае отъезда государя в Россию, что почти решено, после падения Плевны. Теперь все еще держалось только благодаря присутствию государя при армии, а не то бы наш главнокомандующий так бы напутал со своим милым штабом, что пришлось бы еще хуже нам. Мы все с ужасом смотрим на отъезд государя из армии при таких условиях, и что с нами будет, одному Богу известно. Грешно оставлять нашу чудную, дивную, дорогую армию в таких руках, тем более что Николай Николаевич положительно потерял популярность в армии и всякое доверие к нему. Пора бы, и очень пора, переменить главнокомандующего, а не то опять попадем впросак. Надежды мало, но Бог даст и будет перемена в военном начальнике. Какое впечатление произвела в Петербурге смерть бедного Сергея Максимилиановича?*

Простите, добрейший Константин Петрович, мое нескладное письмо. Мой усердный поклон Вашей супруге.

Дай Бог до скорого свидания.

Жму Вам крепко руку.

Искренне любящий Вас Александр».

(Тайный правитель России. К. П. Победоносцев и его корреспонденты. М., 2001. С. 45–46).

Наконец, 28 ноября пришло долгожданное известие о взятии Плевны. Император телеграфировал наследнику: «Ура! Победа полная. Осман-паша пытался сегодня утром прорваться через наши линии, по Виддинской дороге, но был отброшен нашими гренадерами обратно к Плевне, уже занятой нами, и принужден сдаться со всей своей армией. Ты поймешь и разделишь мою радость и благодарность Богу. Сообщи Владимиру и Алексею» (цит по: *Шевелев А. А. Царь-миротворец на войне 1877–1878 гг., его отношение к войне и военному делу. М., 1905. С. 51*).

Конечно, Александр не только сообщил братьям радостную новость, но и, отслужив благодарственный молебен со всем отрядом, выслал парламентаров к турецкому командованию, предложив тому, учитывая сложившиеся обстоятельства, сложить оружие. Хотя противник отказался капитулировать, турки были полностью деморализованы и более не пытались возобновлять активные военные действия. Рушукский отряд с честью выполнил поставленную задачу: не дал противнику за всю кампанию возможности для нанесения флангового удара по основным русским силам.

* * *

Великий князь Александр Александрович был награжден орденом Святого Георгия второй степени (30 ноября 1877 г.) и золотой саблей с бриллиантами (26 февраля 1878 г.). В манифесте Александра II от 30 ноября 1878 года говорилось: «... Рядом добле-

стных подвигов, совершенных храбрыми войсками вверенного Вам отряда, блистательно выполнена трудная задача, возложенная на Вас в общем плане военных действий. Все усилия значительно превосходящего численностью неприятеля прорвать избранную Вами позицию в течение пяти месяцев оставались безуспешными. Желая выразить чувства сердечной Нашей признательности за Вашу отличную храбрость и благоразумную распорядительность, доставившие войскам Нашим новую славу, Всемиловейше жалует Вас кавалером Императорского ордена Нашего Св. Великомученика и Победоносца Георгия 2 степени» (ТА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 46. Л. 1). Александр был горд наградой отца, в письме брату Владимиру он писал: «Я знаю, что я обязан моему теперешнему положению моим подчиненным, нашим доблестным войскам, исполнявшим свой долг до конца» (ТА РФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 378. Л. 84. *Письмо от 23 января 1878 г.*).

Война из-за никому не нужной и, как вскоре оказалось, вероломной Болгарии стоила России сотен тысяч жизней. Но благодаря грамотному командованию Рушукским отрядом его потери составили за всю войну, по подсчетам самого Александра на основании сводки Ванновского, 5842 человека, включая раненых (ТА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 371. Л. 248об.). Генерал Н. А. Епанчин, состоявший на службе трех императоров и не понаслышке знавший нелегкую боевую жизнь, писал, что цесаревич «был вне упреков и добросовестно исполнял свои нелегкие обязанности; в этот период проявились особенные черты его характера — спокойствие, медлительная вдумчивость, твердость воли и отсутствие интриг» (Епанчин Н. А. *На службе трех императоров. Воспоминания.* М., 1996. С. 95).

Александр был не только строгим, но и заботливым командиром: «Переходя за сим к состоянию войск вверенного мне отряда, имею честь уведомить Ваше Императорское Высочество, что в санитарном отношении оно удовлетворительное, причем люди имеют вид бодрый и здоровый. Дух войск хорош», — докладывал Александр главнокомандующему русской армией (*Сборник материалов по русско-турецкой войне. Вып. 27. С. 33*).

В письме к К. П. Победоносцеву цесаревич пишет: «Большую частью мой отряд выстроил себе землянки, в которых и тепло, и сухо, и устроены печки, так как разместить по деревням нет никакой возможности: так мало помещений в здешних селах и дома очень малы. Больных, слава Богу, значительно уменьшилось, и вообще санитарное состояние армии еще относительно в очень хорошем виде и жаловаться нельзя...»

Александр сам всегда занимал очень скромные помещения, пользуясь минимальным комфортом. Во время боевых действий солдатам разрешили не бриться, и цесаревич с удовольствием отпустил окладистую, густую бороду, которую будет носить до конца жизни. Он станет первым императором, позволившим себе соблюсти эту исконно русскую мужскую традицию.

Перед отъездом в Россию, сдавая командование Рушукским отрядом, Александр отдал прощальный приказ, в котором нашел слова, заставившие сильнее биться сердца простых русских парней, одетых в солдатские мундиры: «Расставаясь с войсками, которыми я имею честь командовать в течение шести с лишком месяцев, выражаю сердечную благодарность всем чинам отряда до солдат, свято и честно исполнившим свой долг в самое тяжкое время боевой службы. Вы были поставлены на страже успехов всей русской армии. На огромном пространстве вы сдерживали значительно превосходную числом и благоустройством неприятельскую армию, опирающуюся на грозные крепости. Все усилия отчаянно нападающего врага сломались о вашу доблестную стойкость

и непоколебимое мужество... Но, кроме неприятельской армии, вы вынуждены были неустанно бороться с невзгодами: знойным жаром, холодом, ненастьем, бездорожьем. Борьба невидная и не имеющая блеска боевых подвигов, но выйти из нее с честью могут только войска, сильные духом; и вы сильны, вы это доказали.

Никогда не забуду, что высокочтимой воинской наградой я обязан славной боевой службе войск Рушукского отряда, с которыми я делил труды и успехи и о которых на всю жизнь сохраню самое отрадное воспоминание» (*Шевелев А. А. Царь-миротворец на войне 1877–1878 гг. С. 55*).

Падение Плевны и события на главном театре военных действий позволили Рушукскому отряду покинуть опостылевшую оборонительную линию, и 1 января 1878 года последовал приказ перейти в наступление по направлению Разград, Рушук, Осман-Базар. Турецкая армия отступала по всем направлениям, и вскоре была взята Силистрия.

* * *

2 января 1878 года султан Абдул-Хамид II обратился к русскому императору с просьбой остановить наступление русских войск. Война была закончена. Передовые отряды генералов Гурко и Скобелева не дошли до Константинополя всего 12 километров...

Александр II от всей души желал осуществить заветную мечту поколений русских монархов и занять Константинополь. Однако Горчаков и военный министр Милютин возражали против этого шага, ожидая при таком раскладе дел неизбежной войны с Англией. Согласившись с их доводами, царь приказал оккупировать турецкую столицу лишь при высадке британского десанта. Но как только министры откланились, Александр вновь передумал, склоняясь к захвату Константинополя. Кончилось дело совершенно необычно: он телеграфировал оба приказа (*История дипломатии. Т. 3. С. 41*).

3 марта 1878 году в Сан-Стефано, на берегу Мраморного моря, был подписан мирный договор, согласно которому предусматривалась полная независимость Сербии, Черногории, Румынии. Болгария становилась автономным государством со своим правительством и армией. Турция обязалась вывести из Болгарии войска и «срыть» крепости. Кроме того, Россия получала от Порты денежную контрибуцию и ряд территорий: Ардаган, Карс, Баязет, Батум и три южных уезда Бессарабии. Договор объективно отвечал военно-политическим реалиям, сложившимся после войны. Однако западные страны единодушно были против его реализации. Вена, Лондон, Берлин выступили единой коалицией, направленной против России. Правительства этих стран особенно возмущало создание княжества Болгария, имевшего выход и к Черному, и к Эгейскому морям.

Россия оказалась на грани новой большой войны с Англией, Австро-Венгрией и Турцией. Позволить себе такую роскошь Александр II никак не мог: только что окончившаяся война уже стоила казне 1026 млн. рублей (*Толмачев Е. П. Александр II и его время. Т. 2. С. 101*), а безвозвратные потери армии составили 67 772 человека (*Золотарев В. А. В грядущее глядим мы сквозь былое. Война 1877–1878 гг. — апофеоз восточного кризиса. М., 1997. С. 219*).

В этих условиях русское правительство было вынуждено пойти на существенные уступки. Первого июня 1878 года в Берлине состоялся дипломатический конгресс, в работе которого приняли участие представители великих держав. Дипломаты Румынии и Греции допускались лишь на заседания, где обсуждались вопросы, непосредственно касавшиеся этих государств. Претензии Сербии, Черногории, Болгарии и Ирана не рас-

смащивались вообще. Напряженные споры, продолжавшиеся целый месяц, привели к подписанию 1 июля 1878 года Берлинского трактата, в значительной степени лишившего Россию плодов военной победы. «Берлинский трактат, — писал канцлер Горчаков императору, — самая черная страница в моей служебной карьере». Александр II приписал возле этих строк: «И в моей также...» (*Русская старина*. 1883. Октябрь. С. 179).

Цесаревич был возмущен лицемерием Англии и Австрии, сумевших без единого выстрела захватить для себя Кипр и Боснию с Герцеговиной. Он остро осознал, что политики без силы не бывает. Слабая Россия — легкая добыча просвещенных европейских правительств. Дипломатическая грязная кухня, продемонстрированная на Берлинском конгрессе, вызвала у Александра глубокое отвращение. Еще живы были в памяти картины страданий, боли, смерти, виденные им на полях сражений. «Я рад, что был на войне и видел сам все ужасы, связанные с войной, и после этого, я думаю, что всякий человек с сердцем не может желать войны, а всякий правитель, которому Богом вверен народ, должен принимать все меры, для того чтобы избежать ужасов войны» (*Витте С. Ю. Воспоминания*. М. 1960. Т. 1. С. 411). Эти слова Александр скажет, уже став полноправным хозяином Российской империи. Слова не разошлись с делом — все годы царствования Александра Россия прожила в мире. Народ оценил это в полной мере, назвав своего царя «Миротворцем».

* В состав Рушукского отряда входили:

12-й армейский корпус (командир — великий князь Владимир Александрович):

1. 12-я пехотная дивизия.

Полки: 45-й Азовский, 46-й Днепровский, 47-й Украинский, 48-й Одесский;

12-я артиллерийская бригада, 33-я артиллерийская бригада;

2. 12-я кавалерийская дивизия.

Полки: Стародубский драгунский, Белгородский уланский, Ахтырский гусарский, Донской казачий № 12, Донской казачий № 37; 19-я конно-артиллерийская батарея, Донская казачья № 5 батарея.

13-й армейский корпус (командир — генерал-майор Ган):

13-я пехотная дивизия.

Полки: 1-й пехотный Невский, 2-й пехотный Софийский, 3-й пехотный Нарвский, 4-й пехотный Копрский;

35-я пехотная дивизия.

Полки: 137-й пехотный Нежинский, 138-й пехотный Болховский, 139-й пехотный Зарайский;

8-я кавалерийская дивизия.

Полки: Астраханский драгунский, Вознесенский уланский, Лубенский гусарский, Донской казачий № 8, сотня Донского казачьего № 13 полка;

15-я конно-артиллерийская батарея, Донская казачья № 9 батарея.

Кроме того, в распоряжении начальника Рушукского отряда были прикомандированы: 7-й саперный батальон, две роты 2-го саперного батальона, дивизион лейб-гвардии Атаманского полка, скорострельная батарея.

Всего: 49 батальонов, 2 роты, 22 кавалерийских эскадрона, 19 казачьих сотен и 224 орудия

(Шевелев А. А. *Некоторые материалы к истории жизни и царствования великого царя-миротворца Александра III Александровича*. М., 1895. Т. 3. С. 23–25).

** Сергей Максимилианович Лейхтенбергский князь Романовский был смертельно ранен во время разведки 12 октября 1877 года.

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ТЕРРОРИЗМА (1878–1881 гг.)

Спустя девять месяцев после возвращения в Петербург 22 ноября 1878 года у Александра Александровича и Марии Федоровны родился младший сын Михаил. После лишений и неудобств военного бивака в Аничковом дворце заново началась спокойная, размеренная семейная жизнь. Командование гвардейскими частями, заседания Государственного Совета, встречи и беседы с высшими должностными лицами государства занимали большую часть времени цесаревича. Кроме того, сразу после прибытия в Петербург, в марте 1878 года, Александр принял на себя руководство комитетом по формированию русского Добровольного флота, создаваемого на случай войны с Англией.

Патриотическая инициатива Императорского общества содействия русскому торговому мореходству о покупке на частные средства нескольких быстроходных пароходов была одобрена императором Александром II, и цесаревич взялся за ее реализацию. В Москве был учрежден главный комитет для сбора пожертвований, и объявлена все-российская подписка.

Уже к маю 1878 года на собранные три миллиона рублей добровольных взносов в Германии были приобретены три современных быстроходных парохода — «Россия», «Москва» и «Петербург». 17 июля 1878 года, вооруженные артиллерией, укомплектованные командой, они стояли на Кронштадтском рейде, готовые выйти в море для несения дальнейшей крейсерской службы. Однако мирный исход Берлинского конгресса устранил угрозу новой войны, и новые крейсера, вместо боевых операций на океанских просторах, приняли участие в перевозке войск из Сан-Стефано в Одессу. Многие годы, до постройки Транссибирской магистрали, пароходы Добровольного флота оставались наиболее дешевым транспортом для перевозки грузов и пассажиров из Европейской России на Дальний Восток и Сахалин. Обратно в своих трюмах они везли китайский чай и другие товары, ранее доставляемые в Россию только иностранными пароходными компаниями.

Но текущие заботы и руководство Добровольным флотом не могли отвлекать Александра Александровича от грустных размышлений. Он хорошо понимал, что несколько пароходов Добровольного флота в случае войны с владычицей морей — Британией не составят серьезной конкуренции даже одному броненосному крейсеру и, в лучшем случае, годятся только для разведки и каперства. Не радовали и политические процессы, происходившие в стране. С каждым днем наследник престола убеждался в мысли, что в России наступает глубокий кризис, из которого очень непросто найти выход. «Грустное и страшно тяжелое положение», — поделился цесаревич в конце 1879 года своими настроениями с Победоносцевым (*Победоносцев К. П. и его корреспонденты. Т. 1. М., Пг., 1924. С. 1035*).

После возвращения с балканской войны наследник престола Александр Александрович постепенно начинает приобретать все больший политический вес, хотя его

взгляды и резкие высказывания нередко идут вразрез с мнением отца. Давнее противостояние Зимнего и Аничкова дворцов стало очевидным для окружающих. «Гатчиной последнего столетия» назвал П. А. Валуев Аничков дворец, в котором вокруг цесаревича собиралось оппозиционное политическое крыло (*Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел. М., 1961. Т. 2. С. 268*).

Да и сам император Александр II с грустью вынужден был признать, что либеральные реформы не привели Россию к благоденствию: среди крестьянства не утихали смутные речи о грядущем «черном переделе»; все громче заявляла о себе либерально-земская оппозиция, ширились студенческие беспорядки; из Третьего отделения поступали тревожные сведения о революционных террористических группах, готовящих покушения на самого царя.

Наиболее близкая по духу Александру II «либерально-прогрессивная» партия, возглавляемая младшим братом императора великим князем Константином Николаевичем, военным министром Д. А. Милютиным, председателем Комитета министров П. А. Валуевым, настаивала на продолжении реформ. Они были убеждены, что только проводимое сверху — с царского престола — преобразование феодальной России в буржуазную страну по европейской модели сможет сохранить институт самодержавия и вывести страну из социально-политического тупика. Они надеялись умиротворить общество либеральными реформами, говоря о возможности выработки конституции, созыве выборов представителей.

Впоследствии Д. А. Милютин писал: «Я доказывал, что недоконченность начатых реформ и отсутствие общего плана привели к тому, что по всем частям государственного организма ощущается полный хаос» (*Дневник Д. А. Милютина. М., 1950. Т. 4. С. 57*).

П. А. Валуев убеждал в необходимости положить конец пассивности благонамеренного большинства населения и предлагал создать некую трибуну, с которой можно было бы высказывать свои взгляды и тем самым противодействовать революционной агитации.

Великий князь Константин Николаевич в подтверждение своих доводов о целесообразности дальнейших реформ ссылаясь на вековой опыт предков — русское государственное право, вече, Боярскую думу, земские соборы допетровской эпохи (*Татищев С. С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 584*).

Цесаревич Александр Александрович с большим предубеждением относился к подобным инициативам и конституционным проектам, считая, что попытки введения народного представительства в России ни в коем случае не приведут к желаемой цели и, вместо того чтобы вызвать успокоение в обществе, еще более взволнуют незрелые умы. Взамен этих предложений он настаивал на более реальном, по его мнению, для России варианте решения внутривластного кризиса: установление временной диктатуры «одного ответственного пред Государем руководителя», который всеми возможными средствами будет вести борьбу с нарастающим революционным движением. Вокруг такого диктатора должны были, по мысли цесаревича, консолидироваться все здоровые монархические и националистические силы.

По мнению цесаревича, основные беды существующего режима происходили от отсутствия единой стратегии в действиях силовых ведомств, первейшей обязанностью которых как раз и было наведение порядка в стране и борьба с революционной смутой. Придворные консервативные круги желали видеть в роли такого диктатора самого це-

саревича, но император полагал, что Александру еще не хватает политического опыта и мудрости.

При Дворе сформировалась группа консервативных высокопоставленных чиновников, симпатизирующих цесаревичу. «Их главой и защитником неограниченного абсолютизма был наследник престола, — писал французский дипломат Морис Палеолог. — Аничков дворец стал их генеральным штабом. Там не уставали говорить, что политика реформ является отрицанием царской власти, что она ведет Россию к гибели, что она не только губительна, но и кощунственна, так как государь, своими собственными руками уничтожал ту власть, которая была дана ему Богом. В Аничковом дворце, пользуясь каждым поводом, повторяли слова Николая I: «Склонившись перед первыми требованиями французской революции, Людовик XVI изменил своему самому священному долгу. Бог наказал его за это» (*Палеолог М. Роман императора. М., 1990. С. 68*).

* * *

Одним из лидеров консервативной партии стал бывший наставник цесаревича Константин Петрович Победоносцев. Между цесаревичем и Победоносцевым выработалась своеобразная манера эпистолярного общения: Победоносцев посылал краткий письменный доклад по тому или другому делу, Александр Александрович возвращал послание с краткой резолюцией. По содержанию резолюции определялась дальнейшая судьба дела: или оно предавалось забвению, или облекалось в законодательные формы.

К. П. Победоносцев всячески поддерживал своего бывшего ученика. Острый публицист, прекрасно владеющий пером, Победоносцев в своих статьях пламенно выступал против введения в России даже минимальных начал парламентаризма и народного представительства. В то время для цесаревича мнение Победоносцева являлось одним из самых авторитетных, и он охотно прислушивался к советам учителя.

Долгие годы на личность Победоносцева был наклеен ярлык с хлесткой характеристикой «мракобес». Его обвиняли в невежестве, косности, крайнем национализме и фанатичной религиозности. Победоносцеву, крупному юристу, почетному члену пяти российских университетов, Французской академии, отказывали не только в эрудиции и образованности, но даже в природном уме, способности четко излагать свои мысли.

Конечно, личность Победоносцева не столь одиозна и требует объективной оценки. На наш взгляд, наиболее точно обер-прокурора характеризуют взвешенные слова умного современника, государственного секретаря А. А. Половцова: «Говорит он [Победоносцев] адвокатским красноречием, думая об одном: как бы добиться своего и напасть на противнику. Победоносцев в речи своей достиг той простоты, которая почитается верхом совершенства. Говорит плавно, естественно, в его речи нет ничего напыщенного, изложение несколько дидактично, но весьма привлекательно. Самая же сущность весьма недальновидна и характеризует узкого моралиста, а никак не широкого политика. Вся беда, что такому честному, примерно образованному, но крайне одностороннему во всем человеку выпадает несоразмерная его силам доля участия в истинно государственных вопросах» (*Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. 1883–1886. М., 1966. Т. 1. С. 80*).

В некрологе, напечатанном в 1907 году в четвертом выпуске «Исторического вестника», о К. П. Победоносцеве говорилось: «Скончавшийся 10 марта сего года член Государственного Совета и бывший обер-прокурор Священного Синода Константин Петрович Победоносцев представляет собою в нашей столь небогатой выдающимися личностями жизни явление необычайного порядка. К его имени в течение с лишком четверти века приковывалось внимание современников, оно не сходило со столбцов нашей печати, одни его ненавидели и проклинали, другие славословили, перед ним преклонялись и его благословляли: одни в нем видели ангела-спасителя России, другие — ее злого гения. Безразлично к нему никто не относился. Он был определенным историческим знаменем, которое рвали буря и непогоды, вокруг которого кипели страсти и борьба» (*Исторический вестник. 1907. Апрель. Б. Глинский. К. П. Победоносцев. Материалы для его биографии*).

К. П. Победоносцев родился в 1827 году в семье профессора словесности Московского университета. Его дед был простым сельским священником в подмосковном Звенигородском уезде. Закончив в 1846 году Училище правоведения, Победоносцев поступил на службу в московский департамент Сената; в 1860–1865 годах занимал кафедру гражданского права в Московском университете. С 1861 года он преподавал великим князьям Николаю, Александру и Владимиру законоведение.

Служебная карьера Победоносцева складывалась неспешно, но основательно: в 1865 году Победоносцев был назначен членом консультации Министерства юстиции, в 1868 году — сенатором, в 1872 году — членом Государственного Совета. В 1880 году Победоносцев стал обер-прокурором Священного Синода.

Формально в обязанности этого высокопоставленного чиновника входило осуществление постоянных контактов Синода с высшими государственными учреждениями — Комитетом министров, министерствами, Государственным Советом. Победоносцев намного расширил этот перечень: обер-прокурор Священного Синода стал мощным аналитическим центром, куда стекались ходатайства, проекты, записки, информационные сообщения. Среди его корреспондентов — представители всех слоев общества, от самых именитых до никому не известного секретаря мирового съезда, сочинившего проект университетского устава, или игумены, негодующей на разрешение оперных спектаклей во время Великого поста.

К. П. Победоносцев воспринимал свою государственную деятельность как крест, который он, православный христианин, обязан нести до конца, беспощадно сражаясь с врагами веры, самодержавия, русской народности. А таких врагов у обер-прокурора Синода было великое множество...

«Дела так много в России — созидательного, великого дела — для всех и каждого: и когда мы дождемся, что каждый может спокойно посвятить себя своему делу? — вопрошал Победоносцев в проекте доклада по поводу объявления амнистии политическим эмигрантам. — Я не обманывался, когда говорил, что ныне, от государственного человека до последнего гимназиста, все заняты толком о политических делах и государственных переменях, сплетнями и слухами смущают душу; главная тому причина — я убежден в том — газеты и журналы наши, и не могу не подивиться слепоте и равнодушию тех государственных людей, которые не хотят признавать этого и не решаются принять меры к ограничению печати. Я был всегда того мнения, что с этого следует начать, но никто не хочет согласиться со мной» (*Победоносцев К. П. Письма и записки. М., 1923. Т. 1. С. 69–70*).

Последняя фраза доклада довольно примечательна: в годы правления Александра II Победоносцев имел весьма незначительное влияние на текущие политические дела, прямо не касающиеся его ведомства, скорее являясь глашатаем консерваторов. О реализации намеченных Победоносцевым контрреформ пока мечтать не приходилось.

* * *

Пока правящая элита соревновалась в искусстве подковерной борьбы, Александр II пребывал в постоянных сомнениях о выборе дальнейшей стратегии. Для него, как и для многих его министров, было очевидно, что Россия приближалась к глубокому социально-политическому и экономическому кризису. Спасти страну от анархии могли только решительные действия, сплочение всех проправительственных сил вокруг императора. Но Александр II не был уже тем энергичным и смелым политиком, который начинал исторические реформы шестидесятых годов. Незаметно он превратился в уставшего человека с потухшими глазами, разочарованного в своих надеждах и разуверившегося в людях.

Слабость правительства немедленно отразилась на росте числа политических преступлений. Много шума наделало покушение, а еще — более последующий суд над Верой Засулич, выстрелившей в петербургского градоначальника генерал-адъютанта Ф. Ф. Трепова и оправданной судом присяжных*. 24 мая 1878 года в Киеве убит жандармский штабс-капитан барон Г. Э. Гейкинг; среди бела дня 4 августа того же года близ Зимнего дворца был заколот кинжалом шеф жандармов генерал-адъютант Н. В. Мезенцев. 9 февраля 1879 года террорист застрелил из револьвера харьковского генерал-губернатора князя Д. Н. Кропоткина, выходявшего из театра.

Известный революционер-боевик Н. А. Морозов создал настоящий панегирик террору: «Политическое убийство — это единственное средство самозащиты при настоящих условиях и один из лучших агитационных приемов... Террористическая борьба представляет совершенно новый прием борьбы... Она казнит только тех, кто действительно виновен в совершающемся зле. Террористическая революция представляет поэтому самую справедливую из всех форм революции. Она представляет в то же время и самую удобную ее форму. С незначительными силами она дает возможность обуздать усилия до сих пор непобедимой тирании» (*Будницкий О. В. История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов-на-Дону. 1976. С. 91*).

Террор стал основным средством революционной борьбы, главная цель которой было убийство императора. Казалось, вся страна замерла в состоянии напряженного беспокойства, страха, неуверенности в завтрашнем дне.

Эпоха русского политического террора начинается с солнечного весеннего утра 4 апреля 1866 года, когда у ворот петербургского Летнего сада суетливый молодой человек пытался застрелить из пистолета Александра II.

В тот раз пуля пролетела мимо царя. Покушавшийся сначала был зверски избит законопослушными свидетелями происшествия, а затем арестован и доставлен в III Отделение. Его звали Дмитрий Каракозов. Высокий худой человек 26 лет. Малоприметное лицо — тонкие губы, жиденькие, короткие усики, нездоровые мешки под бегающими глазами.

До этого Россия знала дворцовые перевороты, были убиты императоры Иоанн VI, Петр III и Павел I, но впервые целью покушения становился не захват власти, не попыт-

ка изменить династический порядок, а некая абстрактная и плохо сформулированная политическая идея.

Феномен русского революционного терроризма имеет сложную поливалентную природу. Большинство исследователей в вопросе происхождения и сущности революционного экстремизма традиционно ориентируются на социально-экономические обоснования.

Цесаревич Александр Александрович придерживался иной точки зрения — он отказывался признавать революционеров нормальными людьми, которые могут жить обычной жизнью, которых можно убеждать и с которыми можно вести переговоры.

«Это записка даже не сумасшедшего, а чистого идиота» — резолюция Александра III на программе партии «Народная воля», сочиненной Александром Ульяновым в Петропавловской крепости, долгие годы служила советским историкам поводом для утверждений об ограниченности императора (*Паляков А. С. Второе 1-е марта. Покушение на Александра III в 1887 г. М., 1919. С. 14*). Однако исследования современных психологов заставляют иначе посмотреть на диагноз, поставленный Александром III русским революционерам.

Свой поступок Каракозов сбивчиво объяснил психическим расстройством: «Я был человек болезненный, нервный и вместе с тем нерелигиозный, — конечно, весьма естественно, что у меня родилась мысль о самоубийстве; в то же время я был в университете, а, как известно, все студенты читают прокламации. Очень естественно, что при таких обстоятельствах у меня родилась склонность к преступлению» (*Политические процессы шестидесятых годов. М., 1928. Т. 1. С. 17*).

Дмитрия Каракозова с юности отличали повышенная мнительность, склонность к ипохондрии, болезненность. Он старался избегать шумных компаний, разговор с немногими знакомыми неизменно сводился к его недугам и мыслям о самоубийстве, он много пил и принимал наркотики. Мысль о собственной смерти доводила Каракозова до иступления, он продумывал ее тысячи раз, не оставляла она его и накануне покушения: «День и ночь, предшествовавшие совершению преступления, я провел в Знаменской гостинице и оттуда отлучался только для того, чтобы выпить водки. Водка была в этом случае средством отвлечь свои мысли от мыслей о смерти, которые постоянно бродили в моей голове. Ложился ли я спать, я думал, что уж не проснусь. Голова горела как в огне. Нет слов, чтобы описать это болезненное, мучительное состояние, в котором я находился» (цит. по: *Ковалев В. А. Заложники заблуждения. М., 1995. С. 23*).

Подобное состояние заставляло Каракозова часто обращаться к врачам. За несколько месяцев до покушения, 11 ноября 1865 года, он поступил в клинику Московского университета с жалобами на боли в желудке и позвоночнике, частые запоры, быструю утомляемость и дурное расположение духа. После обследования, врачи поставили диагноз: желудочно-кишечный катар, соединенный с общим истощением в умеренной степени. При этом отмечалось, что умственные способности пациента оказались нормальными (*Политические процессы шестидесятых годов. Т. 1. С. 298*).

Готовясь к цареубийству, Каракозов положил в карман флакон с синильной кислотой, два грана стрихнина в пакетике и восемь порошков морфия, который периодически употреблял. Адвокат Каракозова А. П. Остряков на суде заявил: «Я далек от того, чтобы считать его совершенно сумасшедшим, человеком без формальной логической

последовательности в мыслях, но я желаю заявить ту мысль, что в момент совершения преступления он был в ненормальном состоянии...» Сам Каракозов охотно подтверждал слова защитника: «Я не был сумасшедшим, но был близок к сумасшествию; потом я со дня на день ожидал смерти. Вот в каком безобразном нравственном состоянии я находился» (*Там же. Т. 1. С. 263, 264*).

Однако судей мало интересовали душевные терзания подсудимого, и 3 сентября 1866 года Дмитрий Каракозов закончил свою жизнь на виселице.

Второе покушение на Александра II произошло в июне 1867 года во время посещения царем Всемирной выставки в Париже. Польский эмигрант Антон Березовский, о котором мы уже упоминали, два раза выстрелил в Александра, ехавшего в карете вместе с императором Наполеоном III, великими князьями Александром и Владимиром. Так в дневнике описывает это событие цесаревич Александр: «...Вдруг раздался сильный выстрел у самой коляски. Мы все переглянулись и догадались, в чем дело. Это был поляк, который выстрелил в нашу коляску в надежде убить Папа, но, слава Богу и Провидению, его выстрел не попал. Ранена была лошадь одного из шталмейстеров, который ехал с левой стороны коляски, именно откуда и был выстрел. Лошадь была ранена в морду, и кровь шла сильно так, что мы даже были забрызганы ею. Папа очень испугался, думая, что кто-то из нас ранен, но ничего не было. Мы проехали не останавливаясь. Негодяя схватили в ту же минуту, и народ чуть не разорвал его от злости...» (*ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 300. Л. 110об.*).

С того дня Франция и Париж стали для русского царя синонимами революционного беспредела. В 1870 году во время франко-прусской войны Александр II останется глух к отчаянным обращениям французского правительства, взывающего о заступничестве после жестокого поражения их армии.

Антон Березовский хотел отомстить русскому императору за разгром польского освободительного восстания 1863 года. Террорист был приговорен к пожизненной каторге, но пришедшая к власти Парижская коммуна освободила его. В знак признания заслуг Березовского перед мировым пролетариатом и революцией французские социалисты наградили поляка «почетным» револьвером.

2 апреля 1879 года в Петербурге было совершено третье покушение на жизнь Александра II, с очевидностью показавшее недостаточность полицейских мер против революционеров. В девять часов утра, когда император возвращался в Зимний дворец после ежедневной утренней прогулки, тридцатитрехлетний недоучившийся студент юридического факультета Александр Соловьев пять раз выстрелил в него из револьвера. Покушение вновь не удалось, хотя царская шинель оказалась простреленной в нескольких местах. Вернувшись во дворец, Александр II сразу распорядился отслужить благодарственный молебен. Толпа придворных, дворцовых служителей, офицеров гвардии и флота приветствовала царя.

Вечером цесаревич записал в дневнике: «Бог спас Папа удивительнейшим образом, и он вернулся домой невредимым... Папа взшел, раздалось такое «ура», что просто страшно было... Папа вышел на балкон, и вся масса народа приветствовала его единым «ура!». Вся площадь была наполнена народом целый день. Вечером была иллюминация... Благодарю Господа за чудесное спасение дорогого Папа от всего нашего сердца. Слава Тебе, Господи, слава Тебе». А через четыре дня с грустью сделал новую запись: «Сегодня мне пришлось в первый раз выехать в коляске с конвоем! Не могу выска-

зять, до чего это грустно и обидно! В нашем всегда мирном и тихом Петербурге ездить с казаками, как в военное время, просто ужасно, а нечего делать! Время положительно скверное, и если не взяться теперь серьезно и строго, то трудно будет поправить потом годами» (*ТА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 307. Л. 128*).

В отличие от Д. Каракозова, А. Соловьев успел принять яд, оказавшийся, впрочем, неэффективным**.

В тот же день террориста освидетельствовали медики: «...причем оказалось: свидетельствуемый около 30 лет, блондин, худощав, бледен, лицо слегка загорелое, волосы русые, усы немного рыжеватые, борода бритая; глаза серо-голубые, зрачки слегка расширены, общее выражение лица сосредоточенное, равнодушно относится ко всему окружающему; легкая испарина по всему телу, температура не возвышена, не понижена; пульс 130–133, полный, мягкий; в течение получаса свидетельствующего рвало слизистой жидкостью, окрашенной немного кровью. Через полчаса исследуемый сам встал с дивана, на котором сидел, и лег на другой, ни на что не жалуясь, кроме тошноты, на которую позывы довольно часты. Относительно умственных способностей преступника: они выражаются нормальными, но заметно угнетение вследствие содеянного преступления» (цит. по: *Ковалев В. А. Заложники заблуждения. С. 88*).

В городе Торопец, где будущий террорист учительствовал в местном уездном училище, за ним знали немало странностей. «Вообще я считаю его за юродивого, — признавалась свидетельница Е. Е. Михаэлис. — Шалости его иногда доходили до того, что он зимой выходил из дому босиком и в одной сорочке».

В показаниях подсудимого имеются фрагменты, достойные учебника психиатрии: «Как тени проходят в моем воображении мученики за народ, фигурировавшие в целом ряде больших политических процессов и безвременно погибшие. Затем картины страданий братьев по убеждениям, томящихся в центральной тюрьме, — все это разжигает ненависть к врагам и побуждает к мщению...» (*Там же. С. 194–195*).

Мысли о братьях, томящихся в тюрьмах, не помешали Соловьеву провести ночь накануне покушения на квартире у дешевой проститутки, о чем он и поведал суду.

Тем не менее комиссия врачей-психиатров признала Соловьева вменяемым, хотя и обнаружила у него признаки сильнейшего психического потрясения. Министр юстиции Д. Н. Набоков в обвинительной речи нарисовал психологический портрет обвиняемого: «...мало развитый умственно, не выработавший в себе никакого определенного кругозора, без твердых убеждений, без знания жизни, Соловьев находился в то время в периоде того умственного брожения, которое представляет чрезвычайно благодарную почву для восприятия революционных идей, требующих, прежде всего, веры на слово, без проверки, без критики, без сомнений...» (*Там же. С. 203*).

* * *

Тем временем революционный психоз набирал силу. Под знамена русского революционного движения со всех концов страны стягивалось множество неуравновешенных, психически нездоровых людей, склонных к насилию, неадекватным решениям и поступкам.

19 ноября 1879 года в одиннадцатом часу вечера при подъезде к Москве у Рогожской заставы был произведен взрыв полотна железной дороги во время прохождения поезда, в котором, как ожидали революционеры, должен был возвращаться из Крыма

Александр II с семьей. Однако, на самом деле, царский поезд проследовал на час раньше — жертвами террористов стал состав, в котором ехала свита, прислуга и багаж. Взрыв был такой силы, что два паровоза и первый багажный вагон оторвались от состава, один багажный вагон перевернулся вверх колесами, а восемь вагонов сошли с рельсов. Лишь по счастливой случайности на этот раз обошлось без человеческих жертв, но несколько десятков человек получили ранения и ушибы.

Но так благополучно покушения заканчивались редко: жертвами террора становились десятки жандармов, чиновников, генералов во всех концах России. Нередко гибли и простые люди: во время пятого покушения на жизнь Александра II, организованного Степаном Халтуриним в Зимнем дворце 5 февраля 1880 года, погибли 11 солдат Финляндского полка, еще 56 гвардейцев были изуродованы. Следствие установило, что Халтурин, устроившись плотником в Зимний дворец, сумел пронести и спрятать в комнате подвального этажа около четырех пудов динамита, что равнозначно 320 килограммам пороха!

В шесть часов вечера предполагался семейный обед по случаю приезда принца Александра Гессенского с целью навестить долго болеющую сестру — императрицу Марию Александровну. Ввиду нездоровья государыни на обеде должны были присутствовать только самые близкие родственники императора и члены свиты.

Приглашенные к высочайшему столу собирались в малом зале рядом со столовой. Наследник Александр Александрович с супругой, великий князь Михаил Николаевич дожидались выхода императорской четы и гессенского гостя. Но по чисто случайной причине обед был отложен на полчаса: у принца Александра Гессенского остановились часы, и он опоздал. Террорист не знал об этой отсрочке...

«Великий князь Наследник был в состоянии крайнего нервного возбуждения, — вспоминала о событиях этого дня графиня Александра Андреевна Толстая, двоюродная тетка Л. Н. Толстого, более полувека прослужившая фрейлиной при четырех последних императорах. — Обращаясь ко мне, он сказал, что прежде всего Государь должен немедленно покинуть мерзкий Зимний дворец.

— Но это походило бы на бегство, Ваше Высочество, — отметила я, несколько удивленная его словами.

— Не важно, — возразил он, — все лучше, чем оставаться здесь» (*Толстая А. А. Записки фрейлины. М., 1996. С. 38*).

Спустя три дня состоялись похороны солдат Финляндского полка, погибших при охране Зимнего дворца. Император, подойдя к длинному ряду гробов, обнажил голову и тихо произнес: «Кажется, что мы еще на войне, там, в окопах под Плевной...»

* * *

Террористами не рождаются. Немало внешних причин, свойств характера должны сложиться в прихотливую мозаику, чтобы образовался специфический феномен русского революционера-боевика.

Участник покушения на Александра II, народоволец Александр Квятковский сделал любопытное признание: «Полная невозможность какой бы то ни было общественной деятельности на пользу народа, полная невозможность пользоваться сколько-нибудь свободой своих убеждений, свободой жить и дышать — все это заставило русских революционеров, русскую молодежь, по своим наклонностям самую гуманную, самую чело-

вечную, пойти на такие дела, которые противны по самому существу своему природе человека» (цит. по: Ковалев В. А. *Заложники заблуждения*. С. 303).

В известном смысле в этой высокопарной фразе профессионального убийцы лежит понимание многих проблем русской революции. Он вполне осознает всю противоестественность своих поступков, их абсурдность, но необходимость абстрактной общественной деятельности во имя не менее абстрактной социальной справедливости толкает его на преступление.

Было бы соблазнительно увидеть в психологии русского революционера девятнадцатого века, в мотивации его поведения — проявление болезни души униженного и оскорбленного человека или греховность помыслов и поступков уголовного преступника. Без сомнений, психика любого «человека бунтующего» имеет и элементы душевного заболевания, и симптомы криминальной психопатологии. Исследователи проблем современного терроризма считают, что большинство террористов — люди, обделенные в детстве материнским вниманием, перенесшие родовые или детские травмы, страдающие врожденными заболеваниями, инфантилизмом; нередко их детство протекало в тяжелых материальных условиях, они подвергались унижениям, долгое время не могли самоутвердиться. Часть из них — лица с ярко выраженными дефектами психики или физического здоровья, отягощенные комплексами неполноценности.

Последователи антропологической школы уголовного права, основанной итальянским судебным психиатром Чезаре Ломброзо, идут еще дальше, утверждая, что любое преступление является непрямым результатом проявления физико-конституционных особенностей человека, включая и имеющиеся у него психические аномалии. В основе разработанных ими типологий преступников лежат морфологические, физиологические и психопатологические характеристики физической неполноценности, дисфункций эндокринной системы, умственной отсталости, психопатических состояний.

Но среди русских революционеров всегда были и абсолютно адекватные, незаурядные и талантливые люди, с актерскими данными, любящие быть в центре внимания, нередко с выраженным синдромом нарциссизма, такие как эстетствующий организатор политического террора начала XX века, остроумный собеседник и талантливый писатель Борис Савинков или изобретатель реактивного снаряда Николай Кибальчич.

Впрочем, исключения лишь подтверждают правило. Подавляющее же число рядовых революционеров намного уступали по образу мышления, воспитанию, эмоциональной палитре чувств рядовому русскому интеллигенту — врачу, преподавателю гимназии, юристу, литератору. «Полуобразованные люди, если их много, представляют немалую опасность для любого общества в силу присущей им дезадаптации при остром желании преодолеть психологическую изоляцию и обязательно проявить себя, — считает исследователь проблемы терроризма Ю. Антонян. — Известная истина, что полуобразованные люди намного хуже совсем необразованных, к рассматриваемой ситуации подходит полностью и многое проясняет. Для них главным было утвердить себя, не важно в чем и как, показать свое неприятие непонятого и враждебного мира, наказать его. Поэтому среди террористов значительную часть составляли люди, которые могли просто ничего не знать о страданиях народа, не стремились освободить его, вообще не думали о нем и были чужды какой-либо идеологии...» (Антонян Ю. М. *Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование*. М., 1998. С. 74–70).

Русский революционер всегда отличался от обычного человека тем, что он знал Истину, знал, что необходимо этому обычному, среднему человеку — городскому обывателю, разночинцу, мелкому чиновнику, крестьянину. Он решил за них, что им необходима свобода, социализм, свержение самодержавия. А обыватель отнюдь не желал великих потрясений — ему нужно было спокойствие в государстве и порядок, чтобы растить детей, достойно дожить до старости и в свой черед мирно уйти из жизни. Этому учили его родители, Православная Церковь и здравый смысл, в достатке данный Богом русскому человеку.

Подобное столкновение интересов не могло не сказаться на групповой психологии революционеров, на приобретенной ими привычке думать и решать за всех, в осознание себя как «сверхлюдей», наделенных особыми качествами и достоинствами, не доступными земному суду. Божий суд, по причине революционного атеизма, ими и вовсе отвергался. Христианские заповеди, понятия веры, долга, надежды, любви к ближнему подменялись нечаевским катехизисом, базаровским нигилизмом.

Любая террористическая партия исповедует идеологию, в основе которой лежит та или иная сверхценная идея — верный симптом многих психических заболеваний. Нетерпимость к инакомыслию и фанатизм, порожденные максималистским социальным утопизмом, ненависть к существующему порядку вещей и мистическая вера в собственное мессианское предназначение — всегда являлись отличительными чертами отечественных революционеров.

Многие писатели, философы пытались объяснить происхождение русского революционного движения наличием специфической особенности национальной психологии, именуемой совестливостью. Эта нравственная категория подразумевает безусловную духовную и общественную справедливость как высшую нравственную ценность. За нее люди были готовы резать правду-матку в глаза самому батюшке-царю; за праведное, по их мнению, дело шли на каторгу и плаху. Несправедливость переживали тяжело, со слезами и долгими разговорами, заливая горе и душевную сумятицу водкой, верша судьбу пулей в висок. А несправедливости на Руси испокон веков хватало на всех...

Ф. М. Достоевский, много размышлявший над психологией революционеров, писал в «Бесах»: «На вопрос: для чего было сделано столько убийств, скандалов и мерзостей? — он [Лямшин] с горячей торопливостью отвечал, что «для систематического потрясения основ, для систематического разложения общества и всех начал; для того, чтобы всех обескуражить и изо всего сделать кашу, и расшатавшееся таким образом общество, болезненное и раскисшее, циническое и неверующее, но с бесконечною жадной какой-нибудь руководящей мысли и самосохранения, — вдруг взять в свои руки, подняв знамя бунта и опираясь на целую сеть пятерок, тем временем действовавших, вербовавших и изыскивающих практически все приемы и все слабые места, за которые можно ухватиться» (*Достоевский Ф. М. Собр. соч. в 12-ти т. М., 1982. Т. 9. С. 207*).

Духовное здоровье человека очень точно определяется его отношением к смерти. По этому показателю все русские революционеры были тяжело больные люди: насильственная смерть для них становится лишь средством достижения декларируемых политических целей. Создавался культ убийства — с упорством, достойным лучшего применения, революционеры шли на самопожертвование, охотясь за своими политическими противниками.

Убивая своих противников, боевики с мазохистским пренебрежением относились и к своей жизни, у многих из них проявляется противоестественная тяга к суициду. Самоубийство приобретает признаки повальной болезни, косящей стройные ряды революционеров-подпольщиков. Смерть — своя и чужая, становится постоянным спутником террориста, мысль о ее скором и неизбежном приходе доминирует в сознании. Ощущение близости смерти становится почти наркотическим: один раз изведавший это чувство, он вновь и вновь пытается испытать его.

Каракозову, Соловьеву, Халтурину, сотням других молодых террористов было незнакомо слово «любовь». Они оказались совершенно не готовыми для жизни в нормальных условиях: как правило, революционеры не имели семьи, серьезного образования, квалифицированной профессии. Потребность специфической героической романтики, обостренное ощущение социальной несправедливости переплетались в сознании террориста с игровыми моментами — необходимостью риска, опасных приключений, возможностью испытать себя в экстремальной ситуации. Игрой становились отношения с обществом, властью. В серую, банальную до вступления в подпольную группу, жизнь привносятся игровые компоненты: изменение внешности, частые переодевания, приемы конспирации, уход от преследования, владение личным оружием. Вчерашний неуспевающий студент, нищий семинарист самоутверждался в своей избранности, он ежечасно убеждался в уникальности собственной личности, с каждым удачным террористическим актом рос его авторитет среди членов подпольной шайки.

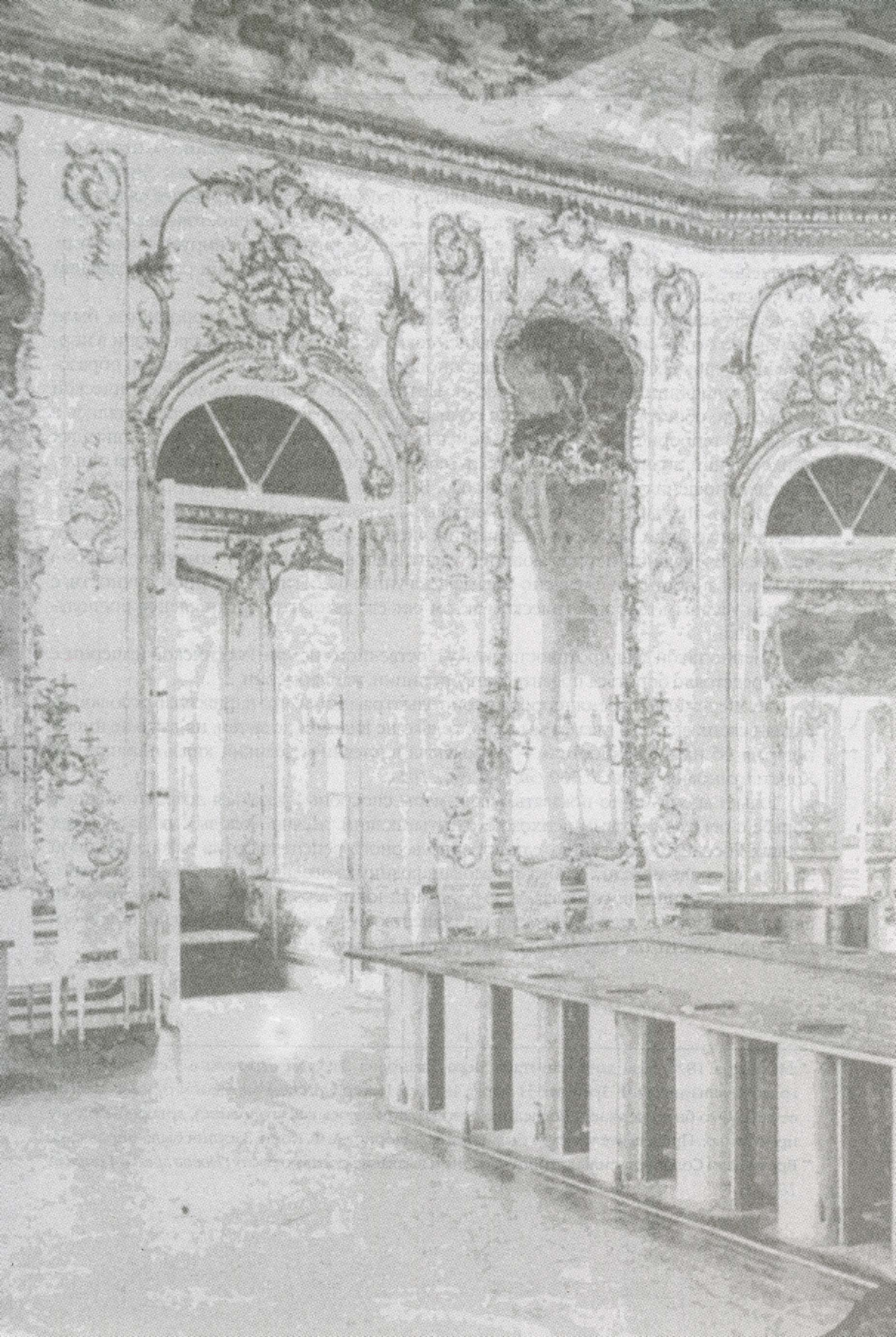
Именно такой враг противостоял государственной системе Российской империи; с ним предстояло бороться правительству, полиции, жандармерии.

«Мы переживаем время террора с той только разницей, что парижане в революции видели своих врагов в глаза, а мы их не только не видим и не знаем, но даже не имеем понятия об их численности...» — размышлял в дневнике великий князь Константин Константинович (*ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 16. Л. 101*).

Только время могло показать, какие меры способны оказаться эффективными в борьбе с революционным психозом, охватывающим тысячи молодых людей во всех концах России. К сожалению, единственно верного рецепта против революционной заразы не существовало... А пока, по словам французского дипломата Эжена-Мельхиора де Вогюз, «полиция, сознавая свою беспомощность, теряла голову; государственный аппарат действовал лишь рефлекторно; общество чувствовало это, жаждало новой организации власти, ожидало спасителя» (цит. по: *Толмачев В. П. Т. 2. С. 222*).

* 24 января 1878 года дочь капитана Вера Ивановна Засулич стреляла в Петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова. 31 марта 1878 г. в Петербургском окружном суде слушалось ее дело. Это было первое и последнее дело (трактовалось как уголовное), доверенное суду присяжных. Председателем суда был известный юрист А. Ф. Кони. Засулич была оправдана.

** Врачи дали Соловьеву сильное противоядие и вызвали кровавую рвоту (*Новое время. 4 апреля 1879 г.*).

ФАВОРИТКА

Монархическая форма правления подразумевает корпоративное, семейственное единение династии для сохранения власти ее представителей, защиты интересов каждого члена владетельной фамилии. Еще Павел I, цесаревичем переживший страх лишиться права на трон, предложил четкую систему наследования российского престола. «Все лица, происшедшие от Императорской крови в законном, дозволенном царствующим Императором, браке с лицом соответственного по происхождению достоинства, признаются Членами Императорского Дома», значилось в «Учреждении об Императорской фамилии» — основополагающем разделе первого тома «Свода Законов Российской империи» (*Полный Свод Законов Российской империи. СПб, 1911. Т. 1. Раздел II. Глава I. Ст. 126*). Но уже его сын цесаревич Константин Павлович внес немалую сумятицу в престолонаследие, предпочтя морганатический брак нелегкому бремени царской власти*.

С годами «Учреждение об Императорской фамилии» приняло четко регламентированную форму взаимоотношений всех членов Дома Романовых. Кроме степеней родства, именования титулов, описания гербов и «прочих внешних преимуществ» подробно оговаривалось материальное содержание членов императорского Дома, их династические права и обязанности. Большой раздел «Учреждения» занимали вопросы, связанные со вступлением в брак, брачными договорами и приданым невест, а также с расторжением супружеского союза.

Особо оговаривалась ситуация, связанная с возможными морганатическими браками: «Лицо Императорской фамилии, вступившее в брачный союз с лицом, не имеющим соответственного достоинства, то есть не принадлежащим ни к какому Царствующему или Владетельному дому, не может сообщить ни оному, ни потомству, от брака сего произойти могущему, прав, принадлежащих Членам Императорской фамилии» (*Там же. Ч. 1. Разд. II. Гл. V. Ст. 188*).

С ростом числа членов семьи Романовых, вызванным детородным пылом Николая I и его сыновей, родственные связи становились все слабее, все чаще в императорской семье случались скандалы. К концу 60-х — началу 70-х годов XIX века одних только великих князей насчитывалось 19. Их супруги и дочери — великие княгини и княжны — не упускали случая позлословить по поводу родственников.

Но такого на русском самодержавном Олимпе давно не было, ведь главным действующим персонажем громкой любовной истории, ставшей темой бесчисленных придворных сплетен и фельетонов в западных газетах, сделался сам император, а ее последствия выходили далеко за рамки банального адюльтера, грозя серьезными политическими и династическими потрясениями.

Император Александр II ценил жизнь во всех ее проявлениях, он наслаждался природой, умел получать удовольствие от дворцовых праздников, шумных пикников, дальних путешествий. Ему суждено было остаться в анналах истории не только Царем-Освободителем, но и одним из последних монархов Европы, олицетворявших собой

феерический быт королевских и императорских дворов прошлых времен. По общему мнению иностранных дипломатов и путешественников, русский Двор в царствование Александра II оставался самым блестящим двором в Европе. Великосветские балы с живописным разнообразием дамских туалетов и военных мундиров чередовались с торжественностью дипломатических приемов, византийской пышностью православных церковных служб в дворцовых храмах.

Многолюдные парадные торжества, великолепные концерты мировых знаменитостей, костюмированные маскарады шли в северной столице весь длинный зимний сезон. А летом Двор и высший свет выезжали в пригороды Петербурга, где продолжались фейерверки, катания на лодках, верховые прогулки по живописным окрестностям столицы.

Этот праздник жизни, естественно, не мог быть не наполнен атмосферой легкой эротики, тонкого изящного флирта и влюбленности. Неудивительно, что неизменным атрибутом придворной жизни нескольких поколений русских аристократов оставались любовные романы, героями которых нередко становились не только придворные чины «первых пяти классов», но и сами цари. Павел I, его сыновья Александр I, Николай I, великие князья Константин Павлович и Михаил Павлович имели немало официальных фавориток и бесчисленное количество мимолетных связей, из которых не делалось больших тайн...

Александр II также слыл большим поклонником прекрасного пола и был не чужд легкомысленных забав. При Дворе ходили слухи о многочисленных любовных победах императора. Но его увлечения всегда имели кратковременный характер, и никому из фавориток не могла даже прийти в голову мысль о более продолжительном романе с царем. Когда император в очередной раз влюблялся, он не умел скрывать своих чувств ни от придворных, ни от собственной жены. Мария Александровна с годами научилась снисходительно относиться к любовным интригам супруга, называя их «умиления моего мужа» (*Толстая А.А. Записки фрейлины. М., 1996. С. 90*).

Князь Петр Кропоткин, до того как поднять черное знамя анархии, успел закончить привилегированный Пажеский корпус и побывать не на одном большом балу: «Хуже всего было, когда Александр II входил в толпу дам, стоящих вокруг танцующих великих князей, и медленно двигался там. Не особенно легко было пробираться среди этого живого цветника, который расступался, чтобы дать дорогу царю, но сейчас же замыкался за ним. Сотни дам и девиц не танцевали, а стояли с надеждою, что, может быть, кто-нибудь из великих князей заметит их и пригласит на польку или на тур вальса.

О влиянии двора на петербургское общество можно судить по следующему. Если родители замечали, что какой-нибудь великий князь обратил внимание на их дочь, они прилагали все старания, чтобы девушка влюбилась в высокую особу, хотя отлично знали, что дело не может кончиться браком. Я не мог бы даже представить себе тех разговоров, которые услышал раз в «почтенной» семье, после того как наследник два или три раза потанцевал с молодой семнадцатилетней девушкой. По этому поводу родители ее строили различные, блестящие, по их мнению, планы» (*Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1988. С. 163*).

На одном из таких балов Александр II встретил семнадцатилетнюю выпускницу Смольного института княжну Екатерину Михайловну Долгорукую, происходившую из древнего рода, ведущего начало от легендарного Рюрика.

Она родилась 2 ноября 1847 года в Москве в семье князя Михаила Михайловича Долгорукова и его супруги Веры Гавриловны, урожденной Вишневецкой. Вместе с младшей сестрой Марией Екатерина Михайловна поступила в аристократический Смольный институт, основанный еще Екатериной Великой. О внешности Екатерины Долгорукой окружающие говорили разное: кто-то восхищался ее красотой и тонким, ироничным умом; другие были более осторожны в своих оценках достоинств княжны.

Но фактор всепобеждающей молодости, пленивший стареющего Александра, отрицать невозможно, а если к этому прибавить пылкую влюбленность юной смольнянки, то исход их встречи был предрешен...

Император был почти на тридцать лет старше Екатерины Долгорукой — ему в ту пору шел уже сорок восьмой год. О новом увлечении императора скоро узнали придворные, и, хотя об интимных симпатиях монархов принято говорить полупешепотом, слух о юной фаворитке дошел до императрицы. Неизменно гордая и выдержанная, она еще более замкнулась в себе, стараясь не выдавать окружающим свою боль. Возможно, она надеялась, что, пресытившись любовницей, как бывало уже не раз, муж вновь вернется к ней. Но случилось, казалось бы, невероятное: завзятый сердцеед, отец шестерых детей, Александр влюбился, как не влюблялся с давних дней. Недаром в томике стихов Федора Ивановича Тютчева из императорской библиотеки оказались подчеркнуты строки стихотворения «Последняя любовь»:

*О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней!*

*Полнеба обхватила тень,
Лишь там, на западе, бродит сиянье,—
Помедли, помедли, вечерний день,
Продлись, продлись, очарованье.*

*Пускай скудеет в жилах кровь,
Но в сердце не скудеет нежность...
О, ты, последняя любовь!
Ты и блаженство и безнадежность.*

Переменчивый Александр II оказался на редкость верным любовником. В свою последнюю любовь он вложил оставшиеся душевные силы, тепло и нежность — все, чего многие годы была лишена законная жена. Не могло не сыграть роли в отчуждении супругов и то, что молодая, жизнерадостная, вполне земная Екатерина Долгорукая была полной противоположностью молчаливой, сдержанной до холодности императрице, с годами все больше уходившей в религию.

Александр II, казалось, молодел при встречах с княжной, он ощущал, как ему передавались ее жизнелюбие, оптимизм, надежда на счастье. Император ощущал себя вновь молодым, полным сил мужчиной.

Хорошо информированный из уст Варвары Шебеко, подруги Е. М. Долгорукой, французский посол Морис Палеолог писал о романе императора: «Александр с наслаждением посвящал ее в сложные государственные вопросы, верховным судьей которых он был. Мало-помалу он начал с ней советоваться обо всем, не принимая без нее ни одного важного решения. Он говорил с ней о самых разнообразных делах, об общем управлении империей, о дипломатических переговорах, об административных реформах, об организации армии, полиции, о работе министров, о повышении по службе, о наградах, выговорах, придворных интригах, о спорах и неладах в царской семье — обо всем том, что благодаря самодержавию тяжелой ношей ложилось на его плечи. Обладая ясным умом, трезвым взглядом и точной памятью, Екатерина Михайловна без труда принимала участие в таких беседах. Иногда даже метким замечанием она помогала государю найти правильное решение» (*Палеолог М. Роман императора. М., 1990. С. 25*).

Однажды император дал Екатерине Долгорукой клятву: «При первой возможности я женюсь на тебе, ибо навеки считаю тебя женой своей перед Богом». Единственной такой возможностью являлась смерть императрицы Марии Александровны... Потом, спустя десятилетия, многие члены императорской семьи будут полагать, что крушение Романовых началось с этой альковной связи. Пока жива была Мария Александровна, она, как небесный ангел-хранитель, отводила беду от мужа, охраняла от пуль террористов. Не стало ее — вскоре не стало и императора.

Первое время роман императора воспринимался окружающими без восторга, но и не вызывал серьезных опасений. О связи иронизировали придворные острословы, светские дамы слегка прищуривали глаза, здороваясь при встрече с Екатериной Михайловной, но 30 апреля 1872 года произошло событие, заставившее взглянуть на происходившее другими глазами — княжна родила сына.

Появление на свет внебрачного ребенка царствующего императора в то время не могло даже при самых неблагоприятных условиях привести к сколько-нибудь серьезным политическим или династическим осложнениям. Александр II был прекрасно осведомлен о крайне недоброжелательном отношении к его увлечению большинства членов императорской фамилии, собственных детей и, особенно, его законного наследника цесаревича Александра Александровича. Император прекрасно осознавал, что после его смерти отношения между Долгорукой, ее детьми и новым царем вряд ли будут безоблачными. На памяти еще оставался инцидент, происшедший в 1877 году, когда цесаревич прекратил бал при появлении на нем княжны Долгорукой (*Мосалов А.А. При дворе последнего Российского императора. М., 1993. С. 64*).

Родившийся младенец, нареченный при крещении Георгием, был поручен заботам начальника личной охраны императора генерал-адъютанта А. М. Рылеева. Ребенка поместили в генеральском доме в Мошковом переулке, где для ухода за ним пригласили французженку-гувернантку и молодую здоровую кормилицу из крестьянок.

Несмотря на принятые меры предосторожности, тайна очень скоро стала известна не только придворным, но и главам иностранных дипломатических представительств. Вся Европа с нескрываемой иронией наблюдала за русским императором, который, имея внуков, не мог обуздать своих страстей. Когда же на следующий год стало известно об очередной беременности Долгорукой, в Лондоне букмейстеры начали принимать ставки и заключать пари о возможном поле будущего младенца.

Екатерина Михайловна родила дочь Ольгу. В самых аристократических столичных салонах Воронцовых, Щербатовых, Паскевичей, Куракиных, Барятинских в выражениях не стеснялись: император сам подавал пример личной непорядочности, открыто пренебрегал церковными нормами и принятыми правилами тогдашней морали.

Только братья императора, великие князья Николай Николаевич-старший и Константин Николаевич, сами имевшие любовниц и внебрачных детей, с известным сочувствием отнеслись к роману старшего брата**.

Граф П. А. Шувалов, начальник III Отделения, набрался смелости рассказать императору о настроениях в обществе. Александр II лишь недовольно поморщился, выслушав нелицеприятные речи своего любимца. Но, когда граф явился на аудиенцию с очередным докладом, император поздравил его с назначением послом в Лондон.

Тем не менее отправка Шувалова в почетную ссылку на Туманный Альбион не помогла решению проблемы. 11 июля 1874 года в Царском Селе Александр подписал высочайший указ.

«Указ Правительствующему Сенату.

Малолетним Георгию Александровичу и Ольге Александровне Юрьевским даруем мы права, присущие дворянству, и возводим в княжеское достоинство с титулом светлейших.

Александр».

Так незаконнорожденные дети незамужней княжны Долгорукой приобрели статус светлейших князей — высшей титулованной знати России. Между строк в высочайшем указе читалось, что император, дав Георгию и Ольге Юрьевским свое отчество, фактически признавал свое отцовство.

Довольно долго Александр размышлял о фамилии, которую должны были носить его внебрачные дети. Дать им фамилию матери он не хотел, опасаясь вызвать раздражение многочисленных представителей родовитой фамилии Долгоруких. Конечно, открыто сопротивляться монаршей воле они бы не посмели, но и признавать насильно навязанных в родстве бастардов князя-Рюриковичи не собирались.

Одним из предков Екатерины Михайловны был основатель Москвы князь Юрий Долгорукий. В его честь император и решил основать новую ветвь древней княжеской фамилии. Указ являлся важнейшей государственной тайной, в которую был посвящен лишь генерал-адъютант А. М. Рылеев, обязавшийся хранить молчание до особого распоряжения императора. Сам Александр рассматривал этот указ как свое духовное завещание, противиться которому законные наследники не смогут.

После возвращения с Балканской войны Александр стал испытывать еще большую потребность в ежедневных встречах с Долгорукой. В 1879 году у них родилась вторая дочь, Екатерина. Император настаивал на том, чтобы княжна с детьми переехала в Зимний дворец. Долгорукая охотно согласилась; она заняла апартаменты, находившиеся прямо над покоями законной супруги Александра. Императрица нередко слышала над головой крики и шаги детей. Иногда это случалось в то время, когда она совершала свой туалет. Тогда служанки и парикмахер видели, как она менялась в лице, пытаясь не проявлять свои чувства (*Толстая А.А. Записки фрейлины. С. 167*). Княжну подобные мелочи не смущали, постепенно она все более входила во вкус политических игр, с удовольстви-

ем принимала крупные подношения, устраивала концессии на постройки железных дорог, протезировала различным сомнительным личностям (*Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 124*).

Свет не хочет с ней общаться? Тем хуже для него... Долгорукая завела собственный салон, где, кроме титулованных шалопаев и лстецов, можно было встретить откровенных мошенников, для которых оказались закрыты двери аристократических домов. «Долгорукая имела влияние на различные денежные, не вполне корректные дела, — вспоминал С. Ю. Витте. — Через княжну Долгорукую устраивалось много разных дел, не только назначений, но прямо денежных дел довольно неопрятного свойства» (*Там же. Т. 1. С. 317*).

Мария Александровна тяжело переживала соседство с любовницей мужа. Силы быстро оставляли ее, нередко она неделями не выходила из спальни. По мере того как вырастали и выросли дети, государыня замыкалась в себе, с годами становясь все более религиозной и одинокой даже среди близких людей. Только однажды Мария Александровна не смогла сдержать себя в разговоре с единственной подругой графиней Александрой Толстой. Указав на комнаты своей соперницы, царица горько призналась: «Я прощаю оскорбления, нанесенные императрице. Но не в силах простить мучений, причиняемых супруге» (*Палеолог М. Роман императора С. 53*). Она прожила с мужем почти 40 лет, из них 14 лет он любил другую женщину, моложе ее на 24 года.

Болезнь Марии Александровны прогрессировала, ее постоянно мучили приступы удушья, истощение достигло крайних пределов. Врачи уговорили императрицу уехать для лечения в Канны. В январе 1880 года, чувствуя приближение смерти, государыня пожелала вернуться к семье в Россию. Окружающие с грустью смотрели на изменившееся, изможденное лицо царицы.

В первые дни мая 1880 года встал вопрос о ежегодном переезде императорской семьи в Царское Село, но доктора заявили, что об этом нечего и думать. Каково же было всеобщее удивление, когда стало известно, что император один покинул Петербург и поселился в летней резиденции. Ни для кого не было тайной, что он живет там в обществе Долгорукой и их детей. Императрица старалась оправдать мужа в глазах окружающих: «Я сама умоляла Государя уехать в Царское, — говорила она, — этого настоятельно требует его здоровье. Свежий воздух и отдых пойдут ему на пользу, пусть хотя бы он наслаждается загородной жизнью» (*Толстая А. А. Записки фрейлины С. 48*).

Последний месяц жизни она уже не вставала, и только тихие стоны выдавали признаки жизни в похуевшем теле когда-то очаровательной принцессы Марии.

Император, приехавший из Царского Села утром 21 мая 1880 года, был поражен видом жены. Он посоветовался с С. П. Боткиным, не следует ли эту ночь ему провести во дворце, но лейб-медик заявил, что пока он ручается за жизнь императрицы. Однако именно ночь на 22 мая 1880 года стала последней в жизни Марии Александровны. Никто, даже окружавшие ее сиделки, не могли с точностью указать минуту, когда она скончалась. Как-то она высказала желание умереть одной, не чувствуя в себе мужества перенести прощания с близкими. Свой страх она попыталась скрыть за ироничной улыбкой: «Не люблю этих пикников возле смертного одра» (*Там же. С. 49*).

Медицинское вскрытие показало, что смерть императрицы Марии Александровны последовала «от легочно-чахоточного процесса». Ей было всего 55 лет.

П. А. Валуев записал в своем дневнике: «До сего дня едва ли какая-либо венценосная жена умерла так бесшумно, так бессознательно и случайно, так одиноко» (*Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел. 1877–1887. Пг. 1919. С. 97–99*).

На третий день умершую императрицу положили в гроб. При траурной процедуре присутствовали только царская семья и ближайшие придворные. Тело умершей императрицы в течение недели стояло сначала в дворцовой церкви, затем в Петропавловском соборе. Панихиды, как того требовал этикет, служили два раза в день. Государь присутствовал на них, но в промежутках непременно возвращался в Царское Село, что вызывало общее осуждение. 28 мая 1880 года состоялись похороны в Петропавловском соборе.

После похорон вся императорская семья, кроме цесаревича, переехала в Царское Село. Наследник с женой и детьми отправился на лето в Гапсаль — старинный городок в Эстляндской губернии, известный морскими купаниями и лечебными грязями.

Спустя 45 дней после кончины жены, не дожидаясь окончания годовичного траура, 6 июля 1880 года в походной церкви Царскосельского дворца Александр II вступил вmorganaticкий брак с княжной Екатериной Долгорукой.

Государь в голубом гусарском мундире и княжна в скромном выходном туалете вошли в небольшую залу, где все было приготовлено для ритуала бракосочетания. Венчал их протоиерей Ксенофонт Никольский, бывший с императором на Балканской войне; роль шаферов исполняли генерал-адъютанты Э. Т. Баранов и А. М. Рылеев; при торжественном обряде также присутствовал граф А. В. Адлерберг и близкая подруга невесты Варвара Шебеко. Отдавая приказания подготовить все к обряду венчания, государь тихо сказал священнику: «Я хочу умереть честным человеком и должен спешить, потому что меня преследуют убийцы» (*Толстая А. А. Записки фрейлины. С. 78*).

Вечером того же дня государь подписал указ, какого еще не знала Россия в XIX веке.

«Указ Правительствующему Сенату.

Вторично вступив в законный брак с княжной Екатериной Михайловной Долгорукой, Мы приказываем присвоить ей имя княгини Юрьевской с титулом Светлейшей. Мы приказываем присвоить то же имя с тем же титулом Нашим детям: сыну Нашему Георгию, дочерям Ольге и Екатерине, а также тем, которые могут родиться впоследствии. Мы жалует им всеми правами, принадлежащими законным детям согласно ст. 14 Основных законов империи и ст. 147 Учреждения императорской фамилии.

Александр.

Царское Село, 6 июля 1880 года».

(Палеолог М. Роман императора. С. 95–96).

Венчание произошло в отсутствие цесаревича, который все еще находился в Гапсале. Именно оттуда он, тяжело переживавший смерть матери, с горечью пишет своему брату Сергею: «Да, это потеря громадная для нас всех, и, Боже, до чего все переменялось во всем, во всем с потерей этого дорогого и ангельского существа» (*ПАРФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 52. Л. 23*).

Поначалу отец хотел сообщить сыну о своей женитьбе письменно, но затем решил, что об этом лучше будет рассказать при встрече.

Обняв наследника и поцеловав невестку, император объявил, «что все уже свершилось, просил быть добрыми к княгине и заверил, что никогда не станет им ее навязывать».

вать» (Толстая А.А. *Записки фрейлины*. С. 83). Он также пожелал, чтобы женитьба была сохранена в тайне до истечения траура. Затем Александр II пригласил княгиню, которая всем видом демонстрировала крайнее смущение. Она поцеловала руку цесаревне и, скромно потупившись, сказала, что государь пожелал сделать ее своей супругой; она вполне счастлива и никогда не позволит себе выйти из своей роли.

Марии Федоровне тон и слова новой свекрови показались неискренними, словно заученное наизусть стихотворение. Великий князь Александр Александрович и вовсе выглядел подавленным и мрачным. Немногие фразы, что он смог произнести, кажутся лишенными даже минимальных следов обычной в таких случаях светской любезности: «С того момента, как княжна стала вашей женой, мы знаем, что нам остается делать» (Там же. С. 144).

Поспешный брак отца, по его мнению, оскорблял память недавно умершей матери. Даже простые люди на Руси всегда стремились следовать древней традиции: прежде чем повторно жениться, необходимым считалось соблюсти траур, дать успокоиться горю близких и родных.

Император постарался сделать вид, что не заметил реакции наследника, а вскоре отбыл вместе с Юрьевской и маленькими детьми в Ливадию, пригласив приехать туда Александра с семьей.

В глубине души император Александр II лелеял мечту короновать свою отныне законную, но тем не менее морганатическую супругу. Образцом и прецедентом предстоящей церемонии послужила коронация второй супруги Петра I Екатерины. Министр юстиции Д. Н. Набоков деятельно взялся за подготовку акта. Были перерыты архивы в поисках необходимых документов, в некоторых исторических журналах неожиданно стали появляться статьи, рассказывающие историю коронации Екатерины I.

Намерение государя короновать княгиню Юрьевскую, опасность увидеть на престоле вместо законного наследника новую модификацию недальновидной и глуповатой Екатерины I вызвали резкую реакцию почти всех Романовых, и в первую очередь наследника престола Александра Александровича, почувствовавшего реальную угрозу для себя; даже братья царя сходились во мнении, что, согласно традиции, император не имеет права короновать свою жену из российских подданных, поскольку все они считались его чадами.

Александр II предпринял отчаянную попытку примирить родственников с Екатериной Михайловной. На первом ужине после бракосочетания он решил представить членам императорской фамилии свою новую жену. Племянник императора, великий князь Александр Михайлович, которому тогда шел пятнадцатый год, впоследствии вспоминал: «Сам старый церемониймейстер был заметно смущен, когда в следующее после нашего приезда воскресенье вечером Члены Императорской семьи собрались в Зимнем дворце у обеденного стола, чтобы встретиться с княгиней Юрьевской...

Мать моя [великая княгиня Ольга Федоровна] смотрела в сторону, цесаревна Мария Федоровна потупилась...

Император быстро вошел, ведя под руку молодую, красивую женщину. Он весело кивнул моему отцу и окинул испытующим взглядом могучую фигуру наследника. Вполне рассчитывая на полную лояльность своего брата (нашего отца), он не имел никаких иллюзий относительно взгляда наследника на этот второй его брак. Княги-

ня Юрьевская любезно отвечала на вежливые поклоны великих княгинь и князей и села рядом с императором в кресло покойной императрицы. Полный любопытства, я не спускал с княгини Юрьевской глаз. Мне понравилось выражение ее грустного лица и лучистое сияние, идущее от светлых волос. Было ясно, что она волновалась. Она часто обращалась к императору, и он успокаивающе поглаживал ее руку. Ей, конечно, удалось бы покорить сердца всех мужчин, но за ними следили женщины, и всякая ее попытка принять участие в разговоре встречалась вежливым, холодным молчанием...

На обратном пути из Зимнего дворца мы были свидетелями новой ссоры между родителями.

— Что бы ты ни говорил, — заявила моя мать, — я никогда не признаю эту авантюристку. Я ее ненавижу! Она достойна презрения. Как смеет она в присутствии всей императорской семьи называть Сашей твоего брата...» (*Александр Михайлович, великий князь. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 44–45*).

Оценку жены великого князя Михаила Николаевича великой княгини Ольги Федоровны придворные доброжелатели незамедлительно донесли до сведения императора. Он был возмущен тем, что жена младшего брата может осуждать его любимую супругу. «Я сумею поставить их на место», — пригрозил он всем недовольным. Ольга Федоровна предпочла на некоторое время исчезнуть с придворной сцены, политично объяснив свое поведение близким: «Я не настолько глупа, чтобы махать революционным флагом перед лицом Израиля. Я думаю о карьере моих шестерых сыновей и сделаю все, что мне прикажут, но не более того» (*Толстая А. А. Записки фрейлины. С. 146*).

При Дворе имелись и более бескомпромиссные противники морганатической супруги императора. Мнение великой княгини Ольги Федоровны полностью разделяла и фрейлина умершей императрицы графиня Александра Толстая, рисующая в своих воспоминаниях княгиню Юрьевскую исключительно в черных тонах:

«Я впервые услышала голос княгини и была поражена его вульгарностью. Она говорила, почти не открывая рта, и, казалось, слова ее выскакивали сквозь нос. Молчание ей более всего шло к лицу... Прежде, замечая ее издали на балах, я находила ее весьма красивой. Она и теперь сохранила остатки красоты — великолепный цвет лица и приятного оттенка светлые волосы, — но черты ее расплылись и отяжелели, а талия округлилась, как у матроны. Лицо имело овечье выражение, а глаза навывкате, как у всех близоруких людей, не выражали ничего. В ней ощущалась какая-то небрежность во всем и полное отсутствие благородства» (*Там же С. 174*).

Для переживаний цесаревны Марии Федоровны существовала иная, не менее существенная причина. Император делал попытки познакомить и подружить своих детей от Долгорукой с внуками — детьми цесаревича Александра Александровича. Для жены наследника подобное знакомство казалось невозможным. Сыну Александра Ники — будущему императору Николаю II — шел уже двенадцатый год, он был наблюдательный и умный мальчик. Однажды вместе с императором княгиня Юрьевская без приглашения появилась на семейном обеде у цесаревича. На Ники этот визит произвел сильное впечатление. Он долго расспрашивал мать, кем является дама, позволяющая так фамильярно обращаться к дедушке. Мария Федоровна рассказывала: «Я поняла, что отступать некуда, и сочинила сказку, которую все матери вынуждены рассказывать своим детям, то

есть что император женился на вдове и усыновил ее детей. Но и на этот раз он не слишком мне поверил, и я заметила, как он страшно побледнел.

— Как он мог это сделать, мама? Ты ведь сама знаешь, что в нашей семье нельзя жениться так, чтобы об этом не узнали все.

Он ушел от меня задумчивый и завел этот же разговор с гувернером, которому высказал:

— Нет, тут что-то неясно, и мне нужно хорошенько поразмыслить, чтобы понять» (*Там же. С. 117–118*).

Цесаревна имела нравственное мужество какое-то время сопротивляться подобным встречам, но это вызывало неизменное недовольство императора.

«Я плакала непрерывно, даже ночью, — поделилась переживаниями с графиней Толстой цесаревна. — Великий князь меня бранил, но я не могла ничего с собой поделаться... Мне удалось добиться свободы хотя бы по вечерам. Как только заканчивалось вечернее чаепитие и государь усаживался за игорный столик, я тотчас же уходила к себе, где могла вольно вздохнуть. Так или иначе я переносила ежедневные унижения, пока они касались лично меня, но, как только речь зашла о моих детях, я поняла, что это выше моих сил. У меня их крали как бы между прочим, пытаюсь сблизить их с ужасными маленькими незаконнорожденными отпрысками. И тогда я поднялась, как настоящая львица, защищающая своих детенышей. Между мной и Государем разыгрались тяжелые сцены, вызванные моим отказом отдавать ему детей, помимо тех часов, когда они, по обыкновению, приходили к дедушке поздороваться. Однажды в воскресенье перед обедней в присутствии всего общества он жестко упрекнул меня, но все же победа оказалась на моей стороне. Совместные прогулки с новой семьей прекратились, и княгиня крайне раздраженно заметила, что не понимает, почему я отношусь к ее детям как к зачумленным» (*Там же. С. 113–114*).

Но все-таки и Александр и Мария были вынуждены подчиниться воле отца и монарха: они регулярно встречались с Юрьевской в апартаментах государя, на обедах и семейных торжествах. Отказы от подобных свиданий не принимались... «Против совершившегося факта идти нельзя и ничего не поможет; покориться и исполнить желания и волю Папа...» — сделал для себя выводы наследник (*ГА РФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 52. Л. 25*).

Александр Александрович лучше других понимал внутренние терзания отца, он считал, что императора заманила в свои сети ловкая особа, не давая ему освободиться из расставленных женских пут. В начале февраля 1881 года цесаревич писал младшему брату Сергею, находившемуся в то время в Италии: «Как жаль бедного Папа во всем этом, ты себе представить не можешь, и как надо быть осторожным, чтобы нехотя его не обидеть, потому что он обращает внимание на самые мелочи, на которые прежде и не думал обращать внимание! Ах, вообще так тяжело и грустно, и столько бы можно было написать об этом, но невозможно всего пересказать. Зимний дворец наводит такую грусть и такую скуку, что выразить нельзя...» (*Там же. Л. 27об.*).

Невозможно представить, как бы развивались события в царской семье, если была бы коронована Екатерина Юрьевская, но террористы из организации «Народная воля» уже готовили динамит для очередного покушения на императора.

Предчувствуя свою судьбу, беспокоясь за будущность своих маленьких детей и жены, Александр II написал сыну письмо-завещание:

«Ливадия, 9 ноября 1880 года.

Дорогой Саша!

В случае моей смерти поручаю тебе мою жену и детей. Твое дружественное расположение к ним, проявившееся с первого же дня знакомства и бывшее для нас подлинной радостью, заставляет меня верить, что ты не покинешь их и будешь им покровителем и добрым советчиком.

При жизни моей жены наши дети должны оставаться лишь под ее опекой. Но если Всемогущий Бог призовет ее к себе до совершеннолетия детей, я желаю, чтобы из опекунов был назначен генерал Рылеев или другое лицо по его выбору и с твоего согласия.

Моя жена ничего не унаследовала от своей семьи. Таким образом, все имущество, принадлежащее ей теперь, движимое и недвижимое, приобретено ею лично, и ее родные не имеют на это имущество никаких прав. Из осторожности она завещала мне все свое состояние, и между нами было условлено, что, если на мою долю выпадет несчастье ее пережить, все ее состояние будет поровну разделено между нашими детьми и передано им мною после их совершеннолетия или при выходе замуж наших дочерей.

Пока наш брак не будет объявлен, капитал, внесенный мною в Государственный банк, принадлежит моей жене в силу документа, выданного ей мною.

Это моя последняя воля, и я уверен, что ты тщательно ее исполнишь. Да благословит тебя Бог!

Не забывай меня и молись за так нежно любящего тебя Па».

(Палеолог М. Роман императора. С. 83).

Предчувствие не обмануло государя: спустя всего четыре месяца, 1 марта 1881 года, Александр II, Царь-Освободитель, будет убит бомбой террориста.

Став императором, Александр III счел необходимым дополнить главу о браках членов императорского дома особым примечанием: «Впредь никто из Членов Императорской Фамилии не может вступать в брак с лицом, не имеющим соответственного достоинства, то есть не принадлежащим ни к какому царствующему или владетельному Дому» (ПСЗ. Т. 1. Ч. 1. Разд. II. Гл. V. Ст. 188).

Княгиня Юрьевская с детьми вскоре выехала из России и поселилась на юге Франции. Капитал, завещанный супругом-императором, позволил ей жить широко, ни в чем не нуждаясь. Через несколько лет до Петербурга дошли слухи о том, что Екатерина Михайловна вышла замуж за доктора Н. А. Любимова, но достоверность известия никто подтвердить не решался. Умерла княгиня Юрьевская в 1922 году, намного пережив не только своего морганатического супруга, но и его детей и правнуков, ставших первыми жертвами страшного и бессмысленного русского бунта.

-
- * Цесаревич Константин Павлович добился развода со своей первой супругой, великой княгиней Анной Федоровной, и 12 марта 1820 года обвенчался с графиней Жанеттой Грудзинской, получившей титул княгини Лович.
 - ** Великий князь Николай Николаевич открыто жил с балериной Екатериной Гавриловной Числовой, получившей дворянство и фамилию Николаева.
Великий князь Константин Николаевич, оставив жену, великую княгиню Александру Иосифовну, не скрывал своей связи с балериной Анной Васильевной Кузнецовой.

«ДИКТАТУРА СЕРДЦА» ГРАФА ЛОРИС-МЕЛИКОВА

Через день после взрыва в Зимнем дворце цесаревич записал в дневнике: «Утро все провел у Папа, много толковали о мерах, которые нужно же наконец принять, самые решительные и необыкновенные, но сегодня не пришли к результату» (ГА РФ. Ф. 677 Он. 1. Д. 307. Л. 169).

Столичная биржа реагировала на очередное покушение резким падением курса акций, до критического уровня упала деловая активность в торговле и промышленности. Состоятельные петербуржцы пытались перевести свои накопления на счета в зарубежных банках, среди населения множились слухи о новых покушениях и взрывах, готовящихся на 19 февраля — день крестьянской реформы.

8 февраля 1880 года в кабинете Александра II состоялось чрезвычайное совещание, на котором присутствовали наследник престола Александр Александрович, великие князья, председатель Комитета министров П. А. Валуев, министр внутренних дел Л. С. Маков, военный министр Д. А. Милютин, шеф жандармов А. Р. Дрентельн, министр Двора А. В. Адлерберг.

Предлагались разные варианты спасения Отечества — от ужесточения полицейских мер до немедленного введения чрезвычайного положения во всей империи. Александр Александрович предложил давно вынашиваемый им «самый решительный и необыкновенный путь» — создание Верховной следственной комиссии с особыми расширенными полномочиями. «Милый Па, — написал Александр отцу в этот же день, — ...ты приказал всем присутствовавшим сообразить и представить свои соображения. Смело могу сказать, что они ничего не сообразят и ничего путного не представят. К сожалению, мы это видели за все последние годы, потому что зло все больше и сильнее распространяется повсюду и никакие предложения не принесли пользы... Нужны новые люди, свежие силы... Время слишком серьезное, слишком страшное, чтобы не принимать самых энергичных мер, а не то будет поздно и правительству уже не справиться с крамолой. Убедительно прошу Тебя, милый Па, подумай об этом, и я уверен, что Ты согласишься окончательно на это предложение. Я так уверен, что другого исхода нет и быть не может» (ГА РФ. Ф. 678. Он. 1. Д. 732. Л. 131–132об.).

Надо признать, что для русской внутренней политики в подобном предложении ничего необыкновенного и принципиально нового не было...

На следующий день, 9 февраля 1880 года, указом Александра II была учреждена Верховная распорядительная комиссия по охране государственного порядка и общественного спокойствия с широкими репрессивными полномочиями. В указе говорилось, что учреждение Верховной распорядительной комиссии вызвано «твердым решением» государя «положить предел беспрерывно повторяющимся в последнее время

покушениям дерзких злоумышленников поколебать в России государственный и общественный порядок» (ПСЗ. Т. LV, № 60492). Председателем комиссии назначался генерал-адъютант граф М. Т. Лорис-Меликов. «11 февраля. В 9 был у меня граф Лорис-Меликов.... Толковали два часа и о многом успели поговорить...» — записал в дневнике Александр, который возлагал большие надежды на этого «нового человека» и его «новые силы» (ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 307. Л. 170).

Михаил Тариелович Лорис-Меликов родился в состоятельной армянской семье в Тифлисе. В юности получил основательное образование в московском Лазаревском институте восточных языков, затем учился в школе гвардейских подпрапорщиков и юнкеров. Лорис-Меликов участвовал в Кавказской войне, а в 1863 году был назначен начальником Терской области, где стал известен не только как отменный администратор и дипломат, но и заслужил славу ревнителя просвещения: благодаря его усилиям, число школ и ремесленных училищ с десяти возросло до трехсот.

Во время русско-турецкой войны Лорис-Меликов показал себя боевым генералом. Войска под его командованием взяли считавшуюся неприступной крепость Карс на кавказском театре боевых действий. Он умел так расположить к себе местное население и подрядчиков, что даже на неприятельской территории его войска ни в чем не знали недостатка, а провиант и фураж для кавалерии доставлялся почти исключительно на кредитные деньги. Это позволило сберечь казне несколько десятков миллионов рублей.

В 1878 году Лорис-Меликову был пожалован графский титул, а спустя два месяца, в январе 1879 года, сиятельный граф отправился в низовья Волги на борьбу с чумой. Александр II назначил его временным астраханским, саратовским и самарским генерал-губернатором. Проявив большое личное мужество, Лорис-Меликов сумел предотвратить распространение опасной эпидемии и возникновение всегда сопутствующих этой заразе «чумных бунтов».

После убийства князя Д. Н. Кропоткина М. Т. Лорис-Меликов занял ставший вакантным пост харьковского генерал-губернатора. В короткий срок ему удалось навести порядок в губернии, славящейся как гнездо террористов на юге страны. Жесткие репрессии против революционеров он удачно сочетал с заботами об университете, завоевав тем самым симпатии либерально настроенных профессоров и студентов. Генерал-губернатор объявил режим наибольшего благоприятствования землевладельцам, добившись их расположения; купечеству были предоставлены торговые льготы, значительно стимулирующие рынок. Управляя губернией, Лорис-Меликов использовал лишь малую долю выделенного кредита, а большую часть возвратил обратно в государственное казначейство. Среди российских государственных чиновников подобное проявление порядочности никогда не было распространено, а потому этот случай снискал графу широкую популярность. Портреты Лорис-Меликова продавались во всех столичных книжных магазинах и пользовались большим спросом, чему в не малой степени способствовала весьма оригинальная внешность графа: «своей худобой, чрезвычайной бледностью и носом с горбинкой он напоминал больного грифа» (Толстая А. А. *Записки фрейлины*. С. 40).

Назначение Лорис-Меликова на пост председателя Верховной распорядительной комиссии 14 февраля 1880 г. было встречено доброжелательно в самых разных политических кругах и слоях общества. Либералы надеялись на дальнейшие реформы, кон-

серваторы рассчитывали на ужесточение карательных мер и ликвидацию революционного экстремизма. Уже на следующий день Лорис-Меликов в «Правительственном вестнике» опубликовал обращение «К жителям столицы», в котором объяснил, что, с твердостью стремясь к искоренению преступников, он в то же время желает «успокоить и оградить законные интересы здравомыслящей части общества...».

«На поддержку общества, — заявлял Лорис-Меликов, — смотрю как на главную силу, могущую содействовать власти к возобновлению правильного течения государственной жизни, от перерыва которого наиболее страдают интересы самого общества» (*Правительственный вестник. 1880 г. 15 февраля*). Важно отметить тональность этого обращения — впервые не было жесткой декларативности, власть у общества просила содействия.

Вскоре Лорис-Меликову представился случай продемонстрировать свою незаурядную личную храбрость и самообладание. 20 февраля, днем, на углу оживленной Большой Морской улицы в графа выстрелил молодой еврей из Слуцка Ипполит Млодецкий. Пуля застряла в меховой шубе графа, который бросился на террориста, повалил его на землю, крепко придушил, а затем с величайшим спокойствием передал его подоспевшим городовым. После этого Лорис-Меликов продолжил прогулку. «Слава Богу, что уцелел этот человек, который так нужен бедной России», — записал в этот день Александр в своем дневнике (*ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 307. Л. 172об.*). А через два дня после покушения Млодецкий был повешен на Семеновском плацу. Впервые за полвека в столице казнь совершалась публично, при огромном скоплении народа. В этот раз цесаревич не скрывал своего удовлетворения таким скорым судом: «Вот это дело и энергично!» (*Там же. Л. 172об.*).

«Трудно было начать эпоху диктатуры с большим блеском и энергией, — писал по этому же поводу Морис Палеолог. — Консерваторы радовались, видя в диктатуре возвращение к традициям сильной власти. Не менее радовались и либералы, хорошо понимая, что политика реформ имела шансы на успех лишь под покровительством власти, беспощадной к анархистам» (*Палеолог М. Роман императора. С. 66*).

Первыми действиями председателя комиссии было налаживание координации между жандармскими, полицейскими и судебными органами, организация оперативного рассмотрения дел по государственным преступлениям, пересмотр вопросов об административной ссылке и полицейском надзоре, прекращение необоснованных арестов и обысков. 3 марта император подписал указ о временном подчинении Третьего отделения Лорис-Меликову.

Отныне председатель Временной распорядительной комиссии обладал диктаторскими полномочиями: он имел право отдавать приказы любому должностному лицу государства, включая высших представителей гражданской и военной власти. Степень ответственности и вид взыскания за неудовлетворительное исполнение его распоряжений определял он сам. Для достижения порядка в стране Лорис-Меликов мог принимать любые меры, которые он считал нужными.

Но диктатор полагал, что кнут хорош только в сочетании с пряником. Наряду с репрессивными мерами программа Лорис-Меликова предусматривала систему реформ, облегчающих материальное положение населения, расширялись права земств, в городах предусматривалось создание органов самоуправления (*ГАРФ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 33. Л. 1–3*).

При Лорис-Меликове открылось много новых изданий либерально-конституционного направления — «Порядок» М. М. Стасюлевича, «Страна» Я. П. Полонского, «Земство» В. Ю. Скалона. Журналисты с удовольствием заговорили об успехах «диктатуры сердца», как с легкой руки М. Н. Каткова стали именовать систему управления страной графа М. Т. Лорис-Меликова. Революционеры тотчас же сложили язвительную песенку: «Мягко стелет, жестко спать — Лорис-Меликовым звать».

Две недели спустя после назначения на должность председателя комиссии, 26 февраля 1880 года, Лорис-Меликов направил императору и наследнику-цесаревичу доклад с изложением своего видения основных начал внутренней политики государства. «Объединение властей, — писал Лорис-Меликов в докладе, — есть единственный верный путь для достижения успеха в мерах против крамолы. Насущная задача первых дней подавить анархические проявления нарушителей порядка». Граф особо подчеркивал основную политическую задачу комиссии: «Стремиться к возвращению от чрезвычайных мер к законному течению дел» (*ГА РФ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 33 Л. 2, 2 об.*).

Император поддержал Лорис-Меликова. Ознакомившись с докладом, цесаревич немедленно отправил графу письмо: «Искренно радуюсь успеху в этом деле и совершенно разделяю ваш взгляд. Иначе быть не могло и ничего бы не вышло путного от Вашей комиссии, а теперь с Богом вперед» (*ГА РФ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 143 Л. 3*).

В это время сложные отношения между императором Александром II и наследником улучшаются. «Диктатор сердца» действовал осмотрительно и гибко, лавируя в кабинетах Зимнего и Аничкова дворцов. В комиссию вошли и сам Александр Александрович и близкие ему люди — П. А. Черевин, К. П. Победоносцев. Наследник почти каждый день встречался с Лорис-Меликовым, обсуждая программу действий: «Я прочел Вашу записку и откровенно Вам скажу, что она меня вполне удовлетворяет. Дай Бог, чтобы Государь так же отнесся к ней, и тогда можно будет действовать решительно и с полным спокойствием» (*ГА РФ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 143 А.Л. 6. Письмо от 9 марта*).

В начале апреля 1880 года Лорис-Меликов представил доклад на Высочайшее имя, в котором содержалась программа деятельности комиссии, в том числе говорилось о необходимости привлечения представителей дворянства, городов и земств к обсуждению местных проблем, а уже в феврале 1881 года на особых совещаниях в Аничковом дворце в присутствии императора и наследника состоялось всеобщее одобрение так называемой «лорис-меликовской конституции».

Единственный, кто не мог успокоиться в эти дни, был К. П. Победоносцев. Он понимал, что умный и хитрый политик Лорис-Меликов обыграл его, усыпив игрою слов об антиконституционности проекта бдительность его ученика — наследника Александра, который полностью поддержал вопрос о представительстве.

Верховная распорядительная комиссия действовала всего шесть месяцев и царским указом от 6 августа была ликвидирована. Лорис-Меликов испросил у государя позволения сложить ставшие лишними диктаторские полномочия и ограничить его правами министра внутренних дел и шефа жандармов. За время существования лорис-меликовской комиссии в системе государственного управления произошли значительные изменения. Одним из основных событий стало упразднение печально известного еще со времен Николая I Третьего отделения собственной его импера-

торского величества канцелярии с передачей его обязанностей Министерству внутренних дел.

30 августа 1880 года Александр II пожаловал графу Лорис-Меликову высший российский орден Андрея Первозванного, девизом которого были слова: «За веру и верность». В рескрипте по случаю награждения говорилось: «Прискорбные события последних лет, выразившиеся целым рядом злодейских покушений, вынудили меня учредить, под главным Вашим начальством, верховную распорядительную комиссию и облечь Вас чрезвычайными полномочиями для борьбы с преступною пропагандою, пытавшеюся путем насилия поколебать спокойствие дорогого нам отечества...

Последствия вполне оправдали мои ожидания. Настойчиво и разумно следуя в течение шести месяцев указанным мною путем к умиротворению и спокойствию общества, взволнованного дерзостью злоумышленников, Вы достигли таких успешных результатов, что оказалось возможным, если не вовсе отменить, то значительно смягчить действие принятых временно чрезвычайных мер, и ныне Россия может спокойно вступить на путь мирного развития» (*ГА РФ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 113. Л. 3об.*).

К сожалению, как это не раз бывало в отечественной политической истории, Александр II принимал желаемое за действительное...

1 МАРТА 1881 ГОДА

Смерть любого правителя в истории России, начиная с московских царей и кончая генсеками времен не столь отдаленных, всегда сопровождалась значительными политическими переменами. Убийство Александра II — царя, освободившего крестьян от крепостного права, великого реформатора на российском престоле, стало первым звеном тяжелой длинной цепи безумных революций, братоубийственной гражданской войны, преступлений коммунистической власти.

Еще в конце августа 1879 года исполнительный комитет «Народной воли» — одной из наиболее радикальных террористических организаций, существовавших тогда в России — вынес смертный приговор Александру II. Однако неудачи преследовали подпольщиков: тщательно подготавливаемые взрывы царского поезда и Зимнего дворца закончились неудачей. Полиция вышла на след организации, начались аресты.

Руководители «Народной воли» А. Желябов, С. Перовская, Н. Кибальчич понимали, что необходимо ускорить подготовку нового покушения.

* * *

Начало Великого поста в 1881 году пришлось на вторую половину февраля. По обыкновению, вся царская семья соблюдала пост, прилежно исполняла строгие предписания Православной Церкви, обязательные для верующих в течение семи недель перед Пасхой. Императорская фамилия, так же как и каждая крестьянская семья, говела и в полном составе посещала церковь. В пятницу, накануне исповеди, все просили друг у друга прощения. При этом произошел неприятный инцидент: Александр II остался чрезвычайно недовольным тем, что цесаревна Мария Федоровна, вместо того, чтобы обнять княгиню Юрьевскую, ограничилась рукопожатием.

После обедни члены императорской фамилии собрались за чаем у государя; он был холоден с невесткой, но в присутствии Юрьевской не высказывал упреков. Едва княгиня удалилась к себе, как разразилась буря. Император рвал и метал, не в силах справиться с гневом. Мария Федоровна не стала оправдываться. Вместо этого она подошла к царю и смиренно попросила прощения за причиненное огорчение. У Александра II было доброе сердце — простые слова Минни тронули его до слез. «Я так счастлив сегодня — мои дети простили меня!» — сказал он вечером того дня своему духовнику (*Толстая А. А. Записки фрейлины. С. 188*).

В тот же день граф Лорис-Меликов также порадовал императора радостным известием: арестованы несколько опасных террористов, в том числе один из руководителей «Народной воли» Андрей Желябов.

* * *

Император давно не спал так хорошо, как в эту ночь. На следующее утро, 1 марта 1881 года, Александр II проснулся в девятом часу в прекрасном настроении. Он прошел-

ся по пустынным в это время залам, поиграл с маленьким сыном Гогой, затем отстоял воскресную службу в церкви. После обедни император обедал со свитой. Княгини Юрьевской не было; справа от Александра сидела графиня Антонина Блудова, а слева — Александра Толстая — фрейлины покойной императрицы. Государь был любезен, делал комплименты дамам, шутил. Обед затянулся дольше обычного. Спустя полчаса с докладом явился граф Лорис-Меликов.

Министр доложил о проекте государственной реформы. Предполагалось создать из выборных земских представителей специальную комиссию по рассмотрению законопроектов. Члены этой комиссии, выказавшие «особенные познания, опытность и выдающиеся способности», могли войти в Государственный Совет.

Александр II устно одобрил проект графа Лорис-Меликова, но, обратившись к присутствующим великим князьям, государь признался, что делает это с тяжелым чувством: «Я дал свое согласие на это представление, хотя и не скрываю от себя, что мы идем по пути к конституции» (*Дневник Д. А. Милюткина. М. 1950. Т. 4. С. 62*).

Абсолютизм добровольно ограничивал свою власть. Подобное эволюционное изменение политической системы могло сделать счастливой любую страну, любую нацию в мире. Проект должен был быть обсужден в Совете министров 4 марта.

Со свойственным лукавством и цинизмом этот факт впоследствии был вынужден признать даже В. И. Ленин: «Осуществление лорис-меликовского проекта могло бы при известных условиях быть шагом к конституции, но могло бы и не быть таковым: все зависело от того, что пересилит — давление ли революционной партии и либерального общества или противодействие очень могущественной, сплоченной и неразборчивой в средствах партии непреклонных сторонников самодержавия» (*Ленин В. И. ПСС. Изд. 5. Т. 5. С. 43*).

Перед окончанием аудиенции Лорис-Меликов обратился к императору с неожиданной просьбой не покидать днем дворец и отложить еженедельный развод войск в Михайловском манеже. Министр внутренних дел просил несколько дней для окончания операции по розыску и аресту оставшихся на свободе соратников Желябова. По имевшейся у полиции информации они готовились совершить новое покушение. После некоторых колебаний Александр был готов уступить доводам министра внутренних дел, которые горячо поддержала княгиня Юрьевская.

Но вскоре во дворец приехала великая княгиня Александра Иосифовна, жена великого князя Константина Николаевича. Она так эмоционально рассказывала о волнениях сына Дмитрия, который на нынешнем разводе должен впервые представиться дяде в качестве ординарца, что могло показаться, будто почтенная дама сама готовится сесть на боевого коня. Узнав об отмене смотра, великая княгиня артистически изобразила глубокое разочарование. Глядя на нее, не надо было быть большим физиономистом, чтобы представить, какие разговоры пойдут по Петербургу по поводу отмены торжественного военного развода, заведенного еще Павлом I.

Уходя из дворца, император, желая успокоить жену, сказал, что гадалка предсказала ему смерть при восьмом покушении, а теперь если и будет, то только седьмое.

* * *

Учитывая опасность террористических актов, двухместный императорский экипаж был укреплен изнутри стальными щитами, предохранявшими от пуль. Четыре мощные

«лежащие» рессоры обеспечивали плавный ход даже при быстрой езде, которой немало способствовали толстые гуттаперчевые шины. На козлах сидели лейб-кучер Ф. Сергеев и ординарец императора К. Мачнев. Шесть казаков лейб-гвардии Терского казачьего эскадрона скакали рядом с каретой. Следом ехали трое саней, в которых разместились полицмейстер полковник А. И. Дворжицкий, жандармский капитан К. И. Кох и ротмистр П. Т. Кулебякин.

В час дня в Михайловском манеже, как и намечалось, начался развод лейб-гвардии Саперного батальона. Из манежа император по Инженерной улице поехал в Михайловский дворец, где посетил великую княгиню Екатерину Михайловну, дочь покойного дяди великого князя Михаила Павловича. После краткого визита император вышел из дворца и приказал: «Той же дорогою — домой». Дорога до Зимнего дворца занимала не более двадцати минут...

Лучшие в России рысаки понесли карету по Инженерной улице, свернули на набережную Екатерининского канала. Здесь было малолюдно, лишь несколько прохожих, идущих вдоль чугунной ограды. Внезапно один из них бросил под колеса царской кареты белый сверток. Спустя мгновение раздался оглушительный взрыв. Было 13 часов 45 минут.

Изуродованную карету царя отбросило на обочину, ее задняя стенка оказалась полностью разбита. В момент взрыва погиб казак конвоя и прохожий четырнадцатилетний мальчик Н. Захаров, несколько человек было ранено. Но царь остался невредимым. Сильно оглушенный, он тем не менее выбрался из кареты с помощью поручика М. Д. Крахоткина и полковника А. И. Дворжицкого.

Покушавшийся пытался спастись бегством, но был задержан городовым и дорожным рабочим, скалывающим лед на набережной. Он бросил лом под ноги убежавшему преступнику, и когда тот упал, то был тут же схвачен. Вокруг немедленно образовалась толпа. Задержанный террорист успел крикнуть кому-то: «Скажите отцу, что меня схватили!» Эти слова являлись сигналом сообщникам, что покушение не удалось. (*Дворжицкий А. И. Воспоминания. Исторический вестник. 1913. №1. С. 126–128*). Полковник Дворжицкий вытащил из-за пазухи у преступника шестизарядный револьвер и кинжал с обоюдоострым узким лезвием. Подошедший император, оглядев террориста, по словам одного очевидца, произнес: «Что тебе нужно от меня, безбожник?» О чем думал император в эту минуту? О кровопролитии в Великий пост или с внутренним облегчением отсчитал еще одно покушение на его жизнь?

Кто-то из подбежавших офицеров спросил: «Что с государем?» Император указал на лежащих в луже крови раненого мальчика и убитого конвойного казака А. Малеичева: «Слава Богу, я уцелел, но они...» Услышав эти слова, террорист выкрикнул: «Еще слава ли Богу?»

В этот момент неизвестный, прислонившийся к решетке, отгораживающей канал, резко повернулся и бросил в сторону императора какой-то предмет. Он упал у левой ноги государя. Вновь раздался взрыв, вверх взметнулся столб снега, щебня, мусора. Когда дым рассеялся, открылась картина, напоминающая поле сражения.

Александр полусидел, опираясь спиной о решетку ограды. Его ноги были обнажены, левая стопа — почти оторвана, снег был залит кровью. Напротив императора без сознания лежал его убийца. Сбылось страшное предсказание гадалки: фатальным для Александра II стало восьмое покушение.

Левицкий
на Мойке 30 С-Петербург.

Император Николай I
Начало 1850-х гг.
Фотограф С.Л.Левецкий

Император Александр II

1860-е гг.

Фотограф С.Л.Левецкий

2

Наследник престола, цесаревич
и великий князь Николай Александрович (Никса)

*Вторая половина 1850-х гг.
Фотограф С.Л.Левицкий*

Сыновья императора Александра II
великие князья Александр, Алексей, Владимир, Николай
Середина 1860-х гг.
Фотограф С.Л.Левицкий

Левицкий
на Мойка, 30. С. Петербургъ.

Императрица Мария Александровна
с младшими сыновьями Сергеем и Павлом
Середина 1860-х гг.
Фотограф С.Л.Левицкий

PHOTO BERGAMASCO

Княжна М. Э. Мещерская
1865 г. Фотограф К. Бергамаско

Рисунок княжны М. Э. Мещерской
4 ноября 1865 г. Царское Село

Левинский

Мойки въ С. ПЕТЕРБУРГѢ.

Цесаревич Александр Александрович
1865 г. Фотограф С. Л. Левинский.

Засушенный цветок, подаренный
княжной Мещерской цесаревичу
Александру Александровичу
23 июня 1865 г.

От М. Д. въ
Павловской на Амт.
среда 23го Июня
1865 года. —

ИХЪ ИМПЕРАТОРСКІЯ ВЫСОЧЕС
 ГРАФЪЪ.А.ПЕЛОВСКИЙ. ПРОФЕС.Н.П.ПОВЬДОНОСЦЕВЪ. АЛЕКСАНДРЪ
 И ВЕЛИК
 ВЛАДИМИРЪ А
 СКАВ.П.МЕЩЕРСКИЙ. ДОК.ЕГО.ВЫС.Г.И.ГИРШЪ. СЕКРЕТ.ЕГО.ВЫСОЧ.О.А.ОМЪ

ГОСУДАРЬ НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ
 КСАНДРОВИЧЪ. АДЪЮТЪ ВЕЛ. К. В. А. Н. П. ЛИТВИНОВЪ. ХУДОЖНИ А. П. БОГОЛЮБОВЪ.
 КНЯЗЬ САНДРОВИЧЪ. ПРОФЕС. И. К. БАПСТЪ. ФЛИГ. АДЪЮТЪ ЕГО ВЪС. Ш. А. КОЗЛОВЪ. МОРИЖЪ И. А. МЕШАЕНЦЕВЪ.

GEORG E. HANSEN PHOT.

Цесаревич Николай Александрович
и датская принцесса Дагмар
1864 г. Фотограф Georg E. Hansen (Дания)

GEORG E. HANSEN PHOT.

Цесаревич Александр Александрович
и датская принцесса Дагмар
Июнь 1866 г. Фотограф Georg E. Hansen (Дания)

Левицкий
на Мойке 30 С-Петербургъ.

Цесаревич Александр Александрович
и цесаревна Мария Федоровна со старшим сыном Николаем
1870 г. Фотограф С.Л.Левицкий

Левицкий
на Мойке 30 С-Петербург.

Великий князь Николай
Александрович (Ники),
старший сын цесаревича
Александра Александровича
1870 г.

Фотограф С.Л.Левецкий

Левицкий
на Мойке 30 С-Петербург.

Великий князь Николай Александрович
1872 г.

Фотограф С.Л.Левецкий

В день отъезда моего
на войну, в армию.

Мой верный друг
Саша

Командир
Руцукского отряда
цесаревич
Александр
Александрович
1878 г.

До свидания!

Медаль
за русско-турецкую
войну 1877–1878 гг.

Лист из тетради, подаренной
цесаревичем Александром
Александровичем жене
в день отъезда в армию
21 мая 1877 г.

Комната командующего Рушукским отрядом
великого князя Александра Александровича
в Брестовце

Художник В.Д. Поленов. 1878 г.

Знак Красного Креста
за русско-турецкую
войну 1877–1878 гг.

Сражение при реке Ломе
Художник П. О. Ковалевский

Цесаревна Мария Федоровна
со старшими сыновьями Николаем и Георгием
1972 г.
Фотограф С.Л.Левинский.

Почему-то никому в голову не пришло выполнить свои прямые обязанности: конвою и жандармам — сразу после первого взрыва увезти царя с места событий; единственному бывшему в эти минуты на Екатерининском канале младшему фельдшеру Горохову — не держать убийцу, а перетянуть рваные артерии истекающему кровью императору.

Александра II положили в полицеймейстерские сани, укутали чужой шинелью, надели на голову чужую фуражку. Через несколько минут они подъехали ко дворцу по Миллионной улице, со стороны Мошкова переулка. Последние слова императора были обращены к ротмистру Кулебякину: «Ты ранен?»

Его подняли на второй этаж, в кабинет. Дежурный врач Зимнего дворца Ф. Ф. Маркус попытался оказать первую помощь. Вскоре прибыли лейб-медик С. П. Боткин, хирург Ф. С. Цыпурин, профессор Е. И. Богдановский. Была предпринята попытка ампутации левой ноги, раненому императору давали дышать кислородом, но все усилия врачей оказались тщетны. Спустя два часа после покушения, в 15 часов 35 минут 1 марта 1881 года, Царь-Освободитель скончался.

В письме к матери королеве Луизе Мария Федоровна сообщала подробности трагедии: «Какое горе и несчастье, что наш Император покинул нас таким ужасным образом!.. Сердце разрывалось при его виде. Лицо, голова и верхняя часть туловища остались нетронутыми, но ноги совершенно изранены до колен, так что я не сразу поняла, что вижу: кровавая масса с половиной сапога вместо правой ноги; от левой осталась только пятка! Никогда в жизни я не видела ничего подобного, так ужасно!

В таком виде я и Саша нашли его лежащим на постели с открытыми еще глазами и дышащим, но без сознания. Старания врачей оказались напрасными.

Дядя Миша [брат Александра II — великий князь Михаил Николаевич] приехал на место убийства сразу же после второго взрыва. Ему сначала сказали, что Император жив и пешком ушел домой. Но позже он увидел солдат и казаков, несущих недвижимого и полубожаженного Императора. Дядя Миша спросил, больно ли ему, и бедный Император ответил слабым голосом: «Домой, домой, быстрее!» — и посмотрел на него с таким выражением, которое он никогда не забудет.

В карете полицейского офицера Государя отвезли в Зимний дворец. Вид горя несчастной вдовы разрывал сердце. В один момент вся неприязнь, что мы к ней испытывали, исчезла, и осталось только величайшее участие в ее безграничном горе.

Мой мир и спокойствие исчезли навсегда, потому что теперь я никогда больше не буду спокойна за Сашу...» (*ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 646. Л. 33–46*).

О мартовских событиях 1881 года вспоминал и великий князь Александр Михайлович: «Мы все стояли на коленях. Влево от меня стоял новый Император. Странная перемена произошла в нем в этот миг. Это не был тот самый цесаревич Александр Александрович, который любил забавлять маленьких друзей своего сына Ники тем, что разрывал колоду карт или же завязывал узлом железный прут. В пять минут он совершенно преобразился. Что-то несоизмеримо большее, чем простое сознание обязанностей Монарха, осветило его тяжелую фигуру. Какой-то огонь святого мужества загорелся в его спокойных глазах. Он встал.

— Ваше Величество, имеете какие-нибудь приказания? — спросил его смущенно градоначальник.

— Приказания? — переспросил Александр III. — Конечно! Но, по-видимому, полиция совсем потеряла голову! В таком случае армия возьмет в свои руки охрану порядка в столице. Совет министров будет собран сейчас же в Аничковом дворце.

Он дал рукой знак цесаревне Марии Федоровне, и они вышли вместе. Ее миниатюрная фигура подчеркивала могучее телосложение нового Императора.

Толпа, собравшаяся перед дворцом, громко кричала «ура!». Ни один из Романовых не подходил так близко к народным представлениям о Царе, как этот богатырь с русой бородой» (*Александр Михайлович, великий князь. Книга воспоминаний. С. 52*).

* * *

1 марта 1881 года на улицах Петербурга появилась новая листовка исполнительного комитета «Народной воли» о приведении в исполнение приговора о смертной казни Александра II. «Напоминаем Александру III, что всякий насильователь воли народа есть народный враг... и тиран», — бросали вызов террористы новому царю (*ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 519. Л. 24*).

В Петербурге было объявлено военное положение. Столичный гарнизон и гвардия переводились на режим повышенной боевой готовности, усиливалась охрана арсенала, мостов, вокзалов, правительственных учреждений.

На следующий день после смерти Александра II состоялась торжественная процедура интронизации нового монарха. В Зимний дворец на торжественный молебен, полагавшийся по этикету, были приглашены члены императорской фамилии, придворные, сановники высших рангов, дипломатический корпус, генералитет, офицеры, именитые жители столицы. Залы дворца были переполнены. Никто не упустил случая попасть на церемонию: кто-то желал продемонстрировать верноподданические чувства, иных привело чувство долга и ощущение трагедии, только что происшедшей со всей Россией; были и такие, кто пришел во дворец из простого любопытства. Но торжественность минуты вступления нового императора на престол захватила всех присутствующих.

Праздничные туалеты — расшитые мундиры и разноцветные дамские шлейфы, блестящие под мартовским солнцем, льющим через высокие окна, — вся эта привычная придворная роскошь составляла резкий контраст с тем, что творилось в душах людей, заполнивших залы Зимнего дворца.

Александр Александрович в военном мундире с Георгиевским крестом и Мария Федоровна в белом платье и с бриллиантовой диадемой в волосах появились в Малахитовом зале. За ними шли юный цесаревич Николай Александрович, члены императорской фамилии. Даже по выдержанному, всегда невозмутимому лицу Александра было заметно, как он волнуется. В глазах Марии Федоровны стояли слезы, и никакие косметические ухищрения не могли скрыть следов бессонной ночи и горестных переживаний.

Они подошли к придворным и каждому пожали руки. Государыня обняла фрейлин бывшей императрицы. Александр поздоровался с караулом Кавалергардского полка: «Здорово, кавалергарды!» Среди полной тишины гвардейцы ответили: «Здравия желаем, Ваше Императорское Величество!» В первый раз он услышал свой новый титул.

Кортеж двинулся, и едва государь показался в праздничном зале, как громогласное русское приветствие, вековой боевой клич «ура!» сотряс стены дворца. В нем было мало официозности, чувствовалось, что единый порыв воодушевил всех, и приветствие вырвалось из груди как клятва и заверение в преданности.

Царь и царица раскланивались направо и налево, беспрестанно поднося к глазам платки. Процессия направилась в дворцовую церковь, но в храм смогли войти лишь немногие. Остальные заполнили залы, ожидая начала богослужения.

Александр принес монаршую присягу, подошел к алтарю, встал на колени и долго истово молился. В тот день он сказал депутации от губерний: «Я принимаю венец с решимостью. Буду пытаться следовать отцу моему и закончить дело, начатое им. Если бы Всевышний и мне судил ту же участь, как ему, то, надеюсь, вы будете моему сыну так же верны, как моему отцу».

Впоследствии, несмотря на частые предложения министра Двора, Александр III категорически отказывался праздновать день своего вступления на престол. Когда его особенно допекали с подобными просьбами, он резко обрывал: «Для меня этот день и это событие — никакой не праздник, а — тяжкий крест, который я вынужден нести. Отмечать здесь нечего».

* * *

В тот же день было вскрыто завешание Александра II. Не много найдется в истории русской государственности подобных пронзительных по своей искренности документов.

«Я уверен, что сын мой, император Александр Александрович, поймет всю важность и трудность высокого своего призвания и будет и впредь, во всех отношениях достоин прозвания честного человека, которым величал его покойный старший брат его Никса. Да поможет ему Бог оправдать мои надежды и довершить то, что мне не удалось сделать для улучшения благоденствия дорогого нашего Отечества. Заклинаю его, не увлекаться модными теориями, пещись о постоянном его развитии, основанном на любви к Богу и на законе. Он не должен забывать, что могущество России основано на единстве Государства, а потому все, что может клониться к потрясениям всего единства и к отдельному развитию различных народностей, для нее пагубно и не должно быть допускаемо. Благодарю его, в последний раз, от глубины нежно любящего сердца, за его дружбу, за усердие, с которым он исполнял служебные свои обязанности и помогал мне в Государственных делах» (цит. по: *Боханов А. Н. Император Александр III. М., 1998. С. 254–255*).

7 марта 1881 года состоялись похороны императора Александра II в фамильной усыпальнице русских самодержцев в Петропавловском соборе. Согласно воле умершего, он лежал в гробу одетый в простой мундир Преображенского полка. Но одно украшение все-таки оказалось в царском погребении. Накануне похорон Екатерина Юрьевская отрезала свои прекрасные волосы и две косы вложила в руки усопшего. Это было ее последним даром супругу.

* * *

Русское общество было повергнуто в шок царевубийством. Увы, в дальнейшей истории отечества случались не менее ужасные преступления, содеянные против русских самодержцев и членов их семьи...

Задержанный террорист, назвавшийся именем мещанина Глазова, на самом деле оказался студентом Петербургского Горного института Николаем Рысаковым. Он сразу начал давать показания и назвал всех участников покушения, адреса конспиративных квартир и явок. Второй террорист, метнувший роковую бомбу, умер, не приходя в сознание. Опознать его сразу не удалось, и тогда было решено отделить голову и поместить ее в спиртовой раствор для последующего опознания (*Ковалев В. А. Заложники залуждения. С. 349*).

Н. Рысаков рассказал, что принять участие в покушении его уговорил Андрей Желябов, он же дал ему револьвер и кинжал. После ареста Желябова руководство террористической организацией взяла на себя Софья Перовская. Она передала Рысакову бомбу и дала отмашку белым платком в момент покушения. В погибшем террористе Рысаков опознал Игнатия Гриневецкого.

Благодаря показаниям арестованного и агентурным данным полиции вскоре были задержаны и остальные участники «Народной воли», в том числе и непосредственные исполнители террористического акта 1 марта — графиня Софья Перовская, дочь петербургского губернатора, правнучка последнего малороссийского гетмана Кирилла Разумовского, порвавшая с семьей и ставшая одной из самых фанатичных русских террористок XIX века; Николай Кибальчич, человек, чей замечательный инженерный ум был целиком отдан делу изобретения адских машин; котельщик одного из столичных заводов Тимофей Михайлов, не успевший бросить свою бомбу в царя, и некая Гёся Гельфман, дочь еврейского купца из Мозыря.

К. П. Победоносцев в письме умолял Александра, когда тот идет спать, запирайте за собой двери — не только в спальне, но и во всех следующих комнатах, вплоть до выходной. Доверенный человек должен внимательно смотреть за замками и наблюдать, чтобы внутренние задвижки у створчатых дверей были задвинуты. Учитывая риск нового покушения, обсуждался даже возможный план введения регентства над маленьким цесаревичем Николаем Александровичем в случае убийства Александра III. 14 марта 1881 года особым манифестом император назначил своего младшего брата великого князя Владимира Александровича, в случае своей смерти и до совершеннолетия Николая, регентом при цесаревиче с присвоением ему титула «Правителя Государства Российского и нераздельных с оным Царства Польского и Великого Княжества Финляндского» (*ТА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 52. Л. 1*).

Не желая искушать судьбу, Александр III с семьей переехал в Гатчину, где охрана дворца была возложена на гвардейские части. В памятной книжке 1881 года Александр записал: «27 апреля. Переехали с Минни и детьми на жительство в Гатчину» (*ТА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 270. Л. 31*). Александр Михайлович в своих воспоминаниях так пишет о решении царя: «Что касается его государственной работы, то она только выиграла от расстояния, отделявшего Гатчину от С.-Петербурга. Это расстояние дало Александру III предлог для того, чтобы сократить, елико возможно, обязанности по представительству, а также уменьшить количество визитов родственников. — И воспроизводит раздраженную фразу Александра III: «— ... Я не боялся турецких пуль и вот должен прятаться от революционного подполья в своей стране.» (*Александр Михайлович. Книга воспоминаний. С. 55*).

В этой тревожной атмосфере 26 марта 1881 года начались заседания суда Особого присутствия Правительствующего Сената под председательством сенатора Эдуарда Яковлевича Фукса, известного своими либеральными высказываниями против смертной казни в России.

В состав суда вошли сенаторы А. В. Белостоцкий, Н. Н. Биппен, И. Н. Орлов, Н. С. Писарев, А. Н. Сеницын. В судебных заседаниях принимали участие сословные представители Петербургской и Московской губерний. Обвинение поддерживал товарищ прокурора Петербургской судебной палаты Н. В. Муравьев.

В процессе принимали участие известные столичные адвокаты А. М. Унковский, К. Ф. Хартулари, В. Н. Герард, Е. И. Кедрин, А. А. Герке.

После трехдневных заседаний, в 6 часов 20 минут утра 29 марта, на основании статей Уложения о наказаниях (9, 13, 18, 139, 152, 241, 242, 243, 279 и 1459-й издания 1876 г. и продолжения 1879 г.) судьи вынесли приговор: Андрей Желябов, Софья Перовская, Николай Кибальчич, Тимофей Михайлов и Николай Рысаков приговаривались к смертной казни через повешение. Перовская была лишена дворянского и графского достоинства, так как закон запрещал вешать лиц благородного происхождения. Еще одной подсудимой, Г. Гельфман, смертная казнь была отложена ввиду беременности. Находясь в заключении, она родила дочь, которую поместили в один из сиротских домов. Сама Гельфман умерла 1 февраля 1882 года от «инфекционной гангрены».

* * *

Так решило правосудие, но многих смертный приговор цареубийцам поверг в сомнение: можно ли насилие искоренить насилием, жестокость — жестокостью?

Одним из первых заговорил об отмене смертной казни осужденным Лев Толстой. Спустя неделю после трагических событий он написал в Ясной Поляне письмо царю, которое передал Александру III великий князь Сергей Александрович: «Я, ничтожный, не признанный и слабый, плохой человек, пишу Русскому Императору и советую ему, что ему делать в самых сложных, трудных обстоятельствах, которые когда-либо бывали. Я чувствую, как это странно, неприлично, дерзко, и все-таки пишу... Отца Вашего, царя русского, сделавшего много добра и всегда желающего добра людям, старого, доброго человека, бесчеловечно изувечили и убили не личные враги его, но враги существующего порядка вещей: убили во имя какого-то блага всего человечества. Вы встали на его место, и перед Вами те враги, которые отравляли жизнь Вашего отца и погубили его. Они враги Ваши потому, что Вы занимаете место Вашего отца, и для того мнимого общего блага, которого они ищут, они должны убить и Вас.

К этим людям в душе Вашей должно быть чувство мести, как к убийцам отца, и чувство ужаса перед той обязанностью, которую Вы должны были взять на себя...

Я не говорю о Ваших обязанностях царя. Прежде обязанностей царя есть обязанности человека, и они должны быть основой обязанности царя и должны сойтись с ними...

Простите, воздайте добром за зло, и из сотен злодеев десятки перейдут не к Вам, не к ним (это не важно), а перейдут от дьявола к Богу и у тысяч, у миллионов дрогнет сердце от радости и умиления при виде примера добра с престола в такую страшную для сына убитого отца минуту.

Государь, если бы вы сделали это, позвали этих людей, дали им денег и услали куда-нибудь в Америку и написали бы манифест со словами вверху: «А я вам говорю, любите врагов своих», — не знаю, как другие, но я, плохой верноподданный, был бы собакой, рабом Вашим. Я бы плакал от умиления, как я теперь плачу всякий раз, когда бы я слышал Ваше имя. Да что я говорю: не знаю, что другие. Знаю, каким потоком разлились бы по России добро и любовь от этих слов. Истины Христовы живы в сердцах людей, и одни они живы, и любим мы людей только во имя этих истин.

И Вы, царь, провозгласили бы не словом, а делом эту истину...

Лев Толстой».

(Лев Толстой и русские цари. Письма царям. Публицистика. М., 1995. С. 10–24).

К. П. Победоносцев, через которого Толстой пытался передать свое послание новому императору, отказался выполнить просьбу писателя. Он ответил Толстому: «...прочти-

тав письмо ваше, я увидел, что вера ваша одна, а моя и церковная другая. и что наш Христос — не ваш Христос. Своего я знаю мужем силы и истины, исцеляющим расслабленных, а в вашем показались мне черты расслабленного, который сам требует исцеления. Вот почему я по своей вере и не мог исполнить ваше поручение» (*Бирюков П. И. Л. Н. Толстой. Биография. Берлин, 1921. Т. 2. С. 392—393*).

Письмо графа-богоискателя к православному царю, одного христианина другому христианину, через великого князя Сергея Александровича все-таки попало на стол императора, однако письменного ответа на него не последовало. По свидетельству жены писателя, С. А. Толстой, государь «велел сказать графу Льву Николаевичу Толстому, что, если б покушение было на него самого, он мог бы помиловать, но убийц отца он не имеет права простить» (*Лев Толстой и русские цари. С. 182*)*.

Что же, по сути, предлагал Толстой, если уйти от сбивчивых, маловразумительных фраз, бесчисленных повторов одних и тех же мыслей и идей?

Все предложения Льва Толстого можно свести к следующему: простить убийц императора, дать им деньги, паспорта и отправить на жительство в Америку. «Спасайся сам, и вокруг тебя спасутся тысячи!» — говорил святой Серафим Саровский. Со Львом Толстым произошло все в точности до наоборот.

Ослепленный гордыней, уверовав, что именно ему суждено реформировать всю христианскую религию, весь христианский мир, он искренне считал свою душу аренной титанической борьбы между силами добра и зла. Гениальный писатель истово проповедует, подлаживая заповеди Евангелия под свои догмы. Лев Толстой сумел стать в глазах нескольких поколений русских интеллигентов пророком, изрекающим вечные истины. Но именно этому пророку удалось нанести один из самых страшных ударов по всему институту Русской Православной Церкви, веками врачевавшей душу русского человека, укреплявшей волю нации, объединявшей русский народ во времена бедствий и смут. Именно графу Льву Толстому было предназначено стать предтечей тех потрясений и бед, которые ждали Россию.

«Толстой оригинален, ибо совокупность его взглядов, взятых как целое, выражает как раз особенности нашей революции...», — признавал В. И. Ленин, приклеивший Толстому несмыслаемый ярлык «зеркала русской революции». Отдавая должное Толстому-писателю, Н. А. Бердяев писал о роли Толстого-философа: «...русская революция являет собой торжество толстовства. На ней отпечатались и русский толстовский морализм, и русская аморальность. Толстой сумел привить русской интеллигенции ненависть ко всему исторически-индивидуальному и исторически-разностороннему. Он был выразителем той стороны русской природы, которая питала отвращение к исторической силе и исторической славе... Он морально уготовлял историческое самоубийство русского народа. Толстовская мораль обезоружила Россию и отдала ее в руки врагов» (*Бердяев Н. Л. Толстой в русской революции // В кн.: Духовная трагедия Льва Толстого. М., 1995. С. 281*).

В эти же мартовские дни Александр III получил послание К. П. Победоносцева. Его точка зрения была прямо противоположна толстовской: «Вам достается Россия смятенная, расшатанная, сбитая с толку, жаждущая, чтобы ее повели твердой рукой, чтобы правящая власть видела ясно и знала твердо, чего она хочет и чего не хочет и не допустит никак. Все будут ждать в волнении, в чем ваша воля обозначится. Многие захотят завладеть ею и направлять ее <...>».

Сегодня пущена в ход мысль, которая приводит меня в ужас. Люди так развратились в мыслях, что считают возможным избавление осужденных преступников от смертной казни... Может ли это случиться? Нет, нет, и тысячу раз нет — этого быть не может, что Вы перед лицом всего народа русского, в такую минуту простили убийц отца Вашего, русского Государя, за кровь которого вся земля наша (кроме немногих, ослабших умом и сердцем) требует мщения и громко ропщет, что оно замедляется» (*Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени. М., 1993. С. 340, 343*).

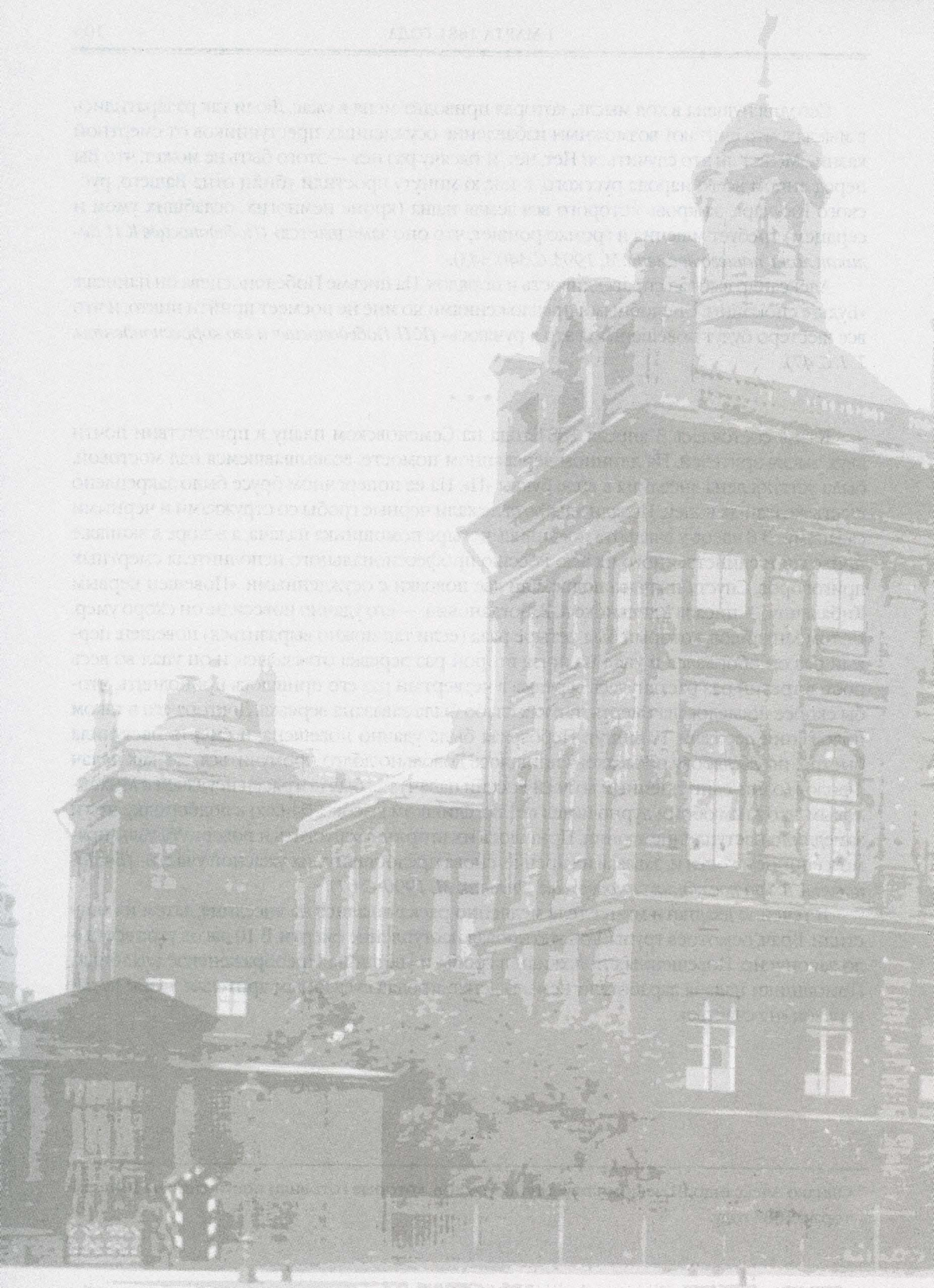
Александр выбрал справедливость и порядок. На письме Победоносцева он написал: «Будьте спокойны, с подобными предложениями ко мне не посмеет прийти никто, и что все шестеро будут повешены, за это я ручаюсь» (*К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. 1. С. 47*).

* * *

Казнь состоялась 3 апреля 1881 года на Семеновском плацу в присутствии почти двух тысяч зрителей. На длинном деревянном помосте, возвышавшемся над мостовой, была установлена виселица в виде буквы «П». На ее поперечном бруссе было закреплено шесть железных колец. Позади эшафота лежали черные гробы со стружками и черными саванами. В 8 часов у эшафота появились четыре помощника палача, а вскоре в экипаже привезли и единственного на всю Россию профессионального исполнителя смертных приговоров. Спустя полчаса подъехали две повозки с осужденными. «Повешен первым Кибальчич, — писала в дневнике А. В. Богданович, — его удачно повесили: он скоро умер. Потом Михайлов, который был четыре раза (если так можно выразиться) повешен: первый раз он оборвался и упал на ноги; второй раз веревка отвязалась, и он упал во весь рост; в третий раз растянулась веревка; в четвертый раз его пришлось приподнять, чтобы скорее последовала смерть, так как слабо была завязана веревка. Доктора его в таком положении держали 10 минут. Перовская была удачно повешена, и смерть наступила быстро, но Желябову и Рысакову пришлось довольно долго промучиться, так как палач Фролов (один-единственный во всей России палач) так был потрясен неудачей с Михайловым, что этим обоим дурно надел петлю, слишком высоко, близко к подбородку, что и замедлило наступление агонии. Пришлось их вторично спустить и повернуть узлы прямо к спинной кости и, завязав их крепче, снова предоставить их ужасной участи» (*Богданович А. В. Три последних самодержца. Дневник. М., 1990. С. 67*).

В течение двадцати минут тела медленно раскачивались на виселице, затем их опустили. Врач, осмотрев трупы, констатировал наступление смерти. В 10 часов утра все было закончено. Повешенных положили в гробы и увезли на Преображенское кладбище. Помощники палача заработали немало денег, продав суеверным зрителям казни куски веревок «на счастье».

* Однако Александр III не помиловал террористов, которые готовили покушение на императора в 1887 году.

СМЕНА КУРСА

Очень часто при создании биографии того или иного исторического персонажа основной предпосылкой работы является убеждение автора, что, накапливая в невероятных количествах факты, педантично перечисляя все мало-мальски значимые события, происшедшие с его героем с раннего детства и до последнего вздоха, можно объяснить особенности его характера, взгляд на жизнь и окружающих, понять смысл, казалось бы, необъяснимых поступков. Подобный метод историко-биографического исследования, основанный на постулате «бытие определяет сознание» бывает отчасти верен для первых этапов биографии, — той возрастной категории, что ограничена юношеским возрастом, когда человек только учится читать и писать, получает образование; растет не только физически, но и созревает духовно; когда закладываются его нравственные начала, формируется интеллект, когда он определяет свое место во времени и пространстве.

Александр III стал императором в тридцать шесть лет. Из них 16 лет он был цесаревичем, готовясь, по словам отца, «меня заступить ежеминутно». К этому возрасту даже обычный, средний человек вступает в период зрелости. Император отличался от любого своего подданного уже тем, что на его плечах лежала огромная ответственность перед страной и народом, за который он держал ответ только перед Богом и самим собой. Подобное тяжкое бремя не могло не сказаться на формировании мировоззрения наследника, его поступках, отношении к окружающим.

Емкий психологический портрет Александра III того периода воссоздал спустя много лет князь В. П. Мещерский: «Государю тогда было 36 лет. Но духовным возрастом он, несомненно, был старше в смысле жизненного закала. Этому закалу много способствовала его жизнь в роли вождя Рущукского отряда во время войны, где, отделенный от семьи в постоянном сосредоточении, он переживал все впечатления один перед самим собою, и затем его тоже одинокая политическая жизнь после войны в те тяжелые годы 79, 80 и 81-й, когда опять-таки в себе самом он должен был таить столько тяжелых впечатлений от слышанной роли зрителя и участника в ходе внутренней политики, где далеко не всегда его голос прямоты и здравого смысла имел силу проводить то, что он считал нужным, и мешать тому, что он признавал вредным...

Но можно ли быть 36-ти лет старше душой своего возраста и быть закаленным к жизненному служению, не пройдя в то же время через известную реакцию разочарования. С характером нового Государя, — и в особенности с его миром главных воззрений на окружающую его жизнь, этот процесс разочарования был неизбежен, чем в ком-либо ином. В основе его характера крепко были присущи три главные черты: правда, честность и прямота. Не ошибусь, если скажу, что именно благодаря этим трем главным чертам его духовной личности, делавшим ее поистине прекрасною, — разочарование начало проникать в его душу еще тогда, когда она была совсем молода...

Но разочарование это... не влияло на его духовную личность настолько, чтобы вооружить его против людей броней принципиального недоверия или вложить в его душу зачатки апатии...

Натура Александра Второго была совсем иная: она была гораздо сложнее и в то же время замкнутее натуры его сына. В ней были проявления известной хитрости, известного своенравия в отношениях к людям...» (*Мецкерский В. П. Мои воспоминания. СПб, 1912. Т. 3. 1881–1894. С. 3–5*).

* * *

Подводя итоги уходящего 1881 года, Александр III признавался: «Так отчаянно тяжело бывает по временам, что, если бы я не верил в Бога и в его неограниченную милость, конечно, не оставалось бы ничего другого, как пустить себе пулю в лоб. Но я не малодушен, а главное, верю в Бога и верю, что настанут наконец счастливые дни и для нашей дорогой России» (*К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. 1. С. 67*).

Александр III вступил на престол убежденным противником любых либерально-демократических преобразований. Политические воззрения нового императора с годами претерпели незначительные перемены. Разочарование в реформах 60-х годов, глубокая и искренняя религиозность, усвоенная Александром от матери; усиление влияния К. П. Победоносцева, знакомство и духовная близость с Аксаковым и славянофилами — все это привело наследника престола к некоему романтическому консерватизму, убежденности в исключительности «русской идеи», особого национального пути в истории цивилизации. Романтическим этот вид консерватизма являлся уже потому, что он не основывался на каких-либо глубоких философских размышлениях или конкретных идеологических выкладках. Для его реализации следовало лишь, согласно рекомендации К. П. Победоносцева, придерживаться традиционных православных обычаев и «отличать добро от зла и правду от неправды в людях и делах человеческих».

Кроме того, романтическая разновидность консерватизма не требовала от цесаревича немедленных конкретных действий, являясь до поры до времени лишь любимой темой душевных разговоров с людьми из ближайшего окружения в Аничковом дворце. Во время же заседаний Государственного Совета, беседах с Лорис-Меликовым, Валугевым, великим князем Константином Николаевичем наследник престола всегда оставался лоялен в оценке политических решений своего отца. Даже при обсуждении проекта конституции, предложенного Лорис-Меликовым, цесаревич поддержал тогдашнего министра внутренних дел.

С годами накапливался жизненный опыт, все чаще цесаревич не мог скрывать свой скептицизм по отношению к окружающим, он легко угадывал истинные мысли и желания человека, без труда проникал в суть происходящих политических процессов. Эти способности сделали из Александра консерватора практического, то есть человека, вся сущность которого протестовала против поспешных действий, неоправданных иллюзий, политического прожектерства — всего того, что не мог воспринять его практичный, трезвый ум. Взамен этого он предпочитал спокойное, равномерное развитие государства, без резких скачков и ненужной ломки традиционного уклада жизни общества.

«Убежденный сторонник здоровой, национальной политики, поклонник дисциплины, настроенный к тому же весьма скептически, Государь вступил на престол предков, готовый к борьбе, — писал великий князь Александр Михайлович. — Он слишком

хорошо знал придворную жизнь, чтобы не испытывать презрения к бывшим сотрудникам своего отца, а его основательное знакомство с правителями современной Европы внушило ему вполне обоснованное недоверие к их намерениям» (*Александр Михайлович. Книга воспоминаний. С. 53*).

С таким жизненным багажом Александр III начинал свое царствование.

Интересна характеристика, данная новому русскому императору в 1881 году «Кенигсбергской газетой»: «Ни один из сынов дома Гольштейн-Готторп-Романовых, вступивших на русский престол после Петра Великого, не принес с собой такого запаса опыта, как 36-летний Александр III. Молодой монарх соединяет энергию своего деда с гуманностью своего отца; то, чего он не вынес из учения в юности, дополнил из опыта. Безукоризненность его частной жизни, которой он славится, ставит его выше всех его предшественников. Благодаря ей, он выработал в себе строгость нравственную, добросовестность полководца и деловитость администратора. Еще юношей он принял участие в государственных делах. В зрелые годы он участвовал в тяжелой войне и руководил отрядом. Обычно государи видят только блестящую сторону кровавых боев, но сын Александра II испытал, что значит класть судьбы великого государства на острие меча. Он строже всех участников войны 1877 года осудил совершенные ошибки и безжалостнее, чем сам носитель власти, дал почувствовать немилость тем великим и малым лицам, которые оказались неверными стражами дома. Все, что известно о втором сыне императора Александра II, позволяет говорить о деловитости и солидности — качествах, которые важнее для государя, чем высокий полет духа, смелость фантазии или приятность в обращении» (*К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. 1. С. 395*).

* * *

Реальные политические события и требования государственного управления заставили Александра III всегда оставаться «себе на уме», точно определять политический курс, преодолевать влияние как либеральных, так и крайне консервативных кругов высшей петербургской бюрократии. Все меньший вес теперь для него имели мнения вчерашних авторитетов. Даже отношения с К. П. Победоносцевым принимали принципиально иной характер: уходило ученическое почтение цесаревича к мудрому учителю, теперь императора и обер-прокурора Синода связывали общность взглядов на положение в стране, ощущение опасности, подстерегавшее государство. Отныне их переписка приобретает характер деловых контактов союзников по общей борьбе. Они единодушны в оценке, что «вся тайна русского порядка и преуспеваний — наверху в лице верховной власти» (*Письма К. П. Победоносцева к Александру III. Т. 1. М.; Пг., 1923. С. 54*).

К. П. Победоносцев — безоговорочный сторонник бескомпромиссной самодержавной власти, без которой немыслимо само существование Русского государства. Основы демократии, либеральные идеи, по мнению обер-прокурора, — всего лишь плод развращенного ума. Хотя Победоносцев в подтверждение своей теории ссылался на европейский опыт, его доводы в основном отвечали реалиям русской жизни: «В чем состоит теория парламентаризма? Предполагается, что весь народ в народных собраниях творит себе законы, избирает должностные лица, стало быть, изъявляет непосредственно свою волю и приводит ее в действие. Это идеальное представление...

В самых классических странах парламентаризма он не удовлетворяет ни одному из вышепоказанных условий. Выборы никоим образом не выражают волю избирателей. Представители народные не стесняются нисколько взглядами и мнениями избирателей, но руководствуются собственным произвольным усмотрением или расчетом, соображаемым с тактикой противной партии. Министры в действительности самовластны; и скорее они насилуют парламент, нежели парламент их насилует. Они вступают во власть и составляют власть не в силу воли народной, но потому, что их ставит к власти — или устраняет от нее — могущественное личное влияние или влияние сильной партии. Они располагают всеми силами и достоинствами нации по своему усмотрению, раздают льготы и милости, содержат множество праздных людей за счет народа, — и притом не боятся никакого порицания...

Ошибки, злоупотребления, произвольные действия — ежедневное явление в министерском управлении, а часто ли слышим мы о серьезной ответственности министра? Разве, может быть, раз в пятьдесят лет приходится слышать, что над министром суд, и всего чаще результат суда выходит ничтожный...» (*Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени. М. 1993. С. 32—34*).

Император разделял теоретические изыски своего бывшего учителя, хотя чаще предпочитал действовать более тактично и гибко, чем предлагал обер-прокурор Синода. При этом Александр III успокаивал К. П. Победоносцева: «...пока я жив и Богу угодно будет, чтобы я оставался на моем тяжелом посту, на который Он сам меня поставил, не допущу я этой лжи на святой Руси, в этом будьте уверены; я слишком глубоко убежден в безобразии представительного выборного начала, чтобы когда-либо допустить его в России в том виде, как оно существует во всей Европе.

Пусть меня ругают и после моей смерти будут еще ругать, но, может быть, и наступит тот день, наконец, когда и добром помянут» (*К. П. Победоносцев и его корреспонденция. М.; Пг. 1923—1924. Т. 1. С. 302*).

К. П. Победоносцев неоднократно заверял молодого императора в полном бескорыстии, отсутствии честолюбивых претензий на награды и чины. Но Александр Александрович научился неплохо разбираться в людях: в душе «смирненного христианина» он разглядел самую обыкновенную гордыню. Впрочем, император легко прощал своему союзнику эту человеческую слабость, точно так же он спокойно игнорировал советы обер-прокурора, как только они вступали в противоречия с его интересами. Так, Александра III всегда мало интересовало мнение К. П. Победоносцева о человеке, в талантах которого он был убежден. В доверительной беседе с С. Ю. Витте Александр III предупредил, чтобы тот не поддавался влиянию Победоносцева: «Победоносцев человек очень ученый, хороший, бывший его профессор, но что, тем не менее, из долголетнего опыта он [Александр III] убедился, что Победоносцев отличный критик, но сам никогда ничего создать не может. С этой точки зрения в смутное время Победоносцев принес много пользы тем, что помог временно остановить смуту 1881 г. и дать России опомниться, но что все-таки одной критикой жить нельзя, а надо идти вперед, надо создавать, а вот в этом отношении К. П. Победоносцев и другие лица его же направления более не могут принести пользы... «и во всяком случае, — сказал император, — я уже давно перестал принимать во внимание их совет» (*Витте С. Ю. Воспоминания Т. 1. С. 368—369*).

К великому огорчению К. П. Победоносцева, финансово-экономическую политику правительства Александра III всегда определяли сильные профессионалы, предпо-

читавшие дистанцироваться от крайне консервативных лидеров. Министр финансов Н. Х. Бунге, известный своими демократическими высказываниями, министр путей сообщения князь М. И. Хилков; С. Ю. Витте, сменивший, благодаря своим способностям и умению императора разбираться в людях, место скромного чиновника управления Юго-Западных железных дорог на министерское кресло; разработчик финансовых реформ профессор И. А. Вышнеградский — все они не пользовались симпатиями обер-прокурора Синода.

Но Александра III вполне устраивал такой порядок вещей. Исповедуя вечный принцип — разделяй и властвуй, самодержавная монархия во все времена была готова жертвовать любой, самой верноподданнической доктриной, ради собственного существования. Однако способных, профессионально подготовленных, а главное, порядочных, честных людей, готовых самоотверженно служить престолу и государству, оказалось не так уж много. Александр III был вынужден признать, что такие люди скорее исключение, чем правило, они — «огромная редкость». «Пожалуй, они и есть, да из ложного стыда скрываются», — не без привычной саркастической иронии размышлял император (*К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. 1. С. 243*). В нередких ситуациях, когда сановник по каким-либо причинам не устраивал императора, расставание было не долгим. Когда однажды чрезмерно честолюбивый министр вздумал угрожать отставкой, Александр III заметил: «Когда я захочу вас выбросить, вы услышите от меня об этом в очень определенных выражениях» (*Александр Михайлович. Книга воспоминаний. С. 144*).

* * *

Став императором, Александр III не спешил декларировать свой выбор политического курса. Назначенное погибшим Александром II обсуждение в Совете министров проекта лорис-меликовской конституции было перенесено с 4 на 8 марта.

Ровно в два часа дня государь прислал спросить, все ли приглашенные прибыли на совещание. Оказалось, что не явился только внезапно заболевший великий князь Николай Николаевич. Новый император вышел к собравшимся в Малахитовом зале и, оставившись у дверей, пригласил всех пройти в зал заседаний.

Государственный секретарь Е. А. Перетц оставил подробное, почти стенографическое описание этого знаменательного для судеб России совещания: «С каждым из проходивших государь приветливо здоровался, подавая руку, которой с чувством пожимал руку проходившего. В зале стоял большой продолговатый стол, покрытый малиновым сукном; вокруг стола было выставлено 25 кресел; перед каждым креслом лежала на столе бумага и карандаш. Посреди стола, спиной к окнам, обращенным на Неву, было место государя. Напротив его величества, подле заведующего делами Совета, поместился министр внутренних дел, который должен был докладывать свои представления, все остальные расположились как случилось.

Когда все заняли места, его величество, не без некоторого смущения, сказал:

«Господа! Я собрал вас сегодня, несмотря на переживаемое нами крайне тягостное время, для обсуждения одного вопроса, в высшей степени важного.

Граф Лорис-Меликов, озабочиваясь возможно всесторонним рассмотрением предложений, которые будут выработаны после окончания сенаторских ревизий, а также для удовлетворения общественного мнения, докладывал покойному государю о необходимости созвать представителей от земств и городов. Мысль эта в общих чертах бы-

ла одобрена покойным моим отцом, который приказал обсудить ее подробно в особом совещании под председательством графа Валуева, при участии великого князя Константина Николаевича и некоторых других лиц...

Журнал совещания, которое, в сущности, согласилось с проектом, был представлен Его Величеству и одобрен им. Покойный государь сделал, однако, некоторые заметки относительно частных. Нам предстоит теперь обсудить эти заметки. Но прошу вас быть вполне откровенными и говорить мне ваше мнение относительно всего дела, насколько не стесняясь. Предваряю вас, что вопрос не следует считать предрешенным, так как покойный батюшка хотел, прежде окончательного утверждения проекта, созвать для рассмотрения его Совет министров».

Затем, обратясь к графу Лорис-Меликову, государь поручил ему прочесть записку о предложениях и проект публикации в «Правительственном вестнике».

Записка, прочитанная Лорис-Меликовым, была составлена еще до катастрофы 1 марта; в начале ее говорилось об успехах, достигнутых примирительной политикой последнего времени.

В этом месте государь прервал чтение словами: «Кажется, мы заблуждались...»

В проекте публикации выражена была сущность изложенного в записке, причем сказано было, что предложенные меры были одобрены покойным государем и утверждены царствующим императором.

По прочтении графом Лорис-Меликовым записки и проекта публикации его величество, вновь обращаясь ко всем присутствующим, просил их, ввиду важности предлагаемой меры и тех последствий, к которым она может привести, высказывать совершенно откровенно мнение их, насколько не стесняясь предварительного одобрения как покойного государя, так и его самого.

Засим государь обратился прежде всех к сидящему рядом с ним графу С. Г. Строганову, спрашивая его, что он думает о предполагаемой мере.

Граф Строганов сказал приблизительно следующее:

«Ваше величество, предлагаемая Вами мера, по моему мнению, не только не своевременная при нынешних обстоятельствах, требующих особой энергии со стороны правительства, но и вредная.

Мера эта вредна потому, что с принятием ее власть перейдет из рук самодержавного монарха, который для России безусловно необходим, в руки разных шалопаев, думающих не о пользе общей, а только о своей личной выгоде. В последнее время, и без предполагаемой новой меры, власть значительно ослабла, в журналах пишут бог знает что и проповедуют невозможные доктрины...

Путь этот ведет прямо к конституции, которой я не желаю ни для вас, ни для России».

Государь: «Я тоже опасаюсь, что это — первый шаг к конституции» (*Дневник Е. А. Перетца, государственного секретаря. 1880–1883. М.-Л., 1927. С. 31–33*).

К. П. Победоносцев так описал события этого дня в письме: «... Первым высказался против Строганов — кратко, но энергически. Затем Валуев, Абаза, Милютин сказали напыщенные отвратительные речи о том, что вся Россия ждет этого благодеяния. Милютин при этом обмолвился о народе как о неразумной массе. Валуев вместо слова «народ» употребил «народы». Говорили дальше Набоков, Сабуров и прочие. Только Посыет и Маков высказались против. Но когда обратились ко мне, я не мог уже сдерживать волнения негодования. Объяснив всю фальшь учреждения, я сказал, что стыд и позор покры-

вают лицо, когда подумаешь, в какие минуты мы об этом рассуждаем, когда лежит еще не погребенным труп нашего Государя. А кто виновен в том? Что мы делали все это время и в его царствование? Мы говорили, говорили, слушали себя и друг друга, и всякое из его учреждений превратилось у нас под руками в ложь, и дарованная им свобода стала ложью. А в последние годы — в годы взрывов и мин, что мы делали, чтобы охранить его? Мы говорили — и только. Все чувство наше должно было сосредоточиться в страхе, как бы не убили его, а мы напустили себе в душу столько подлых, низких страхов и стали трепетать общественного мнения, то есть мнения презрительных журналистов и того что скажет Европа? А ее-то знали по журналам.

Вы можете себе представить, каким громом упали слова мои. Соседи мои — Абаза и Лорис-Меликов — едва сдерживали свою ярость на меня. Абаза ответил очень резко: «Из того, де, что сказал обер-прокурор Синода, следует, что все, что сделано в минувшее царствование, никуда не годится — и освобождение крестьян и прочее, и нам после этого остается только просить об увольнении».

Государь, который на словах «кровь его на нас» прервал меня восклицанием: «Это — правда», поддержал меня, сказавши, что подлинно все виноваты, и что из этих всех он не исключает и себя. Говорили и еще... Слышалось жалкое слово, что надобно же что-нибудь сделать, а это что-нибудь значило — учреждение (конституция).

Государь решил, что дело это слишком сложное, чтобы решить его теперь: надобно еще рассмотреть подробно в особой комиссии, а потом в Комитете министров, но только с тем, чтобы учреждение это не имело политического характера...» (Цит. по: *Тальберг Н. Д. Русская быль. Очерки истории императорской России. М. 2000. С. 555–557*).

* * *

Александр III внимательно изучал политическую расстановку сил, ознакомился с различными проектами, касающимися государственного устройства, продумывал различные варианты преобразований бюрократического аппарата, финансовой системы.

О результатах своих раздумий он написал 27 апреля в письме брату великому князю Владимиру Александровичу: «Я давно об этом думал, но многие отсоветывали, и министры все обещали мне своими действиями заменить манифест, но так как я не могу добиться никаких решительных действий от них, а, между прочим, шатание умов продолжается все более и более, и многие ждут чего-то необыкновенного, то я решился обратиться к К. П. Победоносцеву составить мне проект манифеста, в котором бы высказано было ясно, какое направление делам желаю я дать, и что никогда не допущу ограничение самодержавной власти, которую нахожу нужной и полезной России!» (*ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 378. Л. 105–105об.*).

29 апреля 1881 года был обнародован манифест, в котором монарх недвусмысленно и грозно заявил: «Глас Божий повелевает Нам стать бодро на дело Правления, в уповании на Божий Промысел, с верою в силу и истину Самодержавной власти, которую Мы призваны утверждать и охранять для блага народа Нашего от всяких на него поплзновений».

Верноподданные призывались к искоренению «гнусной крамолы, позорящей землю русскую», к водворению на ней порядка и правды, к утверждению нравственности, к доброму воспитанию детей. С первых недель царствования проводится последователь-

ный ряд мероприятий, имевших целью, как «исправить ошибки прошлого», так и «упрочить будущее».

Общество, смертельно уставшее от террористов, революционной агитации, напуганное взрывами, политическими убийствами, испытывавшее неуверенность в завтрашнем дне и разочарованное в слабой верховной власти, с воодушевлением встретило заявление нового монарха. Россия истосковалась по твердой руке, способной обуздать смуту и шатание. Об этом говорили и в столичных либеральных собраниях, и в провинциальных помещичьих усадьбах. Народ, по обыкновению, безмолвствовал, доверяя царю-батюшке свою судьбу. «Сама жизнь вступила в роль охранителя, и инстинкт самосохранения заговорил почти везде громче всяких писателей, либеральных и консервативных», — писал в «Гражданине» князь В. П. Мещерский (*Гражданин. 1884. № 1. С. 3*).

Государственные деятели предыдущего царствования, участники и создатели либеральных реформ 60-х годов: М. Т. Лорис-Меликов, Д. А. Милютин, великий князь Константин Николаевич уходили с политической арены, их место занимали сторонники консервативного курса: К. П. Победоносцев, М. Н. Катков, чуть позже граф Д. А. Толстой.

Александр не сожалел об отставке Лорис-Меликова. 30 апреля император написал письмо бывшему сподвижнику, человеку, на которого еще год назад возлагал столько надежд: «К сожалению, в последнее время мы разошлись совершенно с Вами во взглядах и, конечно, это долго продолжаться не могло. Меня одно только удивляет и поразило, что Ваше прошение [об отставке] совпало с днем объявления моего манифеста России, и это обстоятельство наводит меня на всякие грустные и странные мысли» (*ГА РФ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 143 А.Л. 30*).

И все-таки мысль об «общественном содействии правительству», унаследованная от минувшей эпохи, не была еще окончательно похоронена. Весь манифест Александра III от 29 апреля был проникнут духом уважения к великим преобразованиям минувшего царствования.

Вновь назначенный по рекомендации К. П. Победоносцева министром внутренних дел граф Н. П. Игнатьев, бывший посол в Константинополе, известный сторонник славянофилов, в своем первом циркуляре обещал «принять безотлагательные меры, чтобы установить правильные способы, которые обеспечили бы успех живому участию местных деятелей в деле исполнения Высочайших предназначений». Он взялся подготовить созыв Земского собора к коронации императора, убеждая в том, что его детище заставит «замолкнуть всякие конституционные вождедения» (*Русский архив. 1913. № 1. С. 110*). «При государственном маразме [имеются в виду либеральные планы графа Лорис-Меликова и его сторонников. — *Авт.*]... всякое враждебное дело может иметь успех» — спешил разоблачить крамольные помыслы Н. П. Игнатьева М. Н. Катков в очередном послании царю (цит. по: *Российские самодержцы. 1801–1917. М., 1993. С. 252*).

Вскоре место славянофила Н. П. Игнатьева занял консерватор-ортодокс граф Д. А. Толстой.

* * *

Граф Дмитрий Андреевич Толстой не в первый раз «ходил во власть». Еще в 1853 году он был назначен директором канцелярии Морского министерства, принимал участие в составлении положения об управлении морским ведомством. Затем некоторое время заправляя Департаментом народного просвещения, стал сенатором. С 1866 года

до апреля 1880 года совмещал посты обер-прокурора Священного Синода и министра народного просвещения. Но куда бы ни бросала графа непростая бюрократическая судьба, он везде оставался последовательным и рьяным противником реформ.

В бытность министром просвещения, Д. А. Толстой провел в 1871 году реформу среднего образования, главным образом заключающуюся в увеличении объема курса древних языков в классических гимназиях и преобразовании реальных гимназий в училища, выпускникам которых был закрыт доступ в университеты.

Другое любимое детище графа Толстого — проект нового университетского устава предусматривал значительное ограничение университетского самоуправления и учреждал примат административного надзора перед учебным процессом, ставя профессоров университета в административное подчинение попечителей округа и министра. Даже образованный и культурный К. П. Победоносцев, несмотря на весь свой консерватизм, резко возражал против нового университетского устава, полагая, что с его принятием произойдет снижение уровня подготовки студентов.

В апреле 1880 года по представлению М. Т. Лорис-Меликова граф Толстой был отправлен в отставку со всех постов. Место министра народного просвещения занял А. А. Сабуров, а обер-прокурора Священного Синода — К. П. Победоносцев.

Тогда не только либеральная интеллигенция, но и многие представители консервативного лагеря вздохнули с некоторым облегчением: «Все рады, что он уже не министр, — писала А. Богданович, далекая от демократических симпатий. — У всех на языке: слава Богу, его уже нет. Вот человек, сумел себя заставить ненавидеть всех без исключения или с очень небольшими исключениями» (*Богданович А. В. Три последних самодержца. Дневник. М., 1990. С. 46*).

И вот теперь граф Дмитрий Андреевич Толстой с триумфом возвращался в большую политику. В мае 1882 года он занял пост министра внутренних дел и шефа жандармов. Приветствуя нового министра, М. Н. Катков писал, что «его имя само по себе уже есть манифест и программа». Во всеподданнейшем докладе Д. А. Толстой с максимальной откровенностью изложил свое политическое кредо: «При осуществлении реформы надлежит руководствоваться не отвлеченными принципами или чуждыми нам идеалами западноевропейской государственной теории и практики, а ясным пониманием коренных, самостоятельных основ русской государственной жизни и сознанием настоятельной необходимости строго последовательного, с духом оных сообразного, развития нашего законодательства. С этой точки зрения, первое и вернейшее условие успеха предпринимаемого преобразования состоит в том, чтобы все изменения в местных учреждениях были строго согласованы с основным началом нашего государственного устройства — Самодержавной Императорской властью» (*Рождественский С. Русский биографический словарь. М., 1999. Т. 7, доп. С. 59*).

* * *

Важные позиции в стане консерваторов занимали издатель «Московских ведомостей» М. Н. Катков и друг детства Александра III князь В. П. Мещерский, выпускавший газету-журнал «Гражданин».

Михаил Никифорович Катков за свою тридцатилетнюю общественную деятельность прошел путь от умеренного либерала до крайнего консерватора. Во время «диктатуры сердца» М. Т. Лорис-Меликова идеолог самодержавия М. Н. Катков ушел в тень,

считая бесполезным делом оппонировать победившим либералам. «Для кого писать, — объяснял он свою позицию. — Тот, для кого я единственно держал перо в руках, сам отступает от своей власти, удерживая только ее внешность...» (*Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. С. 283*). Виновниками катастрофы 1 марта 1881 года, по мнению М. Н. Каткова, были поляки, интеллигенция и необдуманные реформы Александра II. «Новые учреждения, слишком быстро следовавшие одно за другим, — считал М. Н. Катков, — не все должным образом и с достаточной зрелостью продуманы, а во многом сфабрикованы по чужим лекалам, и потому они внесли с собой массу представлений, которые не имеют почвы и лишены смысла в России» (*Московские ведомости. 1882. 8 ноября. № 311*).

После воцарения Александра III для М. Н. Каткова наступил новый этап борьбы с либералами, а издаваемые им «Московские ведомости» становятся главным рупором консервативных сил. После манифеста 29 апреля 1881 года М. Н. Катков с горячностью доказывает, что «еще несколько месяцев, быть может несколько недель, прежнего режима — и крушение было бы неизбежно» (*Там же. 1881. 30 апреля*).

С этого момента со страниц катковского издания начинается резкая критика не только судов и земских учреждений, но и многих правительственных учреждений и министерств. М. Н. Катков нападает на финансовое ведомство, обвиняя его сотрудников чуть ли не в антимонархических настроениях. Он выступает против Министерства иностранных дел за то, что дипломаты не желают ссориться с Германией; критикует Сенат, испытывавший, по его словам, «особую нежность ко всяким прерогативам земского самоуправления». Государственному Совету Катков ставит в вину «игру в парламент».

Иногда М. П. Катков настолько забывался, что вызывал недовольство Александра III, и только заступничество К. П. Победоносцева помогало «Московским ведомостям» выходить без цензурных санкций. Обер-прокурор не без основания полагал, что Катков просто незаменим: именно при нем «Московские ведомости», ставшие фактически официозным печатным органом, добились такого общественного влияния, какого консервативным изданиям уже никогда достичь не удавалось. Катков с гордостью именовал свою газету «органом государственной деятельности. В ней не просто отражались дела, в ней многие дела делались» (*ТА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 822. Л. 66. Письмо М. Н. Каткова Александру III. Февраль 1884 г.*).

* * *

Знаковой фигурой для определенной части высшего общества являлся князь Владимир Петрович Мещерский, которого в свете звали просто «Вово». С. Ю. Витте дал этому человеку почти гоголевскую характеристику: «известный редактор-издатель не менее известного «Гражданина», хотя известность эта как самого князя, так и «Гражданина», по моему мнению, более печальна, нежели почтенна» (*Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 575*).

«Гражданин», издание откровенно правого толка, в плане острых публицистических материалов уступало катковским «Московским ведомостям», но Мещерский компенсировал этот недостаток публикацией романов из жизни высшего общества, снискавшими успех у широкого круга читателей. Александр III, по словам самого Мещерского, находил «много интересного, а иногда и полезного в «Гражданине» (*Мещерский В. П. Мои воспоминания. Т. 3. С. 214*).

Подражая Достоевскому, князь завел в «Гражданине» постоянный «Дневник», в который старательно вносил хронику текущих событий в России и Европе, снабжая факты пространными комментариями и философскими размышлениями. Рассуждая на страницах «Дневника» о равенстве, В. П. Мещерский утверждал, что подобные идеи не могут иметь успех в русском народе, известном своим здравомыслием. Понравился Александру III и княжеский пассаж о русской политической партийности: «В России государственную партию составляет весь русский народ. Гнилой либерализм и гнилой консерватизм оказываются только в нашем гнилом космополитическом и поверхностном образовании» (*Дневник князя Мещерского. СПб., 1881. С. 184*).

На издание «Гражданина» правительство по царскому распоряжению ежегодно выделяло Мещерскому огромную по тем временам сумму в 80 тыс. рублей.

Внук историка Карамзина, князь Мещерский получил блестящее образование и был вполне светским человеком, но в обществе его старательно избегали. Скандальную славу Вово приобрел благодаря своей приверженности к однополой любви. По свидетельству современников, всю жизнь Мещерский только и занимался своими гомосексуальными фаворитами: из политики он сделал ремесло, которым самым бессовестным образом торговал в свою пользу и пользу своих любовников. К. П. Победоносцев говорил, что Мещерский просто «негодяй и грязный человек, с которым он не желает знать» (*Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 579*).

В 1887 году князь оказался в центре громкого скандала, вызванного его романом с юным трубачом лейб-гвардейского полка. Дело дошло до того, что родные публично отреклись от Мещерского, но Александр III неожиданно принял сторону друга своей молодости, и скандал был замят.

Любвеобильный князь, воодушевленный августейшим покровительством, продолжал сексуальные подвиги, вылившиеся в 1889 году в новую пикантную историю, в которой оказались замешаны более ста гвардейских офицеров и актеров Александринского театра.

Императрица Мария Федоровна резко возражала против посещений Мещерским Аничковского дворца, но князь пользовался каждым удобным случаем, чтобы встретиться с Александром III. Стучались, впрочем, эти визиты крайне редко, но Вово Мещерский регулярно пересылал императору длинные послания с изложением политических сплетен, бродивших по столице.

Несмотря на возражения жены, Александр III терпел Мещерского в память о старшем брате Никсе, который в юности познакомил его с князем. В те счастливые времена они «фехтовали утром, вместе завтракали, гуляли, обедали, вместе совершали ежедневную прогулку в Павловск», — писал в мемуарах князь Мещерский (*Мещерский В. П. Мои воспоминания. Т. 2. С. 270*).

Он был поверенным Александра в его любовной истории с троюродной сестрой Вово княжной Марией Мещерской. Нередко они ссорились. Причиной тому были чрезмерная самонадеянность князя, острый язык, желание встать в позу отца-учителя, менторский тон. Александр неоднократно запрещал появляться Мещерскому во дворце, но вскоре прощал друга юности.

Мещерский был несомненно умен, остроумен и неизменно оживлен. Александр, напротив, медлительный до флегматичности, не склонный к упражнениям в остроумии, всегда с удовольствием слушал яркую речь князя, в которой нередко проскальзывали

очень дельные мысли. Кроме того, «Мещерский обладал хорошим литературным, публицистическим талантом, даже можно сказать, выдающимся талантом, и так как он писал статьи в тон императору Александру III, то естественно, что император до известной степени ценил его публицистическую деятельность» (*Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 580*).

Такие разные люди, во многом противостоящие друг другу, оказались сторонниками Александра III. От него теперь зависело, чтобы, не давая разыграться амбициям и мелкому честолюбию, направлять действие здравомыслящих консервативных сил на стабилизацию обстановки в стране, пытаясь вывести Россию из политического и экономического кризиса. «Не думай, что я унываю, — написал император младшему брату великому князю Сергею Александровичу летом 1881 года, — нет, напротив и более чем когда-либо надеюсь, что Господь не оставит дорогую Россию... Назначив почти везде новых людей, мы дружно принялись за тяжелую работу и, Слава Богу, с трудом идем вперед и дело идет гораздо успешнее, чем при прежних министрах... Они хотели забрать меня в свои лапы и закабалить, но это им не удалось, и как я счастлив, что отделался от них, а в особенности от графа Лориса, который заварил такую кашу своим популярированием с журналистами и игрой в либерализм, что еще немного, и мы были бы накануне полнейшей революции. Не могу скрыть, что еще далеко мы в не нормальном состоянии, много еще будет разочарований и тревог, но на все надо быть готовым и идти прямо и смело к цели, не уклоняясь в сторону, а главное, не отчаиваться и надеяться на Бога» (*ТА РФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 52. Л. 33об.—34. Письмо от 11 июня 1881 г.*).

* * *

В сентябре 1881 года Александр III утвердил «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», введившего чрезвычайные меры на территориях, объявленных на «исключительном положении». Местные генерал-губернаторы получали особые полномочия: в их власти теперь было без объяснения причин закрытие общественных и частных собраний, промышленных предприятий. Уголовные дела по желанию генерал-губернаторов или министра внутренних дел передавались военному суду, действовавшему по законам военного времени. Полицейские власти в любое время дня и ночи могли производить обыски, арестовывать подозрительных лиц сроком до двух недель без предъявления обвинения. «Положение об охране», с переменным успехом, действовало до 1917 года.

В целом население приветствовало введение «Положения об охране», видя в нем гарантию от общественных потрясений и катаклизмов. Нельзя не согласиться с мнением современного историка В. А. Твардовской: «Как и всякий народ, русский был консервативен в своей основе: тяготел к прочности, устойчивости бытия, соблюдал обычаи, чтит традиции. Такой традицией, уходящей в глубь истории, была царская власть, воспринимавшаяся в народе как некая изначальная и неотъемлемая принадлежность действительности, почти как явление природы» (*Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. С. 307*). И Александр III прекрасно олицетворял эту национальную традицию своей внешностью, манерой поведения, образом жизни.

Одним из первых практических шагов нового правительства для предотвращения «брожения умов» и прекращения либеральной пропаганды стало усиление цензуры. «Опыт показывает, — писал К. П. Победоносцев, — что самые ничтожные люди — какой-нибудь бывший ростовщик, жид-фактор, газетный разносчик, участник банды чер-

вонных валетов, разорившийся содержатель рулетки — могут основать газету, привлечь талантливых сотрудников и пустить свое издание на рынок в качестве органа общественного мнения. Нельзя положиться и на здоровый вкус публики. В массе читателей — большею частью праздных — господствуют, наряду с некоторыми добрыми, жалкие и низкие инстинкты праздного развлечения, и любой издатель может привлечь к себе массы расчетом на удовлетворение именно таких инстинктов, на охоту к скандалам и пряностям всякого рода» (*Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени. С. 127*).

Приведенные Победоносцевым доводы показали Александру III убедительными, и несколько изданий, в числе которых оказались популярные «Голос», «Страна», «Порядок», «Молва», «Дело», «Русский курьер», «Отечественные Записки», были закрыты. Резолюция нового царя на докладной записке по поводу закрытия некоторых газет в конце марта 1881 года звучала однозначно: «Давно пора было...» (*ГА РФ. Ф. 677. Он. 1. Д. 533. Л. 1*). Для рассмотрения вопросов о прекращении периодических изданий вводился ускоренный и упрощенный порядок — окончательное решение, становившееся приговором тому или иному журналу или газете, принималось совещанием четырех министров (внутренних дел, юстиции, народного просвещения и обер-прокурора Священного Синода).

Многие темы оказались неудобными для обсуждения в прессе: ограничивалась критика различных министерств и ведомств, запрещалось обсуждать вопросы, связанные с внутренними порядками в средних учебных заведениях. Информацию о студенческих беспорядках, эпидемиях, крестьянских волнениях разрешалось перепечатывать только из официальных правительственных сообщений, без каких-либо комментариев. Иногда дело доходило до анекдотичных ситуаций: в 1888 году было запрещено печатать отзывы, оскорблявшие честь жены турецкого султана как главы дружественного России государства.

В то же время некоторые авторитетные издания консервативного направления получили право выходить без предварительной цензуры. Однако за подобную свободу издателям приходилось подчас платить дорогой ценой: после двух предупреждений о допущенных нарушениях издание могли закрыть. Не оставила цензура без внимания и публичные библиотеки, и общественные читальни: прошедшая в 1884 году ревизия библиотек сочла недопустимым наличие в их фондах 133 названий книг и периодических изданий.

Тем не менее, несмотря на строгости цензуры, к концу царствования Александра III в России выходило около 400 периодических изданий, из которых четверть составляли газеты. Значительно выросло число научных и специальных журналов, достигнув 804 названий.

В свете мер, связанных с усилением цензуры, любопытны слова самого Александра III о свободе прессы, сказанные им князю В. П. Мещерскому: «Писать можно обо всем; критиковать можно всякую меру, хотя бы мною утвержденную, но под одним условием — чтобы не было ни личной брани, ни неприличия». Однако, когда князь, воодушевленный царским напутствием, направился в министерство, чтобы объяснить по поводу критической заметки о морском ведомстве, морской министр нравоучительно заявил ему: «Можно писать обо всем, но нельзя идти против мер морского ведомства. Нельзя ронять авторитет начальства» (*Мещерский В. П. Мои воспоминания Т. 3. С. 214, 215*).

Видно, недаром на Руси издавна повелось, что «любит царь, да не жалуется псарь»...

* * *

Другим важным направлением борьбы с нигилизмом для нового правительства стало наведение порядка среди студенчества. Именно в этой социальной среде Александр III и его ближайшие сподвижники видели источник наиболее стойкой и сплоченной оппозиции правительству; именно в университетах и академиях революционеры на протяжении многих лет с успехом рекрутировали наиболее отчаянных террористов. Для искоренения подобного положения необходимо было принимать радикальные средства. В ход пошли «лекарства», приготовленные по рецептам известного своей строгостью «доктора» — министра внутренних дел графа Д. А. Толстого. Его «медицинские» методы были хорошо известны: лечение должно быть скорым, неотложным, эффективным. При этом с больными особенно церемониться не рекомендовалось — горькое лекарство быстрее несет выздоровление, чем сладкая, но слабая микстура...

Заняв в 1882 году пост министра внутренних дел, Д. А. Толстой принялся наводить порядок в своей прежней вотчине — Министерстве народного просвещения. Толстой считал, что высшая школа должна служить интересам государства и готовить профессиональных чиновников, научные кадры, лояльную правительству интеллигенцию, а не служить кузницей по ковке бойцов подпольной террористической армии.

В августе 1884 года Александр III утвердил университетский устав, проект которого граф Д. А. Толстой предлагал еще Александру II. Новый устав наносил тяжелый удар по университетскому самоуправлению, заменив выборное начало министерским назначением ректоров, деканов, профессоров. Не согласных с новыми порядками, невзирая на их прежние заслуги и ученые труды, без сожаления отправляли в отставку.

Для приема государственных экзаменов отныне создавались специальные испытательные комиссии, в которые, по замыслу разработчиков устава, должны были входить профессора из других университетов и чиновники, назначенные министром просвещения. Эта мера должна была поднять уровень требований к студентам. Однако на практике лишь председатель комиссии являлся профессором «со стороны», остальные же ее члены, как правило, были преподавателями того же университета.

При обсуждении вопроса о государственных экзаменах среди консерваторов неожиданно начались разногласия. К. П. Победоносцев утверждал, что экзаменовать студентов должны преподаватели родного университета. Его, как бывшего университетского профессора, беспокоило, что «благонадежность» становится более важным критерием учебного процесса, чем успеваемость. Более того, обер-прокурор излагал почти крамольную мысль, что «университет без университетской свободы не есть университет и не может дать никаких благотворных результатов» (*Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 302*).

К. П. Победоносцеву возражал М. Н. Катков, считавший государственные экзамены основой сдерживания академического свободомыслия. Причем он утверждал, что студенческие волнения по большей части возникают «из профессорской среды, откуда возбуждаются, и здесь надо искать их корни» (*Русский консерватизм XIX столетия. С. 315*).

Абитуриенты лишались возможности выбора учебного заведения, которую они имели в течение всей предыдущей истории русской высшей школы: теперь гимназисты могли поступить в университет только своего учебного округа. Все студенты были обязаны прослушать определенное число обязательных лекций у назначенных профессоров, а в случае академической неуспеваемости отчислялись из университета.

Основной целью нового устава было желание сделать из студентов лишь слушателей и посетителей лекций, ничем кроме учебы не связанных друг с другом. Строжайше запрещались все студенческие корпоративные организации, землячества, кружки.

Александр III при обсуждении проекта нового университетского устава встал на позицию сторонников превращения университетов в административно-государственные учреждения. Консерваторы могли праздновать первую значительную победу. М. Н. Катков в передовице «Московских ведомостей» писал: «Новый университетский устав важен не только для одного учебного дела, он важен еще потому, что полагает собою начало новому движению в нашем законодательстве; как устав 1863 года был началом системы упразднения государственной власти, так устав 1884 года предназначает собою возобновление правительства, возвращение властей к их обязанностям» (*Московские ведомости*. 1884, 6 октября. № 278).

* * *

Одновременно с ограничительными мерами по отношению к высшей школе власти пытались поднять уровень элементарной грамотности населения.

Основным типом общественной начальной школы в России в начале 80-х годов являлась земская школа. Проведенное в марте 1880 года первое статистическое исследование начального образования по 60 губерниям Европейской России показало, что в 22 770 сельских народных училищах всех ведомств и наименований обучалось 1 140 915 учащихся (904 918 мальчиков и 235 997 девочек), которым преподавали начала наук 36 955 учителей (*Энциклопедический словарь изд-ва Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона*. СПб, 1890–1907. Т. 20. С. 761). В начальных одноклассных (с трехгодичным курсом обучения) и двухклассных (пятилетний курс обучения) училищах Министерства народного просвещения в обязательном порядке преподавались Закон Божий, русский язык с чистописанием, арифметика, история, география и естествоведение, церковное пение. В училища принимали детей в возрасте от 7 до 12 лет.

В приходских училищах, содержавшихся за счет городских и сельских обществ, и начальных народных училищах, учреждаемых земствами или городскими и сельскими обществами, преподавались Закон Божий, начала чтения и письма, четыре арифметических действия и церковное пение.

Однако в деле народного образования особое внимание Александр III отводил церковно-приходским школам, призванным не только учить грамоте и арифметике, но и нравственно воспитывать крестьянских детей в принципах православной морали, «утверждать в народе православное учение веры и нравственности христианской и сообщать первоначальные полезные знания».

В 1884 году были изданы новые правила о церковно-приходских школах, а на следующий год при Священном Синоде создается особый совет для управления этими учебными заведениями, которые разделялись на два разряда: собственно церковно-приходские школы и школы церковной грамотности, различавшиеся объемом преподаваемых дисциплин и сроком обучения. Обучали детей местные священники и учителя, назначаемые епархиальным архиереем. В 1893 году в духовном ведомстве, по отчету обер-прокурора, числилось 11 342 церковно-приходские школы и 15 922 школы грамоты, в которых обучалось 860 206 учеников. Ассигнование церковно-приходских школ к 1893 году достигло трех миллионов рублей в сравнении с 55 тысячами в 1882-м. За эти

годы было открыто более 25 тысяч церковно-приходских школ, причем их общее число составило 29 945 (*Там же. Т. 20. С. 766*).

* * *

Не меньшее раздражение, чем университетские свободы и брожение в студенческой среде, вызывало у Александра III и состояние судебной власти. Слишком многое здесь казалось ему не свойственным русским традициям, привнесенным в Россию из Европы. Принципы несменяемости и независимости судей, институт присяжных поверенных — все эти новшества, по мнению Александра III, были чужды русскому человеку, не соответствовали национальному характеру.

Можно предположить, что к подобному умозаключению Александра III привело его всегдашнее скептическое отношение к людям, основанное на постоянных примерах взяточничества, коррупции, лживости среди судебных чиновников и присяжных. Для Александра III, как для глубоко религиозного человека, основным законом всегда оставались библейские заповеди: «Почитай отца и мать твою... Не убий. Не прелюбодействуй. Не кради...» Судебная же реформа 60-х годов уводила законодательство от этих основополагающих принципов в лабиринты софизмов, заволакивала истину туманом адвокатского красноречия. Христианская мораль подменялась набором сухих правил, изобретенных кабинетными учеными.

Мнение императора разделял и К. П. Победоносцев, заявлявший в письме к Александру III: «Люди, создавшие у нас судебные учреждения, сами не знали, что делали; но они успели раздуть и прославить свое создание и во мнении нашего невежественного общества, и во мнении ближайших советников покойного государя... Нигде в мире суд не обособлен так, как у нас в России. Разница громадная в том, что повсюду существует веками установившееся и организованное судебное сословие, в коем первенствуют старые деятели, опытные люди; повсюду есть стройное систематическое законодательство, разработанное судебной практикой тоже в течение веков. Там признается несменяемость судей, но они не бесконтрольны, и есть на них управа. Суд служит, как и должен служить, необходимым и крепким орудием государственной власти для охранения закона, для поддержания основных начал управления и порядка, для наказания виновных.

У нас — не было и нет судебного сословия. Крепких и опытных деятелей очень мало; приходится ставить повсюду неопытных, а иногда и вовсе неумелых юношей» (*К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. 1. С. 68–69*).

«Московские ведомости», «Гражданин» также требовали немедленной контрреформы судебной власти, настаивая на отмене суда присяжных, изменении статей закона о несменяемости судей и гласности судопроизводства, пересмотре судебных уставов (*Гражданин. 1884. №1*).

К. П. Победоносцев предложил более компромиссный план, предусматривающий постепенное и плавное исправление недостатков судебной системы, приведение судов в общий контекст деятельности государственных учреждений. «Законы становятся сетью не только для граждан, но — что важнее, — для самих властей, призванных к применению закона, — стесняя для них, множеством ограничительных и противоречивых предписаний, ту свободу рассуждения и решения, которая необходима для разумного действия власти» (*Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени. С. 150*).

Стремясь исправить ситуацию, Александр III на протяжении ряда лет принимал указы, приводящие органы судопроизводства в строгое соответствие с действиями государственного аппарата, контролируемого верховной властью. Учрежденное в 1885 году Высшее дисциплинарное присутствие, в состав которого входили сенаторы, получило право сменять судей; в 1887 году последовали указы, ограничивающие гласность и публичность судопроизводства, вводя в практику закрытые слушания дел «там, где это целесообразно». Постепенно уменьшалась и роль суда присяжных заседателей: к 1886 году дела политического характера были окончательно изъяты из их ведения. Закон от 7 июля 1889 года еще более сузил компетенцию судов присяжных заседателей, для которых, кроме того, значительно повышался имущественный ценз.

Ряд постановлений и циркуляров последовательно повышал уровень надзора министра юстиции за судами. Но эти меры не означали однозначного усиления репрессивного характера судебной власти.

Несмотря на кажущуюся строгость существовавшего порядка и введение карательных мер при Александре III, с 1881 по 1890 год по политическим делам было вынесено всего 74 смертных приговора, из которых только 17 приведено в исполнение, а в каторжные работы направлено 106 человек (*Гернет М. Н. История царской тюрьмы. М., 1954. Т. 3. С. 129*).

Нередко император лично отменял смертный приговор и смягчал меру наказания осужденным. Среди помилованных Александром III — офицер В. Жеребков, застреливший во время ссоры своего товарища; также была смягчена мера наказания поручику А. Бартеневу, убившему свою любовницу*.

Александр III отменил смертную казнь известной террористки Веры Фигнер и трем ее товарищам. Иногда дело не доходило даже до суда. Узнав, что мичман флотского экипажа Григорий Скворцов, замешанный в деятельности подпольной группы, искренне раскаялся, император распорядился выпустить его на волю, не подвергая судебному преследованию.

* * *

Порядок в России наводился строгой рукой. Александр III принимал решения, руководствуясь голосом совести. Даже, несмотря на ограничительные меры по отношению к студенчеству и интеллигенции, именно в годы его правления наблюдался бурный рост национального самосознания, выразившегося в расцвете русской культуры, искусства, философии.

Интересную характеристику студенчеству этих лет дал историк А. А. Кизеветтер: «Типичный студент-восемидесятник вовсе не был индифферентен к общественным вопросам и вовсе не был чужд сознанию гражданского долга. Но — для него характерно отсутствие революционного пыла и веры в целесообразность и спасительную силу революционных методов политической борьбы... преобладало убеждение в том, что революционные эксцессы не создают переломов в жизни государства, а являются лишь следствием уже назревшей перестановки государственно-общественных отношений в стране, своего рода вскрытием нарыва, между тем как творческая работа, созидаящая прогресс, есть работа по необходимости медлительная, молекулярная, требующая погружения в терпеливую возню с будничными мелочами текущей жизни» (*Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий. Воспоминания. 1881–1914. М., 1997. С. 125*).

В 1888 году был открыт новый университет в Томске, в 1889 году вновь начали занятия Высшие женские курсы. К 1894 году в России насчитывалось 52 высших учебных заведения, где обучалось 25166 студентов. Общая сумма расходов на содержание университетов в 1880 году составляла 3157 тыс. рублей, а в 1894-м — 4300 тыс. рублей. В 1894 году в стране насчитывалось 177 мужских гимназий, 58 прогимназий, 104 реальных училища, 55 духовных семинарий, 163 женские гимназии Министерства народного просвещения, 61 женское епархиальное училище, 30 институтов, 30 женских гимназий ведомства императрицы Марии Федоровны и 34 кадетских корпуса (*Энциклопедический словарь изд-ва Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 27. С. 398*).

В эти годы в России формировалась национальная медицинская клиническая школа. Среди светил медицинской науки того времени были такие корифеи, как С. П. Боткин, Ф. И. Иноземцев, И. М. Сеченов, Г. А. Захарьин, Ф. Ф. Эрисман, Н. В. Склифосовский. В 1886 году Министерство народного образования выделило 2450 тыс. рублей для строительства крупнейшего в Европе клинического городка медицинского факультета Московского университета, ставшего одним из центров отечественной науки и врачебной практики.

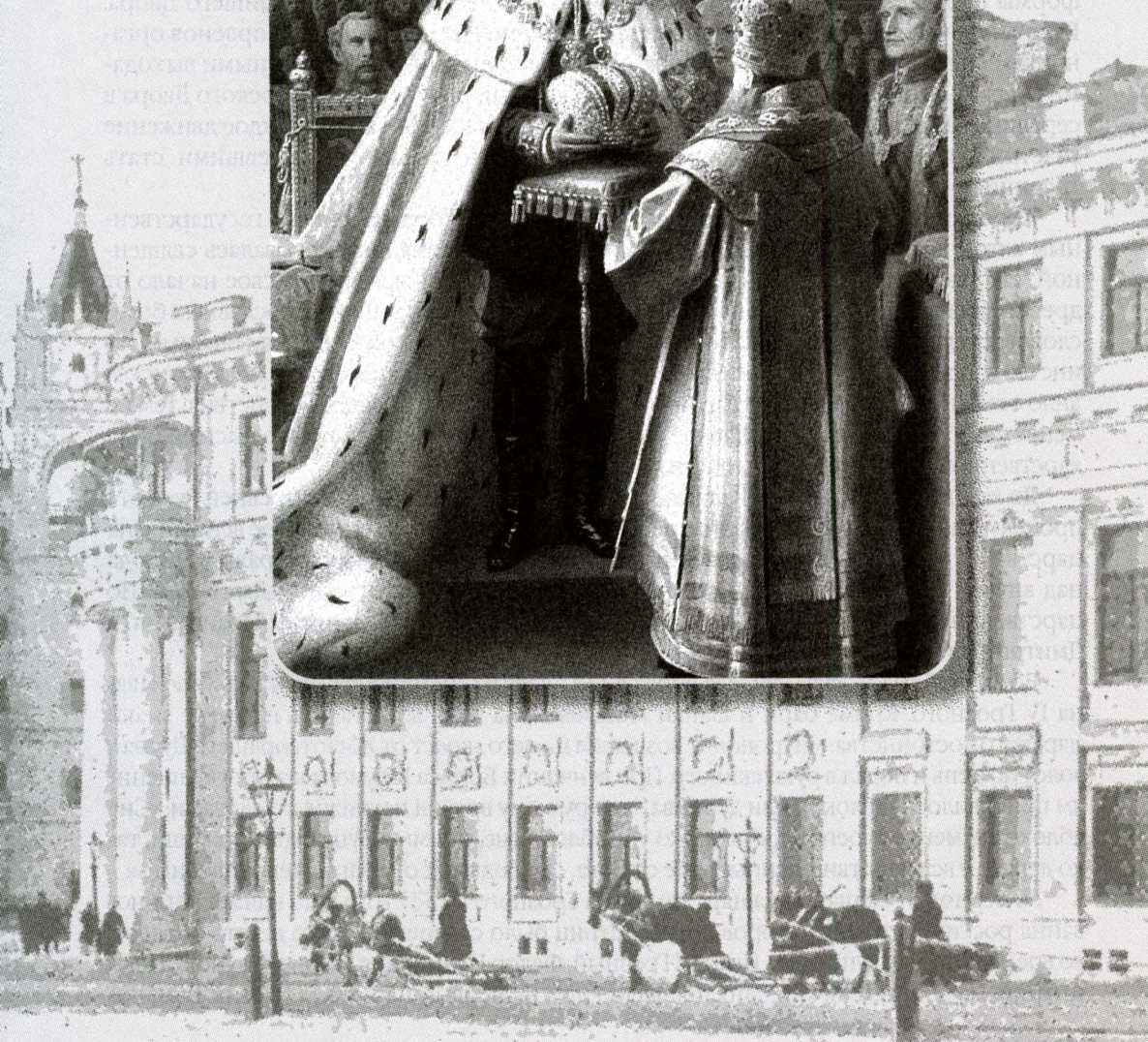
В годы царствования Александра III творили Л. Н. Толстой, Н. С. Лесков, А. Н. Островский, набирал силу талант А. П. Чехова, приобретают подлинно национальные черты живопись, балет, музыка. В стране насчитывалось свыше 3 тыс. ученых и литераторов, 4 тыс. инженеров, 79,5 тыс. учителей, 68 тыс. частных педагогов, 18,8 тыс. врачей, 18 тыс. представителей свободных профессий.

В царствование Александра III Россия впервые становится одним из признанных центров мировой культуры, а произведения русских писателей, композиторов, шедевры изобразительного искусства, созданные в этот период, навсегда вошли в сокровищницу мировой цивилизации.

* За убийство артистки М. Висновской Варшавский окружной суд приговорил А. Бартенева к лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы на восемь лет. Александр III заменил наказание разжалованием А. Бартенева в рядовые (*Плевако Ф. Н. Избранные речи. Тула. 2000. С. 323*). Эта история легла в основу рассказа И. А. Бунина «Дело корнета Елагина».

КОРОНАЦИЯ

В любой монархической державе церемония коронации является одним из самых торжественных и величественных национальных праздников. Не была исключением и императорская Россия. Традиции русского царского церемониала допетровской Руси берут свое начало в древней Византии. Реформы царя-преобразователя сказались и на быте и обычаях Высочайшего Двора. Европейские военные и придворные мундиры, дамские наряды, знаки орденов органично сочетались с древними пышными богослужениями, торжественными выходами русских царей. Окончательно сложился сложный ритуал императорского Двора к середине XIX века. Каждая деталь туалета, порядок ношения наград, каждое движение участников церемоний строго регламентировалось правилами, успевшими стать традицией.

Коронация русских императоров всегда являлась торжественным государственным актом восприятия монархом символов власти. Коронация именовалась священной, так как соединялась с обрядом святого миропомазания, ведущим свое начало от древнееврейского помазания царей на царство. Согласно мнению православных богословов, соединение миропомазания с коронацией является особым религиозным таинством, при котором император, не посвящаясь в духовную иерархию (как происходило с византийскими императорами) и не получая права на священнодействие, тем не менее благословлялся Православной Церковью на исполнение не только высшей государственной, но и церковной власти.

До конца XV века летописи скупо говорят о чине «вокняжения». В Древней Руси эта процедура носила название «венчание на царство». Первый раз священное венчание на царство по древнему греко-византийскому чину было совершено 4 февраля 1498 года над внуком московского великого князя Иоанна III пятнадцатилетним Дмитрием. Но царствовать Дмитрию не довелось: престол занял его дядя Василий III Иоаннович, а Дмитрий умер в 26 лет «в нуже, в тюрьме».

Во второй раз Москва увидела обряд в 1547 году во время венчания на царство Ивана IV Грозного. Кроме барм и шапки Мономаха, на царя возлагались и другие знаки царского достоинства: митрополит возложил на него «крест от Животворящего Древа», золотую цепь и подал в руки скипетр. При венчании Бориса Годунова к этим украшениям прибавилось «яблоко», или держава, которую ему вручил патриарх со словами: «Сие яблоко знамение твоего царствия: яко убо яблоко сие, прими в руке свои держиши, тако держи и вся царствие, данные тебе от Бога, соблюдая их от врагов непоколебимо».

За период от венчания на царство Ивана Грозного в 1547 года и до начала коронации российских императоров и императриц было совершено всего девять обрядов, во время которых венчались Иван IV Грозный, Федор Иоаннович, Борис Годунов, Лжедмитрий, Василий Шуйский, Михаил Федорович — первый царь из династии Романо-

вых, Алексей Михайлович, Федор Алексеевич и родные братья — Иоанн V Алексеевич и Петр I, венчавшиеся на совместное царство.

Петр I, приняв на себя титул русского императора, указом от 16 мая 1721 года приказал считать день коронации праздничным, наравне с царскими днями рождения и тезоименитства. 7 мая 1724 года он возложил императорскую корону на свою вторую жену Екатерину Алексеевну.

В отличие от прежнего венчания на царствие, во время императорской коронации вместо древней царской одежды с бармами и золотой цепью, монархов украшала императорская мантия или порфира с цепью ордена Андрея Первозванного. Императорская корона заменила шапку Мономаха. Так как ни один церковный иерарх или великий князь не мог соединить в себе достоинства, «соответствующие царской чести и власти», то император сам возлагал на себя и жену корону Российской империи.

Большая императорская корона была изготовлена женовским ювелиром И. Позье в сентябре 1762 года перед коронацией Екатерины II. На ее отделку пошло 58 больших и 4878 малых бриллиантов, большой рубин и 75 жемчужин. При этом корона весила менее пяти фунтов (около двух килограммов). Примерив обнову, Екатерина с удовольствием отметила, что «выдержит такую тяжесть».

Для коронации Павла I большая императорская корона была несколько расширена и 75 жемчужин заменены 54-мя большего размера. Этой короной пользовались во время торжественных церемоний все последующие русские монархи.

Не только большая корона, но и все другие регалии русских императоров — скипетр, держава, порфиры, коронные знаки ордена Андрея Первозванного, — являются настоящими шедеврами ювелирного искусства.

Золотой скипетр, изготовленный к коронации Павла I, представляет из себя жезл, длиной 81 сантиметр, усыпанный алмазами и драгоценными камнями; его вершину украшал знаменитый бриллиант «Орлов», весящий 194 карата. Он имеет форму розы и происходит из Индии, где служил глазом статуи Браммы. После долгих приключений бриллиант в 1794 году был выкуплен графом Орловым для Екатерины II за 450 000 рублей.

Держава, также изготовленная для коронации Павла I, имела вид шара из синего яхонта, увенчанного крестом, что символизировало собой владычество над миром.

В 1883 году Россия обрела еще один государственный символ — бело-сине-красный флаг. Еще Петр I в 1705 году выбрал эти цвета для флага русского торгового флота, однако до середины XIX века в стране не существовало утвержденного государственного знамени. В 1858 году Александр II лично нарисовал черно-желто-белый национальный флаг, назвав эти цвета «государственными цветами России».

Однако Александр III решил вернуться к варианту Петра Великого и своим указом утвердил бело-сине-красный триколор в качестве национального флага. Выбор цветов был не случаен: белый символизировал благородство, откровенность; синий — верность, честность, безупречность, целомудренность; красный — мужество, смелость, великодушие, любовь. Исторически выбор цветов объяснялся словами из полного титула русских самодержцев: «Всея Великия, и Малыя, и Белья России», — и обозначал соответственно: красный цвет — великороссов, синий — малороссов и белый — белороссов (Гребельский П., Мирвис А. *Дом Романовых*. СПб., 1992. С. 243).

* * *

Коронация Александра III и императрицы Марии Федоровны по традиции проходила в древней цитадели русских царей — Московском Кремле.

Первоначально торжественное событие планировалось провести в мае 1882 года, но беременность императрицы и рождение дочери Ольги 1 июня 1882 года заставили перенести церемониал на 15 мая 1883 года.

Царская семья выехала из Гатчины 7 мая 1883 года и утром следующего дня прибыла в Москву. Следуя примеру предков, с Николаевского вокзала Александр III направился в Петровский дворец, построенный по повелению Екатерины II за городской заставой на Петербургском шоссе. Здесь останавливались перед въездом в Москву все русские императоры.

Коронационные празднества открывались торжественным въездом императорской семьи в Первопрестольную. В половине девятого утра 12 мая 1883 года великие князья и представители царствующих фамилий со всех концов планеты ожидали верхом на конях у выхода Александра III, чтобы сопровождать его по пути в Кремль. Участник события, великий князь Александр Михайлович вспоминал впоследствии: «Ровно в 10 часов утра царь вышел из внутренних покоев, сел верхом на коня и подал знак к отбытию. Он ехал один, впереди нас всех, эскадрон кавалергардов ехал впереди кортежа и возвещал его приближение народу и войскам, которые стояли шпалерами вдоль всего пути следования. Длинный поезд золотых карет следовал за нашей кавалькадой. В первом экипаже сидела императрица Мария Федоровна с восьмилетней великой княжной Ксенией и королевой греческой Ольгой. Остальные великие княгини, принцессы королевской крови и заслуженные статс-дамы разместились в остальных каретах кортежа.

Громовое «ура» сопровождало нас по всему пути следования до Иверской часовни, где император сошел с коня и, в сопровождении императрицы, вошел в часовню, чтобы поклониться иконе Иверской Божией Матери. Мы въехали в Кремль через Спасские ворота и подъехали к Архангельскому собору. Официальная программа дня закончилась молебствием, отслуженным митрополитом московским при участии придворно-певческой капеллы. Вторая половина дня 12 мая и весь следующий день были заняты обменом визитов между членами императорской фамилии и иностранными высочайшими особами» (*Александр Михайлович. Книга воспоминаний. С. 61–62*).

* * *

Для проведения коронации Александром III был утвержден «Церемониал Священного коронования их Императорских Величеств Государя Императора Александра Александровича Самодержца Всероссийского и Государыни Императрицы Марии Федоровны».

Этот документ лучше любого исторического романа позволяет почувствовать всю торжественность и праздничность древней традиции наших предков.

«В самый день Коронования, по сделанному, в 7 часов утра, по распоряжению Военного Начальства, сигналу 21 пушечным выстрелом, начнется от Успенского Собора благовест; Особы и лица, в разные должности назначенные, соберутся на показанных им местах к 7 ½ часам; в 8 часов Особы 1-х двух классов обоего пола, в шествии не участвующие, а в 8 ½ часов Послы и Посланники, с их Супругами...

В Успенском Соборе четыре Кавалергардских офицера заблаговременно станут: два старших — на пятой ступени Трона, а два младших — на седьмой, с обнаженными палашиами и касками в руках...

Перед началом шествия Его Императорского Величества, Духовник Ее Величества, со Крестом, имея при себе двух Дьяконов, несущих на золотом блюде Св. воду, окропит оною путь.

Когда Верховный Маршал доложит, что все к шествию готово, то Их Императорские Величества изволят, из внутренних покоев, прибыть в Тронную залу и воссесть там на Трон под балдахином. По сигналу, данному трубами и литаврами с террасы против Андреевской залы и с террасы, выходящей к Благовещенскому Собору близь Красного Крыльца, шествие начнется следующим порядком:

1. Взвод Кавалергардов, по три в ряд, с двумя офицерами.

2. Двадцать четыре Пажы и столько же Камер-Пажей, с их Ротным Командиром, по три в ряд, прошед сквозь Церковь, ожидают окончания службы в Крестовой Синодальной Палате.

3. Два Церемониймейстера, с жезлами, которые остаются в Соборе.

4. Волостные старшины губерний Российской Империи, Гминные войты Привислянских губерний и староста Коробовских белопащцев, все по три в ряд; из них остаются в Соборе старейшие по времени службы 12 волостных старейшин (в том числе: один от Московской губернии и один от Петербургской), один гминный войт и староста Коробовских белопащцев <...>

51. Знатное Российское Дворянство, по три в ряд; из них трое остаются в Соборе.

52. Мануфактуристы и заводчики, по три в ряд.

53. Именитое Московское купечество, по три в ряд.

54. Взвод Кавалергардов.

<...> Когда Их Императорские Величества к паперти приблизиться изволят, тогда Митрополит Московский произнесет речь; Митрополит Новгородский поднесет Их Величествам благословящий Крест к целованию, а Митрополит Киевский окропит Их Величества Св. водою. По вступлении в Храм Их Величества сотворят, пред Царскими вратами, троекратное Господнее поклонение и приложатся ко Святым Иконам, а потом изволят следовать на приготовленные посреди Церкви Трон, и воссесть на Престолах Царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. Тогда Архиереи, Архимандриты и прочие Духовенство, имеющие быть в служении, станут от ступеней Трона до Царских врат, по обе стороны; а певчие на клиросах пропоют Царский псалом: «Милость и суд воспою Тебе, Господь...»

<...> Коронавание совершается следующим порядком: Митрополит Новгородский, взошед на верхнюю площадку Трона и став пред Государем Императором, предложит Его Величеству прочитать, в слух всех верноподданных, исповедание Православной Веры, и потом, поднесет развернутую книгу, по которой Его Императорское Величество изволит прочитать велегласно Символ Веры. За сим Митрополит, возгласив: «Благодать Св. Духа да будет с Тобою. Аминь», сходит с Трона...

<...> По возложению Порфиры, Его Императорское Величество изволит преклонить Главу, а Митрополит Новгородский, осенив Государя Императора крестным знамением и положи на Главу крестообразно руки, читает, по Чиноположению, установленные две молитвы.

По окончании второй молитвы, Государь Император повелит подать Себе Корону. Сановник, несший оную в процессии, поднесет ее на подушке Митрополиту Новгородскому, который уже представит оную Его Императорскому Величеству.

Государь Император, взяв с подушки Корону, возложит оную на Главу Свою; Митрополит же Новгородский произнесет речь по книге.

Его Императорское Величество повелит подать Себе Скипетр и Державу...

Его Величество, приняв в правую руку Скипетр, а в левую Державу, воссядет на Престол и потом, положив обе Регалии на подушки, поданные несшими их Особами, изволит призвать к Себе Государыню Императрицу. Ее Величество станет пред Августейшим Супругом Своим на колени, на малиновую бархатную подушку, украшенную золотым позументом и положенную одним из Ее Ассистентов, а Монарх, сняв с Себя Корону, прикоснется оною к Главе Императрицы и снова на Себя возложит.

Затем поднесена будет Государю Императору меньшая Корона, Сановником, несшим оную. Его Величество возложит ее на Главу Государыни Императрицы, а четыре Статс-Дамы оную оправят...

Протодиакон, возгласив весь Императорский Титул, воскликнет многолетие Государю Императору и Государыне Императрице, а певчие пропоют трижды: «Многая лета».

Пение это сопровождается звоном во все колокола и, по данному, по распоряжению Военного Начальства, сигналу — 101 пушечным выстрелом...»

* * *

Когда раздались выстрелы салюта, облака, затянувшие небо над Кремлем, разошлись и заблестало солнце. Свидетель торжеств, знаменитый русский художник В. И. Суриков, вспоминая этот день, говорил об императоре: «В нем было что-то грандиозное»...

Вряд ли сам Александр III согласился бы с этой характеристикой. Облеченный неограниченной властью и ответственностью, он всегда оставался в душе простым, бесхитростным русским человеком. Всю ночь перед коронацией Александр не мог спать от волнения; в 9 часов утра, едва сдерживая волнение, он с Минни вышел из своей комнаты. «Я чувствовала себя совершенно как жертвенный барашек. На мне был серебряный шлейф, я была с непокрытой головой, только маленькое жемчужное ожерелье на шее, чтобы не казаться совершенно обнаженной», — записала молодая императрица (*ТАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 648. Л. 113–120. Письмо Марии Федоровны матери королеве Луизе от 15/27 мая 1883 г.*).

Внешне Александр казался невозмутимым и величественным. Но кто знает, чего ему стоило внешнее спокойствие и торжественный вид, какие душевные волнения обуревали его в эти минуты.

«Такое блаженное чувство мы испытывали, вернувшись в наши комнаты, когда все закончилось! Для меня это было то же чувство, что и сразу после рождения ребенка, — вот единственное, с чем это можно сравнить», — записала свои ощущения Мария Федоровна (*Там же*).

Коронационные торжества начались 15 мая 1883 года и продолжались три дня гуляниями, колокольным звоном, раздачей подарков. В честь этого события по традиции были объявлены многочисленные милости: прощался ряд недоимок, штрафы, убытки и начеты, даровалась амнистия участникам польского восстания 1863 года и горцам, высланным за мятеж с Кавказа. Кроме того, в память коронавания тринадцатого императора была учреждена бронзовая медаль со строгим профилем нового самодержца земли Русской.

* * *

Те солнечные майские дни ознаменовались еще одним событием: 18 мая 1883 года состоялось торжественное освящение храма Христа Спасителя, строительство которого продолжалось несколько десятков лет.

После войны 1812 года Александр I решил воздвигнуть храм-памятник в благодарность Богу за избавление России от нашествия неприятеля. Архитектор А. Л. Витберг предложил величественный проект, исполненный в духе мистического символизма. По мысли архитектора, храм должен был быть возведен на Воробьевых горах. Строитель хотел в камне воплотить библейскую идею о трех сущностях человека: теле, духе и душе. Соответственно поставленной задаче он задумал три храма, расположенные террасами, один над другим. Нижний, подземный собор, в форме гроба, олицетворял человеческое тело, обреченное на страдания и смерть. Над ним должен был возвышаться второй храм в виде равноконечного креста — символ души, с ее тревогами, муками и вечными терзаниями. Завершал архитектурный комплекс верхний, круглый храм духа и неомраченного покоя.

Однако осуществление замысла оказалось невозможным. Прежде всего не были учтены условия холмистой местности на берегу Москвы-реки, не позволяющие возвести подобное грандиозное сооружение. Сам А. Л. Витберг, на плечи которого легла вся практическая работа, оказался не готов к такой прозаической деятельности. Вскоре он окончательно запутался в финансовой стороне проекта, и на него легли подозрения в растрате крупных сумм. Была назначена особая комиссия, признавшая архитектора виновным в казнокрадстве. Витберга отправили в ссылку в Вятку, а строительство храма Христа Спасителя было приостановлено.

Спустя много лет Николай I решил осуществить замысел своего старшего брата. Он одобрил проект К. А. Тона, предполагавшего построить храм на новом месте в центре Москвы, близ Кремля. В 1839 году состоялась закладка первого камня, а спустя двадцать лет, в 1859 году, было воздвигнуто само здание, выполненное в византийском стиле с элементами древнерусского зодчества.

Кроме государственных субсидий, выделенных на строительство, по всей России шел сбор добровольных пожертвований.

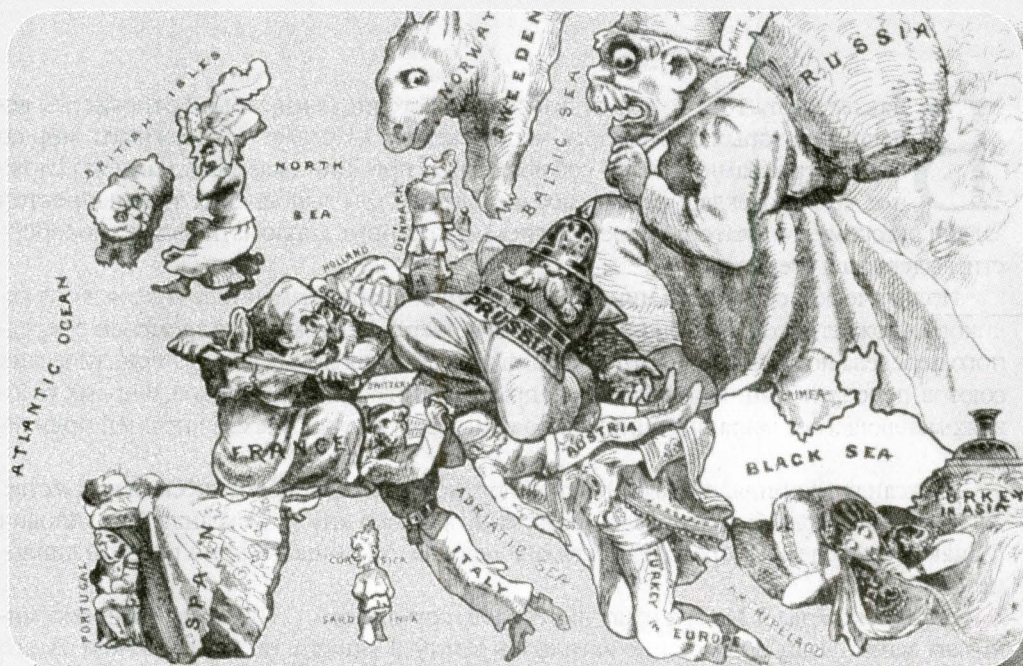
Новый храм поражал своими размерами, в нем могло одновременно находиться около десяти тысяч человек. В отделке храма, росписи стен приняли участие многие выдающиеся художники: Ф. А. Бруни, В. М. Васнецов, Г. И. Семирадский, В. В. Верещагин, К. Е. Маковский, В. И. Суриков. Стены украсили работы скульпторов П. К. Клодта, Ф. П. Толстого, А. В. Логановского.

По случаю освящения храма Христа Спасителя Александр III издал манифест, в котором говорилось, что он будет стоять «многие века в знак благодарности до позднейших родов вместе с любовью и подражанием идеалам предков» (*К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. 1. С. 243*).

Мог ли кто из десятков тысяч людей, присутствовавших 18 мая 1883 года на освящении храма Христа Спасителя, предположить, что не пройдет и полувека, как полуграмотные вандалы с партийными билетами, пытаясь уничтожить память о былом величии России, прикажут взорвать народный памятник...

ДВА СОЮЗНИКА РОССИИ

В начале марта 1881 года русским послам в столицах мира были отправлены депеши, в которых объявлялось, что Александр III желает поддерживать мир со всеми державами. Однако соблюсти этот принцип оказалось намного сложнее, чем продекларировать свое миролюбие. Для выполнения этой непростой задачи русскому императору потребовались недюжинные дипломатические способности, выдержка и твердость.

Политическая ситуация в мире всегда остается крайне изменчива и зависит от великого множества составляющих. Последняя четверть XIX века стала временем очередного передела политической карты мира, формирования новых военно-политических союзов, переориентации политических пристрастий бывших союзников. В новых условиях меняющегося мира принципиально изменился и курс русской внешней политики.

Александр III принялся наводить свой порядок во внешнеполитическом ведомстве. 28 марта 1882 года был отправлен в отставку канцлер князь Александр Михайлович Горчаков, с именем которого была связана не одна страница истории русской дипломатии.

Впрочем, звезда А. М. Горчакова, лицейского соученика А. С. Пушкина, давно уже миновала зенит славы и неуклонно катилась к закату. В юности, по определению своего гениального одноклассника, «питомец мод, большого света друг, обычаев блестящих наблюдатель», Горчаков до поздней старости сохранял эти качества, считавшиеся необходимыми для преуспевающего дипломата. Кроме светского шарма и салонного остроумия, он обладал незаурядными литературными и дипломатическими талантами, на века запечатленными в его дипломатических нотах.

А. М. Горчаков имел смелость высказывать мнения, подчас идущие в разрез с мнением Александра II, и мог отстаивать свою позицию, его отличали высокая нравственность и подлинный патриотизм. Горчаков был удостоен высшего гражданского чина Табели о рангах — государственного канцлера Российской империи и пожалован титулом светлейшего князя. Благодаря развитой дипломатической интуиции, умению извлекать выгоды из противоречий между европейскими державами, А. М. Горчакову удалось в первые годы царствования Александра II успешно решить основную внешнеполитическую задачу, стоящую в то время перед русским правительством, — восстановить пошатнувшееся после Крымской войны бывшее влияние России на Европейском континенте. Немало сил А. М. Горчаков приложил, пытаясь урегулировать конфликтную ситуацию на Балканах; долгие годы русский министр иностранных дел с успехом разрушал самые хитроумные интриги своих английских, германских, австрийских коллег, направленные против России.

Но новое время требовало новых политических решений. Главой Министерства иностранных дел Александр III назначает Николая Карловича Гирса.

Начав службу в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел, Н. К. Гирс с годами прошел все иерархические ступени этого престижного ведомства, успев побывать посланником в Персии, Швейцарии, Швеции; послужить товарищем министра иностранных дел; стать директором Азиатского департамента, в котором когда-то начинал карьеру.

Кроме колоссального опыта, знания нескольких языков, эрудиции, трудолюбия, Гирс обладал еще одним незаменимым в глазах Александра III качеством: он был идеальным исполнителем царской воли, не претендуя на излишнюю независимость. Отныне все вопросы, связанные с внешней политикой России, решал сам император. Н. К. Гирсу отводилась роль исправного секретаря-референта по международным вопросам, лишённого возможности самостоятельно принимать сколь-нибудь серьезные решения. Подобная практика в отечественной дипломатии давно не наблюдалась. К. В. Нессельроде при Николае I и А. М. Горчаков при Александре II пользовались значительно большим влиянием при определении стратегии и тактики внешней политики России.

* * *

Геополитическим центром мира все девятнадцатое столетие продолжала оставаться Европа. Влияние Северо-Американских штатов на международной арене, практически не ощутимое в начале века, было не слишком заметно и в 90-х годах. Америка только накапливала банковский и промышленный потенциал, чтобы в полной мере проявить себя в следующем столетии. Всерьез же говорить об африканских и большинстве азиатских стран никому из европейских дипломатов не могло даже прийти в голову: колонии и полуколонии рассматривались лишь в приложении к метрополиям.

Китайская империя казалась лакомым куском для великих держав, готовых при любом удобном случае начать делить ее на сферы влияния, но необъятность территории, многочисленность населения, фанатично преданного своему императору и тысячелетним национальным традициям, сдерживали аппетиты европейских колонизаторов.

Япония, с каждым десятилетием набиравшая силу, постепенно становилась лидером Азиатского региона, хотя в мировой политике до конца девятнадцатого столетия ее присутствие практически не ощущалось.

Мировой супердержавой столетия оставалась Великобритания. Небольшая островная страна безраздельно правила морями и океанами, из ее колоний со всех концов света корабли везли сырье, золото, продовольствие, экзотические диковины, чай, дорогие украшения. Лондон ревностно оберегал свои интересы и не терпел конкуренции. Россия, с востока омываемая волнами Тихого океана, а на южных рубежах почти достигавшая территории жемчужины английской короны — Индии, традиционно рассматривалась Лондоном как потенциальный противник в большой войне за господство на Среднем и Дальнем Востоке. Разделенные практически половиной Европы, Россия и Англия оказались в «непосредственном соседстве» в Средней Азии.

Расширение русских среднеазиатских владений в 70-е годы XIX века, которые вплотную приблизились к протекторату Лондона — Афганистану, чрезвычайно тревожило английскую королеву.

Для Александра III наведение порядка на границе с Афганистаном и Бухарой являлось важнейшим делом, не терпящим отсрочки. В первую очередь необходимо было положить конец постоянным разбоям полудиких племен, издавна кочевавших в этих

местах. Еще в царствование Александра II были предприняты несколько экспедиций, завершившихся в 1881 году взятием Геок-Тепе. В 1884 году мервские текинцы, обитавшие в богатом и чрезвычайно важном в стратегическом отношении оазисе, выразили добровольное желание принять русское подданство.

Присоединение Ахала и Мерв-Теке поставило на очередь вопрос о маркировке границ с Персией. Переговоры, начатые сразу после взятия Геок-Тепе, привели к заключению декабрьской конвенции 1881 года, согласно которой Персия признавала правомочность присоединения к России Ахал-Текинского оазиса.

Отношения с Англией особенно накалились в марте—апреле 1885 года, после официального заявления русского правительства о присоединении Туркмении и занятии Мерва. Дальнейшее продвижение русских войск к Герату, по мнению англичан, создавало непосредственную угрозу британскому присутствию в Индии. 18 марта 1885 года афганцы, подстрекаемые английскими советниками, напали на пограничный лагерь генерала А. В. Комарова на берегу реки Кушки. После непродолжительного боя нападавшие были полностью разбиты. Потери афганцев только убитыми составили более 500 человек; русский отряд потерял девять человек. Заметим, что это были единственные военные потери за все тринадцать лет царствования Александра III.

Британское общество требовало от своего правительства предпринять энергичные действия против русских. Английский посол в категоричной форме выразил резкий протест и потребовал от имени английской королевы наказать генерала Комарова. Военное командование в Лондоне разрабатывало планы кампании против России, ключевым моментом которого была высадка десанта на Кавказском побережье и морская диверсия в районе Одессы.

На английские угрозы Александр III ответил вполне соглашаясь со своими принципами: «Я не допущу ничего посягательства на нашу территорию» (*Александр Михайлович. Книга воспоминаний. С. 56*). Генерал А. В. Комаров был награжден орденом Святого Георгия 3-й степени и золотым оружием. На депеше русского посла из Лондона император сделал категоричную надпись: «Нечего с ними разговаривать» (*Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. Т. 1. С. 304*).

Вскоре из Лондона пришла новая угрожающая нота. В ответ на нее Александр III отдает приказ о мобилизации Балтийского флота. «Это распоряжение было актом высшей храбрости, ибо британский военный флот превышал наши морские вооруженные силы по крайней мере в пять раз», — писал великий князь Александр Михайлович (*Александр Михайлович. Книга воспоминаний. С. 56*). Подобный шаг был не просто демонстрацией силы и непреклонности позиции — Александр III оказался более тонким дипломатическим стратегом, нежели о нем думали в Букингемском дворце.

Убедительно давая понять, что угрозами Россию не испугать, Александр III приказал Н. К. Гирсу немедленно начать переговоры с германским канцлером Отто фон Бисмарком.

Русский император решил использовать договор с Австрией и Германией, чтобы предотвратить опасность появления британского флота в Черном море. В договоре особо предусматривалась возможность закрытия черноморских проливов на случай войны одного из союзников с третьими странами. Теперь же русское правительство предложило Германии выполнить свои договорные обязательства.

Конечно же, Александр прекрасно знал, чего можно ожидать от германского канцлера. В интимных беседах с близкими Александр III употреблял по отношению к Бисмарку не слишком благозвучный титул — «обер-скот». Но на этот раз «железный канцлер» неожиданно оказался верным союзником. Объяснялась эта несвойственная ему честность по отношению к России довольно прозаично: Германии выгодно было оказать содействие русским в их продвижении на Восток — Европу немцы привыкли считать своей.

Путем дипломатических переговоров России удалось также расстроить наметившийся англо-турецкий союз, и султан объявил о закрытии проливов. Черное море и Кавказ стали неуязвимыми для потенциального противника. В этих условиях англичане не сочли возможным перейти к открытым боевым действиям. В 1885 году было подписано соглашение о создании англо-русских военных комиссий для установления русско-афганских границ. Работа комиссий завершилась лишь спустя десять лет, в 1895 году, документальным оформлением границ России с Афганистаном.

В мае 1893 года была установлена демаркационная линия между Закаспийской областью и Персией. Теперь русскому правительству предстояло связать в единое экономическое и военное целое Туркестан с Закаспийской областью, провести демаркацию границ от Персии до Китая и окончательно закрепить Бухару за Россией.

Решение первой из этих задач было достигнуто в ходе строительства Закаспийской железной дороги.

Вторая задача разрешилась определением условных границ с Афганистаном и Китаем на Памире. На очереди оставалась Бухара. Замечательные качества русской дипломатии — политическая гибкость и отсутствие стереотипов были в полной мере применены к среднеазиатскому ханству. Вместо грубого военного вмешательства русское правительство использовало принцип «нравственного господства». Сношения Бухары с внешним миром были практически сведены на нет и поставлены в полную зависимость от России. Однако внутреннее управление страной осталось в руках туземного правительства бухарского эмира. Подобная система, с одной стороны, избавила Россию от ненужных расходов, связанных с учреждением собственной администрации, налаживанием отношений с местным населением и разрешением в связи с этим неизбежных конфликтов. С другой стороны — сохранение традиционной формы правления содействовало полному умиротворению края.

В Бухаре были устроены русские поселения и основаны новые города — Новая Бухара, Новый Чарджоу и Керки, по Амударье открылось судоходство. Впервые за годы существования Российской империи среднеазиатские границы стали спокойными и безопасными от набегов, вооруженных конфликтов, уменьшилась контрабанда.

На этом закончилась эпоха территориальных приобретений и продвижения Российской империи в Среднюю Азию.

* * *

Политика никогда не была открытой и честной игрой: поддержав Россию в ее споре с Англией, Германия немедленно предприняла шаги по ее дискредитации на Балканах, где Сербия и Румыния, всячески подогреваемые Австро-Венгрией, заняли антирусскую позицию.

В сентябре 1885 года в главном городе Восточной Румелии Филиппополе произошло восстание, результатом которого стало изгнание турецкой администрации и провозглашение лозунга о воссоединении «обеих Болгарий». Князь болгарский Александр, бывший принц Баттенбергский — племянник императрицы Марии Александровны и двоюродный брат самого Александра III, объявил себя князем объединенной Болгарии. Посаженный на трон с помощью русских штыков, обеспеченный финансово-политической и военной поддержкой России, князь Александр Баттенбергский вскоре забыл о своих российских покровителях. Мало подготовленный к государственной деятельности, ограниченный и амбициозный офицер прусской армии, князь Александр Баттенбергский быстро переориентировал болгарскую политику на австро-германский курс.

В планы Александра III такое поведение кузена никак не вписывалось. В ответ на известие о воссоединении Болгарии, император велел Гирсу протестовать против нарушения Берлинского договора и немедленно отозвал из болгарской армии всех русских офицеров.

Объединение Болгарии, противоречащее статьям Берлинского договора, вызвало острый политический кризис на Балканах. Турция готовилась ввести свои войска в Болгарию, что неминуемо привело бы к новой большой войне с участием многих европейских стран. Но Александр III не забыл уроков прошлой русско-турецкой войны. Он совсем не желал вновь проливать русскую кровь за болгарских «братушек». Более того, Александр III продолжал настаивать на строгом соблюдении Берлинского договора.

Что касается Бисмарка, то с первых тревожных известий о румелийских событиях германский канцлер заявил, что заранее согласен с тем, о чем Россия договорится с Австро-Венгрией относительно дальнейшей судьбы Болгарии. В тесном кругу канцлер выразился еще более откровенно, что его крайне мало интересуют «овцекрады с Нижнего Дуная»; поэтому он дал инструкцию германскому послу в Константинополе «утопить в чернилах» весь румелийский вопрос (*История дипломатии. Т. 2. С. 79*).

В Константинополе состоялись переговоры послов, которые закончились принятием новой русской программы по болгарскому вопросу: «улучшение» внутреннего законодательства Восточной Румелии с сохранением ее под властью турецкого генерал-губернатора. Италия согласилась с этим решением, уважив просьбу Бисмарка, а Франция — чтобы завоевать симпатии России. Англия резко протестовала, но к ее мнению предпочли не прислушиваться.

Александр III мог быть доволен таким решением проблемы, но его беспокоил вопрос о князе Александре Баттенбергском — русский император не прощал измены и неблагодарности.

В результате сложных политических интриг, предпринятых пророссийскими кругами в Софии, князь Александр Баттенбергский был низложен. В августе 1886 года к власти пришло правительство митрополита Климента.

Однако русская дипломатия не успела насладиться плодами своей победы, как произошел очередной переворот, и в июне 1887 года болгарский трон занял принц Фердинанд Кобургский, также ярый приверженец австро-германской ориентации.

Европа в который раз замерла в предчувствии большой войны на Балканах. Но Александр III вновь проявил себя мудрым политиком, на многие десятилетия опередившим свое время: он не дал втянуть себя в новую войну, предоставив Болгарии самой ис-

кать выход из глубокого национального кризиса, в который она оказалась ввергнутой благодаря ошибкам своих правителей. Дипломатические отношения России с Болгарией были прерваны на 10 лет.

* * *

Политика Австро-Венгрии, принявшая в то время вызывающий экспансионистский характер, делала для России дальнейшее участие в союзе с ней крайне затруднительным. Поэтому, когда в 1887 году истек срок Тройственного русско-германско-австрийского договора, Александр III счел нецелесообразным его пролонгацию. Лишь с Германией, в 1887 году, было заключено отдельное соглашение сроком на три года.

Генерал Лео фон Каприви, сменивший Бисмарка на посту канцлера, в определении внешнеполитической деятельности ориентировался на стратегические планы германского генерального штаба. Он считал, что избежать войны с Россией нельзя, и договор с ней ввиду этого обстоятельства является пустой и обременительной условностью. Подобная политика, проводимая человеком, во многом уступающим в дипломатических способностях опытнейшему Бисмарку, могла принести большие беды всей Европе. Бисмарк, при всей своей антипатии к России, прекрасно осознавал необходимость союза или хотя бы сохранения нейтралитета с восточным соседом. «Эта война с гигантскими размерами своего театра была бы полна опасностей, — говорил Бисмарк. — Примеры Карла XII и Наполеона доказывают, что самые способные полководцы лишь с трудом выпутываются из экспедиции в Россию» (*Там же. С. 103*).

Всю свою политическую карьеру Бисмарк категорически возражал против открытых конфликтов с Россией, настаивая на том, что война с ней станет «большим бедствием» для Германии. Полемизируя со сторонниками нападения на Россию, Бисмарк в 1888 году писал: «Об этом можно было бы спорить в том случае, если бы такая война действительно могла привести к тому, что Россия была бы разгромлена. Но подобный результат даже и после самых блестящих побед лежит вне всякого вероятия. Даже самый благоприятный исход войны никогда не приведет к разложению основной силы России, которая зиждется на миллионах собственно русских... Эти последние, даже если их расчленить международными трактатами, так же быстро вновь соединятся друг с другом, как частицы разрезанного кусочка ртуты. Это неразрушимое государство русской нации, сильное своим климатом, своими пространствами и ограниченностью потребностей...» (*Там же. С. 103*).

Но Каприви талантами Бисмарка не обладал. Он счел невозможным одновременно сохранять двухсторонние соглашения с Австрией и Россией, и договор 1887 года, по истечении его срока, не был возобновлен. При этом германская сторона уверила русское правительство, что, несмотря на отсутствие письменного соглашения, она будет по-прежнему придерживаться дружбы с Россией. Вместо России к Тройственному союзу примкнула Италия, создав тем самым новый военно-политический блок, которому его участники присвоили громкое имя «Лига Мира».

В июле 1890 года в Россию приехал новый кайзер Германии Вильгельм II с надеждой укрепить отношения с мощным и опасным соседом. Кайзер был принят любезно, но и только. «Несносный мальчишка, он не может сидеть спокойно», — с раздражением говорил Александр III о молодом Вильгельме (*Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. Т. 2. С. 299*).

В 1891 году Вильгельм II торжественно подтвердил верность Тройственному союзу. Германия, Австрия и Италия демонстративно изъявили признаки самой горячей симпатии к Британии, надеясь привлечь ее к участию в союзе. Германия, стремясь скорее склонить Лондон на свою сторону, уступила Англии ряд важных территорий в Африке, в том числе и Уганду, открывавшую доступ к верховьям Нила. Берлин согласился и на британский протекторат над Занзибаром, центром восточноафриканской торговли. Однако англичане, несмотря на все подарки и щедрые посулы, предложения о вступлении в Тройственный союз упорно отвергали.

* * *

Но на Европейском континенте оставалась еще могущественная Франция, жаждущая реванша за поражение во франко-германской войне 1870 года и связанная с Россией тесными финансово-экономическими связями. Естественно, что французские и русские дипломаты все чаще стали с интересом обращать взгляды друг на друга.

Франция в большей степени была заинтересована в военном союзе, чем Россия. Убеждая русских дипломатов в целесообразности договора, французская сторона старалась максимально использовать финансовую заинтересованность Петербурга в кредитах и займах.

Александр III часто повторял свой излюбленный политический тезис о том, что у России во всем свете только два верных союзника — русская армия и флот. Все остальные, при первой возможности, сами ополчатся против России. Однако, несмотря на столь категоричное утверждение, самодержавный император прекрасно понимал все выгоды военно-политического союза с республиканской Францией. В 1887 году Александр III, взяв на себя роль посредника в переговорах с императором Вильгельмом I, оказал Франции крупную услугу, предотвратив ее военный конфликт с Германией.

В июле 1891 года французский флот прибыл с визитом в Кронштадт. Государь приветствовал французских моряков, посетил эскадру и долго беседовал с командующим адмиралом А.-А. Жерве. Характерный эпизод произошел при докладе императору гофмаршалом князем В. С. Оболенским программы пребывания французских моряков: «Когда Оболенский доложил Государю о предложенном обеде в честь моряков в Большом Петергофском дворце и спросил, провозгласит ли Государь только тост в честь эскадры или скажет речь, то Государь ответил, что будет тост за Францию, за адмирала и эскадру, на что Оболенский доложил, что в таких случаях по этикету следует играть гимн, и Государь ответил, что так и следует поступить. «Но, Ваше Величество, это Марсельеза». — «Но ведь это их гимн, значит, его и следует играть». — «Но, Ваше Величество, это Марсельеза...» — «Ах, князь, Вы, кажется, хотите, чтобы я сочинил новый гимн для французов; нет уж, играйте тот, какой есть» (*Епанчин Н.А. На службе трех императоров. С. 195*).

В августе 1891 года Н. К. Гирс через русского посла в Париже барона А. П. Моренгейма передал письмо французскому министру иностранных дел А. Рибо.

Письмо, после обычных протокольных фраз, начиналось изложением аргументов, доказывающих целесообразность создания франко-русского соглашения. Н. К. Гирс указывал на «положение, создавшееся в Европе благодаря открытому возобновлению Тройственного союза и более или менее вероятному присоединению Великобритании к политическим целям, преследуемым этим союзом». В письме констатировалось, что «в случае, если бы мир оказался действительно в опасности, и в особенности в том слу-

чае, если бы одна из двух сторон оказалась бы под угрозой нападения, обе стороны улавливаются договориться о мерах, немедленное и одновременное проведение которых окажется в случае наступления означенных событий настоящим для обоих правительств» (*История дипломатии. Т. 2. С. 104*).

Спустя неделю, 27 августа Рибо ответил письмом на имя барона Моренгейма. Французский министр подтверждал согласие своего правительства со всеми предложениями русского министра иностранных дел и, кроме того, ставил вопрос о переговорах, которые заранее бы уточнили характер и масштаб предполагаемых совместных мер. По существу, Париж предлагал военный союз.

Летом 1892 года в Петербург прибыл заместитель начальника французского генерального штаба. Вместе с российскими коллегами он занялся разработкой основных положений военной конвенции. По ее завершении по приказу Александра III текст конвенции был передан министру иностранных дел для тонкой дипломатической шлифовки документа.

В 1893 году с ответным визитом русская эскадра под командованием адмирала Ф. К. Авелана посетила Тулон. Хотя слово «союз» ни разу еще не прозвучало из уст официальных российских или французских лиц, но для всех стало очевидным, что ни Россия, ни Франция не допустят нападения на кого-либо из них.

Долгие переговоры, проходившие в атмосфере строгой секретности, завершились подписанием франко-русской военной конвенции. 27 декабря 1893 года Гирс сособщил в Париж, что Александр III одобрил проект документа.

Статья 1 конвенции гласила: «Если Франция подвергнется нападению Германией или Италией, поддержанной Германией, Россия употребит все свои наличные силы для нападения на Германию. Если Россия подвергнется нападению Германии или Австрии, поддержанной Германией, Франция употребит все свои наличные силы для нападения на Германию».

Статья 2 устанавливала, что «в случае мобилизации Тройственного союза или одной из входящих в него держав Франция и Россия по поступлению этого известия и не ожидая никакого предварительного соглашения мобилизуют немедленно и одновременно все свои силы и придвинут их как можно ближе к своим границам» (*Там же. Т. 2. С. 105*).

Договором определялось количество войск, которое будет выдвинуто союзниками против Германии как сильнейшего члена враждебной группировки.

Так родился новый европейский военно-политический союз, в дальнейшем получивший название «Антанта», которому предстояло сыграть огромную роль во всей мировой политике. А пока сближение России и Франции на долгие годы подарило мир Европе. Не будет преувеличением сказать, что главная роль в этом миротворческом процессе принадлежала русскому императору. Ярким свидетельством тому служит мост имени императора Александра III, который благодарные французы построили в своей столице и до сих пор являющийся одной из достопримечательностей Парижа.

* * *

Огромные территории Российской империи, находившиеся на Дальнем Востоке, заставляли русское правительство внимательно присматриваться к своим восточным соседям. Александр III предполагал, что в самое ближайшее будущее Азиатский регион станет важной составляющей частью всей мировой политики.

В годы царствования Александра III наметились новые тенденции в отношениях с Китаем. Начиная с середины 80-х годов между Китаем и Японией возникают сильные трения из-за влияния на Корею, служившую своеобразным мостом между Страной восходящего солнца и странами Азиатского континента.

Корейский король являлся вассалом китайского императора, и притязания Японии были направлены на то, чтобы, используя политические и экономические рычаги, изолировать Корею от Китая, полностью подчинив ее себе. В 1885 году между двумя азиатскими империями был заключен договор, согласно которому оба государства обязывались не посылать в Корею войска без взаимного оповещения. Тем самым Китай признавал за Японией право на ввод при определенных условиях военных сил в Корею.

Такое положение дел не устраивало русское правительство, усматривающего в этом нарушение сложившегося баланса сил в пользу Японии.

Россия, надеясь усилить свое влияние в Дальневосточном регионе, установила официальные отношения с Кореей — 25 июня 1884 года был заключен договор о дружбе, торговле и мореплавании, а в 1885 году была учреждена русская миссия в Сеуле.

Нарастающая угроза дальневосточным территориям вызвала необходимость строительства железной дороги на Дальний Восток, по которой в кратчайшие сроки можно было бы доставить туда войска и снаряжение. 18 ноября 1892 года министр финансов С. Ю. Витте представил Александру III докладную записку о Дальнем Востоке, в которой подробно изложил перспективы финансовой и политической программы по этому региону. Строительство Сибирской железной дороги, по замыслу Витте, должно было открыть доступ русским промышленным товарам на китайский рынок. Дорога «обеспечит русскому военному флоту все необходимое и даст ему твердую точку опоры в наших восточных портах, — писал С. Ю. Витте. — Посему с открытием дороги флот этот может быть значительно усилен и, в случае политических осложнений, как в Европе, так и на Азиатском Востоке, получит в высокой степени важное значение, господствуя над всем международным коммерческим движением в тихоокеанских водах» (*Романов Б. А. Россия в Маньчжурии. Л., 1928. С. 60*).

Открытый конфликт с Японией грозил разразиться в любой момент, и Александр III стремился выиграть время, чтобы успеть создать на Дальнем Востоке мощный военно-экономический потенциал. С Японией велись длительные, тяжелые переговоры по вопросу о пересмотре действующих соглашений, которые завершились уже после смерти Александра III в 1895 году подписанием русско-японского трактата.

* * *

Столетиями выстраданная политическая мудрость гласит, что счастлив народ, в чьей истории было мало событий. Все тринадцать лет царствования Александра III страна жила в необычном для России покое и политической стабильности. Тучи, ходившие вдоль ее границ, ни разу не разразились военной грозой.

Александр III желал для своей страны пятьдесят лет мира. Только прямая военная интервенция могла заставить Царя-Миротворца вовлечь себя в войну.

Александр III не искал союзников и не верил льстивым дипломатическим речам. Он не любил громких фраз о мире и старался избегать помпезных заявлений. Когда Победоносцев попытался уговорить императора сделать заявление перед европейскими дипломатами о миролюбии России, Александр III был непреклонен. «Я вам очень бла-

годарен за доброе намерение, но никогда русские государи не обращались к представителям иностранных государств с объяснениями и заверениями. Я не намерен вводить этот обычай у нас, из года в год повторять банальные фразы о мире и дружбе ко всем странам, которые Европа выслушивает и проглатывает ежегодно, зная хорошо, что все это одни только пустые фразы, ровно ничего не доказывающие» (*К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. 2. С. 1008*).

Горький опыт отечественной истории свидетельствовал о том, что всякий раз, когда Россия принимала участие в борьбе коалиций, вскоре ей приходилось горько об этом сожалеть. В разные годы французы, англичане, немцы, австрийцы делали Россию, русскую армию орудием для достижения своих целей. «Всегда готовый принять вызов, Александр III, однако, при каждом удобном случае давал понять, что интересуется только тем, что касалось благосостояния 130 миллионов населения России» (*Александр Михайлович. Книга воспоминаний. С. 59*).

Александр III стал миротворцем не только для России, но и для всей Европы, привыкшей считать русского царя главным авторитетом и надежным арбитром в споре мировых лидеров той эпохи. В речи, посвященной памяти Александра III, лорд А. Розбери сказал: «Правда и мир были его лозунгом. Император не был ни Цезарем, ни Наполеоном. Но если мир может гордиться не менее великими победами, чем война, то бесспорно, что русский император будет пользоваться такою же славой, какая выпала на долю Цезаря и Наполеона. Все единогласно утверждают, что его личность и характер обеспечивали Европе мир» (цит. по: *Тальберг Н. Д. Русская быль. С. 589*).

СТРОГИЙ ХОЗЯИН

Александр III досталось в наследство запущенное хозяйство: страна пребывала в тяжелейшем экономическом кризисе. Состояние финансов было плачевным: с каждым годом увеличивался бюджетный дефицит, рос государственный долг. И даже экстраординарная мера предыдущего правительства, продажа Аляски, не смогла увести Россию от опасной черты.

Александр III прекрасно сознавал, что его мечты о великой и мощной России так и останутся пустыми фантазиями без укрепления экономической и финансовой базы, без создания современной армии и флота, способных предупредить любые посягательства на суверенитет и безопасность державы. В благоденствии и преуспевании национального производителя, русского фабриканта, банкира, крепкого крестьянина-кулака; в создании стройной системы управления финансами Александр III видел свою основную «хозяйственную» задачу. Реализация такой программы требовала профессиональных экономистов, способных применить сухие теоретические выкладки к реалиям российской действительности. В умении Александра III находить достойные кандидатуры на ключевые посты правительства в немалой степени заключался секрет эффективности его экономической политики.

Первым министром финансов нового императора в мае 1881 года стал Николай Христианович Бунге, в прошлом профессор кафедры политэкономии и статистики Киевского университета. С 1859 по 1880 год он трижды избирался его ректором. Автор капитальных исследований по экономике, Н. Х. Бунге получил солидный практический опыт, управляя киевским филиалом Государственного банка. В 1880 году он становится товарищем министра финансов А. А. Абазы. После отставки либеральных министров Александра II, в числе которых оказался и Абаза, Бунге не только не подвергся опале, но был обласкан новым императором. Он не скомпрометировал себя в глазах Александра III поддержкой конституционного проекта Лорис-Меликова, а, кроме того, император был лично очень расположен к бывшему преподавателю старшего брата. 30 апреля 1881 года, еще накануне отставки Абазы, Александр III сообщил К. П. Победоносцеву о своем намерении назначить министром финансов Н. Х. Бунге, «человека, хорошо знающего свою специальность и спокойного» (*К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. 1. С. 63*).

Новый министр финансов внешне мало напоминал важного сановника. Невысокого роста, сутулый, в профиль похожий на язвительно улыбающегося Вольтера, он говорил неизменно тихим голосом и ничем не напоминал «грозу» подчиненных. «Маленький, на тонких ножках, худой немчик, которому вы, наверно, открыли бы ваш рояль для настройки, если бы не знали, что он министр финансов, а не настройщик», — вспоминал писатель П. М. Ковалевский (цит. по: *Степанов В. Л. Н. Х. Бунге. Судьба реформатора. М., 1998. С. 118*).

Более всего Н. Х. Бунге любил уединение и книги. Огромная библиотека министра насчитывала сотни томов по экономике, правоведению, истории, педагогике, географии, естествознанию и другим наукам. В столице его прозвали «министром-книжником», «книгоедом». Часто, по субботам, можно было видеть, как Н. Х. Бунге выходит из книжного магазина М. О. Вольфа, держа связку новых книг (*Либрович С. Ф. На книжном посту. Воспоминания. Записки. Документы. Пг.:М., 1916. С. 310*).

Убежденный противник политэкономии К. Маркса, Н. Х. Бунге придерживался либерально-экономических позиций, не впадая при этом в крайности теории невмешательства государственной власти в рыночную систему.

На посту министра финансов Н. Х. Бунге сразу приступил к созданию прочной законодательной базы, позволяющей успешно развиваться отечественной экономике.

В области финансовых реформ система Н. Х. Бунге характеризовалась строгим соблюдением пропорциональности и справедливости в налогообложении. Он последовательно выступал за ослабление налогового бремени крестьянству, при одновременном повышении налогов для более обеспеченных социальных слоев общества. По отношению к крестьянам наиболее значительными мерами стало понижение выкупных платежей и постепенная отмена подушной подати.

Надо было обладать незаурядным мужеством, чтобы добровольно отказаться от 100 млн. рублей, ежегодно поступавших в казну от различных крестьянских платежей. Тем не менее Александр III согласился с предложением министра финансов. Для компенсации потерь государственного бюджета Н. Х. Бунге инициировал другие формы налогообложения: акцизные сборы на алкоголь, табак, сахар; вводились новые налоги на городскую недвижимость, пятипроцентный налог на доходы с денежных капиталов, дополнительный налог с акционерных и торгово-промышленных предприятий; на 30% за три года, с 1882 по 1885 год, повысились таможенные пошлины на товары, ввозимые из-за границы.

Стремясь пополнить средства казначейства, Н. Х. Бунге дважды настаивал на повышении питейного акциза: до 8 коп. (19 мая 1881 г.) и 9 коп. с градуса алкоголя (18 мая 1885 г.). После долгой проработки 20 апреля 1884 года Н. Х. Бунге внес в Государственный Совет проект новых питейных правил. Утвержденные Александром III, они с 1 января 1886 года вводились в действие. Сущность нового закона сводилась к следующему: 1) города и сельские общества лишались права выдачи разрешений на продажу спиртных напитков; 2) питейные дома (кабаки) упразднялись, и распивочная торговля допускалась только в заведениях трактирного типа, где посетители кроме водки могли получить еще горячие блюда и чай; 3) вводились два новых типа «выносных» заведений — ведерные и винные лавки, облагавшиеся сравнительно небольшим патентным сбором; 4) регулирование питейной торговли возлагалось на губернские и уездные присутствия, состоящие из представителей местной администрации, земств, городского самоуправления.

Благодаря новым питейным правилам доход в 1881–1886 годах возрос с 224,3 млн. рублей до 237 млн. рублей, а потребление спиртных напитков, напротив, понизилось с 64,1 млн. до 62,7 млн. ведер, а душевое потребление — с 0,58 до 0,53 ведра (*Степанов В. Л. Н. Х. Бунге. Судьба реформатора. С. 153, 154*). Однако введение всеобъемлющей винной монополии Н. Х. Бунге считал преждевременной мерой, к которой общество не готово. «В настоящую минуту, — докладывал он Александру III, — я не осмеливаюсь утверждать, что казенная монопольная торговля хлебным вином может разрешить задачу очень

сложную, касающуюся и финансов, и сельского хозяйства, и народной нравственности...» (*Там же. С. 155*).

Александр III согласился с мнением Бунге, и вопрос о государственной монополии на алкоголь был временно отложен — к нему император вернулся позже.

Многие решения министра финансов расценивались в консервативных кругах как попытки возвращения к реформам предыдущего царствования и вызывали резкую критику в прессе. Особенно преуспели в нападках на Н. Х. Бунге «Московские ведомости». Однако министр сохранял неизменное спокойствие и, не прибегая к защите цензурной власти, ограничивался лишь официальными опровержениями, выдержанными в строго фактической и корректной форме.

* * *

В январе 1887 года Н. Х. Бунге оставил пост министра финансов и был назначен председателем Комитета министров, а его место занял известный изобретатель, удачливый железнодорожный предприниматель, профессор Санкт-Петербургского технологического института Иван Алексеевич Вышнеградский. В отличие от своего предшественника, И. А. Вышнеградский не уделял такого пристального внимания преобразованию податной системы, установив за годы своего управления финансами всего два новых акциза — на спички и нефтяные осветительные материалы.

Основой бюджетного баланса И. А. Вышнеградский считал соблюдение строжайшей бережливости. По его мнению, оздоровление экономики должно было идти через накопление денежной массы и повышение курса рубля. В реализации этих планов он мог целиком рассчитывать на поддержку Александра III.

Принадлежавшие банкам капиталы за период с 1881 по 1894 год увеличились на 59%. Не меньший успех сопутствовал ипотечному кредитованию. К 1 января 1881 года было выпущено в обращение закладных листов на сумму в 904 743 тыс. руб., а к 1 июля 1894 года уже на 1 708 806 тыс. руб., причем курс этих ценных бумаг поднялся более чем на 10%.

При И. А. Вышнеградском были еще более ужесточены протекционистские принципы таможенной политики, заложенные Н. Х. Бунге. В 1891 году был утвержден новый таможенный тариф, предусматривающий повышенные ставки не только на импорт сырья, но и на продукцию машиностроения. Одновременно принимались меры по созданию благоприятных условий для привлечения в страну иностранных капиталов.

Ужесточение таможенной политики способствовало росту отечественной промышленности, защите национального производителя от мощной иностранной конкуренции. Таможенные обложения иностранных товаров, составлявшие в 1880 году 10,5 коп. с одного рубля стоимости, повысились в 1893 году до 20 коп., увеличившись, таким образом, вдвое. В результате вместо прибылей, получаемых иностранными фирмами, доход государства от разницы между экспортом и импортом составил в 1893 году 172 737 тыс. руб., вместо имевшего место в 1880 году дефицита в 97 692 тыс. руб. (*Император Александр III. СПб, 1894. С. 89*).

Жесткий контроль за расходами, снижение инфляции уже через несколько лет позволили достигнуть финансовой стабилизации, едва ли не впервые в отечественной истории добиться бездефицитного национального бюджета.

* * *

Заметные успехи при И. А. Вышнеградском были достигнуты и в развитии железнодорожного транспорта. Он инициировал выкуп в казну частных железных дорог и положил начало регулированию железнодорожных тарифов. По предложению министра финансов в составе его министерства было учреждено новое подразделение — Департамент железных дорог, во главе которого стал С. Ю. Витте.

Россия с ее бескрайними просторами, сложными климатическими условиями остро нуждалась в надежных и удобных в эксплуатации транспортных магистралях, способных удовлетворить стремительно растущие экономические, военные и гражданские потребности. Таким универсальным видом грузо-пассажирского транспорта являлась железная дорога.

Приостановившееся в конце 70-х годов железнодорожное строительство с воцарением Александра III быстро возобновилось. Еще в июле 1878 года была учреждена Особая высшая комиссия под председательством графа Э. Д. Баранова, которой поручалось изучить работу железных дорог и найти способы предотвращения постоянных задержек движения поездов, привести деятельность железнодорожного транспорта в такой вид, чтобы он мог «вполне удовлетворять потребности торговли и промышленности». Комиссия работала три года и выявила массу нарушений и злоупотреблений со стороны администрации и частных владельцев железных дорог. Члены комиссии были единодушны во мнении о необходимости жесткого государственного контроля в этой отрасли. Позицию барановской комиссии полностью поддержал Александр III.

В 1882 году открылась казенная Баскунчакская железная дорога; в том же году было начато движение на первых участках государственной Полесской дороги; в 1884 году казна пускает первые паровозы по Екатерининской дороге; в 1885-м открывает Екатеринбург-Тюменскую, в 1888-м — Самаро-Уфимскую железные дороги.

Одновременно с постройкой государственных магистралей правительство начинает выкупать железные дороги, до того находившиеся в ведении акционерных обществ, частных предпринимателей, иностранных банкиров. В 1893 году к уже существующей сети казенных дорог были присоединены еще четыре крупные железнодорожные линии — Московско-Курская, Оренбургская, Донецкая и Балтийская, а с 1 января 1894 года казна вступила во владение Николаевской, Петербурго-Варшавской, Московско-Нижегородской и Риги-Митавской дорогами, ранее принадлежавшими Главному обществу российских железных дорог.

Параллельно процессу огосударствления железных дорог шло усиление контроля над частными железнодорожными обществами и акционерными компаниями. В начале 1886 года при Министерстве путей сообщения был образован Совет по железнодорожным делам, за которым официально было закреплено право контролировать тарифы грузо-пассажирских перевозок на частных дорогах. Высочайше утвержденным в 1889 году «Положением о железнодорожных тарифах» в практику вводились единые правила, устанавливался общий порядок функционирования всех железных дорог в стране.

С годами мелкие частные железнодорожные общества разорялись или сливались, образуя мощные компании, способные не только эксплуатировать уже открытые линии, но и успешно строить новые. В результате к середине 90-х годов в России, наряду с разветвленной сетью государственных железных дорог, существовали пять крупных

частных железнодорожных обществ: Юго-Западная, Юго-Восточная, Киевско-Воронежская, Московско-Казанская и Рязанско-Уральская железные дороги.

За тринадцать лет царствования Александра III протяженность русских железнодорожных путей возросла с 21 229 до 31 219 верст. Изменения условий работы, внедрение новых технологий вдвое повысили рентабельность перевозок в пересчете на каждую версту железной дороги.

В 1891 году было начато грандиозное предприятие — строительство Транссибирской магистрали. Самая протяженная в мире железная дорога позволила решить великое множество насущных военных и социально-экономических задач, связав в единое транспортное целое территорию от Польши до Тихого океана. Всего за 13 лет при помощи кирки, лопаты и тачки русские люди осуществили фантастический проект, проложив рельсы через степи, тайгу, горы, построив сотни мостов и туннелей.

В 1892 году вместо ушедшего по болезни в отставку И. А. Вышнеградского Александр III назначил на пост министра финансов Сергея Юльевича Витте. Выпускник физико-математического факультета Новороссийского университета, Витте около двадцати лет служил в различных железнодорожных обществах. Накопленный опыт и знания создали ему репутацию сильного экономиста и перспективного государственного чиновника. Особую известность Витте принесла книга «Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов», вышедшая в 1883 году. Кроме основных вопросов финансирования железных дорог, определения политики тарифов, в ней были указаны убытки, которые несет казна в результате участия в частном железнодорожном строительстве. Эти убытки, по мнению С. Ю. Витте, составляли до 25 млн. рублей.

Получив министерский портфель, С. Ю. Витте, воспользовавшись относительной стабильностью бюджета, сформулировал новый принцип: «финансовая политика не только не должна упускать из внимания нежелательных последствий излишней сдержанности в удовлетворении назревших потребностей, но, напротив, должна поставить свою задачей разумное содействие экономическим успехам и развитию производительных сил страны» (*Энциклопедический словарь изд-ва Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 54. С. 195*).

Программа С. Ю. Витте, которая продолжала стратегию предыдущих руководителей финансового ведомства, предусматривала и ряд новых мер: ужесточение налоговой политики, увеличение косвенных налогов, введение государственной монополии на производство и продажу водки; осуществление полномасштабной финансовой реформы, основой которой должно было стать введение единой системы обеспечения золотым рублем; продолжение мероприятий по широкому привлечению в Россию иностранного капитала.

Министерство финансов при С. Ю. Витте становится штабом, определяющим экономическую стратегию государства. Оно участвует в заключении важнейших торговых соглашений, устанавливает размеры инвестиций в ту или иную отрасль промышленности, следит за оборотом средств в торговом судоходстве.

Одним из важнейших мероприятий, проведенных С. Ю. Витте в самом начале его деятельности на посту министра финансов, было восстановление таможенного равновесия в торговых отношениях с Германией. В ответ на высокие таможенные пошлины, которыми был обложен русский хлебный экспорт в ряде европейских стран, С. Ю. Вит-

те провел через Государственный Совет новый закон, в соответствии с которым устанавливались минимальные тарифные ставки для государств, придерживающихся режима благоприятствования по отношению к России. А так как Германия не входила в их число, то ставки на немецкий экспорт оказались резко повышены. Германское правительство в ответ повысило пошлины на русское зерно и другие сельскохозяйственные продукты. Кроме того, Германия заключила с 22 государствами договоры, по которым для этих стран на 30–40% снижались пошлины на хлебные продукты, мясо, масло, лес. Таким образом, Россия устранилась с германского рынка.

После нескольких неудачных попыток дипломатического решения спорного вопроса С. Ю. Витте настоял на 25% надбавке к пошлине на все товары, поступающие в Россию из Германии. Берлин, в свою очередь, еще на 50% повысил пошлины на ввозимую русскую сельскохозяйственную продукцию. С. Ю. Витте принял предложенные правила игры и ввел соответствующие ставки в российских таможнях, одновременно подняв ластовые сборы* с германских торговых судов с 5 копеек за ласт до 1 рубля. По тем временам подобная таможенная война казалась чем-то невероятным, но Александр III поддержал своего министра финансов.

В результате долгих и трудных переговоров Германия, ощутившая тяжесть русских санкций, оказалась вынуждена пойти на уступки, и в 1894 году был заключен выгодный для России таможенный договор, согласно которому пошлины на русскую пшеницу и рожь были понижены на 26 копеек и на 10 лет предусматривались стабильные пошлины на другие товары.

Не менее важным событием государственной экономической политики стало продолжение подготовки винной монополии, вводимой по прямому указанию Александра III и ставшей важнейшим источником государственного бюджета в царствование Николая II.

Финансовая политика Александра III привела к тому, что бюджет России вырос почти в девять раз, в то время как бюджет Англии в тот же период увеличился лишь в 2,5 раза, а Франции — в 2,6 раза. За эти годы золотой запас России увеличился с 292,1 млрд. руб. в 1881 году до 649,5 млрд. руб. к концу царствования (*Там же. Т. 54. С. 196, 197*).

Экономические преобразования Александра III дали эффективные результаты: в 1893 году государственные доходы превысили расходы почти на 100 млн. руб. (*Император Александр III. СПб, 1894. С. 91*).

Русский рубль стал твердой международной валютой. Состояние экономики не замедлило сказаться на благосостоянии народа. Об этом можно судить по размерам частных вкладов в государственные сберегательные кассы, которые за тринадцать лет увеличились в 33 раза.

Граф Витте, скептик и критикан, признавал спустя годы: «Император Александр III был хороший хозяин не из-за чувства корысти, а из-за чувства долга... Он каждую копейку русского народа, русского государства берег, как самый лучший хозяин не мог ее бечь» (*Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 408*).

* * *

Предпринятые Александром III финансовые и экономические реформы открыли новые, скрытые до того, богатства страны, увеличили достаток населения, позволили приступить к решению стратегических вопросов, связанных с реорганизацией русской армии и флота.

Александр III с первых недель пребывания на престоле занялся перестройкой русской армии. Давно задуманную армейскую реформу он начал со смены военных министров. Вместо отправленного в отставку любимца Александра II графа Д. А. Милютина 22 мая 1881 года управляющим Военным министерством был назначен бывший начальник штаба Рущукского отряда генерал-адъютант Петр Семенович Ванновский. В начале следующего года он был утвержден в должности министра, а в мае 1883 года произведен в генералы от инфантерии.

Хотя военное образование П. С. Ванновского ограничивалось кадетским корпусом, он проявил себя хорошим начальником штаба и заслужил уважение Александра III. В эпоху милютинских либеральных военных реформ П. С. Ванновский казался забытым солдатом Николая I, признававшим лишь требования устава и жесткую дисциплину. Среди офицеров ходили легенды о строгости нового военного министра. Вспоминали, как в бытность начальником Павловского военного училища, он пугал юнкеров: «Я вас заставляю уважать строй и выбью из головы все бредни, не отвечающие требованиям военной службы».

Крайне недоверчивый и замкнутый, он трудно сближался с людьми и, как человек властный, не искал симпатий, предпочитая, чтобы его больше боялись, чем любили. «Любовью людей, — говорил он, — кроме тех, кого я люблю, — а таких немного, — я вполне пренебрегаю; двигателем большинства служат только личный интерес и страх; вот на этих струнах я и играю» (*Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. 5. С. 234*).

Не будучи жестоким по натуре, П. С. Ванновский предпочитал скрывать доброту, считая это качество недопустимой для военачальника слабостью характера.

Являясь совершенным антиподом либералу Д. А. Милютину, П. С. Ванновский сохранил систему управления армией, созданную при Александре II. Властный по натуре, он скорее командовал, чем управлял Военным министерством. При этом менее всего П. С. Ванновский стремился входить в военно-технические вопросы, в которых честно признавал себя недостаточно компетентным. Этот недостаток министра искупался эрудицией и высокими профессиональными качествами его ближайших помощников — начальника Главного и Генерального штаба генерал-адъютанта Н. Н. Обручева, генерал-адъютанта М. И. Драгомирова, начальника канцелярии Военного министерства генерала П. Л. Лобко. По образному выражению С. Ю. Витте, начальник Главного штаба Н. Н. Обручев был «умом Военного министерства», а П. С. Ванновский олицетворял волю и характер этого ведомства; они вполне «восполняли друг друга» (*Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 304*).

* * *

В октябре 1881 года начала работу Особая комиссия под руководством генерал-адъютанта графа П. Е. Коцебу, на обсуждение которой предлагалась военная программа, составленная по личным указаниям императора и дополненная вопросом об устройстве управления армией в военное время.

Военная доктрина Александра III носила оборонительный характер, основные ее пункты предусматривали повышение боевой готовности армии путем увеличения количества боеспособных воинских частей; сокращение срока военной службы с шести до пяти лет, что позволяло увеличить численность обученного военному делу мужского населения страны; модернизацию военного и технического арсенала; усиление пограничных округов и крепостей вдоль западных границ России; улучшение профессиональной подготовки офицерского корпуса.

Численность армии к концу царствования Александра III достигала почти миллиона человек, что составляло менее одного процента к населению страны. В военное время, без особого напряжения, с предоставлением отсрочки ряду льготников, Россия могла быстро мобилизовать 2729 тыс. человек**.

Кроме регулярных частей в состав русской армии входили казаки Донского, Черноморского, Кавказского линейного, Уральского, Оренбургского, Астраханского, Дунайского (Новороссийского), Азовского, Сибирского и Забайкальского казачьих войск. Численность казачьих войск в 1886 году достигала 2242 генералов и офицеров и 48277 рядовых казаков (*Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. М., 1973. С. 58*).

Александр III, всегда очень бережливый в расходах, без колебания финансировал содержание и перевооружение армии. По его убеждению, потраченные на эти цели средства полностью возмещались миром, в котором жила Россия. Сильная Россия могла спокойно смотреть на бряцающих оружием соседей; ее боялись и уважали.

Вопрос об ассигнованиях на армию перешел в Государственный Совет, где, несмотря на возражения Министерства финансов, было признано необходимым выделить дополнительные средства. Всего с 1880 по 1886 год на военные нужды тратилось в среднем по 210–220 млн. рублей ежегодно. Военный министр постоянно напоминал, что из-за отсутствия средств перевооружение русской армии идет медленнее, чем за рубежом. П. С. Ванновский в 1887 году писал: «Европа переживает ныне тревожное время, все главнейшие государства увеличивают свои военные средства... нигде также не останавливаются перед расходами, как бы велики они ни были... во всех государствах эти бюджеты были усилены чрезвычайными кредитами, отпущенными главным образом на пополнение военно-материальной части и на крепостные работы» (цит. по: *Бескровный Л. Г. С. 484*).

В 1887 году на совещании представителей трех министерств — иностранных дел, военного и финансов — было принято решение положить в основу военного бюджета смету 1884 года, предусматривающую расходы в сумме 224 700 тыс. руб., а к ней добавлять сверхсметные ассигнования: в 1889 году — 4400 тыс. руб., в 1890-м — 5400 тыс. руб., в 1891-м — 6400 тыс. руб., в 1892-м — 7400 тыс. руб. и в 1893-м — 8400 тыс. руб. Фактические расходы на содержание армии и укрепление обороны в 1894 году составили 280 300 тыс. рублей (*Там же. С. 485*).

Позиция Александра III в отношении русских вооруженных сил была неизменна: «Отечеству нашему несомненно нужна армия сильная и благоустроенная, стоящая на высоте современного развития военного дела, но не для агрессивных целей, а единственно для ограждения целостности и государственной чести России, — писал император в рескрипте военному министру в 1890 году. — Охраняя неоценимые блага мира, кои, я уповаю, с Божьею помощью, еще надолго продлить для России, вооруженные силы ее должны развиваться и совершенствоваться наравне с другими отраслями государственной жизни, не выходя из пределов тех средств, кои доставляются им увеличивающимся народонаселением и улучшающимися экономическими условиями» (*Военная энциклопедия. Т. 1. С. 280*).

Характерен случай, происшедший однажды во время приема в Зимнем дворце: сидя за столом напротив Александра III, австрийский посол в связи с очередным обострением балканского вопроса намекнул на возможность мобилизации Австрией двух или трех армейских корпусов. Не изменяя своего привычного полунасмешливого выражения лица, русский император взял вилку, согнул ее петлей и бросил к прибору австрий-

ского дипломата. «Вот что я сделаю с вашими тремя мобилизованными корпусами», — спокойно произнес Александр III (*Александр Михайлович. Книга воспоминаний. С. 56*).

* * *

Интенсивная реорганизация армии продолжалась все годы царствования Александра III. В военных реформах трезвомыслящий Александр III оставался верен себе: из армейского быта исчезла мишура и помпезность. Резко сокращены были столь любимые прежними монархами регулярные парады. Вместо них для поднятия уровня боевой подготовки армии Александр III регулярно устраивал большие маневры в местностях предполагаемых военных действий, проходившие в условиях приближенных к реальным. За проведением подобных маневров Александр III нередко наблюдал лично.

По инициативе Александра III была начата работа по перевооружению армии современным стрелковым оружием. В 1883 году была создана Комиссия по испытанию магазинных ружей, которая должна была определить вид новой винтовки для оснащения армии. После долгих испытаний и тяжелой конкурентной борьбы претендентов выбор Комиссии остановился на трехлинейной винтовке капитана С. И. Мосина, находившейся на вооружении русской армии более полувека и послужившей славе русского оружия в двух мировых войнах.

Офицеры, фельдфебели, нижние чины полевой артиллерии получили на вооружение отечественные револьверы системы «наган», заменившие устаревшие револьверы «смитта-вессона».

Обновлялся и неуклонно увеличивался артиллерийский парк, повсеместно внедрялся бездымный порох, были сформированы батареи горной артиллерии; в 1889–1894 годах формируются мортирные полки и осадные артиллерийские батальоны. Количество артиллерийских батарей с 383-х в 1881 году увеличилось до 428-ми в 1894 году (*Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. С. 56*).

В 1887 году было издано положение об управлении крепостями, по которому все руководство цитаделями сосредоточивалось в руках коменданта. Продолжалось интенсивное строительство новых крепостей, в полтора раза возросла численность инженерных войск, отработывалась система мобилизации на случай войны.

Ставшие к концу XIX века анахронизмом картинные гусарские и уланские полки были преобразованы в более эффективные в условиях современной войны драгунские части. На кавалерию возлагались новые функции: она должна была обеспечивать охранение войск на марше, проводить глубокую разведку, поддерживать пехоту во время наступления.

Кавалерийские полки переформировывались из 4-эскадронного в 6-эскадронный состав. Из трех драгунских и одного казачьего полка формировалась кавалерийская дивизия. Для каждого действующего полка создавалось отделение кадрового запаса. Три таких отделения в случае мобилизации разворачивались в кавалерийскую дивизию. К 1895 году в состав русской конницы входили 22 кавалерийские дивизии, имевшие 91 полк. Сверх того имелось 2 казачьи бригады, а также 16 полков, 11 сотен, 4 дивизиона и 8 бригад кавалерийского запаса (*Там же. С. 53*).

И все-таки основным видом вооруженных сил для России оставалась пехота. При Александре III произошло изменение военно-тактической доктрины отечественной военной науки. Русское верховное командование отказывалось от традиционной еще с

наполеоновских войн батальонной тактики: основной пешей тактической единицей, способной вести самостоятельные боевые действия становилась рота. Новый способ ведения боя в стрелковой цепи потребовал значительного увеличения численного состава всех звеньев пехоты (полк, бригада, дивизия). В системе обучения солдата отныне упор делался на стрельбе, а не на строевой выучке.

Александр III, познававший военную науку на русско-турецкой войне, понимал, как много значат для боевого духа войск условия быта солдат, довольствие, удобное обмундирование. Бывший командующий Рушукским отрядом знал, что на войне не бывает мелочей. Вместо неудобных ранцев из телячьих шкур образца 1866 года приказом по военному ведомству были введены вещевые и сухарные мешки из непромокаемой парусины. В вещевом мешке солдата должны были находиться две нательные рубахи, холщовые кальсоны, две пары портянок, полотенце, пара рукавиц, башлык, принадлежности для чистки оружия и сапожный чехол с парой сменных сапог. В сухарный мешок клали 6 фунтов (2,5 кг) сухарей, 50 граммов соли в отдельном мешочке и металлическую чарку.

По личному указанию Александра III армия одевалась в более практичную и удобную в носке форму, покрой которой приближался к русскому национальному костюму. Впервые форма нижних чинов по требованиям мобилизационной готовности могла легко подгоняться по фигуре человека.

Новый мундир был свободного покроя, имел вид двубортной куртки темно-зеленого цвета, без пуговиц и цветных лацканов, с погонами и стоячим воротником. Головным убором пехоты стали барашковые шапки с кокардой и гербом. Просторные штаны типа шаровар с цветными кантами, заправлялись в высокие сапоги (*Военная одежда русской армии. М., 1994. С. 277, 282*).

* * *

Значительным изменениям подверглась система подготовки офицерского корпуса. В июне 1882 года военные гимназии были преобразованы в кадетские корпуса. Эта мера была вызвана тем, что военные гимназии, удовлетворяя в целом требованиям среднего реального образования, мало отвечали требованиям профессиональной военной подготовки. Кроме того, оказалась недостигнутой одна из основных целей этих военно-учебных заведений — давать детям несостоятельных офицеров образование за казенный счет. Кадетские корпуса были призваны ликвидировать этот недостаток. Кроме уже существующих кадетских корпусов, в 1883 году был образован Донской кадетский корпус на 420 воспитанников, в 1887 году — 2-й Оренбургский (на 300), в 1888 году открылись две трехклассные приготовительные школы — Иркутская и Хабаровская, выпускники которых затем переводились в Сибирский кадетский корпус. Всего за 13 лет (1881–1895) кадетские корпуса выпустили 19 686 человек (*Валков С. В. Русский офицерский корпус. М., 1993. С. 121, 124*).

Офицеров армии готовили общевоинские военные и юнкерские училища, предназначенные для получения военного образования вольноопределяющимися и выпускниками гражданских средних учебных заведений.

Помимо общевоинских учебных заведений, в русской армии существовали специальные военные училища, выпускавшие высококвалифицированных офицеров артиллерии, инженерных войск и специальных родов службы (топографической, юридической).

Высшее воинское образование, необходимое для подготовки командиров крупных частей и специалистов штабной службы, наряду с Академией Генерального штаба, давали специальные академии и офицерские школы. Для поступления в академии необходимо было сдать достаточно сложные вступительные экзамены. Требования, предъявляемые к слушателям академий, были настолько высоки, что многие не могли закончить курс обучения: за 1881–1900 годы из академий было отчислено 913 человек (*Там же. С. 133*). Ежегодный выпуск военных академий, дававших русской армии большинство командиров бригад, дивизий, корпусов, начальников штабов, колебался от 114 до 143 человек.

Численность офицерского корпуса за годы царствования Александра III увеличилась почти на две тысячи человек. Одновременно с высоким уровнем профессиональной подготовки Александр III стремился дать офицерам достойное содержание. Так, выплата столовых денег командиру роты с 300 рублей в месяц в 1881 году к 1887-му увеличилась до 666 руб.; младший офицер вместо 96 руб. стал получать 183 рубля «столовых». Размер пенсии подполковника возрос с 419 руб. до 860 рублей (*Там же. С. 319, 346*).

* * *

Большие планы Александр III связывал с отечественным военно-морским флотом. Важнейшим фактором в этой области явился Черноморский флот, с возрождением которого восстанавливалось значение и престиж России на Черном море. На молодой флот Высочайшим приказом 1886 года возлагалась задача «служить вооруженной защитой государственного достоинства», но при этом подчеркивалось отсутствие всякого намерения наступательных действий.

На Балтийском море, кроме традиционного английского военно-морского присутствия, заметно выросла мощь германского военного флота, что непосредственно затрагивало интересы России. В этих условиях Александр III вернулся к доктрине своего деда императора Николая I, установившего принцип господства русского флота на Балтике, в силу которого он должен был иметь преобладание над объединенными флотами Германии и Швеции.

При Александре III перед Россией стала актуальной задача по охране своей Тихоокеанской акватории, требовавшей значительных военно-морских сил.

Адмирал С. О. Макаров предлагал увеличить крейсерский флот на Дальнем Востоке до 14 боевых единиц: «... Две трети этого крейсерского состава полезно все время держать в Тихом океане, одну треть — в Балтийском море». Главное, по мнению флотоводца, было добиваться мобильности этих кораблей (*Макаров. С. О. Документы. М., 1953. С. 469–474*).

Управляющий Морским министерством адмирал Н. М. Чихачев также считал, что Россия должна обладать флотом, способным действовать в открытом море, для чего необходимо было не только иметь современные боевые корабли, но и незамерзающий порт на Балтике. Таким портом могла быть только Либава. В 1890 году Александр III принял решение о сооружении здесь мощного аванпорта с двумя сухими доками, способными принять для ремонта самые большие броненосцы. При Николае II Либавский порт получил имя Александра III.

С согласия Александра III Морское министерство разработало комплексную программу судостроения на 1882–1900 годы. Предполагалось к началу 1901 года спус-

тить на воду 16 эскадренных броненосцев, 13 крейсеров, 19 мореходных канонерских лодок и более 100 миноносцев. Из этих кораблей для Черноморского флота намечалось ввести в строй 8 броненосцев, 2 крейсера, 20 миноносцев и 6 канонерских лодок.

Но весной 1885 года вследствие изменившейся политической обстановки в Европе программа была скорректирована: было решено сократить число эскадренных броненосцев и ускорить постройку миноносцев, которые могли быть более эффективными на предполагаемой арене боевых действий. В связи с этим планировалось дополнительно ассигновать на строительство флота 22 млн. рублей.

Всего к 1896 году было построено и введено в строй 8 эскадренных броненосцев («Александр II», «Николай I», «Наварин», «Гангут», «Сисой Великий», «Полтава», «Севастополь», «Петропавловск»), 7 крейсеров, 9 канонерских лодок и 51 миноносец.

Для внешних морей и действий на Дальнем Востоке начали строить эскадренные броненосцы водоизмещением до 10 000 тонн, вооруженные 4 орудиями калибра 305 мм и 12 орудиями калибром 152 мм. Но главным типом строящихся кораблей продолжали оставаться бронепалубные крейсера, предназначенные для дальних океанских походов («Дмитрий Донской», «Владимир Мономах», «Адмирал Нахимов», «Память Азова», «Рюрик») (В. П. Костенко. *На «Орле» в Цусиме. Л., 1955. С. 15–17*). Водоизмещение флота к концу царствования Александра III достигало 300 000 тонн, что вывело русский флот на третье место в мире после Англии и Франции (Ольденбург С. С. *Царствование императора Николая II. М., 1992. С. 20*).

* * *

Модернизация вооружения, судостроительный бум 80–90-х годов, техническое перевооружение армии, возросшие потребности в качественной стали, необходимость создания разветвленной железнодорожной сети неизбежно вели к быстрой милитаризации всей экономики России, способствовали интенсивному росту отечественной тяжелой промышленности, металлургических и судостроительных заводов, созданию новых предприятий, фабрик, шахт. Колоссальный военный заказ на новую армейскую форму повлек увеличение мощностей ткацко-прядильных мануфактур, кожевенных и обувных производств.

Только неприкосновенный запас обмундирования к 1894 году был рассчитан на 1 833 730 солдат; 5-процентный запас на 70 626 человек и запас для государственного ополчения на 346 826 человек. Для флота заготавлилось 10–12 тыс. аршин гвардейского сукна, 14 тыс. аршин верблюжьего сукна, около 15 тыс. синих фланелевых рубаш, кожи на 40–50 тыс. пар обуви (Бескровный Л. Г. *Русская армия и флот в XIX веке. С. 479*).

Большинство новых предприятий использовали передовые технологии, на них внедрялись новейшие организационные формы крупного капиталистического производства, приносившие при дешевой рабочей силе сверхвысокие доходы. Русские промышленные акции высоко котировались на мировых биржах.

Особенно впечатляющими оказались результаты, достигнутые горнодобывающей и металлургической промышленностью. Так, выплавка стали за 13 лет увеличилась на 159%, добыча угля на 110%, нефти на 1468% (Император Александр III. СПб., 1894. С. 90).

* * *

Растущие заводы и фабрики ежегодно требовали нового пополнения квалифицированных рабочих, подготовленного инженерно-технического персонала. Наличие свободных рабочих мест в промышленности вызывало миграцию сельского населения в города: вчерашний крестьянин, батрак становился заводским рабочим.

Появление в России нового класса — пролетариата создало необходимость решать вопросы рабочего законодательства. Условия жизни и труда основной массы рабочих оставались крайне тяжелыми. На большинстве крупных фабрик в середине 80-х годов жилые помещения для рабочих представляли собой многоэтажные казармы с центральными коридорами и комнатами-каморками, разделенными дощатыми, не доходящими до потолка перегородками. Ни на одной из исследовавшихся врачами-гигиенистами московских фабрик не соблюдались санитарные правила. Заработная плата российских рабочих была значительно ниже, чем в Англии и Германии.

Законом от 1 июня 1882 года на фабрично-заводских производствах был запрещен труд детей, не достигших 12-летнего возраста; рабочий день малолетних (от 12 до 15 лет) ограничивался восемью часами; с 3 июня 1882 года запрещалась ночная работа женщин и подростков на текстильных фабриках. Хозяева предприятий обязывались предоставить малолетним рабочим возможность окончить курс народного училища.

В 1885 году был установлен более короткий срок выслуги пенсий горнорабочими. В 1886 году издано положение о найме на сельскохозяйственные работы и постановление о найме рабочих на фабрики и заводы. Закон от 3 июня 1886 года о взаимоотношениях предпринимателей и рабочих ограничивал размер штрафов, запрещал расплачиваться с рабочими через фабричные лавки, предусматривал обязательную ежемесячную заработную плату. Появились специальные расчетные книжки, в которые вписывались условия найма на работу. Закон также предусматривал строгие санкции за участие в стачках и забастовках. Мера наказания для «подстрекателей» к стачке составляла восемь месяцев тюремного заключения, в случае повреждения имущества или за сопротивление властям срок увеличивался до шестнадцати месяцев.

Для надзора за исполнением трудового законодательства была учреждена специальная фабричная инспекция. Россия Александра III стала первой в мире страной, где начал осуществляться контроль за условиями труда рабочих.

Английский экономист П. Гэттелл в книге «The Tsarist economy 1850–1917» пишет, подводя итоги экономической политики Александра III: «Соблазн описать дореволюционную Россию как экономически отсталую велик, но это то искушение, которому должно сопротивляться... Высокоразвитые формы капиталистической организации в промышленности и сельском хозяйстве были совершенно очевидны в виде конгломератов с высокой степенью разделения труда» (цит. по: *Поткин И. П. Индустриальное развитие дореволюционной России. М., 1994. С. 116*).

Последовательная протекционистская политика Александра III, мощные государственные и частные инвестиции в промышленность, строительство железных дорог, портов привели к разительным изменениям аграрной России. «Лапотная» Русь вышла на четвертое место в мире по выплавке чугуна и пятое по производству стали.

* * *

Индустриализация страны привела к быстрому росту крупных городов, резкому увеличению городского населения. Если в середине 60-х годов в России было всего четыре города с населением свыше 100 тыс. человек, то к концу царствования Александра III их число увеличилось до 19; количество городов с населением от 50 до 100 тыс. человек по первой Всероссийской переписи 1897 года достигло 37.

Городское население в 90-е годы XIX века насчитывало около 16,5 млн. человек. Жизнь русских городов после реформ Александра II определялась Городовым положением 1870 года, пересмотренным и дополненным новым положением, утвержденным Александром III в 1892 году.

Главным органом городского общественного управления оставалась городская Дума, выбираемая горожанами, имеющими избирательное право. Исполнительным органом являлась городская управа. В сферу деятельности Думы входили городские финансы, имущество, коммунальное хозяйство, санитарное состояние города, народное образование, пожарное дело.

Городовое положение 1892 года ставило действия выборной Думы под постоянный и неусыпный контроль назначенного государем губернатора, сдерживало проявления ее финансовой самостоятельности, порой приводившей к субсидированию самых фантастических проектов.

Если правом избирать городскую Думу по положению 1870 года пользовались все плательщики городских налогов, то новое положение 1892 года сохраняло право голоса только для горожан, владеющих недвижимостью стоимостью не менее 300–3000 рублей (в зависимости от значения города — уездный или губернский). Из-за подобных ограничений избирательным правом могли воспользоваться не более одного процента городского населения.

Утверждая Городовое положение 1892 года, Александр III признавал несомненную пользу предыдущего опыта городского управления. В Высочайшем указе говорилось: «Благоустройство городских поселений заметно поднялось, и улучшились многие условия городской жизни».

С каждым годом в России увеличивалась численность городского населения, росли новые жилые кварталы и заводы. Обе столицы, губернские города становились сосредоточением национальной индустрии, центрами культуры и образования. Сюда со всех концов России тянулись наиболее предприимчивые и талантливые люди, чтобы найти применение своим способностям. На смену газовым фонарям в столичных городах приходило электрическое освещение, в уличный шум вливались звонки трамваев, в конторах появлялись первые телефонные аппараты, старомодные лавки и торговые ряды вытеснялись европеизированными магазинами и пассажами. Санкт-Петербург при императоре Александре III стал одной из самых престижных и процветающих столиц мира, с развитой городской инфраструктурой, современной системой коммунального хозяйства, городским транспортом и телефонной связью.

* * *

Но все-таки, по результатам первой Всероссийской переписи 1897 года, в городах проживало менее 13% населения России. Остальные 110 млн. россиян являлись сель-

скими жителями, в значительной степени определявшими экономическую, нравственную и религиозную жизнь всей русской нации.

Русскому крестьянству — его быту, хозяйству, религиозному сознанию — Александр III придавал особое значение. Недаром он хотел войти в историю под именем «крестьянского царя».

К 80-м годам XIX века массовое крестьянское хозяйство России в большинстве центральных губерний еще использовало традиционную трехпольную систему обработки земли, применяя для пахоты древнюю соху. Плуг считался дорогой игрушкой, доступной только зажиточному крестьянину. Соха пахала не глубже вершка, да и деревянные бороны разрыхляли лишь поверхностный слой земли, а главным удобрением служил навоз, вывозимый обыкновенно под озимые.

Но даже в самой глухой деревне постепенно начинали проявляться новые экономические отношения, характерные для зарождающегося капиталистического производства. Крестьянин вместо привычного с еще прадедовских времен натурального обмена все чаще покупал и продавал свои товары за деньги. Основной статьей сельских доходов была продажа хлеба. Отказывая себе во многом, оставляя лишь минимальное количество для собственных нужд, крестьяне стремились продавать как можно больше зерна.

С начала 80-х годов происходит специализация сельского хозяйства по отдельным регионам. Северо-западные губернии, Царство Польское стали производителями технических культур, мясо-молочной продукции. В центральных губерниях, кроме традиционных зерновых культур, начало увеличиваться поголовье крупного рогатого скота; центр выращивания зерновых культур переместился в черноземные губернии, степные районы Украины, Нижнего Поволжья.

Большую часть посевной площади занимала рожь — до 37%; пшеница — 16,6%; овес — 20%. Урожай ржи в среднем за 1892–1896 годы достигал 1 328 860 тыс. пудов ежегодно; пшеницы — 536 662 тыс. пудов; ячменя — 321 596 тыс. пудов; картофеля — 1 252 080 тыс. пудов (*Энциклопедический словарь изд-ва Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона. Т. 54. С. 236*).

Расширение железнодорожной сети, рост производства, развитие денежных отношений в крестьянской среде, растущий спрос на товары крестьянского труда и сырье способствовали быстрой интеграции внутреннего рынка.

Существовавшие старинные ярмарки успешно соседствовали с вполне капиталистическими биржами и общенациональными ярмарками. Знаменитая Нижегородская ярмарка к началу 90-х годов превратилась в национальный коммерческий центр, где совершались миллионные сделки, заключались торговые договора с крупнейшими экспортерами российской продукции.

В 1887 году общая стоимость поставляемой за рубеж сельскохозяйственной продукции составила 503 620 тыс. рублей, при общем объеме экспорта 617 308 тыс. рублей. Таким образом, на долю крестьянских хозяйств приходилось 81,5% всей экспортной выручки государства.

Россия производила до 15% мирового урожая пшеницы; более половины всего льна и ржи в мире вырастало на русских полях. Производство сахара к 1896 году составило 38 801 000 пудов.

* * *

Практически полное отсутствие государственного контроля в сельском хозяйстве не мешало правительству идти навстречу сельскому производителю. Законом от 28 де-

Герб Российской империи

Император Александр II и императрица Мария Александровна
принимают депутацию от крестьянства Царства Польского
в Зимнем дворце 7 апреля 1864 г.

Художник А. Шарлеман

Императрица
Мария Александровна
Конец 1870-х гг.
Фотограф С.Л.Левицкий

Княжна Е. М. Долгорукая
Конец 1870-х гг.

Император Александр II

Конец 1870-х гг.

Фотограф С.Л.Левицкий

Император Александр II на смертном одре

2 марта 1881 г.

Литография с фотографии С.Л.Левецкого

Екатерининский канал в Санкт-Петербурге.

Венки и цветы на месте гибели
императора Александра II

Храм Воскресения Христова.
Набережная Екатерининского канала
1907 г.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Всепресвятыишій Державишій Великий Государь
Императоръ Александръ Александровичъ

возшедъ на Прародительскій наслащенный Престолъ Россійской Имперіи и неразрывные съ онымъ Престола Царства Польскаго и великаго Княжества Финляндскаго, по образцу Благочестивыишъ Государей Предковъ Своихъ, указать соизволилъ: Священнѣйшему Князю Его Императорскаго Величества и отъ Святаго Духа помазанію быти, при рождении Всевышняго, сего Ждѣ въ 15 день, общаго сему Священному дѣйствию и Супругу Свою, Ковалевну Императрицу **Марію Федоровну**. О сего торжествѣ всѣмъ въиноподданниамъ чрезъ сіе возвѣщается, да въ благодѣйный оный день усугубляя молитвы свои къ Царю и Спасителю, да всемогущею Своею благодатию пріослѣдуетъ и дѣло Его Величества и да утвердитъ въ немъ миръ и тишину во Славѣ Своей Святой и къ непоколебимому благоденствію Государства.

1883 г. ГОДА.

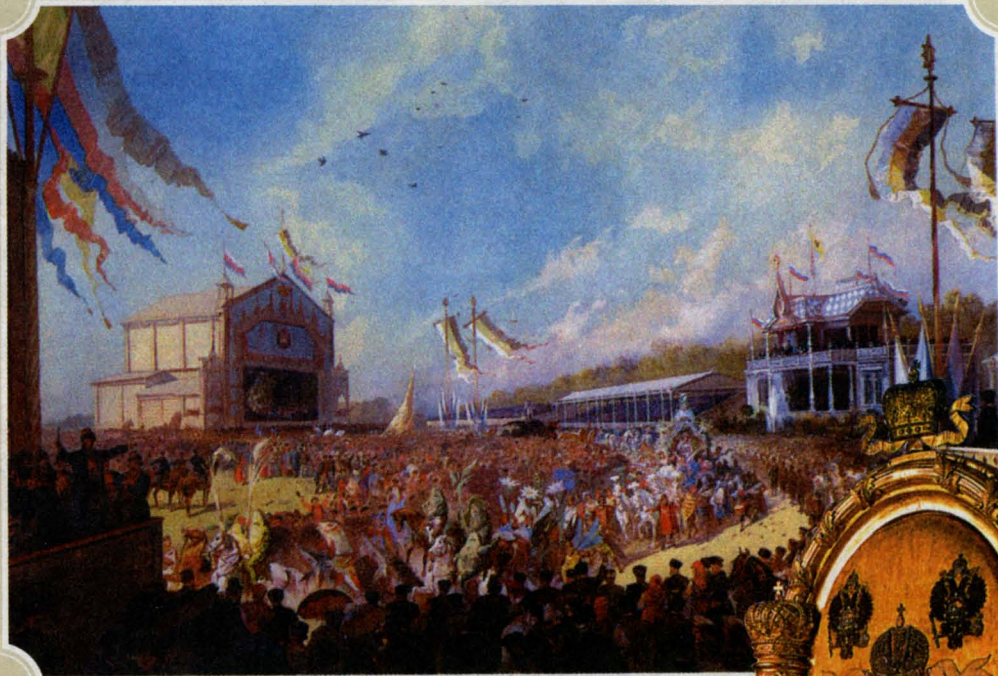
СЛАВА БОГУ НА НЕБѢ, СЛАВА!
Государю нашему на сей землѣ
СЛАВА! Всѣмъ народамъ нашимъ СЛАВА!
Его вѣрныхъ слугамъ СЛАВА!
Милостивымъ гостямъ его СЛАВА!
Чтобы правая была на Руси краше
солнца свѣтлая, СЛАВА!
А ЭТО ПЖНО

мы хлѣбъ поемъ, хлѣбъ поемъ, хлѣбъ
честь воздаемъ: СЛАВА! Слугамъ нашимъ на
хлѣбъ, добрымъ людямъ на хлѣбъ СЛАВА!
СЛАВА ВО ВСѢХЪ ВѢКОВЪ
СЛАВА!

Объявления, меню, билеты
коронационных торжеств
в Москве в мае 1883 г.

Коронационные торжества в Москве.
Праздник на Ходынском поле
Май 1883 г.

Художник Н. Н. Карзин

Знак за службу в свите
Александра III

Трон императора
Александра III

Коронация Александра III. Представление делегаций
Художник В. Е. Маковский

Медаль в память коронации Александра III

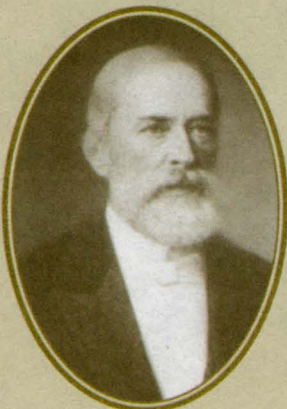

Император Александр III

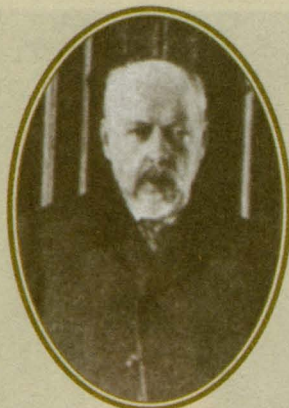
Иллюстрация из книги «Описание священного коронования Их Императорских Величеств
Государя Императора Третьего и Государыни Императрицы Марии Федоровны всея России
мая 15 дня 1883 года»

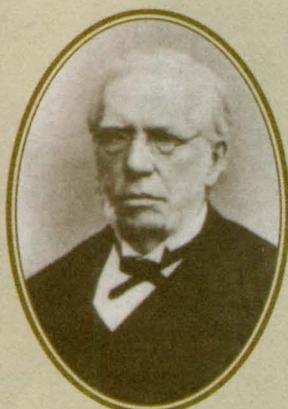
Портрет императрицы Марии Федоровны, жены Александра III
Художник В. Е. Маковский

Н. Х. Бунге

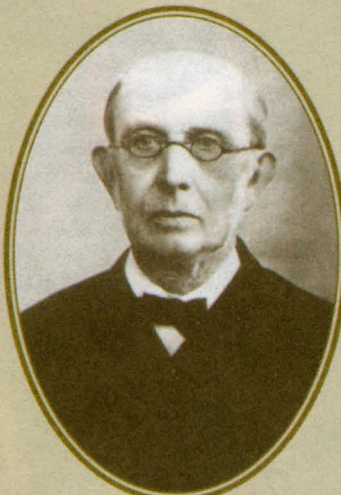
Князь В. П. Мещерский

И. А. Вышеградский

С. Ю. Витте

К. П. Победоносцев

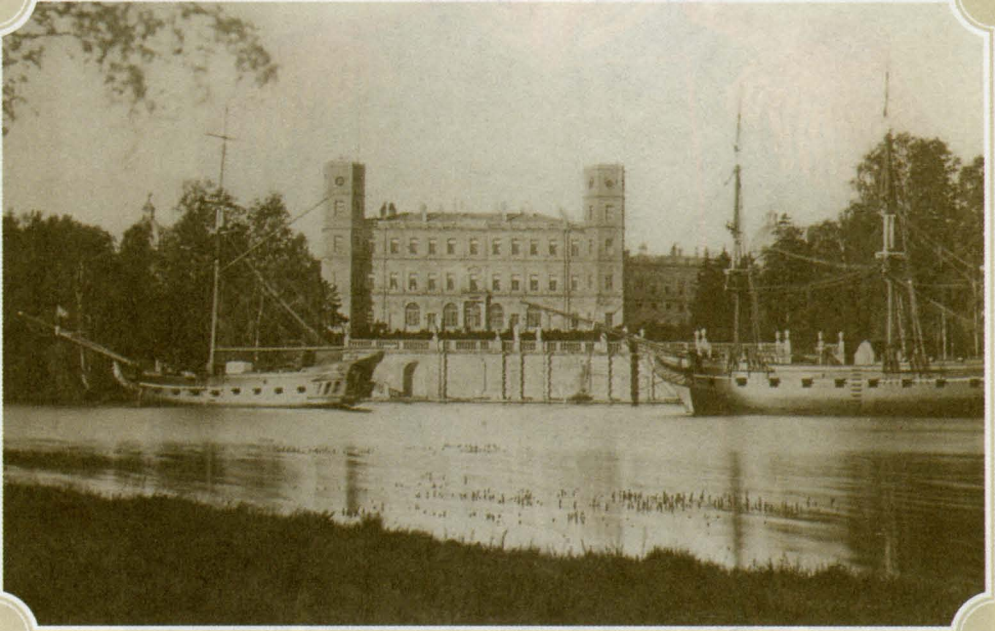
Граф Д. А. Толстой

Граф Н. П. Игнатьев

М. Н. Катков

Вид на Гатчинский дворец и яхты
1890-е гг.

Кабинет императора Александра III в Гатчинском дворце
1880-е гг.

Мундир генерала лейб-гвардии
Финляндского полка.
Принадлежал императору
Александру III
1889 г.

Владельческий знак
императора
Александра III

Альбом из коллекции Аничкова дворца.
Принадлежал императору Александру III
и императрице Марии Федоровне

Ей Величеству
Государыня Императрица.

Москва.

на Ротманъ въ М. г.

28 Апреля 1892.

Вторника.

№ 8.

Гатчина.

Мой милый друг Микша,

Вчера я получил второе письмо из Гатчины за которое от тебя я так рад и знаю подробно и для меня это в удовольствие. — Это письмо ты и так читала только также тебе Ксеня представила в Гатчину в 1881, но это было всего недолго. — Пусто и грустно было Микша вернувшись торжественно, все красноты твоих маленьких поминаний, привел с собою до которых встал совершенно даже шовили крошечки Миши. — Теперь начинаю свой журнал: Вчера представил от тебя и вернул домой и сейчас же начал писать у себя в уборной. — Утром как всегда во вторник были у меня Ваня, Коля и Тифа. — Кроме того Пр. Воронцов, так как он сейчас

Фрейлинский шифр императрицы
Марии Федоровны

Гатчина 1884.

9 Мая.

Мой милый друг Микша, вот уже 5 лет что мы не раз не разлучались и постоянно были вместе, несмотря на много разлуки в Гатчину в 1881, но это было всего недолго. — Пусто и грустно было Микша вернувшись торжественно, все красноты твоих маленьких поминаний, привел с собою до которых встал совершенно даже шовили крошечки Миши. — Теперь начинаю свой журнал: Вчера представил от тебя и вернул домой и сейчас же начал писать у себя в уборной. — Утром как всегда во вторник были у меня Ваня, Коля и Тифа. — Кроме того Пр. Воронцов, так как он сейчас

сейчас же
бу. —
не о чем
о мое письмо
привел от
одного Ал
остановил
интересного
моя
родай мой
тебя
Криво, при
Ксеню, —
милый. —
видания!
мой друг
инд

Письма императора Александра III
жене императрице Марии Федоровне
из Гатчины

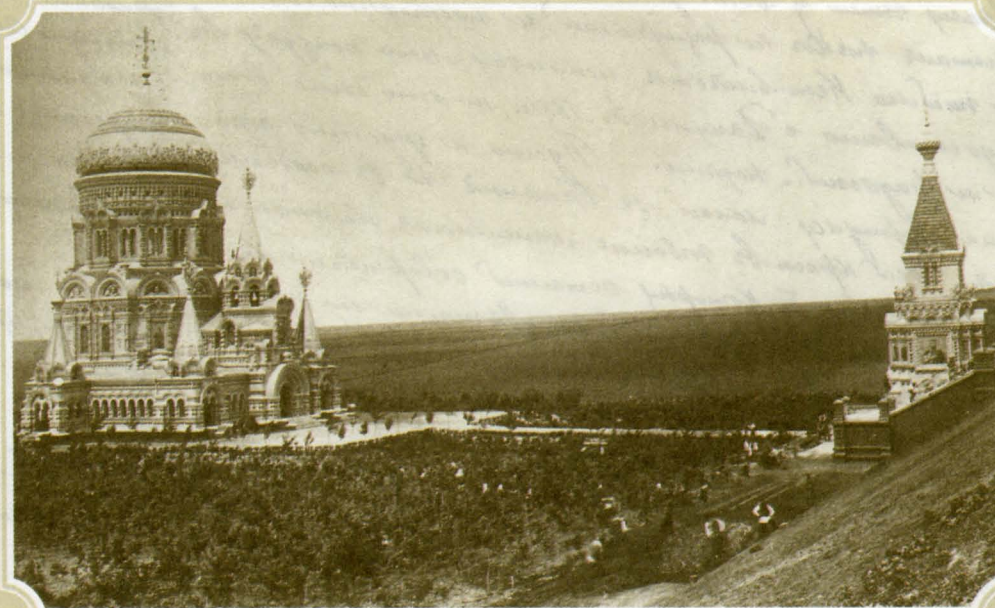
Твой верный друг
Саша

Крушение царского поезда между станциями Тарановка и Борки
(Харьковская губерния)

17 октября 1888 г.

Фотограф А. Иваницкий

Храм Спасителя Преславного Преображения,
построенного на месте крушения царского поезда

Июнь 1894 г.

Фотограф А. Иваницкий

кабря 1881 года были значительно снижены выкупные платежи, с 1885 года прекращалось взимание подушной подати. Учреждение Крестьянского банка позволило крестьянам приобретать землю; правительство всемерно поощряло крестьян, решивших переселиться в осваиваемые районы Сибири, Дальнего Востока.

Мерилом зажиточности крестьянского двора на Руси издавна считалась лошадь. По конской переписи 1888 года в 41 губернии крестьянам принадлежало 81,7% всех лошадей, при этом безлошадных крестьянских хозяйств насчитывалось 28%; имеющих одну лошадь — 40,1%; две лошади — 31,3%.

В 1895 году в России насчитывалось 20 867 тыс. голов лошадей и 31 616 тыс. голов крупного рогатого скота. До отмены крепостного права молочное дело в России носило чисто домашний характер. Помещики и крестьяне приготавливали молочные продукты главным образом для собственных надобностей и только излишки отправляли в город на продажу. С широким внедрением сепараторов в 80-х годах начало развиваться сыроварение и маслоделие. Русские сыровары достигли значительных успехов в изготовлении престижных сортов сыра — честера, голландского, бакштейна.

Традиционной домашней птицей в крестьянском быту всегда была курица. Только за один 1887 год за границу было вывезено домашней птицы на три миллиона рублей, 507 451 тыс. яиц на 7953 тыс. рублей. В Ярославской и Костромской губерниях существовала особая отрасль птицеводства: выращивание каплунов. Каплунами называли холощеных петухов, которых усаживали в темные ящики и усиленно откармливали шариками из овсяной, гречневой и ржаной муки, замешенной на молоке. Птицы быстро набирали вес и становились излюбленным блюдом московских и петербургских гурманов. Ежегодно на продажу выращивалось до двухсот тысяч каплунов.

Следует особенно отметить, что цены на продукты питания в России в то время были значительно ниже, чем в Европе.

Несмотря на социально-экономические перемены, происходившие в русской деревне с 1861 года, быт русского крестьянина менялся медленно. Однако прогресс и здесь наступал необратимо: керосиновые лампы и свечи заменили лучину; солдаты, отслужившие срочную службу, в большинстве возвращались в село грамотными; в деревенской избе появились городские товары, крестьянские портки и лапти сменились пиджаками и сапогами, крестьянки примеряли шерстяные и шелковые юбки и кофты.

Страшная засуха 1891 года и последующий неурожай потребовали от правительства экстренных мер: в помощь пострадавшим было выделено 150 млн. рублей, предоставлялись льготы на уплату долгов, на местах организовывались общественные пункты питания, крестьянам выдавалось посевное зерно. Благодаря принятым мерам голод в России в 90-х годах не привел к глобальной катастрофе, подобной той, которая спустя три десятка лет поразила все Поволжье.

* * *

Другим сословием тогдашней России, напрямую связанным с землей и сельским хозяйством, было помещичье дворянство. Дворянство в пореформенной России переживало нелегкие времена. Оказавшись в середине XIX века перед нелегким выбором — либо потерять свое привилегированное положение, либо принять правила новой игры, дворянство должно было приспособиться к новым капиталистическим отношениям.

При этом неизбежно проходил процесс размыwania социальной структуры дворянства. Представители высшего сословия растворялись в рядах чиновников, разночинцев, интеллигенции. Из дворянских гнезд вместе с их обитателями уходила уникальная русская дворянская культура XVIII — начала XIX века, культура Пушкина, Лермонтова, Тургенева. Взамен ее на общественную сцену спешили выйти Успенские, Писемские, Пешковы...

Статья 15 Полного Свода законов Российской империи так определяла понятие дворянства: «Дворянское название есть следствие, истекающее от качества и добродетелей начальствующих в древности мужей, отличивших себя заслугами, чем, обращая самую службу в заслугу, приобрели потомству своему нарицание благородное. Благородными разумеются все те, кои или от предков благородных рождены, или монархами сим достоинством пожалованы».

Все дворянские роды со времен Екатерины II, в зависимости от способа получения дворянства, разделялись на шесть разрядов: дворянство жалованное; дворянство военное; дворянство, полученное путем выслуги гражданского чина или в результате награждения российским орденом; иностранные дворянские роды, осевшие в России; титулованное дворянство; древние благородные роды.

Первые три разряда составляли дворянские фамилии, получившие права высшего сословия не по наследству, а за какие-либо заслуги. Получив отныне звание русского потомственного дворянина, они передавали его своим детям, внукам и правнукам. Наплыв во дворянство выходцев из других сословий тревожил правительство, усматривавшее в этом уничтожение былого престижа, утрату корпоративной значимости. Специальная комиссия, работавшая с 1883 года, предложила повысить ценз, дающий дворянство, до чина генерал-лейтенанта или тайного советника, а также ограничить получение дворянства орденами только первых степеней, кроме Владимира 2-й степени и Георгия 3-й.

Александр III склонялся к еще более строгим мерам, вплоть до единственного способа получения потомственного дворянства — исключительно через монаршее пожалование.

Кроме потомственного дворянства, где звание и титул передавались в следующие поколения, в России существовал институт личного дворянства, представители которого, пользуясь рядом дворянских привилегий, не могли передавать свое звание по наследству. Дети личных дворян уже не считались дворянами и числились потомственными почетными гражданами.

Личными дворянами с середины XIX века становились все обер-офицеры, чиновники VI–IX классов, лица, награжденные любыми степенями орденов Анны и Станислава.

По данным переписи 1897 года, общая численность потомственных дворян в 50 губерниях Европейской России составляла 885 754 человека, причем 407 918 из них проживали в девяти западных губерниях. Личных дворян насчитывалось 486 963 человека (Корелин А. П. *Дворянство в пореформенной России 1861–1904 гг. М., 1979. С. 36, 40, 43*).

Потомственное дворянство до 1861 года давало исключительное право владения поместьями, вотчинами, крепостными крестьянами. С отменой крепостного права главным критерием благосостояния поместного дворянства стала земельная собственность. Однако сохранить родовые имения могли далеко не все. Значительная часть

средних и мелких помещиков разорялась, их имения переходили к зажиточным крестьянам, купцам, оказывались в руках крупных землевладельцев. Вишневые сады становились непозволительной роскошью для дворян в новой России...

«Частная земельная собственность утратила характер постоянства владения, составлявший отличительную черту дворянских вотчин дореформенной Руси. Ныне имения продаются, покупаются, дробятся с небывалой прежде легкостью; земля стала предметом гражданского оборота на одинаковых со всеми прочими товарами основаниях», — с сожалением констатировал Журнал Особого совещания по делам дворянского сословия (*Там же. С. 55*).

Дворянское землевладение к 1892 году по сравнению с 1861 годом сократилось в целом почти на 17,5% (с 123,6 тыс. до 101,9 тыс.).

В то же время число дворян — владельцев земли в период 1881–1894 годы увеличилось до 120 тыс. за счет дробления имений и пополнения землевладельцев новыми дворянами из отставных офицеров и чиновников (*Там же. С. 64, 67*).

Нарастающее «оскудение» сословия вынудило губернские дворянские общества обратиться к правительству с просьбой принять срочные меры для предотвращения полного уничтожения помещичьего землевладения. Черниговское дворянство призывало Александра III войти в «непосредственное общение с землей чрез излюбленных ее людей», предводитель губернского харьковского дворянского собрания А. Р. Шидловский в Представлении министру внутренних дел настоятельно убеждал помочь разоряющимся помещикам: «Если даже этот класс собственников был сам виноват в расстройстве своих дел, и в таком случае следовало бы прийти ему на помощь, ибо дело правительства предотвратить гибель и того, кто идет к ней по неосторожности, по неосмотрительности, в особенности гибель того, кто является необходимым фактором для поддержания основ государственного строя» (*Там же. С. 256*).

Выход из создавшегося тупика предводитель дворянства видел в ликвидации акционерных земельных банков, выкупе казной их закладных листов и превращении помещичьих банковских долгов в долгосрочные долги казне с уплатой 5% годовых.

Обращение А. Р. Шидловского имело большой успех среди других губернских дворянских собраний. Смоленское, орловское, воронежское, костромское, бессарабское, черниговское, пензенское, самарское собрания направили на Высочайшее имя аналогичные послания.

«Действительно пора, наконец, сделать что-нибудь, чтобы помочь дворянству», — наложил резолюцию на ходатайстве орловского дворянства Александр III (*Там же. С. 257*). Вскоре было создано Особое совещание, итогом работы которого стало учреждение в 1885 году Государственного Дворянского банка, предоставляющего помещикам из потомственных дворян льготные кредиты под залог их имений. Правительство стремилось помочь помещикам в решении финансовых затруднений: те из них, кто не завершил к началу 80-х годов выкупной операции, получили в качестве компенсации дополнительное вознаграждение за обязательный выкуп, составляющий около 12% всей выкупной суммы, что обошлось казне в 46 млн. рублей. Министерство финансов приняло меры по облегчению положения заемщиков частных банков: государство выкупило на 26 млн. рублей закладных листов помещичьих имений, передав их Дворянскому банку. В результате его клиенты получили возможность выкупать свои заемные листы на 5% ниже их биржевой стоимости. В 1883–1884 годах помещикам был разрешен краткосрочный кредит из Государственного банка. В связи с

засухой 1891 года помещикам пострадавших губерний были разрешены рассрочки недоимок от 3 до 10 лет.

В рескрипте от 21 апреля 1885 года Александр III, в полной мере признав заслуги благородного сословия перед престолом, обещал и впредь поддерживать дворянство, содействовать упрочению его благосостояния, в надежде, что оно будет сохранять «первенствующее место в предводительстве ратном, в делах местного управления и суда, в бескорыстном попечении о нуждах народа, распространении примером своим правил веры и верности, здравых начал народного образования» (*Там же. С. 259*).

Значительно укрепить пошатнувшиеся позиции поместного дворянства была призвана реформа местного самоуправления. 12 июля 1889 года был издан закон о земских участковых начальниках, который упразднял выборные учреждения, появившиеся в ходе крестьянской и судебной реформ, — институт мировых посредников, уездное по делам крестьян присутствие и мировой суд.

В 40 губерниях России было создано более 2200 земских участков, во главе которых становились земские начальники, наделенные широкими полномочиями, включающими функции упраздненных учреждений. Земский начальник контролировал решения крестьянской общины, вместо мирового судьи рассматривал судебные дела, утверждал приговоры волостного суда, выступал в качестве арбитра в земельных спорах.

Достаточно глубоко определил сущность земской реформы великий князь Александр Михайлович: «Учреждение должности земских начальников в 1882 г. заполнило пробел, оставленный освободительной реформой. Действуя в качестве представителей власти на местах, земские начальники значительно способствовали упорядочению русского крестьянского быта. Они разрешали споры по вопросам крестьянского землевладения и землепользования, отправляли функции судей первой инстанции по маловажным делам, способствовали переселению малоземельных в Сибирь и в Туркестан и содействовали развитию сельской кооперации. Но самое главное — это то, что они повели беспощадную борьбу с подсознательным духом анархии среди крестьянства, являвшимся последствием исторических процессов, — как то: татарского ига, путачевщины и крепостного права. Чтобы оценить эту реформу Александра III, нужно иметь в виду, что русское крестьянство любило Монарха и относилось к правительству с недоверием <...> Правительство требовало рекрутов, взимало подати, поддерживало авторитет запретительных мер и мало поощряло народные массы. Пока русские крестьяне находились в крепостном состоянии, они сознавали, что помещики, как бы плохи они ни были, охраняли их от нажима власти. Получив в 1861 году вольную, русские крестьяне не могли больше надеяться на опеку своих прежних господ и сделались добычей революционных агитаторов, обещающих золотую эру свободы и безначалия по ниспровержении самодержавия. ... Кроме больших знаний и опытности, должность земского начальника требовала от вновь посвященных большого такта и даже дипломатических способностей. Шаг за шагом должны были земские начальники завоевать доверие крестьян.

Император Александр III с большим интересом следил за успехами своих посланников, аккредитованных при «Их Величествах — Мужиках». Конечной целью задуманной реформы было увеличение площади крестьянского землевладения. К сожалению, преждевременная кончина Государя помешала ему осуществить его заветную мечту создания в России крепкого класса крестьян — мелких земельных собственников» (*Александр Михайлович. Книга воспоминаний. С. 59–60*).

Свой взгляд и оценку государственной деятельности императора Александра III дал С. Ю. Витте: «Я убежден в том, что если бы императору Александру III суждено было продолжать царствовать еще столько лет, сколько он процарствовал, то царствование его было бы одно из самых великих царствований Российской империи... Я уверен в том, что император Александр III по собственному убеждению двинул бы Россию на путь спокойного либерализма; благодаря этому спокойному либерализму, при внешнем спокойствии... Россия двигалась бы постепенно к либеральному пути, то есть к тому пути жизни государства, когда оно живет не эгоистической жизнью, а жизнью для пользы народа» (*Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 415–416*).

Увы, для многих такой спокойный путь развития России был неприемлем...

* Ласт — корабельный фрахтовый вес, равный двум тоннам. На один ласт рассчитывалось: 120 пудов сала, конопляного масла; 100 пудов смолы, дегтя; 120 пудов (нетто) железа, меди; 100 пудов (нетто) пшеничной муки.

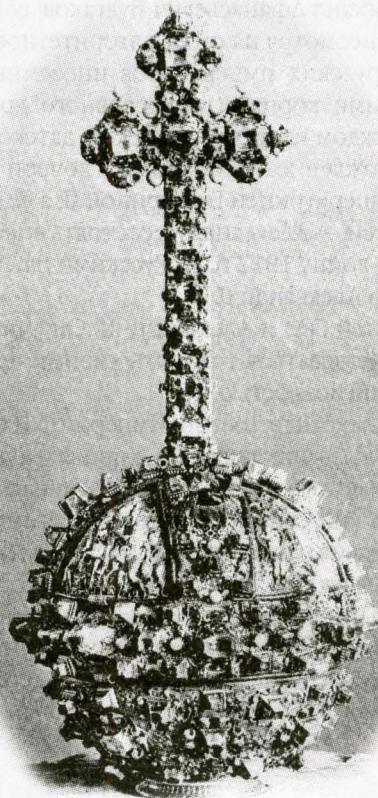
**	Действующие	Резерв	Местные	Запасные	Вспомогательные	Всего войска
1881 г.	588 747	71 696	93 173	22 048	42 010	812 484 / 33 050
1886 г.	618 666	78 849	80 892	7 394	54 561	840 568 / 31 196
1894 г.	685 370	129 910	57 886	7 694	59 553	940 413 / 35 500

В числителе — количество нижних чинов; в знаменателе — число генералов и офицеров

(*Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. С. 161–162*).

САМЫЕ СЛОЖНЫЕ ВОПРОСЫ В МИРЕ

Как утверждал Михаил Афанасьевич Булгаков: вопросы крови — самые сложные в мире. Но, несмотря на столь авторитетное мнение, традиционно принято упрекать русских императоров иноземным происхождением, голштейн-готторпскими корнями родословного древа. С точностью до капли подсчитано, сколько в каждом из них германской, датской, английской крови. Тем не менее немецкое происхождение не помешало дочери принца Ангальт-Цербского стать великой русской императрицей Екатериной II, а ее внуку, сыну вюртембергской принцессы Софии-Доротей, — Александру I, отстоять вместе со всем русским народом Россию в Отечественную войну 1812 года. Русскими патриотами до последнего вздоха оставались Николай I и Александр II.

Русским до мозга костей был и Александр III. Он считал себя коренным русаком, подчеркивая это манерой одеваться, говорить, своими пристрастиями и вкусами, истинной православной религиозностью.

«Божиею милостию Александр Третий, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, великий князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая...»

Велик и долог титул русского императора, перечислявший земли, племена и народы, собравшиеся под царский скипетр и державу. Веками создавалась, росла, крепла Россия, собирая силой оружия, хитростью, подкупом, а где и тонкой дипломатией, великую империю, раскинувшуюся в двух частях света. И становились татары, поляки, грузины, буряты подданными русской короны, подчиняясь законам и порядкам, принятым в государстве, а «живой, великорусский» язык отныне являлся для новых россиян надежным средством межнационального общения, который понимали представители всех этнических племен, обитавших от Вислы до Тихого океана.

* * *

Одним из основополагающих принципов русского самодержавия изначально являлось то обстоятельство, что монарх неизменно оставался выше всех конфессиональных, национальных и сословных интересов: в первую очередь самодержавный царь был Хозяином земли Русской и с этой позиции заботился о процветании своей державы, как заботились о ней его предки и должны были впредь заботиться дети и внуки.

Конечно, «монарху, как человеку, невозможно быть одновременно православным, католиком, протестантом, магометанином, буддистом, русским, поляком, татариним и т. д., чтобы выражать дух различных своих народов, — писал теоретик русского монархизма Л. А. Тихомиров. — Чтобы в таком разноплеменном государстве возможна была монархия — необходимо преобладание какой-либо одной нации, способной давать тон общей государственной жизни и дух, который мог бы выражаться в верховной власти» (*Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. СПб, 1992. С. 646*).

Таким народом стали русские, которые, вместе с малороссами и белорусами, на протяжении веков являлись государствообразующей нацией Российской империи. По данным переписи 1897 года, русские составляли около 72,5% населения (более 86 млн. человек). Из них православных насчитывалось 69,5%. Около 11% населения исповедовало мусульманство; католицизм — 9,1%; иудейство — 4,1% (*Большая энциклопедия под ред. С. Н. Южакова. СПб., 1900–1909. Т. 16. С. 457, 458*).

Чтобы свести воедино разнородные национально-религиозные составляющие, обеспечить жизнеспособность и целостность сложного организма великой империи, занимавшей шестую часть мировой суши, русская государственно-монархическая идея со временем породила уникальную по своей простоте и действенности доктрину, сформулированную еще графом С. С. Уваровым: самодержавие, православие и народность.

Православная религия официально признавалась краеугольным камнем всей идеологической структуры российской государственности. В седьмой главе Основных государственных законов прямо говорилось: «Первенствующая и господствующая в Российской Империи вера есть Христианская Православная Кафолическая Восточного исповедания». Русский император не мог исповедовать никакой иной веры, кроме православной, являясь ее верховным защитником и хранителем догматов.

При этом следует учитывать тот немаловажный факт, что Православная Церковь, начиная с упразднения патриаршества Петром I до 1917 года, находилась в полном подчинении у государства, не претендуя на самостоятельность. Обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев считал, что Церковь, независимая от государства, — висит в воздухе «без почвы, без ограды». В самой идее независимости Церкви он находил вольнодумство Руссо с его порочной «верой в неповрежденность природы человеческой» и «фантастическим идеалом свободы» (*Русский консерватизм XIX столетия. С. 336*).

Национальность как этнографическая, племенная характеристика не являлась определяющим понятием в системе государственной национальной политики. Значительно большее значение придавалось религиозному признаку. Хотя исповедание любой христианской конфессии или иной религии законодательно не возбранялось, переход в православие всячески приветствовался и, безусловно, снимал любые вопросы о национальном происхождении человека, открывая закрытые прежде сферы деятельности и службы. «Только православный считался истинно русским, и только русский мог быть истинно православным. Вероисповедной принадлежностью человека измерялась его политическая благонадежность» (*Волконский С. М. Мои воспоминания. М., 1992. Т. 2. С. 55*).

В течение царствования Александра III было обращено в православие 8544 магометанина и 50 933 язычника; из лютеранства в православие перешло 37 416 человек. В 1891 году иркутская православная миссия, во время путешествия по Сибири наследника престола Николая Александровича, произвела массовое крещение бурят, получивших «с соизволения наследника цесаревича» имя Николай (*Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. С. 125, 129*).

Таким образом, понятие «русскости» служило не столько определением этнического происхождения (русскими в широком смысле считались не только все славяне, но и потомки немцев, мадьяр, татар, исповедовавших православие), а являлось прежде всего мерилем лояльности конкретного человека государству. С официальной позиции Пестель или Ульяновы — очевидные враги всего русского, в то время как пост министра

иностранных дел Российской империи после раздела Польши занимал поляк князь Адам Чарторыйский; сдавшись русским войскам на Кавказе, горец Шамиль с комфортом жил в Калуге, совершая паломничество в Мекку, а вторым лицом в государстве после Александра II оказался армянин Лорис-Меликов. Александр III с удовольствием согласился стать крестным отцом сына бурятского скотовода Батманова, принявшего православную веру и получившего чин статского советника.

Большинство самых аристократических дворянских фамилий вели свое происхождение от «мужей честных», приехавших на Русь к русским великим князьям и царям. Потомки их служили российскому престолу, добиваясь славы и поместий для себя и своих внуков. М. Ю. Лермонтов — дальний отпрыск шотландского рода; матерью Василия Жуковского была пленная турчанка; одно стихотворение потомка арапа Петра Великого перевесит все расовые теории европейских и американских блюстителей чистоты крови.

* * *

В России никогда не подразумевалось никакой государственной дискриминации по расовому или племенному признаку, как не существовало законодательно утвержденной господствующей нации и принятых в Европе понятий «метрополия» или «колония». Связанные общностью территории, народы России составляли единый, целостный организм, живущий по одним законам. Многие национальные меньшинства имели ряд преимуществ перед коренным русским населением: жители Сибири, народности Севера не знали крепостного права. Местное население Туркестанского края, Сибири, инородцы* Астраханской и Архангельской губерний, Тургайской и Уральской областей, всех сибирских губерний освобождались от всеобщей воинской повинности. Мусульмане Терской и Кубанской областей и Закавказья вместо воинской службы вносили денежный сбор.

Воздействие государственной власти на жизнь национальных меньшинств регламентировалось «Положением об инородцах» Полного Свода Законов Российской империи (ПСЗ. Т. 2. Ч. XI. Разд. I–IV) и ограничивалось надзором за их самоуправлением, привлечением к уголовному суду за тяжкие преступления (кража для сибирских инородцев к таковым преступлениям не причислялась); «охране прав инородцев от всякого постороннего стеснения» — спаивания виноторговцами, закабаления под видом найма. Местной администрации предписывалось оказывать содействие традиционным промыслам; предусматривалась казенная продажа пороха, свинца, продовольственных припасов, охрана охотничьих угодий.

В то же время на территории империи существовали большие регионы, где русское и православное население подвергалось неприкрытой дискриминации со стороны тамошних властей. Лифляндская, Эстляндская и Курляндская губернии находились в обособленном от всей империи положении. Правящим сословием здесь являлось местное немецкое дворянство, почти автономное в своем самоуправлении. Высшим органом местного земского управления считался лантаг, или дворянское собрание, очередные собрания которого происходили раз в три года, определяя внутреннюю политику прибалтийских губерний в экономическом, религиозном и судебном отношении.

Все православные, независимо от национальности, облагались значительным сбором в пользу протестантских церквей. В судопроизводстве, учебных заведениях преоб-

ладал немецкий язык, подчас документы, написанные на русском языке, не принимались в производство даже в государственных учреждениях.

Александр III с недоверием относился к немцам. Эта неприязнь значительно усилилась под влиянием Марии Федоровны, с детства усвоившей традиционную неприязнь датчан ко всему германскому.

Широкое хождение получила острота Александра, который, будучи еще цесаревичем, на представлении штаба армейского корпуса, устав от непрекращающегося перечня частицы «фон», при фамилии генерал-майора Козлова воскликнул: «Наконец-то!» Этой репликой будущий император завоевал огромную популярность среди армейского офицерства, изнывавшего от изобилия немцев.

11 января 1882 года Александр III утвердил решение Государственного Совета, обязывающее все государственные учреждения прибалтийских губерний принимать к рассмотрению прошения, написанные на всех языках, распространенных в крае, — русском, эстонском, латышском и немецком. Спустя три месяца, 12 апреля 1882 года, выходит указ об обязательном введении русского языка в местных воинских присутствиях. Переименовываются немецкие названия городов: Дерпт становится Юрьевом, Динабург — Двинском, Динамюнде — Усть-Двинском, Гунгербург — Усть-Нарвой. В знаменитом Дерптском университете, жившем по немецким законам, с 1889 года вводится общий университетский устав, а вскоре он переименовывается в Юрьевский университет. Многие из немецких профессоров оставили свои кафедры, их места замещались русскими преподавателями, в университет начинают приезжать студенты из других российских губерний, чтобы получить здесь образование. Отныне старинное учебное заведение приступает к подготовке врачей, ученых-историков, филологов, правоведов для всей России, а не для удовлетворения внутренних нужд трех полугерманских прибалтийских губерний.

В Риге, Вильно, Юрьеве выходят новые печатные издания на русском языке, дети получают возможность учиться русскому языку. С 1889 года на постройку православных храмов в Прибалтийском крае из казны отпускалось по 70 тыс. рублей ежегодно.

Проводя политику русификации, правительство ни в коем случае не преследовало шовинистических целей. Задача состояла в приведении архаичного местного административного и судебного управления к общегосударственным нормам; в защите прав и интересов русского и всего православного населения края от самоуправства немецких помещичье-клерикальных властей, засилия немецкого языка и обычаев на территории Российской империи. Суть русификации, по мнению Александра III, — в обеспечении приоритетов православных подданных, защите их интересов и создании мощного унитарного государства. Говоря о национализме императора, можно согласиться с мнением современного историка А. Н. Боханова: «При Александре III происходило формирование национально-государственного политического курса, преследовавшего цель защитить национальные, религиозные и культурные интересы и ценности основной православной массы жителей империи, составлявших около 80% населения...

Признавая националистические настроения Александра III, следует сразу оговориться, что они никогда не опускались до уровня шовинизма. Никакой травли других народов, преследования их культур и верований, только потому, что они нерусские, в России по инициативе монарха не велось. Империя веками являлась многонациональной и таковой должна была остаться. Однако мириться с дискриминацией русских в

своем доме — России — царь не мог и не хотел. Особенно наглядно это проявилось в отношении Прибалтийского края» (*Боханов А. Н. Император Александр III. С. 437*).

Тем не менее Александра III всегда раздражал неумеренный патриотизм. «Есть господа, — писал он К. П. Победоносцеву в 1886 году, — которые думают, что они одни русские, и никто более. Уж не воображают ли они, что я немец или чухонец? Легко им с их балаганным патриотизмом, когда они ни за что не отвечают. Я не дам в обиду Россию...» (цит. по: *Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. С. 16*).

* * *

Наиболее болезненно попытки русификации воспринимались в Царстве Польском, получившем после восстания 1863 года новое название — Привисленский край. За полвека до начала правления Александра III А. С. Пушкин охарактеризовал отношения поляков и русских как «семейную вражду». Русское правительство в 10 губерниях Привисленского края, как и в Прибалтийском крае, последовательно стремилось привести местные законы и самоуправление к общегосударственным нормам.

Но если в прежние царствования интенсивная русификация западных областей была реакцией на освободительные восстания 1831 и 1863 годов, то Александр III поставил вопрос национальной политики просто, как колумбово яйцо: коль скоро держава называется Россией, то и все ее обитатели независимо от национального происхождения должны быть русскими. Далекий от шовинизма, и тем более от расистских взглядов, Александр III полагал, что проявления национализма, свойственные прибалтийским немцам или полонизм сторонников независимости Польши — явления недопустимые в многонациональном государстве.

История взаимоотношений двух соседних славянских государств на протяжении веков отличалась особым драматизмом. Войны, взаимное недоверие и прямая вражда поколениями делали поляков и русских заклятыми врагами. Три раздела Польши окончательно уничтожили государственную самостоятельность некогда могущественного европейского королевства. Оказавшись подданными России, поляки долго не могли спокойно воспринимать саму мысль о потере национальной независимости. Три польских освободительных восстания 1794, 1831 и 1863 годов убедительно показали, что поляки не смирились со своей участью, остались гордым и непокоренным народом.

Однако в последней трети XIX века характер польского национального вопроса подвергся значительной трансформации. Он не только сошел с исторической сцены как вопрос международной политики, но утратил свою прежнюю простоту и ясность даже для самого польского общества.

До восстания 1863 года польский вопрос чаще всего рассматривался русским правительством в едином блоке с другими сторонами социально-политической жизни западных территорий империи. Россия, Австрия и Пруссия считали себя ответственными за поддержание стабильности во всех трех разделенных частях Польши, тем самым сохраняя статус-кво в Европе. Однако со временем социально-экономические процессы, в разной степени и с разной интенсивностью происходившие в этих странах, изменили уклад жизни, политические и идеологические настроения польского населения.

Только социалисты продолжали рассматривать восстановление самостоятельности Польши как одну из задач революционной борьбы.

В бывшем Царстве Польском крестьянская реформа кардинально изменила земельные отношения и способствовала развитию мощной фабрично-заводской промышленности, расцвет которой находился в прямой зависимости от российского потребительского рынка. Формирование сильной буржуазии и благополучного, по российским меркам, польского пролетариата увело большую часть польского общества от романтического бунтарского порыва к лояльному национальному патриотизму, мягкой культурной оппозиции русским властям и порядкам.

Стремясь усилить влияние Православной Церкви в Западном крае, Александр III тем не менее налаживает контакты с Ватиканом, возвращает из ссылки польских католических епископов, сосланных в Сибирь после восстания 1863 года. В России имелось двенадцать епархий Римско-Католической Церкви, насчитывавших в 1894 году 10 518 701 католиков. Все католические епископы назначались императором, по соглашению с Папой Римским. После канонического утверждения в должности новые епископы должны были принести присягу на верность государю и наследнику престола, а только после этого — главе Ватикана.

Национальная политика — инструмент очень сложный, пользоваться которым может только мастер. В руках дилетанта он способен причинить немало бед. Как печальный курьез воспринималось решение попечителя Варшавского учебного округа А. Л. Апухтина, который в начале 1883 года ввел в Варшавском университете преподавание курса польской словесности на русском языке, чем поверг студентов в настоящий шок (*Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. С. 118*).

В ряде случаев попытки русификации принимали характер насильственных действий, ущемлявших интересы польского населения. Нередко полностью искоренялось самобытное, национальное. Польские гимназисты во время нахождения в государственных гимназиях не могли общаться на родном языке. В ряде губерний для лиц нерусской национальности были введены меры, ограничивающие владение недвижимостью.

Государственный секретарь А. А. Половцов по этому поводу писал в дневнике, что правительственные чиновники на местах «ставят идеалом русской политической жизни мнимую самобытность, выражающуюся поклонением самовару, квасу, лаптям и презрением ко всему, что выработала жизнь других народов» (*Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. Т. 2. С. 447*).

Генерал-губернатор польских губерний И. В. Гурко — человек военный, более склонный разрубать узлы сложных вопросов, нежели распутывать их, был вынужден признать: «В правительственной школе Царства (Польского. — *Авт.*) к польскому ребенку относятся не только не любовно, но прямо враждебно, в ней ему ставят в упрек его польское происхождение, оскорбляют его национальное чувство, к его религии относятся презрительно, его родному языку дают место лишь после иностранных французского и немецкого... От польского ребенка требуется учебным начальством лучшее знание русского языка и его грамматических правил, нежели от русского» (цит. по: *Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. С. 120*).

* * *

На особом положении находилось Великое княжество Финляндское. Там действовала конституция, дарованная еще Александром I. Финский сейм, состоявший из представителей четырех сословий (дворян, духовенства, горожан и крестьян), созывался

каждые пять лет и при Александре III в 1885 году получил право законодательной инициативы. Местным правительством был Сенат, назначавшийся императором, а связь с общероссийским правительством обеспечивалась через министра, статс-секретаря по делам Финляндии.

Мудрой и гибкой оказалась позиция Петербурга и в отношении присоединенных к Российской империи территорий Средней Азии, где в неприкосновенности были оставлены мусульманская церковь и мусульманские суды. Местному населению предоставлялось право традиционного внутреннего самоуправления, соблюдения религиозных обрядов и местных обычаев.

Веротерпимость к мусульманству проявлялась даже в деталях: на российских имперских орденах, вручаемых нехристианам за военные или гражданские заслуги, вместо изображения православных святых помещался государственный двуглавый орел, а среди европеизированных военных мундиров русской армии живописно выделялись экзотические национальные костюмы кавказских горцев.

Подобно многим другим избитым стереотипам, идеологический тезис о царской России как о тюрьме народов не соответствует исторической истине. Собранные под скипетр и державу русских монархов многочисленные народы на протяжении нескольких столетий жили рядом, не зная междоусобных конфликтов и религиозной нетерпимости.

* * *

Особое значение с 70-х годов XIX века в России начинает приобретать еврейский вопрос. Законодательство о евреях к моменту восшествия Александра III на престол состояло из длинного списка неясных и противоречивых положений, постоянно пополнявшихся новыми административными распоряжениями, еще более запутывавшими проблему.

Евреи, являющиеся прямыми потомками одной семьи азиатских кочевников — семитов, разросшейся со временем в многочисленную народность, сплоченную единством происхождения и древней религией, в массовом количестве появились в России лишь в конце XVIII века. После раздела Речи Посполитой в числе новых граждан Российской империи оказалось около миллиона подданных иудейского вероисповедания. Перед властями остро встал вопрос об отношении к этой категории населения, жившей всегда крайне обособленно и замкнуто.

Указом Екатерины II от 23 декабря 1791 года евреи были приписаны к мещанским и купеческим обществам тех местностей, в которых они проживали до присоединения к России. Кроме того, им разрешалось поселяться на территории вновь образованных Екатеринославского наместничества и Таврической области. Вместе с тем в указе императрицы подчеркивалось, что евреи не имеют права записываться в купечество во внутренние российские города и порты.

Так было положено начало «черте оседлости», просуществовавшей в России до 1917 года. Через сто лет после указа Екатерины II черта оседлости проходила через 15 губерний (Бессарабская, Виленская, Витебская, Волынская, Гродненская, Екатеринославская, Ковенская, Минская, Могилевская, Подольская, Полтавская, Таврическая, Херсонская, Черниговская и Киевская, кроме самого Киева, где евреи могли проживать только в определенных районах города).

Еврейское население России составляло 2 331 766 человек (данные приведены на 1875 г.). Из них в 50 центральных губерниях проживало 1 829 100 человек; в 10 губерниях Царства Польского — 783 079 человек; в Кавказском крае — 23 247 человек; в Сибири — 11 400 и в Средней Азии — 201 человек (*Энциклопедический словарь изд-ва Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 21. С. 463*).

Вне черты оседлости дозволялось жить евреям, принявшим христианство; приписанным к купечеству первой гильдии; врачам; фармацевтам; дантистам; фельдшерам; механикам; винокурам; приказчикам купцов-евреев первой гильдии и, как было сказано еще в указе Екатерины, «вообще мастерам и ремесленникам». Лицам, не имеющим такого права, дозволялось только временное, сроком до шести недель, пребывание вне черты оседлости. Однако, благодаря разнообразию вариантов исключений из правил, уже к 70-м годам XIX века во всех более-менее крупных городах России имелись еврейские колонии.

До этого времени в бытовом отношении проблема антисемитизма в большинстве губерний и городов России XIX века имела скорее «виртуальный» характер — в реальной жизни русский крестьянин крайне редко встречался с представителем израиляевго племени. Иначе дело обстоало в Царстве Польском, в малороссийских и западных губерниях, где еще со времен Речи Посполитой постоянно ощущалась неприкрытая неприязнь местного населения к евреям, время от времени проявлявшаяся в кровавых погромах.

* * *

Эпоху великих реформ Александра II русские евреи встретили с восторгом, относясь к самому императору с искренним обожанием. Правительство также благосклонно относилось к этой, в то время вполне лояльной и монархически настроенной, части населения. Граф М. Н. Муравьев, усмирявший западные губернии после польского восстания 1863 года, открыто покровительствовал евреям, считая их своими союзниками. М. Н. Катков полагал, что евреи, в силу собственных интересов, сосредоточенных в области торговли, предпринимательства, промышленности, должны стремиться к сбережению политической стабильности государства. Прагматичный публицист полагал необходимым широко привлекать средства еврейских предпринимателей на благотворительные цели. Так, создавая известный лицей цесаревича Николая в Москве, М. Н. Катков не скупясь пользовался средствами еврейских банкиров (*Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 279*).

Такие видные деятели правительства Александра II, как граф П. А. Валуев, генерал-губернатор Петербурга князь А. А. Суворов, М. Т. Лорис-Меликов, придерживались мнения, что с приобщением евреев к образованию, с их ассимилированием, уничтожением черты оседлости, уравниению во всех гражданских правах с русским населением, они рано или поздно «обратятся до известной степени в русских и заживут дружно и согласно с русским народом» (*Дикхий А. И. Евреи в России и СССР. Новосибирск. 1994. С. 379*).

За годы царствования Александра II заметно ускорился процесс приобщения еврейской молодежи к высшему образованию. К 80-м годам треть всех студентов Харьковского и Новороссийского университетов, обучавшихся на медицинском и юридическом факультетах, составляли студенты-евреи. Закончившие университет евреи становились преуспевающими врачами, адвокатами, журналистами, оказывая значительное влияние на всю культурную и интеллектуальную жизнь общества. Но не меньшее число представителей еврейской общины, не сумевших добиться заметных успехов на

жизненном поприще, неизбежно оказывались в рядах революционеров, постепенно захватывая все ключевые посты в социалистических группах и партиях, определяя стратегию и тактику подрывной деятельности.

Ситуация с благодушным настроением властей по отношению к евреям начала меняться с приходом к власти Александра III. Император не был воинствующим антисемитом или юдофобом. Изначально его отношение к евреям было скорее сродни обывательскому мнению о них как о «врагах Господа моего Иисуса Христа». Православный император Александр III на письме барона Г. О. Гинцбурга, ходатайствующего об улучшении положения евреев в России, совершенно искренно начертал резолюцию: «...если судьба их печальна, то она предназначена Евангелием» (цит. по: *Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. С. 40*).

Мотив вероисповедания в отношениях к евреям традиционно играл определяющую роль. Решением Правительствующего Сената в 1889 году было признано, что единственным основанием ограничения прав евреев является их вероисповедание. Евреи, перешедшие в христианство (причем не обязательно в православие), освобождались от всех ограничений, получая возможности для карьеры и предпринимательства. К принятию христианства допускались как взрослые, так и несовершеннолетние дети. Если крестился отец семейства, то в христианство переходили и все его сыновья, а если христианство принимала мать, то все ее дочери.

Со временем все большее число евреев, получивших образование, меняло веру предков на христианскую в одной из ее конфессий — чаще протестантской, и легко переступало пресловутую черту оседлости. Для тех, кто продолжал оставаться приверженцем иудейского вероисповедания, существовал ряд ограничений в некоторых сферах жизнедеятельности. Ограничения действовали в следующих областях: 1) право жительства и свобода передвижения; 2) прием в учебные заведения; 3) занятия торговлей и промышленностью; 4) поступление на государственную службу и участие в органах местного самоуправления; 5) порядок отбывания воинской повинности; 6) прием евреев в адвокатуру.

Александр III, убежденный в неэффективности политики ассимиляции, проводимой его отцом, придерживался позиции ограничения растущего влияния еврейской элиты. В то же время все экономические преимущества, связанные с промышленной и финансовой деятельностью еврейских предпринимателей, были очевидны для императора. Кроме того, получение крупных внешних займов с участием в них парижского еврейского банкира А. Ротшильда напрямую ставилось в зависимость от мер, принятых по улучшению положения евреев в России.

Неплохой иллюстрацией, характеризующей отношение Александра III к еврейской проблеме, может стать его замечание варшавскому генерал-губернатору И. В. Гурко, сделанное по поводу прокатившейся по Привисленскому краю и Малороссии волны погромов: «Сердце мое радуется, когда бьют евреев, но допускать этого ни в коем случае нельзя...» (*Там же. С. 40*).

* * *

Впервые широкомасштабные еврейские погромы начались вскоре после убийства Александра II.

Весной 1881 года погромы вспыхнули в Елизаветграде, Березовке, Киеве, Жмеринке, Нежине, в 1883 году в Екатеринославе, Ростове, Кривом Роге. Особенно крупным и же-

стоим стал трехдневный погром весной 1881 года в Киеве. Беспорядки начались 26 апреля и продолжались днем и ночью до 28 апреля. Еврейские кварталы были разорены до основания. По Киеву и уезду пострадало 1700 человек, из них евреев 1524 человека.

Начальник Киевского жандармского управления генерал В. Д. Новицкий в своих довольно сумбурных воспоминаниях приводил несколько причин возникновения погромов, обвиняя как власти, так и самих евреев: «Погром был вызван общему историческому ненавистью русского населения к еврейскому и эксплуатациею еврейским населением русского по торговле и промышленности, но отнюдь не политическими причинами...

Евреи до 1881 года представляли из себя робкий, запуганный, тихий элемент, но с увеличением процента участников евреев в политических делах характер евреев совершенно изменился, и они стали наглы, невежественны, решительны, злобны и смелы в своих предприятиях; по политическим делам и при допросах вели себя назойливо-дерзко и вызывательно; не было пределов в их нахальных приемах и поведении, ничем не вызываемых. Еврей, прежде боявшийся всякого оружия, стал вооружаться револьвером, ножом, кинжалом, и в общем евреи дошли до самообороны, вооружаясь огнестрельным оружием, и стали оказывать вооруженное сопротивление, имея кроме револьверов еще особые железные палки, наконечники которых заливались свинцом и представляли смертоносное холодное оружие при нанесении ударов.

Трехдневному погрому в Киеве и распространению его по уездам евреи безусловно обязаны были киевскому генерал-губернатору генерал-адъютанту А. Р. Дрентельну, который до глубины души ненавидел евреев и дал полную свободу действий толпам «хулиганов» и днепровским «боснякам», которые громили открыто еврейское имущество, магазины и лавки, базары даже в его глазах и в присутствии войск, в наличности находившихся и вызванных для прекращения беспорядков» (*Новицкий В. Д. Из воспоминаний жандарма. М., 1991. С. 155–156*).

Народовольцы, незадолго до этих событий убившие императора, не могли не откликнуться на происходившие события. Парадоксальным образом они повторили некоторые тезисы жандармского генерала. В начале осени 1881 года исполнительный комитет «Народной воли» распространил прокламации, объясняющие, что погромы явились проявлением народного гнева против эксплуататоров и угнетателей, независимо от того, евреями или неевреями являются эти самые угнетатели: «... Все внимание обороняющегося народа сосредоточено теперь на купцах, шинкарях, ростовщиках, словом, на евреях, этой местной «буржуазии», поспешно и страстно, как нигде, обирающей рабочий люд» (*Дикий А. И. Евреи в России и СССР. С. 82*).

Неизвестный автор статьи «По поводу еврейских беспорядков» в «Приложении» к «Листку Народной Воли» в июле 1883 года считал, что погромы являются началом всенародного движения, «но не против евреев как евреев, а против «жидов», т.е. народных эксплуататоров». В заключение статьи автор напоминал, что и Великая Французская революция началась с избиения евреев, ссылаясь при этом на Карла Маркса, «который когда-то прекрасно объяснил, что евреи воспроизводят, как в зеркале (и даже не в обыкновенном, а в удлинённом виде), все пороки окружающей среды, все язвы общественного строя, так что когда начинаются антиеврейские движения, то можно быть уверенным, что в них таится протест против всего порядка и начинается движение более глубокое» (*Там же. С. 83*).

Власти, не входя в теоретические изыскания проблемы, быстро усмирили погромщиков, но зерна юдофобии оказались брошены в русскую почву...

* * *

В 1883 году была образована Высшая комиссия для пересмотра действующих законов о еврейском населении. Ее председателем стал граф К. И. Пален. Комиссия работала на протяжении целых пяти лет, и результаты ее деятельности можно сформулировать следующим образом: а) главная задача законодательства о евреях заключается в возможно большем объединении евреев с общим христианским населением; б) не следует формулировать новое законодательство в виде «Положения» или «Устава», что принципиально противоречило бы усилиям правительства снять с евреев их обособленность; в) система репрессивных и исключительных мер должна быть заменена системой освободительных и уравнительных законов (*Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. С. 132*).

Либеральные предложения графа Палена не нашли поддержки у императора, и в ноябре 1888 года комиссия была упразднена.

Начиная с 80-х годов правительство пошло по пути введения ограничений для лиц иудейского вероисповедания при обучении в государственных и частных учебных заведениях. В 1887 году устанавливаются лимиты по допуску еврейских детей в учебные заведения. В черте оседлости количество допускаемых в учебные заведения детей евреев не должно было превышать 10%, вне черты оседлости — 5% и в столицах — 3%. В некоторые учебные заведения прием евреев был прекращен вовсе: например, в Военно-медицинскую академию, петербургское и московское театральные училища, в промышленное училище имени Чижова, горное училище.

Однако введение процентной нормы фактически мало изменило ситуацию: за 30 лет существования ограничительной системы образования (1887–1917 гг.) процент студентов-евреев (т.е. исповедовавших иудаизм) изменился весьма незначительно. В 1887 году среднее количество евреев среди российских студентов составляло 14,5%, а в 1917 — 12,1% (*Дикий А. И. Евреи в России и в СССР. С. 56*).

Автор книги «Евреи в России и в СССР» А. И. Дикий полагает, что эти данные требуют существенных корректив, поскольку они не учитывают количество учащихся, являвшихся евреями по племенному признаку, но сменившими вероисповедание.

О чрезвычайно высоком образовательном уровне всей диаспоры, бесспорно, свидетельствует то, что количество евреев среди студентов высших учебных заведений доходило до 14,5%, притом что евреи составляли всего 4% населения страны.

Кроме того, существовало множество еврейских частных школ, находящихся в ведении еврейских общин, в которых могли получить образование юноши, по тем или иным причинам не поступившие в русские учебные заведения.

Правительство пыталось законодательно ограничить для евреев права на приобретение, взятие в залог и аренду недвижимости. Формально этим правом евреи могли пользоваться только в пределах черты оседлости, причем даже здесь они были лишены возможности покупать недвижимость вне городов и местечек. Впрочем, этот закон не распространялся на тех, кто имел право жительства вне черты оседлости, и улицы Москвы и Петербурга украшали дорогие особняки крупных еврейских предпринимателей.

Одним из наиболее жестких сторонников курса на ограничение прав еврейского населения считался великий князь Сергей Александрович. Уже через месяц после его назначения московским генерал-губернатором, 28 марта 1891 года, он отдал распоряжение «О воспреещении евреям-ремесленникам переселяться на жительство в Московскую губернию».

Вскоре последовал новый приказ, запрещающий жительство в Первопрестольной отставным нижним чинам еврейской национальности. Результатом таких волевых мер стало выселение из Москвы почти двадцати тысяч человек (*«Былое»*. 1907. Сентябрь. С. 153–154).

В отличие от других инородцев все евреи, достигшие 21 года, были обязаны нести воинскую повинность. Несмотря на то, что по закону рядовые из евреев могли быть произведены в унтер-офицеры или писаря, реально путь в офицеры и классные чины им был заказан. Не допускались они и к приему в военные юнкерские училища. С 1887 года вольноопределяющиеся из евреев не могли сдавать экзамен на офицерский чин, а с 1889-го они не назначались на службу в качестве военных капельмейстеров. Новобранцам-евреям воспрещалось служить в карантинной, пограничной службе, в морском ведомстве и жандармских командах.

Служба в армии вряд ли прельщала молодых евреев, и многие из них всеми способами старались уклониться от призыва, симулировав какое-нибудь заболевание или скрывшись за пределы страны.

Ограничения прав еврейского населения были встречены русской либеральной общественностью крайне отрицательно, а в еврейской диаспоре породили резкие антиправительственные настроения, подтолкнув многих ее представителей к эмиграции. Правительство не препятствовало выезду евреев из страны.

8 мая 1892 года были утверждены правила для деятельности в России, учрежденного в Англии акционерного Еврейского колонизационного общества, в силу которых уехавшие по выездным свидетельствам евреи признаются навсегда покинувшими пределы России. Колонизационное общество планировало за 25 лет переселить из России до трех с половиной миллионов евреев. Реально с 1881 по 1895 год из страны выехало 431 012 человек (*Энциклопедический словарь братьев Гранат*. Т. 19. С. 461, 465).

Более чем столетнее проживание еврейской диаспоры в России не привело к ее ассимиляции с коренным населением. Евреи настороженно и с недоверием относились к любым шагам правительства, усматривая в них потенциальную угрозу для своего благополучия. Большая часть из них оказывалась единомышленной в своих оппозиционных настроениях, превращаясь в постоянный резерв для политических партий, стремившихся изменить политическую систему, а также и социальный строй России.

Александр III не позволял вырваться наружу подобным настроениям, но болезнь, загнанная внутрь, рано или поздно должна была проявиться. Это произошло уже после смерти императора, при Николае II, и вылилось в жестокие и бессмысленные русские бунты-революции, наиболее непримиримыми зачинщиками которых, пожалуй, стали многочисленные еврейские революционеры.

* Инородцы — по российскому законодательству — некоторые национальности, преимущественно монгольского, тюркского и финского происхождения, которые, по правам состояния и по управлению, поставлены в особое положение. Выделялось несколько групп инородцев: сибирские; чукчи Приморской области; дзюнгорцы Томской губернии; инородцы Командорских островов; самоеды Архангельской губернии; инородцы, кочующие в Ставропольской губернии; калмыки; киргизы Внутренней орды, кочующие в степях между Каспийским морем, Астраханской губернией и Уральской областью; инородцы Туркестанского края; ордынцы Закаспийской области; горские племена Кавказа и евреи. Кроме евреев, остальные инородцы находились на особом административно-юридическом положении, обусловленном спецификой местных национально-религиозных традиций и образа жизни.

БОЖЕ, ЦАРЯ ХРАНИ!

Суровыми мерами правительству Александра III удалось навести порядок внутри государства: революционные и террористические группировки были или уничтожены, или ушли в глубокое подполье, где мечтали о «светлом будущем» для всего народа. «Реакция придавила всех, — писал известный публицист В. Бурцев. — Не было ни активной революционной борьбы, ни каких-либо серьезных общественных выступлений. Наступило время маленьких дел» (*Бурцев В. В погоне за провокаторами. М., 1989. С. 24*). Его мнение разделял Г. Плеханов: «Революционная молодежь находилась на распутье и вырабатывала программы» (*Первое марта 1887 года. Централхив. М.-Л., 1927. С. 5*).

14 августа 1881 г. было учреждено «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» (опубликовано 8 сентября) (*ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 1. № 350*). Оно вводилось временно, сроком на 3 года, но потом постоянно пролонгировалось и просуществовало практически до февраля 1917 г. Это положение предусматривало возможность введения в некоторых губерниях России двух вариантов исключительного положения — состояние усиленной охраны и состояние чрезвычайной охраны. Это расширяло полномочия МВД почти до диктаторских мер. Большие возможности получали и местные органы. Объявить положение усиленной охраны в губернии было в компетенции министра внутренних дел или генерал-губернатора. «Положение» давало им право запрещать «народные общественные и даже частные собрания», закрывать промышленные и торговые заведения, органы печати, проводить обыски, аресты, передавать дела в военные суды.

В созданном в конце 1880 года Департаменте государственной полиции в результате слияния с Судебным отделом МВД была проведена реорганизация структуры. Департамент полиции (так он стал называться в 1883 г.) сделался впоследствии сложным, четко отлаженным государственным механизмом, охватывающим все сферы общественной жизни.

В начале 1883 года Департамент полиции состоял из пяти делопроизводств:

1-е — распорядительное, ведало кадровыми вопросами Департамента, составлением финансовых смет, выдачей пособий, наградами, перепиской с иностранными государствами о выдаче русских подданных, о нарушении границы.

2-е — занималось организацией полицейских учреждений по всей империи, а также мерами «по предупреждению и пресечению явного соблазна, разврата в поведении и по прекращению пьянства и нищенства», наблюдению за паспортным режимом и присмотром за иностранцами в России. Сотрудники 2-го делопроизводства ведали также «урегулированием отношений между рабочими и фабрикантами, заводчиками и нанимателями». Утверждали уставы общественных организаций.

К функциям 3-го делопроизводства (секретного до 1898 г.) относились «предметы высшей полиции и делопроизводство по особой переписке директора Департамента»; в частности, оно следило за политическими заключенными в Петропавловской крепости, за благонадежностью лиц в России и за границей, их перепиской, контролировало деятельность внутренней и заграничной агентуры, охрану царя, негласный надзор. 3-е делопроизводство должно было собирать негласные сведения о всякого рода происшествиях, вести дела по «доносам и заявлениям частных лиц, по преступлениям общеуголовного характера и другим предметам» и, наконец, организовывать розыск преступников.

4-е судебное делопроизводство ведало надзором за производством дознаний по делам о государственных преступлениях и политической неблагонадежности.

5-е — исполнительное делопроизводство занималось приведением «в исполнение состоявшихся решений по делам о государственных преступлениях и по производствам о политической неблагонадежности». При этом делопроизводстве находился справочный стол, где имелись списки политически неблагонадежных лиц и фотоархив подозреваемых.

Структура департамента полиции несколько раз менялась до 1917 года, но суть работы оставалась прежней — политический сыск.

В штате Департамента полиции состояло в 1881 году всего 125 человек, спустя 14 лет состав увеличился до 161 человека (*ГА РФ. Ф. 102. Оп. 302. Д. 707. Л. 1, 1 об.*).

В 1880-х годах возникают новые жандармские учреждения — Отделения по охране порядка и общественной безопасности. В то время как жандармы губернских управлений и соответствующие полицейские чины должны были по всей России вести постоянную будничную работу по борьбе с революционной крамоллой, на Отделение по охране порядка и общественной безопасности, образованное в Москве, возлагалась роль политического сыска, внедрение своих агентов в подпольные группы, вербовка боевиков на свою сторону. Собственно, «Отделение по охране порядка и спокойствия в столице» при петербургском градоначальнике возникло еще в 1866 году, после покушения Каракозова, однако оно никогда не пользовалось авторитетом и выполняло вспомогательные функции.

3 декабря 1882 года министр внутренних дел граф Толстой утвердил у императора «Положение об устройстве секретной полиции в Империи», где, в частности, говорилось: «Для ближайшего заведования на местах этими розысками могут быть учреждаемы по распоряжению товарища министра, заведующего государственной полицией, особые розыскные отделения в составе Жандармских управлений или ведомств общей полиции по образцу существующих в столицах отделений по охране общественного порядка и спокойствия» (*ГА РФ. Ф. 102, 3 д-во. 1882. Д. 977. Л. 9–10*).

Охранным отделениям выделялись значительные средства, на службу в них отбирались наиболее способные и опытные жандармы, руководство всячески поощряло инициативу и предприимчивость своих сотрудников. Особых успехов с середины 80-х годов удалось добиться московскому отделению, возглавляемому полковником Н. С. Бердяевым. Здесь под началом Евстратия Павловича Медникова была создана знаменитая школа филеров, отличавшаяся воспитанием умных и хитрых сыщиков, в совершенстве владеющих приемами наружного наблюдения, сыскной работы, умевших артистически перевоплощаться и с равным успехом пользоваться гримом и оружием. Сам Медни-

ков, за хорошо организованную охрану в период пребывания Александра III в Москве, был лично награжден золотым перстнем с рубином и бриллиантом, а в мае 1893 г. — золотыми часами с золотой цепью и изображением на крышке государственного герба (*Перегудова З. И. Политический сыск России. 1880–1917. М., 2000. С. 185*). Потом он возглавил службу наружного наблюдения в Департаменте полиции, оставшись непревзойденным специалистом в организации филерского дела.

Впервые перлюстрация писем была поставлена на строгий, кропотливый учет. В 1880 году в стране было образовано 7 перлюстративных пунктов в крупных городах, но действовали они недолго. Эти пункты вошли в историю под названием «черных кабинетов». На самом деле перлюстрирование писем было действительно незаконным делом, хотя еще при Николае I такие методы борьбы с «внутренними врагами» широко применялись. Существование перлюстрационных пунктов тщательно скрывалось. Например, в Петербургском отделении войти в «черный кабинет» можно было только через кабинет-канцелярию старшего цензора. Причем сам вход был замаскирован большим желтым шкафом. Подвергались просмотру и снятию копий письма общественных и государственных деятелей, редакторов газет, преподавателей университетов, академий, членов Государственного Совета и даже членов семьи Романовых. По всей России непосредственно перлюстрацией занималось от 40 до 50 человек (*Там же. С. 277*).

В обязанности столичного охранного отделения, кроме «производства негласных и иных розысков и расследований по делам о государственных преступлениях в целях предупреждения и пресечения последних», входило: предупреждение стачек на заводах, фабриках и расследование причин, вызывавших их; принятие мер к предупреждению и расследованию причин демонстраций и собраний, не разрешенных властями; слежка за приезжающими в столицу; наблюдение за учебными заведениями, клубами, обществами; «принятие негласных мер к предупреждению и расследованию возникающих в учебных заведениях беспорядков, сходок и демонстраций». Удивительно, что при таком объеме работы штат охранных отделений был крайне малочисленным: в петербургском отделении служило 12 человек (начальник отделения, помощник, пять чиновников для поручений, делопроизводитель, помощник делопроизводителя, счетовод, архивариус и журналист) (*ТА РФ. Ф. 102, 1 д-во. Оп. 3. 1883. Д. 408, Л. 3*). В штате Московского охранного отделения числилось всего 6 человек. Однако кроме этого на службе в охранном отделении состояли многочисленные секретные агенты для наружного наблюдения, называемые филерами, и суперсекретные работники, внедренные в подпольные группы. По смете ежегодных расходов Московского охранного отделения, составляющей 50 тысяч рублей, около 30 тысяч отводилось на наблюдение, проведение розыска и содержание агентуры (*ТА РФ. Ф. 102. Оп. 3. 1883. Д. 301. Л. 3*).

* * *

Революционное движение терпело поражение за поражением, террористы преобладали в постоянном унынии, переходящем в отчаяние. Судебные процессы над участниками заговоров и политических убийств следовали один за другим. Наиболее громкими стали суды, состоявшиеся в 1882 году: процесс над 20 народовольцами, обвиняемыми в подготовке восьми покушений на Александра II, убийстве шефа жандармов Н. В. Мезенцева, краже полутора миллионов рублей из Харьковского губернского казна-

чейства и других преступлениях; процесс в Петербурге над двумя обвиняемыми в убийстве полицейского Прейма и военный суд в Одессе над убийцами генерала В. С. Стрельникова, где одним из обвиняемых был устроивший взрыв в Зимнем дворце Н. С. Халтурин. Александр III собственноручно написал телеграмму министру внутренних дел графу Толстому по поводу убийства генерала: «Очень и очень сожалею о генерале Стрельникове. Потеря трудно заменимая. Прикажите генералу Гурко судить убийц военно-полевым законом, и чтобы в 24 часа они были повешены без всяких оговорок».

В марте 1883 года в Одессе состоялся суд над 23 обвиняемыми в государственном преступлении — в пропаганде революционных идей и подготовке террористических актов. В апреле того же года в особом присутствии Сената в Петербурге прошел процесс еще над 17 членами «Народной воли», обвиняемыми в подготовке покушения на царя, распространении среди крестьян фальшивых манифестов и попытке кражи денег из Кишиневского казначейства. В 1884 году на скамье подсудимых оказались члены военной организации «Народной воли», среди которых было шесть офицеров и восемь штатских лиц.

В Киеве и Варшаве в военно-окружных судах были рассмотрены дела 12 членов «Народной воли» и другой подпольной группировки «Пролетариат».

К началу 1887 года «Народная воля» была уничтожена как организация. 28 террористов были казнены, более 500 отправлены на каторгу и в ссылку. Однако на свободе еще оставались ее члены. Глубочайший кризис, охвативший все революционное движение, требовал от подпольщиков решительных действий, способных доказать всем, и в первую очередь самим себе, что революционное движение в России еще существует.

* * *

1 марта 1887 года, спустя ровно шесть лет после убийства Александра II, на Невском проспекте в Петербурге были задержаны шесть человек, три из которых имели при себе метательные снаряды, а у одного в кармане оказался револьвер с шестью патронами. Этот арест стал финалом одной из самых удачных контртеррористических операций Департамента полиции.

В конце января 1887 года в петербургском «черном кабинете» было перлюстрировано письмо с неразборчивой подписью, датированное 20 января и адресованное студенту Харьковского университета Ивану Никитину. Некоторые фразы из этого послания привлекли внимание бдительного полицейского. Неизвестный автор писал: «... Возможно ли у нас социал-демократия, как в Германии? Я думаю, что невозможна; что возможно — это самый беспощадный террор, и я твердо верю, что он будет, и даже в непродолжительном будущем; верю, что теперешнее затишье — затишье перед бурей. Исчислять достоинства и преимущества красного террора не буду, ибо не кончу до окончания века, так как он мой конек, а отсюда, вероятно, выходит и моя ненависть к социал-демократам.

10-го числа из Екатеринодара получена телеграмма, из коей видно, что там кого-то взяли на казенное содержание, но кого, неизвестно, и это нас довольно сильно беспокоит, т. е. меня, ибо я вел деятельную переписку с Екатеринодаром и потому беспокоюсь за моего адресата, ибо если он тово, то и меня могут тоже тово, а это нежелательно, ибо поволочу за собой много народа очень дельного...» (*Первое марта 1887 г. С. 361*).

Департамент полиции немедленно обратился к начальнику Харьковского жандармского управления Вельбицкому с требованием установить, кто такой студент Никитин, а главное, выяснить имя его корреспондента. В Харькове быстро работать не привыкли, и только после повторного настоятельного требования 27 февраля в Петербург пришел ответ, что автором письма Никитину был студент Петербургского университета Пахом Андреюшкин.

В тот же день Департамент полиции передал полученные сведения петербургскому градоначальнику с просьбой учредить «непрерывное и самое тщательное наблюдение» за подозрительным студентом, который, как оказалось, «уже ранее был замечен в сношениях с лицами политически неблагонадежными».

28 февраля из Петербургского охранного отделения была получена информация о том, что Андреюшкин в компании с несколькими неизвестными личностями с двенадцати до пяти часов дня слонялся по Невскому проспекту, причем было замечено, что под пальто они несли какие-то тяжелые предметы.

Когда на следующий день злоумышленники вновь появились на Невском, полиция не стала медлить и арестовала их. Среди арестованных были студенты Петербургского университета Василий Генералов, Пахом Андреюшкин, Василий Осипанов, Михаил Канчер, Петр Горкун и лохвицкий мещанин Степан Волохов. Задержанные сразу сознались в подготовке покушения на императора Александра III во время его проезда по Невскому проспекту.

Отобранные у них предметы представляли собой три металлических цилиндра, один из которых был спрятан в толстую книгу — «Терминологический медицинский словарь Гринберга». Все снаряды были наполнены свинцовыми жеребейками — шрапнелью и стрихнином — что, по мнению профессора Михайловской артиллерийской академии генерал-майора Федорова, «при самом незначительном поранении, нанесенным означенными отравленными жеребейками, повлекло бы за собой смерть» (*Там же. С. 17*).

На докладе министра внутренних дел графа Д. А. Толстого о происшествии на Невском проспекте Александр III наложил резолюцию: «На этот раз Бог нас спас, но надолго ли? Спасибо всем чинам полиции, что не дремлют и действуют, — все, что узнаете более, присылайте» (*Поляков А. С. Второе 1-е марта. Покушение на императора Александра III в 1887 году. М. 1919. С. 39*).

Арестованные признались в своем причастии к «Народной воле» и выдали организаторов покушения — Александра Ульянова и Петра Шевырева. Всего по делу о покушении на цареубийство 1 марта 1887 года было арестовано более 70 человек, но к суду привлечено 15.

«Совершенно и вообще желательно не придавать слишком большого значения этим арестам, — указывал в письме к министру внутренних дел император. — По-моему, лучше было бы, узнавши от них все, что только возможно, не предавать их суду, а просто без всякого шума отправить в Шлиссельбургскую крепость — это самое сильное и неприятное наказание» (*Там же. С. 39*).

Но закон есть закон. Дело участников покушения было рассмотрено при закрытых дверях Особым присутствием Правительствующего Сената 15 апреля 1887 года. Председательствовал сенатор П. А. Дейер; членами суда были сенаторы Ф. П. Лето, В. И. Бартенев, Н. И. Ягн и Н. М. Окулов. Обвинителями выступили обер-прокурор общего собра-

ния кассационных департаментов Правительствующего Сената Н. А. Неклюдов и товарищ обер-прокурора Уголовно-кассационного департамента А. Д. Смирнов. Защищали подсудимых присяжные поверенные К. Ф. Халтулари, А. А. Герке, Г. Г. Принтц, К. Я. Шнеур, А. Н. Турчанинов, В. И. Леонтьев, А. В. Михайлов, Н. И. Соколов. Подсудимые Андреюшкин, Генералов, Ульянов и Новорусский от защиты отказались.

Александр III внимательно следил за ходом процесса. Среди прочих документов процесса, на рабочий стол императора легла «сочиненная Александром Ульяновым уже в Петропавловской крепости 21 марта 1887 года «Программа террористической фракции партии «Народная воля».

Для Александра III это были банальные, избитые фразы, давно ставшие привычными штампами подпольных газет и революционных прокламаций. Набор популистских лозунгов о необходимости «постоянного народного представительства, выбранного свободно», без различия пола, вероисповедания и национальности, полной свободы совести, слова, печати, сходов, ассоциаций и передвижений сменялся требованиями к правительству национализировать земли, фабрики, заводы и «все вообще орудия производства», «замены постоянной армии земским ополчением» и конечно же «полной амнистии по всем государственным преступлениям прошлого времени, так как это были не преступления, а исполнение гражданского долга» (*Первое марта 1887 г. С. 376, 377, 378*).

В заключение программы — аргумент, доказывающий прелести революционного террора: «Признавая главное значение террора, как средства вынуждения у правительства уступок путем систематической его дезорганизации, мы нисколько не умаляем и других его полезных сторон. Он поднимает революционный дух народа; дает непрерывное доказательство возможности борьбы, подрывая обаяние правительственной силы; он действует сильно пропагаторским (SIC!) образом на массы. Поэтому мы считаем полезной не только террористическую борьбу с центральным правительством, но и местные террористические протесты против административного гнета» (*Там же. С. 378*).

Император внимательно прочитал этот документ, составленный Ульяновым, подчеркнул наиболее поразившие его места и, сделав пометы против места, где говорилось, что «революционеры — лучшие люди России», написал: «Действительно, это все перлы России». С признанием террориста, что «мы надеемся действовать заодно с либералами», Александр III согласился: «К сожалению, это уже давно и без того так». В заключение император написал на программе свою знаменитую резолюцию: «Эта записка даже не сумасшедшего, а чистого идиота». (*Там же. С. 373*).

Мать заключенного, вдова действительного статского советника М. А. Ульянова, подала прошение о помиловании сына, в котором писала: «Если б я хоть на один миг могла представить своего сына злодеем, у меня хватило бы мужества отречься от него... Сын мой был всегда убежденным и искренним ненавистником терроризма в какой бы то ни было форме». Александр III заметил по этому поводу: «Хорошо же она знает сына!» (*Поляков А. С. Второе 1-е марта. Покушение на императора Александра III в 1887 г. С. 23*).

Суд приговорил всех 15 подсудимых к смертной казни, но Особое присутствие Сената ходатайствовало для восьми человек о смягчении наказания. Александр III утвердил смертный приговор для Ульянова, Шевырева, Генералова, Осипанова и Андреюшкина.

Приговор был приведен в исполнение 8 мая 1887 года. Для совершения казни через повешение пришлось вытребовать палача из Варшавы — в Петербурге не оказалось специалиста этого профиля.

Комендант Шлиссельбургской крепости полковник Покрошинский докладывал начальнику штаба Корпуса жандармов: «... Доношу вашему превосходительству, что перед исполнением сего числа приговора особого присутствия Правительствующего Сената, состоявшегося 15–19 апреля настоящего года над пятью государственными преступниками, приглашен был к ним священник, но все преступники отказались принять его.

При возведении палачом осужденных Андреюшкина, Генералова и Осипанова на эшафот, первый из них произнес слабым голосом: «Да здравствует Народная воля»; второй только успел сказать: «Да здравствует»; а последний: «Да здравствует исполнительный комитет» (*Колосов Е. Е. Государева тюрьма — Шлиссельбург. Пг., 1924. С. 199*).

Никто из родственников государственных преступников, замышлявших цареубийство, конечно же от властей не пострадал. Они служили, учились, получали пенсии. Младший брат Александра Ульянова — Владимир закончил Симбирскую гимназию, университет, стал лидером большевиков, руководителем октябрьского переворота 1917 года. В отличие от старшего брата, он пошел «другим путем», сумев превратить индивидуальный террор народовольцев в беспощадный, тотальный красный террор, стоивший жизни миллионам людей, далеких от политической борьбы. Одной из первых жертв большевиков стали сыновья и внуки Александра III, зверски убитые в Екатеринбурге и Перми.

Отомстил Владимир Ульянов и непосредственным свидетелям казни брата: так, в 1918 году в Москве был расстрелян бывший товарищ прокурора И. Г. Щегловитов, присутствовавший на казни 8 мая 1887 года по долгу службы.

* * *

Александр III все годы своего правления стремился сохранить не только внешний мир, но и покой внутри страны. Этот массивный и настойчивый человек как бы держал в своих руках ватерпас, по которому видел, как нужно сглаживать и принижать до линии горизонта всякие проявления беспокойства, волнения, задора и страсти, как внутри государства, так и вне его, — писал после смерти императора известный публицист С. А. Андреевский. — Он верил в Бога, в тяжкий земной долг и в высшую справедливость...» (цит по: *Тальберг Н. Д. Русская быль. С. 597*).

Александр III был мужественным человеком. Он был готов идти на риск, однако нередко складывающиеся обстоятельства требовали соблюдать повышенные меры предосторожности. Если революционеры вызывали у него отвращение, то постоянное присутствие охраны раздражало государя. «Я не боялся турецких пуль и вот теперь должен прятаться от революционного подполья в своей стране», — говорил он с раздражением (*Александр Михайлович. Книга воспоминаний. С. 55*).

Начальником охраны Александра III многие годы состоял генерал-адъютант Петр Александрович Черевин. Семнадцатилетним юношей он поступил в 1853 году в школу гвардейских подпрапорщиков, капитаном армейского 20-го стрелкового батальона принимал участие в боевых действиях на Кавказе. За необыкновенную храбрость, доходящую до безрассудства, он был награжден Георгиевским крестом.

При Александре II П. А. Черевин занимал должность товарища министра внутренних дел. Александр III симпатизировал и полностью доверял Черевину. Вскоре после вступления на престол он назначил его начальником своей охраны.

Черевин имел много человеческих слабостей, но главная из них — любовь к спиртному. Он был искренне предан государю, а его рвения и усердия побаивались даже великие князья и, особенно, нелюбимые им дети брата императора Владимира Александровича. Дело подчас доходило до острых конфликтов.

«Приехала великая княгиня Мария Павловна [жена великого князя Владимира Александровича], — прошла прямо к императрице, я ее не видал, — рассказывал Черевин. — Потом появляются эти лоботрясы... [сыновья великой княгини]. Идут, шумят, словно на Невском... Проходят мимо меня и, конечно, кивок мне, маленькому человечку: *bonjour, general!* Приехала великая княгиня? Через несколько минут, — не нашли они ее почему-то, — опять: Генерал, вы не видели великую княгиню?

У меня же, надо сказать, дела, как нарочно, по горло: бумаг к резолюции — целая гора... Через пять минут опять тут как тут: Генерал, да где же, наконец, тут великая княгиня? И все это знаете, с нестерпимейшего высока, с надменностью, совершенно уверенные в том, что вот, мол, они великие князья, так я должен сорваться с места и, как лакей, бегать по дворцу, разыскивать ихнюю великую княгиню».

Генерал не вытерпел и ответил зарвавшимся юнцам: «Какую великую княгиню вы ищете? Мать? Так и говорите, что мать, а то великую княгиню! Вы мальчишки, для вас она не великая княгиня, а мама... Великих княгинь у нас полон календарь: я не обязан угадывать, какую вам надо. Мне вверена охрана особы государя, а я буду вам разыскивать каких-то там великих княгинь!»

История имела большой шум, и разбираться в ней пришлось самому императору. Недовольный и хмурый, он выслушал Черевина, как обстояло дело. Тот особенно подчеркнул свою последнюю фразу. Затем Александр повернулся к великим князьям и равнодушно произнес: «На что вы жалуетесь? Петр Александрович совершенно прав» (*Голос минувшего. 1917. № 5–6. С. 98–99*).

Отношения императора и начальника охраны отличались доверительностью и теплотой, что не мешало Александру III резко взыскивать со своего главного охранника.

Одним из поводов для царского недовольства стало требование Черевина увеличить число агентов императорской охраны в Петергофе до 100, так как 50 человек для охраны императора, по мнению генерала, было явно недостаточно (*Там же. 1918. № 3. С. 229*).

Александр III был вынужден написать грозное послание: «Несмотря на мои частые повторения, что я не желаю, чтоб, когда я выезжаю, за мною ездили мушары и проч., я опять замечая, что приказание мое не исполняется. Я не знаю, ваши ли это люди или Грессера, но прошу распорядиться, чтобы этого более не было, как мера совершенно лишняя и, конечно, ни к чему не ведущая. Я, разрешая Грессеру, когда он находит нужным, самому иногда следовать за мною, когда известно, куда я еду, но кроме него я не разрешаю никому, потому что считаю эту меру глупую и весьма неприглядную.

Когда я еду по заведениям или госпиталиям, всегда все полицейское начальство той местности является туда, и конечно этого достаточно. Прошу в этот раз сделать распоряжение раз навсегда, и чтобы не приходилось мне повторять это каждый год снова;

мне это надоело. Я никогда не мешаю Вам и Грессеру принимать меры, которые вы находите нужными, но следовать за собой положительно запрещаю» (*Голос минувшего*. 1918. № 1–3. С. 229).

Однако, несмотря на сопротивление царя, усилена была охрана и Гатчинского дворца, «места трудов самого занятого человека России (*Александр Михайлович*. Книга воспоминаний. С. 55). «Караул во дворце несли лейб-гвардии Кирасирский полк и полуэскадрон. В первые полтора месяца пребывания государя в Гатчине ежедневно в дворцовом карауле было около 170 человек. В помощь кирасирам в Гатчину был переведен Терский эскадрон Собственного Его Величества конвоя и из Варшавы вызван Кубанский дивизион. Эти отряды сменяли кирасир через день на постах внешней охраны и выставляли усиленные посты внутреннего караула. Кроме того, была сформирована особая охранная команда от гвардейских полков — Сводно-гвардейская рота. Также во время ежегодного пребывания Александра III с семьей в Гатчинском дворце из Санкт-Петербурга переводилась специальная дворцовая полицейская команда и отряды полиции. Для входа во дворец завели пропуска нового образца с фотокарточками» (*Рыженко Э. И. Гатчина. В кн. Александр III в Гатчине. СПб, 2001. С. 5*).

* * *

Любое происшествие, случавшееся с царской семьей, немедленно становилось предметом оживленных пересудов и сплетен в обществе. Поэтому Александр III стремился давать как можно меньше поводов для слухов. Даже когда он получил серьезную травму руки во время падения из опрокинувшихся саней — официальных сообщений об инциденте не появилось. Но то, что произошло в октябре 1888 года во время следования царского поезда с Кавказа в Петербург, скрыть было невозможно.

Украшенные национальными трехцветными флагами, со скоростью 65 верст в час, два тяжелых паровоза уносили длинный состав на север.

17 октября, встав по обыкновению рано, Александр выкурил папиросу и, глядя в окно, поинтересовался у министра путей сообщений адмирала К. Н. Посьета, где они находятся. Министр ответил, что поезд недавно проехал станцию Тарасовку, через четыре часа минует Борки и к трем пополудни должен быть в Харькове.

В комфортабельном императорском поезде распорядок дня мало отличался от дворцового. Но в тот день за завтрак сели несколько ранее обычного — около двенадцати часов: в Харькове планировалась торжественная встреча и обед мог задержаться.

В передней части столового вагона располагался буфет, с противоположной стороны сервировалась закуска, а центр вагона занимал большой прямоугольный стол, накрытый белой скатертью.

Император привычно сел в центре стола, слева по ходу поезда. Рядом с ним расположилась княгиня Оболенская и статс-дама графиня Екатерина Шереметева. Напротив Александра сидела Мария Федоровна в окружении министров Ванновского и Посьета. Завтракали не торопясь.

Александр III не любил за едой разговоров на серьезные темы, и под стук колес шла обычная светская беседа. Завтрак подходил к концу; подали последнее блюдо — гурьевскую кашу, а царю лакей принес сливки. Часы на стене вагона показывали четверть второго. Внезапно раздался сильный толчок, от которого посуда полетела на пол, все инстинктивно схватились за стол. Через несколько секунд толчки повторились, и вагон

стал рассыпаться. Официанты, стоящие у буфета, были раздавлены опрокинувшейся стеной вагона. Крыша медленно опустилась и зависла над упавшими людьми. Нечеловеческим усилием Александр приподнял готовый рухнуть потолок, дав возможность женщинам выбраться наружу.

«Крыша навалилась на нас косо, — вспоминал художник М. А. Зичи, присутствовавший на завтраке, — с моей стороны между стенкой вагона и крышей было отверстие, через которое я и вышел, за мной вышли графиня Кутузова, за нею Государь, Государыня, насколько я помню, была вынута из окошка вагона. У Государя оказался сплюснутым серебряный портсигар в кармане с правой стороны».

Перед глазами пострадавших предстала картина страшной железнодорожной катастрофы: первый локомотив стоял неповрежденным, только задние колеса сошли с рельсов. Зато второй паровоз, словно гигантский крот, зарылся в насыпь. Четыре первых вагона оказались разбитыми в щепы. Один из них служил передвижной мастерской. Находившиеся здесь рабочие были насмерть раздавлены многопудовыми запасными колесами.

Следующий после вагона-ресторана был детский вагон. В момент аварии в нем находилась шестилетняя дочь императора Ольга. Вагон сошел с рельсов и встал поперек пути, погасив скорость состава, тем самым уменьшив масштаб катастрофы. Нянька великой княжны успела выпрыгнуть с девочкой под насыпь — это спасло им жизнь. Увидев отца, Ольга подбежала к нему с криком: «Я живая, папа, не беспокойся!»

Дольше других искали младшего сына Михаила — его извлекли из-под обломков вагона совершенно невредимым. Незначительные ушибы получил и цесаревич Николай.

По обе стороны насыпи валялись груды исковерканного металла, доски, под ногами скрипело битое стекло. Вдоль полотна метались растерянные люди, слышались стоны и плач. Мелкий дождь со снегом больно колот лицо, но люди, находившиеся в шоковом состоянии, не замечали холода.

Видя всеобщую панику и растерянность, Александр III принял руководство спасательными работами. Солдатам охраны было приказано залпами стрелять в воздух — это эстафетой донесло сигнал бедствия до Харькова. Наконец появились военные медики с перевязочными средствами, пострадавшим начали оказывать первую помощь.

Пять часов, ни разу не повысив голоса, никого не упрекнув, не сделав замечания, государь отдавал приказания, организовывал работы, подбадривал раненых. Только, когда были эвакуированы все пострадавшие, он выехал на станцию Лозовую.

В здании вокзала был отслужен благодарственный молебен за спасение, а затем панихида по погибшим. Оставшиеся в живых сели за два общих стола «без чинов и званий».

Это был печальный ужин, напоминавший поминки: 21 человек стали жертвой катастрофы, более 30 получили серьезные травмы и ранения.

Известие об аварии императорского поезда облетело всю страну. В храмах служили благодарственные молебны, кто-то назвал этот день «праздником крушения», а исподволь все громче звучала молва, что трагедия под Борками — дело рук революционеров, вновь принявшихся за свою традиционную работу. Охотнее всех поддерживал эту версию министр путей сообщений Посьет.

Однако дело обстояло много проще и банальнее. Начатое следствие с очевидностью доказало, что происшествие явилось следствием целой серии грубейших наруше-

ний правил эксплуатации железных дорог, начиная с воровства при строительстве дороги, когда укладывались рельсы и шпалы с заведомым браком, и кончая преступной небрежностью высшего начальства. Расписание движения императорского состава составлялось в Петербурге в Министерстве путей сообщений без согласования с руководством местных железных дорог.

Тяжелый, многовагонный состав, по замыслу столичных чиновников, должен был лететь со скоростью курьерского поезда. Гигантские колеса неминуемо расшатывали путь, в любой момент стык рельсов мог разойтись, и катастрофа была неминуема.

Возможность такого происшествия была столь очевидна для специалистов, что С. Ю. Витте, служивший в то время управляющим Юго-Западной железной дороги, за несколько месяцев до катастрофы подал рапорт о нарушении мер безопасности при движении царского поезда. Однако последствий рапорт Витте не имел.

Не входя в технические тонкости, начальник царской охраны генерал-адъютант П. А. Черевин приказывал гнать что есть духу, опасаясь срыва графика движения. «В соблюдении этого условия — моя первая обязанность, — объяснял он следствию. — Стоило мне сказать, что ускорение невозможно, и я не только замолчал бы, но в виду опасности такого ускорения стал бы даже просить не предпринимать его» (*Кони А. Ф. Собрание сочинений. М., 1966–1969 Т. 1. С. 471*).

Министр путей сообщения К. Н. Посыет, сухопутный адмирал, как его называли некоторые недоброжелатели, имел страсть к различным техническим игрушкам: всевозможным приборам для измерения скорости движения, калориферам, печам, вентиляторам. Все это достаточно тяжелое оборудование крепилось с левой стороны вагонов, так что при движении вагоны кренились, как яхты под шквальным ветром. Более того, перед поездкой министр распорядился прикрепить дополнительные вагоны, что еще более утяжелило состав.

Доклад императору о результатах проведенного следствия делал председатель комиссии, обер-прокурор Уголовно-кассационного департамента знаменитый юрист А. Ф. Кони. Предваряя свой отчет, Кони сразу заявил, что, по его мнению, никаких данных, свидетельствующих о покушении, нет. «Не беспокойтесь... Я знаю, что таких следов нет и быть не может. Я твердо убежден, что тут нет ничего политического, я увидел это тотчас же на месте», — прервал его Александр III (*Там же. С. 475*).

Доклад длился долго. Заканчивая его и отвечая на вопрос императора, в чем же все-таки причина катастрофы, Кони сказал: «Если характеризовать все происшествие одним словом, независимо от его исторического и нравственного значения, то можно сказать, что оно представляет сплошное неисполнение всеми своего долга» (*Там же. С. 451*).

После паузы, Александр III задумчиво произнес: «Да, конечно, все, кто виновен, должны подлежать ответственности, невзирая на их положение. Это должно быть сделано» (*Там же. С. 457*).

По Высочайшему указанию министр юстиции Н. А. Манасеин в феврале 1889 года внес в Государственный Совет представление о привлечении к ответственности высоких чинов. Последовала целая серия заседаний Особого присутствия при Государственном Совете. Но чем чаще собиралось высокое собрание под председательством великих князей Михаила Николаевича и Владимира Александровича, тем спокойнее становился тон выступлений. В конце концов было решено отказаться от на-

правления дела в Верховный суд, а ограничиться выговором Посьету «без занесения в формуляр».

Манасеин и великий князь Михаил Николаевич доложили императору об исходе дела. «Как, — удивленно сказал Александр, — выговор, и только? Но пусть будет так...» (*Там же. С. 485*).

Николай II каждый год будет вспоминать день крушения царского поезда под Борками в своем дневнике. Последнюю запись об этом событии он сделает уже в заключении в Тобольске во вторник 17 октября 1917 года: «29 лет прошло со дня нашего спасения при крушении поезда; кроме меня, никого здесь нет из бывших при этом!» (*ТАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 266. С. 12—13*).

«ГЛАЗА У НЕГО ЛАСКОВЫЕ
И ОЧЕНЬ ДОБРЫЕ»

Каждый на своем жизненном пути неизменно минует этапы человеческого бытия, определенные судьбой и Богом. Детство, отрочество, юность, пора возмужания и старость... Пережитое, увиденное и выстраданное становится натурой человека, его жизненным опытом — тем, чему нельзя научиться по книгам, понять и усвоить с чужих слов. Вкусы, пристрастия, мысли — все меняется в человеке с возрастом, принимает иное качество, делая пожившего и хлебнувшего испытаний человека внешне и духовно совершенно не похожим на того наивного юношу, что с широко раскрытыми глазами вступал в жизнь.

Маленький великий князь Александр Александрович рос на редкость красивым ребенком. Родители звали сына «милый Мака». По моде тогдашнего времени, в раннем детстве его одевали как девочку в платья и сарафаны. Он и выглядел очаровательной девочкой с огромными глазами и пышными локонами. В одиннадцать лет — Александр уже стройный мальчик, и лишь позже, с приходом зрелости, черты лица поглубели, он резко вырос, заматерел; в его облике появилось что-то мужицкое, былинно-русское. Недаром художник В. М. Васнецов изобразил его в известной картине «Русские богатыри». В молодости у него была пышная шевелюра, которую он даже завивал, собираясь на светские балы и вечеринки. Но в 27 лет Александр ее лишился, тяжело переболев тифом.

О мужчинах точнее всего судят женщины... Вот словесный портрет двадцатилетнего великого князя, сохранившийся в памяти одной из воспитанниц Московского Александровского института и опубликованный в журнале «Исторический вестник». Речь в воспоминаниях шла о посещении императором и наследником института в 1865 году: «Наследник был очень молод. Лицо его нельзя было назвать красивым, но это было чисто русское лицо, умное, открытое, веселое и чуть-чуть насмешливое. Коротко остриженные волосы, крайняя простота и уверенность движений производили впечатление независимости и твердости» (*Исторический вестник*. 1900. № 9).

Личность сильных мира сего хорошо познается в их отношениях с простыми людьми, далекими от вершин власти. И здесь имеет значение каждая мелочь, каждый нюанс в поведении, речи, улыбке. Сохранились красноречивые свидетельства современников, описывающие характер, манеры Александра III. Вот впечатления от царской аудиенции, оставшиеся у жены Льва Толстого графини Софьи Андреевны: «... Государь встретил меня у самой двери, подал руку, я ему поклонилась, слегка присев, и он начал словами:

— Извините меня, графиня, что я так долго заставил вас ждать, но обстоятельства так сложились, что я раньше не мог.

...Государь говорит робко, очень приятным, певучим голосом. Глаза у него ласковые и очень добрые, улыбка конфузливая и тоже добрая. Рост очень большой; Государь скорее толст, но крепок и, видимо, силен. Волос совсем почти нет; от одного виска до дру-

гого скорее слишком узко, точно немного сдавлено» (*Толстая С. А. Дневники. М., 1978. Т. 1. С. 174–175*).

Другой тонкий наблюдатель и психолог, юрист А. Ф. Кони, вспоминал свою беседу с царем: «Александр III, подпирая по временам голову рукою, не сводил с меня глаз... В этих глазах, глубоких и почти трогательных, светилась душа, испуганная в своем доверии к людям и беспомощная против лжи, к коей сама была неспособна. Они произвели на меня глубокое впечатление. Если Александр III так смотрел в лицо своим министрам при их докладах, то мне становится просто непонятным, как могли некоторые из них, нередко совершенно сознательно, вводить его в заблуждение...

Вся его фигура, с немного наклоненной набок головою, со лбом, покрытым глубокими морщинами — следом тяжелых дум и горьких разочарований, — вызывала в душе прежде всего чувство искренней жалости к человеку, поднявшему на плечи «бремена неудобноносимые». От него — самодержца и повелителя всея Руси, могущего одним росчерком пера перевернуть весь наш гражданский и политический быт, одним мановением руки двинуть несметные полчища против действительных или предполагаемых врагов, — веяло такой беспомощностью по отношению к обману и лукавству окружающих, что солгать ему казалось мне равносильным нанесению удара дряхлому старику или малому, слабому ребенку» (*Кони А. Ф. Собрание сочинений. Т. 1. С. 451*).

* * *

Существует мнение, что короля играет свита. Личность Александра III полностью противоречит этому устоявшемуся мерилу достоинств государственных мужей. В его окружении не было любимчиков. Он был единовластным хозяином и режиссером, определявшим правила игры в спектакле, разыгрывавшемся на одной шестой части мировой суши, в его, Александра III, Российской империи.

Даже такие выдающиеся государственные умы, как С. Ю. Витте, К. П. Победоносцев, Д. А. Толстой, не могли претендовать на исключительность, особое место при Дворе или в правительстве — здесь все решал один человек — самодержец всероссийский Александр III Александрович Романов.

Император Александр III стремился подавать личным примером образец поведения, который почитал верным и правильным для каждого из своих подданных.

Основа его этических норм поведения, все его миропонимание исходили из глубокой религиозности. Вряд ли кто из двенадцати предшественников Александра III на русском императорском престоле был более набожным и искренне верующим. Его вера — чистая и свободная от догматизма — объясняла и богоизбранность русского самодержавия, и особый русский путь, которым должна следовать его держава. Веровать для Александра III было так же естественно, как дышать. Он скрупулезно соблюдал православные обряды, будь то посты или богослужения, регулярно посещал Исаакиевский и Петропавловский соборы, Александрово-Невскую лавру, дворцовые храмы.

Далеко не все священнослужители могли похвастаться таким знанием тонкостей сложного церковного православного обряда, какое порой выказывал русский император.

Особенно ценил Александр III духовную музыку, излюбленными сочинениями были «Чертог твой», «Вкусите и видите» Д. С. Бортнянского. Вера Александра III сочеталась с трезвым, рациональным умом, не терпящим сектантства или мракобесия. Император

с нескрываемым скептицизмом следил за попыткой некоторых иерархов усилить свое политическое влияние. Когда киевский митрополит Филофей, решив уподобиться Иоанну Златоусту, подал императору записку, в которой упрекал его за отдаление от народа, Александр III лишь пожал плечами и предложил освидетельствовать умственные способности владыки.

Глубоко верующий православный человек, он исповедовал христианские нормы не только при решении государственных задач, но и в частной жизни. Узнав историю Оли Ушаковой, дочери небогатой классной дамы Смольного института, с раннего детства прикованной к постели, император немедленно распорядился выделить на ее лечение крупную сумму.

Современники обращали внимание на отношения в семье Александра III. Любовь и согласие отличали брак императора и императрицы. Мария Федоровна была неразлучна с мужем, сопровождая его не только на официальных приемах, но и на военных маневрах, парадах, охоте и в поездках по стране. Ее влияние на мужа несомненно, но распространялось оно только на личные, семейные отношения. Хотя государственный секретарь А. А. Половцов в своих мемуарах и обвинял Марию Федоровну во вмешательстве в дела страны, здесь следует отметить, что касалось это только лоббирования интересов ее родной Дании, в развитии экономических отношений между двумя странами. Антигерманские настроения Александра, в разжигании которых обвиняли современники императрицу, проявлялись у наследника еще до женитьбы на Дагмар. При этом нельзя отрицать, что датская принцесса по понятным причинам ненавидела Пруссию и ей с трудом удавалось скрывать свои антипатии во время официальных встреч с немецким кайзером Вильгельмом II. За это германофобство недолюбливали Марию Федоровну жены великих князей Владимира Александровича и Михаила Николаевича, урожденные немецкие принцессы.

В семье, заботах о воспитании детей Александр III находил отдых от напряженного, изнуряющего труда. В кругу семьи он мог найти покой и радость общения с близкими. Здесь он забывал о государственных делах, возясь с детьми, обсуждая семейные проблемы с Минни.

Дети делились на старших (Николай, Георгий, Ксения) и младших (Михаил, Ольга). Проблемы «отцов и детей» в семье не было, но как тяжело было осознавать императору, что дети так быстро растут, что у них появляются свои интересы, свой круг друзей. «Ники все еще в Петербурге, что он делает, не знаю, он ничего не телеграфирует, не пишет и не спрашивал у меня какие-либо известия от тебя. Я должен сознаться, что для меня лично это приятно, так как здесь он скучает, не знает, что делать, а зная, что он останется здесь только по обязанности, и видеть скучающую фигуру для меня невесело, и с маленькими детьми гораздо лучше, и они и я довольны, и нам отлично вместе. Вообще, когда дети подрастают и начинают скучать — дома невесело родителям, да и что делать? ...Да и Ксения теперь меня вполне игнорирует, я для нее совершенно лишний; разговоров никаких, никогда ничего не спрашивает, ничего не попросит, а я рад был бы так сделать ей удовольствие хоть в чем-либо... Я бы ни за что не сказал тебе об этом, да так уж с сердца сорвалось, слишком долго держал в себе и теперь, так как я один и далеко не весело мне, все это и вырвалось из груди», — с горестью писал Александр Марии Федоровне весной 1892 года в Абас-Туман, куда императрица поехала навестить больного туберкулезом сына — великого князя Георгия (*ТАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 710. Л. 54–57 об.*).

* * *

Его рабочий день продолжался до глубокой ночи; он не щадил ни себя, ни своих министров. По настоянию императрицы и врачей он дал слово, что будет заниматься только до 3 час. ночи, и приказал, чтобы ему напоминали о времени. Если Александр не прекращал занятий, то камердинер должен был доложить второй раз, после чего он был обязан тушить свет, несмотря на протесты императора.

«Государь не любил много говорить: у него было природное отвращение ко всему рекламному, ко всякому афишированию. Но внутри у него крепко сидело убеждение, и сдвинуть его с точки было очень трудно», — писал художник А. Прахов (*Прахов А. В. Император Александр III как деятель русского художественного просвещения. СПб., 1903. С. 146*). В своих резолюциях, сделанных на полях документов, рапортов и писем Александр часто бывал резок и даже груб. Он не заботился об утонченных выражениях, читая отчеты о пожарах, неурожае, катастрофах: «Неутешительно» — царская помета касающаяся прискорбного события. Еще резче звучит августейшая оценка иных губернаторов или чиновников: «экое стадо свиней» или «экая скотина» (*Голос минувшего. М., 1917. № 5–6. С. 87*). Отвечая на советы тещи — датской королевы, как надо править Россией, Александр достаточно нелицеприятно обрывает ее: «Я, природный русский, в высшей степени нахожу трудной задачу управлять моим народом из Гатчины, которая, как вам известно, находится в России, а вы, иностранка, воображаете, что можно успешно управлять из Копенгагена» (*Там же. С. 93*).

Граф С. Д. Шереметев писал об этой черте характера Александра III: «Вообще, он не стеснялся и выражался определенно, метко, своеобразно, не стесняясь чьим-либо присутствием. Крепкое словцо было присуще его натуре, и это опять русская черта, но в словах не было озлобления. Это была потребность отвести душу и ругнуть иной раз сплеча, не изменяя своему добродушию. Иногда за столом и при свидетелях говорил он, не стесняясь, прямо набело, и когда уж очень становилось неловко от его слов, «она [императрица Мария Федоровна] полушутя, бывало, обращалась ко мне и говорила: «Vite recjntes moi quelque chose!» или «Ten' fai rien entendu, u'ert ce pas nous n'avons rien entendu?»», а в сущности, нисколько этим не стеснялась и всегда сочувствовала ему. И это было особенно в ней привлекательно» (*Мемуары графа С. Д. Шереметева. М., 2001. С. 465*).

Довольно широкое хождение в бульварной исторической литературе получил миф об Александре III как о закоренелом алкоголике. При этом обычно ссылаются на воспоминания начальника охраны царя, генерал-адъютанта П. А. Черевина, опубликованные в 1912 году В. Бурцевым в эмигрантской газете, а после революции тиражированные либерально-демократическим изданием «Голос минувшего». Мягко говоря, источник информации не внушает доверия. Воспоминания начальника охраны даются в пересказе физика П. Н. Лебедева, познакомившегося с П. А. Черевиним в бытность его за границей.

«Государь выпить любил, но «во благовремении». Он мог выпить много без всяких признаков опьянения, кроме того, что делался необычно в духе — весел и шаловлив как ребенок.

К концу восьмидесятых годов врачи совершенно запретили ему пить и так напугали царицу всякими угрозами, что она внимательнейшим образом следила за нами... А мы с Его Величеством умудрились: сапоги с такими особыми голенищами заказывали, чтобы входила в них плоская фляжка коньяку вместимостью с бутылку... Царица подле

нас — мы сидим смиренхонько, как паиньки, играем в шахматы. Отошла она подальше, мы переглянулись — раз, два, три! — вытащим фляжки, пососем и опять как ни в чем не бывало фигуры двигаем. Ужасно ему эта забава нравилась... И называлось это у нас: «голь на выдумки хитра».

Генерал-адъютант Черевин слыл за человека умного и дельного, что, увы, не мешало быть ему большим поклонником продукции фирм Смирнова и Шустова²². Возможно, это обстоятельство и определило алкогольные акценты в воспоминаниях бравого генерала, хотя, скорее всего, никаких воспоминаний начальника царской охраны не существовало вовсе: речь идет о банальной исторической фальсификации. П. Н. Лебедев, незадолго до кончины, поведал об откровениях Черевина В. Бурцеву, сделавшему себе имя публичными разоблачениями как революционеров-provokаторов, так и критикой царствующей династии. Бурцев любил публиковать «документальные» материалы, часть которых сочинял сам. Фальшивки принимались на «ура» революционной аудиторией, готовой по любому поводу клеймить «проклятый царский режим».

Спустя много лет эстафету журналиста В. Бурцева принял литератор В. Пикуль, сочинивший немало небылиц о всех более или менее известных исторических деятелях, не обойдя своим вниманием и Александра III.

На самом деле Александр III, как и его отец Александр II, дед Николай I и прадед Павел I, никогда алкоголем не злоупотреблял. Изредка позволял немного водки, на приемах — фужер шампанского. Не только в выпивке, но и в еде он был весьма сдержан, не говоря о православных постах, которые Александр III строго соблюдал, он и в обычные дни старался есть как можно меньше.

«В пище он был умерен и любил простой здоровый стол, — писал в мемуарах граф С. Д. Шереметев. — Одним из любимых его блюд был поросенок под хреном, а когда, бывало, езжали мы в Москву, то каждый раз обязательно приносили ему от Тестова поросенка... Любил он соус Cumberland и всегда готов был есть соленые огурцы, которые предпочитал в Москве» (*Мемуары графа С. Д. Шереметева. М., 2001. С. 448*).

Стремясь похудеть, Александр в свободное время с удовольствием занимался физическим трудом: пилил дрова, убирал снег, колол лед. Любимым отдыхом для императора были долгие прогулки, в которых его обязательно сопровождали собаки. В одном из своих дневников он подводит интересные итоги своих прогулок: «ноябрь, декабрь 1887 года — прошел 103 версты, апрель и май 1888-го — 98 верст, октябрь — декабрь — 330 верст, март—май 1889 года — 101 версту» (*Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. С. 36*).

При первой же возможности вся семья уезжала в одно из охотничьих имений, где устраивались обширные облавы и рыбалка. Чаще всего это были Спала или Беловеж, уютные небольшие дворцы, затерянные в дебрях Беловежской пуши. Азартная Минни стояла вместе с мужем на номерах, ожидая, когда загонщики выгонят на охотников олень или косуль. После охоты под открытым небом устраивались пикники, готовились блюда из дичи. Рядом всегда были дети. «Летом отец учил нас [с Михаилом] читать следы животных. Часто мы приходили к какому-нибудь озеру, и папа учил нас грести. Ему так хотелось, чтобы мы научились читать книгу природы так же легко, как это умел делать он сам. Те дневные прогулки были самыми дорогими для нас уроками», — вспоминала великая княгиня Ольга Александровна (цит. по: *Воррес Йен. Последняя великая княгиня. М., 1998. С. 189–190*).

Все стены охотничьих дворцов были увешаны трофеями — рогами благородных оленей, лосей, косуль. Александр скрупулезно вел счет своим охотничьим и рыбацким трофеям. В его записных книжках имеются подробные записи о количестве пойманной рыбы в гатчинском озере.

Подводя итог рыбной ловли в 1881 году, Александр приводит внушительные цифры: за год поймано 2974 щуки, 1599 окуней, 2417 плотвы, 205 язей, 98 налимов и 51 карась.

Рыбную ловлю любила вся семья. Особенно успешна в этом занятии была Мария Федоровна, чем вызывала страшную зависть детей. Сам Александр предпочитал «лучение» рыбы ночью.

В начале лета императрица вместе с младшими детьми переезжала в Крым, в любимую всеми членами семьи Ливадию. Александр III прибывал позднее, ближе к осени, сопровождаемый обер-прокурором Синода К. П. Победоносцевым, министрами Н. К. Гирсом, Д. А. Толстым, С. Ю. Витте. Они ехали не столько отдыхать, сколько работать. Без постоянного занятия государственными делами Александр III не мог себе представить отдых.

В Ливадии Александр и Мария Федоровна отметили двадцатипятилетний юбилей — серебряную свадьбу. Здесь собралась вся императорская фамилия, приехали родители Минни, датский король Христиан IX и королева Луиза; из Англии приехала сестра Марии Федоровны, королева Александра с дочерьми — принцессами Мод и Викторией. 28 октября 1891 года все собрались за праздничным столом. Цесаревич Николай Александрович записал на память об этом событии: «Радостный день 25-летия свадьбы дорогих Папа и Мама; дай Бог, чтобы они еще много раз праздновали подобные юбилеи. Все были оживлены, да и погода поправилась. Утром они получили подарки от семейства: мы пятеро подарили Папа золотые ширмочки с нашими миниатюрами, а Мама брошку с цифрой! Кроме подарков было поднесено много замечательно красивых образов; самый удачный, по-моему, — это складень от всех служивших в Аничкове до 1881 г. А. Н. Стюрлер обратился от имени всех с кратким приветствием. Главное, что было приятного в этом торжестве, — то, что не было ничего официального, все были в сюртуках, вышло совершенно патриархально! После молебна был завтрак, и тем дело закончилось. Гуляли у берега моря, день был совсем хороший» (*ТАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 227. С. 51–52*).

Зимой императорская семья жила в Аничковом дворце, а к весне переезжала в Гатчину, царскую резиденцию, находившуюся в двенадцати верстах от столицы. «Вот опять я в нашей милой Гатчине, и ты не можешь представить, до чего я рад и как наслаждаюсь вырваться из этого кошмарного Петербурга» (*ТАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 710. Л. 52*) — этой фразой из письма Александра III можно охарактеризовать его отношение к любимому дворцу.

На месте царской резиденции еще в конце XV века существовало село Хотчино. Петр I подарил его своей сестре — царевне Наталье Алексеевне; в XVIII веке Гатчина не раз меняла владельцев, среди которых были князья Куракины, граф Г. Г. Орлов. В 1783 году Екатерина II, выкупив Гатчину у ее хозяина, подарила имение сыну великому князю Павлу Петровичу. Будущий император Павел I затеял энергичное строительство своей резиденции, превратив дворцово-парковый ансамбль Гатчины в один из лучших образцов раннего русского классицизма. В середине XIX века дворец перестраивается по проекту архитектора Р. И. Кузьмина.

Сдержанная красота фасадов, облицованных местным известняком, поразительно контрастирует с роскошью интерьеров. Внутренняя отделка апартаментов выполнена по эскизам Ринальди и Бренны, русскими мастерами-декораторами. Изысканный рисунок наборного паркета, мебель в стиле Людовика XVI, бронзовые люстры, золоченые багеты многочисленных зеркал создавали впечатление роскоши, удачно сочетавшейся с хорошим вкусом владельцев дворца.

Однако, перебравшись в Гатчину, Александр III предпочел поселиться не в парадных палатах, а в скромных, небольших комнатах, в которые надо было идти по двум винтовым лестницам или по коридору, ведущему от Мраморной лестницы. Дворцовую роскошь император оставлял для официальных приемов и посетителей. В бельэтаже Арсенального каре дворца, в рабочем кабинете Александра, обставленном дубовыми книжными шкафами, основное место занимал письменный стол, покрытый до полу синим сукном. Неизменными атрибутами рабочего стола русского самодержца были постоянно горящая толстая восковая свеча в подсвечнике, большая чернильница, поднос с чернильными ручками и карандашами, стопка промокательной бумаги и холстяная тряпица для вытирания перьев. В этом кабинете, по характеристике В. П. Мещерского — «комнате скромного по положению и по средствам жилья в хорошо содержимом доме», Александр III проводил большую часть своей жизни.

Он лично занимался обустройством своего любимого дворца, вникал в сметы по реставрации и ремонту дворцовых помещений, озеленения парка. Дворец был телефонизирован и электрифицирован; были заменены канализация, водопровод, обновлен паркет, вместо печного установлено калориферное отопление.

Леди Джени Черчилль, которая в 1889 году приехала в Россию и посетила Гатчину, сравнивала императорский дворец со старинной английской дачей, наполненной простой мебелью, игрушками и играми. «Они [семья Александра III] живут с большой простотой, в небольших комнатах, что составляет резкий контраст с величавой фигурой царя и его величественной осанкой. Манеры Его Величества так же просты, как и вкусы» (*Император Александр III. СПб., 1894. С. 599*). Надо отметить, что Александр любил небольшие помещения с низкими потолками. Незадолго до своей смерти он начал строительство новой летней резиденции в Крыму, в Массандре. Дворец был построен по проекту М. Е. Мессмахера с учетом вкуса императора — уютные небольшие комнаты, крепкая дубовая мебель в столовой, невысокие потолки. К сожалению, император так и не увидел этого дворца. Его строительство закончилось только в 1899 году.

* * *

В нечастые часы досуга император любил слушать любимых композиторов — Чайковского и Глинку; почти еженедельно царская чета посещала театр или оперу. И снова приведем цифры из личной статистики Александра: за один театральный сезон «посетили театр — 34 раза. Из них: итальянскую оперу — 9 раз, балет — 1, русскую оперу — 2, французский театр — 16, русский театр — 4, цирк — 2» (*ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 307. Л. 35*). Речь шла о театральном сезоне 1875/76 года, когда времени на посещение театров было гораздо больше. Однако и после вступления на престол Александр всегда старался найти несколько часов для посещения любимых театров, поменяв акценты с итальянской и французской музыки на русскую.

Еще будучи наследником, в 1872 году он создал «Общество любителей духовой музыки», в концертах которого лично участвовал вплоть до восшествия на престол. Его любимым музыкальным инструментом был корнет, на котором он музицировал еще в юности вместе с покойным братом Николаем Александровичем. Любительский оркестр собирался в Морском музее. «В один из вечеров Его Высочество сыграл на корнете с аккомпанементом оркестра маленькую арию из оперы «Фауст», а после ужина, когда мы по обыкновению не вставали из-за стола, пели по нотам известные квартеты из Liedertafel, великий князь, сидя рядом с бароном Владимиром Александровичем Фредериксом, очень твердым певцом, пел вместе с ним партию 2-го тенора. Известный квартет Hartel'a «Ich grüsse dich», вещица, полная вдохновения, осталась на всю жизнь любимым квартетом великого князя... Каждый раз, вспоминая о нем, Цесаревич начинал слегка его напевать, а на его лице можно было прочесть воспоминание чего-то хорошего, мягкого, выливавшегося прямо из глубины души», — вспоминал один из участников музыкальных вечеров полковник Лейб-гвардии Преображенского полка А. А. Берс (*ТА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2126. Л. 4об*). Для участия в оркестре Александр, тогда еще наследник престола, заказал себе геликон особого размера, так как в обычный инструмент ему было сложно влезать. Этот инструмент своей тяжестью до того сильно давил на левый погон сюртука, что цесаревич во время игры на геликоне был вынужден одевать пиджак.

Очень часто музыка звучала в Аничковом и Гатчинском дворцах. Александр III сам музицировал, играя на фортепьяно в четыре руки с женой или на корнете. В их репертуаре были произведения Бетховена, Глинки, Шумана, Мейербера.

В редкие часы досуга Александр любил читать художественную литературу, однако после того, как он стал императором, времени на это оставалось все меньше и меньше. Круг его чтения сводился в основном к многочисленным государственным бумагам: журналам заседаний, докладам, запискам, так называемым мемориям, экстракту основных вопросов пространных документов. В 1879 году он начал составлять список прочитанной литературы, который остался незавершенным. В этот список входили произведения Л. Н. Толстого, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Н. С. Лескова, модного в середине XIX века романиста Болеслава Маркевича. «Он очень любил вообще русскую литературу, — писал С. Д. Шереметев. — Бывало, о чем ни заговоришь, он все знает, все читал. Пушкин, Лермонтов были, конечно, его любимыми поэтами. Очень любил Гоголя и все рассказывал, что не забыть ему мастерского чтения «Мертвых душ» графом Соллогубом. Следил и за современными писателями, прочитывал Достоевского, Льва Толстого, Маркевича, Тургенева. И здесь суждения его были очень метки» (*Мемуары графа С. Д. Шереметева. М., 2001. С. 453*).

Впервые Александр прочитал «Войну и мир» Л. Н. Толстого летом 1869 года. Потом, перечитывая страницы романа, Александр III забывал об идеологических расхождениях с классиком; в этот момент их связывали обычные отношения гениального писателя и благодарного читателя. «Солдат всегда во всех творениях Толстого поразительно хорош», — говорил бывший командующий Руцукским отрядом.

Знакомый писателя А. А. Стахович рассказывал в письме к Софье Андреевне Толстой о чтении пьесы «Власть тьмы» в императорской семье, состоявшемся 27 января 1887 года: «Государь подошел к столику, на котором лежала пьеса, взял ее и сказал мне: «Целую неделю лежала она у меня на столе. Я никак не успел ее прочесть; пожалуйста,

читайте все, без всяких пропусков». Началось чтение. Как ни был я увлечен драмой и желанием прочесть хорошо, я, насколько мог, старался следить за впечатлением, которое пьеса произведет на Его Величество; он слушал внимательно; я заметил, что ход и развитие действия интересовало его... Государю было угодно, чтобы для отдыха чтеца антракты были продолжительны; они затягивались сами собой: Его Величество проходил курить, долго говорил о пьесе...

После сцены Митрича с Анюткой великий князь Владимир Александрович сказал мне: «И в солнце есть пятна, только на основании этого я позволю себе указать на неверность этой сцены. Все рассуждения Митрича о бабах справедливы, но говорит их не николаевский солдат, а сам граф Толстой. Это не разговор старика с крестьянской девочкой, а длинные философские монологи».

...Подошел государь. Великий князь повторил ему свое мнение об этой сцене. Государь отвечал: «Ты не прав. Все рассуждения Митрича не монологи, вложенные автором в уста солдату, а естественный разговор; невольно на эту тему навела Митрича Аннушка, и под ужасным впечатлением этой ночи и всего, что делается за сценой, Митрич «думает вслух», как часто делают старые люди, передавая словами все свои тяжелые думы о бабах и их печальной судьбе, не обращая никакого внимания на свою десятилетнюю слушальницу». Как в этих немногих словах верно понято и высказано душевное состояние Митрича и все его рассуждения!..

После конца 5-го действия все долго молчали, пока не раздался голос Государя: «Чудная вещь» (*Бирюков П. И. Л. Н. Толстой. Биография. Берлин, 1921. Т. 2. С. 632—633*).

В отличие от своего деда — Николая I, избравшего для себя должность пушкинского цензора, Александр III всячески пытался помочь Толстому в издании его произведений. Так, вопреки мнению Синода и официальной цензуры, император решил включить «Крейцерову сонату» в издающееся полное собрание сочинений Толстого. Даже когда в 1892 году стали распространяться скандальные статьи Льва Толстого, в которых он утверждал, что «правительство довело Россию до голода», Александр III лишь с огорчением сказал графине Александре Андреевне Толстой о ее родственнике: «Предал меня врагам моим». Министру внутренних дел Д. А. Толстому император строго приказал: «Прошу вас Толстого не трогать. Я нисколько не намерен сделать из него мученика и обратить на себя всеобщее негодование» (*Там же. Т. 3. С. 253—254*).

И если у Александра III с Л. Н. Толстым так и не состоялось личного знакомства, то другой знаменитый писатель, Ф. М. Достоевский, чьи произведения с упоением читали многие члены императорской фамилии, незадолго до своей смерти в начале 1881 года пил чай в Аничковом дворце с семьей наследника престола.

Александр с большим интересом прочитал роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» еще в конце 1860-х годов. Книга не оставила его равнодушным, но случай познакомиться с автором романа не представлялся. Зато несколько раз с Федором Михайловичем встречалась цесаревна, послушать авторское прочтение новых произведений. Великий князь Константин Константинович записал в дневнике от 8 мая 1880 г. о вечере в Мраморном дворце, на котором Достоевский читал главы из романа «Братья Карамазовы»: «Я упросил Ф. М. прочесть исповедь старца Зосимы, одно из величайших произведений (по-моему). Потом он прочел «Мальчик у Христа на елке». Елена (Шереметева) плакала, крупные слезы катились по ее щекам. У цесаревны глаза

тоже подернулись влагой» (цит. по: Волгин И. Л. *Колесничий над бездной. Достоевский и императорский дом. М., 1998. С. 370*).

Организатором единственной встречи наследника Александра Александровича с Ф. М. Достоевским был все тот же, по собственным словам «душевно преданный» писателю, К. П. Победоносцев. 16 декабря 1880 года Федор Михайлович был принят в Аничковом дворце. О подробностях встречи написала дочь писателя Любовь Федоровна: «Его и ее высочества приняли его вместе и были восхитительно любезны по отношению к моему отцу. Очень характерно, что Достоевский, который в этот период жизни был пылким монархистом, не хотел подчиниться этикету двора и вел себя во дворце, как он привык вести себя в салонах своих друзей. Он говорил первым, вставал, когда находил, что разговор длился достаточно долго, и, простившись с цесаревной и ее супругом, покидал комнату так, как он это делал всегда, повернувшись спиной...» (*Там же. С. 406*). В лаконичном дневнике наследника за этот год не имеется записей личных впечатлений от встречи с Достоевским. Сам писатель дал свою оценку чете наследников: «Милые, но малообразованные...» (*Там же. С. 550*).

В эти декабрьские дни Александр написал: «Вечера почти все мы проводим дома, чему я рад, потому что успеваешь много читать и кончаешь все что нужно и чтения всегда набирается много» (*ТАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 308. С. 107*).

28 января Ф. М. Достоевский скончался, не дожив месяца до убийства Александра II и восшествия на престол нового императора.

Особую страсть Александр III испытывал к коллекционированию изобразительного искусства. В молодости его художественный вкус не отличался особой изысканностью. Княжна М. Мещерская в 1865 году при осмотре новых поступлений в коллекцию Эрмитажа корила наследника за непонимание и нелюбовь к работам Рафаэля и Леонардо да Винчи. Однако знакомство и долгая дружба с художником А. П. Боголюбовым, страсть к живописи Марии Федоровны постепенно увлекли Александра в мир прекрасного.

Реалист по натуре, император любил портретную, пейзажную и батальную живопись. В его коллекцию картин входили произведения большинства выдающихся русских художников — от Д. Г. Левитского и В. Л. Боровиковского до современных ему И. Н. Крамского и К. А. Савицкого. Собрание русских икон, принадлежавшее Александру III, считалось по тем временам одним из самых крупных в мире.

Начало его собранию живописи положила картина «Итальянская девочка, черпающая воду», принадлежащая кисти И. П. Келлера-Вилианди, которую молодой великий князь приобрел в 1864 году. Затем коллекция пополнилась жанровыми работами К. А. Трутовского, А. А. Попова, Н. Е. Сверчкова, морскими пейзажами И. К. Айвазовского. После смерти старшего брата Николая, Александру по наследству перешли 19 картин, среди которых авторское повторение «Тайной вечери» Н. Н. Ге, полотна А. П. Боголюбова, И. К. Айвазовского.

При посредничестве академика живописи А. П. Боголюбова цесаревич приобрел немало картин на европейских аукционах, но с годами его художественные пристрастия все более склоняются к русской школе живописи.

Александр вместе с женой и детьми регулярно посещал художественные выставки, проходящие в Петербурге: «Выставка в Академии Художеств порядочная, и между большою дрянью есть очень порядочные картины, — делился цесаревич своими впечатле-

ниями о выставке 1872 года в письме к А. П. Боголюбову. — Я купил там картину Семирадского, которая представляет римский вечер, или, лучше, оргию времен Цезарей. Картина очень хороша, и освещение очень хорошее, хотя сюжет немного игривого содержания... (*Письма императора Александра III к А. П. Боголюбову. СПб., 1900. С. 10*).

Далеко не все приходится ему по вкусу, и порой отзывы о художниках звучали довольно резко. «Читая каталог картинам Верещагина, а в особенности тексты к ним, я не могу скрыть, что было противно читать всегдашние его тенденциозности, противные национальному самолюбию, — писал бывший командующий Рушукским отрядом о цикле картин В. В. Верещагина о русско-турецкой войне. — Жаль, что это будут единственные картины в воспоминание славной войны 1877–1878 годов, и это все, что мы оставим нашему потомству» (*Там же. С. 13*). Император очень ценил «Тайную вечерю» Н. Н. Ге, но после долгого созерцания его картины «Что есть истина?» с сомнением произнес: «Ну какой это Христос. Это какой-то больной Миклухо-Маклай!» Удивило Александра и другое произведение Николая Ге — «Распятие», вызвавшее большие споры среди художников и любителей живописи: «Мы еще кое-как поймем это, но народ не оценит этого никогда. Это никогда не будет ему понятно» (*Прахов А. В. Император Александр III как деятель русского художественного просвещения. С. 152*).

Александр III был настоящим «любителем»- коллекционером; искренне наслаждаясь живописью, он переносил свои пристрастия на создателей живописных полотен. Посещая выставки и мастерские, путешествуя и пребывая в тесном семейном кругу, император всегда изыскивал время для общения с художниками. Все этапы жизни Александра III находили свое отражение в искусстве. Во время турецкой войны его сопровождал В. Д. Поленов, оставивший большое число этюдов; коронацию запечатлел французский художник К.-Л. Беккер, кисти И. Е. Репина принадлежит монументальное полотно «Прием волостных старшин Александром III во дворе Петровского дворца в Москве».

А. Н. Бенуа писал о посещении Александром III художественных вернисажей: «Он становился тем любезным, внимательным, вовсе не суровым, а скорее благодушным человеком, каким знали Александра III его семья, ближайшие царедворцы и дворцовая прислуга. Поражала его чрезвычайная простота, абсолютная непринужденность, абсолютное отсутствие какой-либо «позы» (позы властелина), чего нельзя было сказать ни про его брата Владимира, ни (в особенности) про недоступного, высокомерного великого князя Сергея Александровича.

Случалось императору во время обозрения выставки и шутить или же он отвечал громким на весь зал хохотом на те остроты или маленькие потешные анекдоты, которыми его тешили наши специалисты по этой части... Характерно еще, что во время обхода выставки государь несколько раз подходил к жене, желая обратить ее внимание на то, что ему понравилось» (*Бенуа А. Н. Мои воспоминания. М., 1990. Т. 1. С. 694–695*).

Парижская поездка 1874 года положила начало увлечению Александра творчеством передвижников. «Понимая, что психология передвижников — это психология оппозиционеров, Александр III выбрал по отношению к ним самую разумную линию поведения. Не размениваясь на мелкие подачки, он не жалел средств на предоставление передвижникам крупных заказов общенационального значения и на покупку их наиболее выдающихся картин», — отмечает в своей работе современный искусствовед П. Климов (*Климов П. Александр III и русские художники//В кн.: Император Александр III. Коллекционер и меценат. М., 2000. С. 22*).

Александр III считал, что «не должно ограничивать свои заботы одним Петербургом, гораздо больше следует заботиться о всей России: распространение искусства есть дело государственной важности» (*Прахов А. В. Император Александр III как деятель русского художественного просвещения. С. 149–150*). Эту цель и поставили перед собой передвижники. Неудивительно, что Александр III решил воспользоваться их творчеством в интересах всего государства. Со временем передвижники стали для императора олицетворением современной национальной культуры. «Я всегда смотрел на «товарищество» как на представителей передового русского искусства», — так Александр III сформулировал свое отношение к передвижникам (*Там же. С. 148*).

Император не раз высказывал мысль о создании в Петербурге Музея русского изобразительного искусства, но смерть не позволила реализовать ему этот план. Только при Николае II был открыт знаменитый Русский музей, носящий имя Александра III, основой которого стала значительная часть его коллекции картин.

Весной 1893 года в Москве должна была открыться первая публичная «городская галерея братьев Третьяковых». Дочь Павла Михайловича Третьякова Александра Боткина вспоминала: «Открытие приурочили к посещению галереи Александром III и его семьей. Павел Михайлович, который по природной стеснительности вообще не любил новых людей, тем более не любил и избегал высокопоставленных посещений, но на этот раз он уклониться не мог. Но он был вполне удовлетворен простотой обстановки и обращением царской семьи... Своим обхождением Александр III как будто хотел подчеркнуть, что он в гостях у Павла Михайловича Третьякова в обстановке его галереи. Когда пришли в зал с лестницей, где тогда висели картины Васнецова и где был устроен буфет, им было предложено освежиться, причем сидела одна императрица, а все остальные стояли, — Александр III взял бокал шампанского и, обращаясь к Павлу Михайловичу, сказал: «За здоровье хозяина!» Помню, какую радость это мне доставило...

Этим посещением ознаменовалась официальная передача галереи городу Москве. Галерея открылась для посетителей. Жизнь вошла в обычные рамки» (*Боткина А. П. Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве. М., 1993. С. 279*).

* * *

Императорская фамилия состояла не только из царской семьи, но и многочисленных родственников — великих князей, их жен и детей. «Все лица, происшедшие от Императорской Крови в законном, дозволенном царствующим Императором, браке, с лицом соответственного по происхождению достоинства, признаются Членами Императорского Дома», — говорилось в Своде законов Российской империи.

К 1884 году 23 члена царствующего Дома Романовых носили титул «императорских высочеств». «Оставить все так — значит пустить по миру собственное семейство. Я знаю, что все это поведет к неприятностям, но у меня их столько, что одною больше нечего считать, я не намерен все неприятное оставлять своему сыну», — однажды сказал император Александр III государственному секретарю А. А. Половцову, опасавшемуся недовольства нововведениями со стороны дядей царя (*Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. 1883–1892. Т. 1. С. 253*).

«Учреждение об императорской фамилии», сохранявшее практически неизменный вид со времен Павла I, было радикально преобразовано. Отныне только два первых поколения потомков императоров носили титул великих князей и получали ежегодно

сумму в 280 000 руб. от Министерства императорского двора и уделов. Правнуки монархов получали титул князей императорской крови, при совершеннолетию им выделялось движимое или недвижимое имущество стоимостью в один миллион рублей. Оно переходило по первородству, и обладатель его имел звание «высочества». Последующие потомки пользовались титулами «светлейших», имуществом не обеспечивались, а денежное содержание равнялось от 30 до 100 тыс. рублей.

Эта мера закрепила деление высочайших особ на две категории, значительно разнившиеся своими правами и состоянием. Но открыто выступить против воли Александра III никто из великих князей, даже старшего поколения, не мог и помыслить. Государь считал, что многочисленная императорская семья, состоящая из десятков людей разных характеров, темпераментов, нравственных установок, должна служить примером для миллионов подданных, и требовал неукоснительного соблюдения этого правила. Именно несоблюдение этого неписаного закона стало причиной явного недовольства императора к своим дядям — великим князьям Николаю Николаевичу-старшему и Константину Николаевичу, сумевшим обзавестись кроме официальных семей еще и побочными. Конфликт на почве семейных отношений усугублялся давними разногласиями с великими князьями. Еще во время Балканской войны, находясь под командованием Николая Николаевича-старшего, Александр резко критиковал его решения, не слишком доверяя полководческим талантам дяди.

В не меньшей степени Александр III негативно относился к либеральным идеям Константина Николаевича. Он был отправлен в отставку и все годы царствования Александра III не занимал никакого официального поста. Нововведениями в «Учреждение об императорской фамилии» великий князь Константин Николаевич был очень недоволен, понимая, что в первую очередь это касается его внуков. «Он [Константин Николаевич] будет либеральничать, а это — либеральная мера», — ответ Александра был коротким и жестким (*Там же. Т. I. С. 253*).

Александр III не слишком жаловал и сыновей своего дяди великого князя Михаила Николаевича — «Михайловичей», как их звали в свете. Тем огорчительнее стало открытие, что его дочь Ксения влюблена в великого князя Александра Михайловича — Сандро и желает стать его женой.

Двоюродный брат императора великий князь Константин Константинович писал в дневнике 25 июля 1894 года: «Сегодня свадьба Сандро и Ксении. Дай Бог им счастья, дай Бог, чтобы отношения между ним и ее родителями улучшились. Императрица никогда очень не благоволила к жениху дочери, а в последнее время между ними настоящий разлад, хотя и безмолвный. Говорят, Сандро очень требователен и бестактен.

В Ропше*** им приготовили помещение на два первых дня после свадьбы; потом молодые уедут в Крым. Это помещение внизу, направо от подъезда; там, бывало, останавливались другие члены семейства с женами во время маневров и не жаловались. Сандро ездил смотреть его и заявил, что оно никуда не годится, и потребовал комнаты Государя и Императрицы. Конечно, это не может казаться скромным с его стороны. В Зимнем дворце молодым готовят комнаты, где прежде жила Мари, а потом, в начале 80-х годов, Сергей и Павел, между Салтыковским подъездом и Собственным.

Сандро и тут часто выражал недовольство на отделку, хотя в этом помещении жить придется всего одну зиму, т.к. Государь купил для молодых дом княгини Воронцо-

вой на Мойке и через год он будет заново отделан. Все это раздражает и, конечно, не может служить к сближению между родителями и зятем.

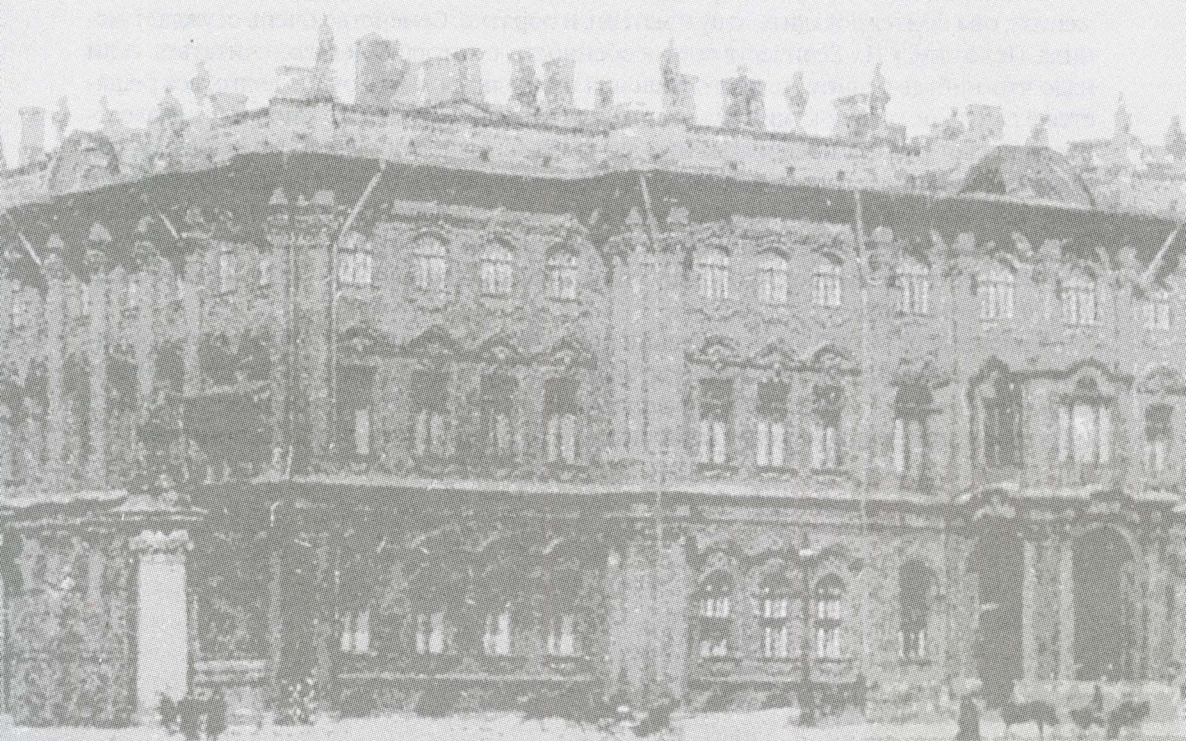
Ксения страдает, видя этот разлад и находясь как бы между двух огней: угождая жениху, она боится досадить отцу и матери, и обратно. Семейство очень осуждает жениха. Положим, у Их Величеств есть особенность, с которой нелегко считаться: если надо что-нибудь решить, то этого решения приходится ждать очень долго, все решается в самую последнюю минуту, так что окружающие, оставаясь в полной неизвестности насчет разных предположений, не могут никак распорядиться. Например, целых 5 месяцев после помолвки Сандро и Ксении о времени и месте свадьбы ничего не было известно... Конечно, такой склад и особенности характеров царя и царицы не оправдывают недостатка скромности Сандро. Словом, много было тяжелого и неприятного. Повторяю: дай Бог, чтобы все это уладилось и обошлось!» (ТА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 41. Л. 105–105 об.).

У Александра Михайловича и Ксении родится шесть сыновей и дочь Ирина, вышедшая замуж за убийцу Распутина князя Феликса Юсупова-Сумарокова-Эльстона. Великий князь Александр Михайлович, чудом сумевший спастись после революции, умрет в 1933 году в эмиграции, не успев закончить вторую часть книги своих воспоминаний.

* «Быстро мне переведите» или «Мы ничего не слышали, не правда ли, мы ничего не слышали?» (фр.)

** Известные виноторговцы.

*** Ропша — село под Санкт-Петербургом, где находился императорский дворец. В 1762 году здесь был убит император Петр III.

ВЫБОР НИКОЛАЯ

Казалось, могучая внешность, богатырское здоровье обещали императору долгие годы царствования. Но в ноябре 1889 года он неожиданно серьезно занемог. «Чувствую еще себя отвратительно; четыре ночи не спал и не ложился от боли в спине. Сегодня, наконец, спал, но глупейшая слабость», — писал Александр III в те дни К. П. Победоносцеву (цит. по: *Тальберг Н. Д. Русская быль. С. 579*). Но вскоре боли прошли, и он, казалось, совсем забыл о болезни. Однако спустя три года, во время визита в Данию в августе 1893 года, у Александра открылось сильнейшее носовое кровотечение, после которого он ощутил резкую слабость и приступы лихорадки. Вернувшись в Россию, Александр III вновь полностью ушел в работу и не позволял медикам докучать себе. Он еще мог шутя завязать в узел кочергу, но смерть уже постучала в ворота Гатчинского дворца.

В январе 1894 года Александр снова заболел: лейб-медики Г. И. Гирш и Н. А. Вельминов поставили модный по тому времени диагноз — инфлюэнца. Несмотря на ухудшение здоровья, Александр III не менял режим: напряженная работа до глубокой ночи, приемы, заседания Государственного Совета. На сон отводилось не более пяти часов в сутки. Придворные медики, обеспокоенные состоянием здоровья императора, пригласили на консилиум медицинское светило России — профессора Григория Антоновича Захарьина. Более тридцати лет он возглавлял клинику факультетской терапии Московского университета, придерживаясь в своей практике выработанных принципов лечения, не увлекаясь модными методиками и нововведениями. В быту профессор также был записным консерватором: долго не решался ездить в пролетке с резиновыми шинами, отказывался пользоваться телефоном, не любил ламп, а свой кабинет позволял освещать только свечами.

Историю болезни Александра III профессор Г. А. Захарьин подробно описал в заметках, опубликованных во многих тогдашних изданиях («Московские ведомости», «Нива», «Киевлянин» и др.).

«В течение январской инфлюэнцы, когда я впервые был вызван для лечения Его Величества, ежедневно производились, само собой разумеется, тщательные химические и микроскопические исследования. В первые 3–4 дня было замечено ничтожное количество белка в почечном отделяемом, как обыкновенное явление при острых лихорадочных болезнях, но не было так называемых цилиндров, за сим белок исчез и до моего отъезда, в течение более недели, не появлялся, равно и цилиндры...

Сердце было нормальное, и деятельность его во все время была удовлетворительна. С моего отъезда в конце января и до 9 августа... Государь не находился под моим врачебным наблюдением. За все это время я лишь однажды имел счастье видеть Государя 2-го июня, когда он удостоил меня часовой аудиенции для выслушивания доклада о болезни Его Императорского Высочества Великого Князя Георгия Александровича. В конце аудиенции Государь, вообще тяготившийся врачебным исследованием, дал мне несколько минут времени, чтобы осведомиться о состоянии его здоровья и выслушать

грудь. Оказалось следующее: аппетит хорош, пищеварение не особенно правильно (ложась поживать вскоре после вечернего кушанья — простокваша с сухарями, — Государь чувствовал стеснение в груди, вскоре проходившее. Я указал на необходимые меры, и это явление, как я узнал позднее, в августе, прошло); грудь здорова, сердце нормально, и деятельность его удовлетворительна, небольшой кашель зависит лишь от привычного катара глотки, обыкновенного при курении. Государь похудел (сравнительно с тем, как был в Москве весной 1893 года), лишь на сколько желательно; сон хорош, голова не болит и свежа, стан и движения, голос и речь бодрые».

* * *

Весну и начало лета 1894 года Александр III провел в работе. Самочувствие его несколько улучшилось, но тревожные мысли не оставляли государя. Александр решил разобратся с давно волновавшей его проблемой — женитьбой старшего сына, наследника престола Николая Александровича.

Николай, которому шел 24 год, был застенчивый, милый юноша с кроткими, добрыми глазами. Намерение отца привело его в замешательство.

Дело заключалось в том, что уже несколько лет Николай был безнадежно влюблен. Еще в 1884 году, на свадьбе своего дяди, великого князя Сергея Александровича и принцессы Эллы Гессен-Дармштадтской, он встретил младшую сестру невесты — принцессу Аликс.

Впечатлительный и мечтательный юноша, познакомившись с дармштадтской принцессой, поддался первому впечатлению и вообразил себя влюбленным. В его дневнике 31 мая 1884 года появляется трогательная по своей почти детской наивности запись: «Мы друг друга любим» (*ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 219. С. 159*).

Потребность любви переполняла сердце цесаревича. Еще до встречи с Аликс ему нередко казалось, что он влюблен. Сначала объектом его внимания становится его кузина, английская принцесса Виктория Уэльская, затем княжна Ольга Долгорукая. В дневниках цесаревича все чаще встречается зашифрованная фраза: «Долго посидели у Вани с картофелем», «Был картофель на катке», «Ужинали с картофелем». Речь шла отнюдь не о дежурном блюде на столе наследника престола. Под «картофелем» подразумевался узкий кружок приятелей, кузенов цесаревича и некоторых веселых барышень, с которыми можно было нескучно провести время.

Шло время, цесаревич выросл, наслаждался жизнью, совершил морское путешествие в Японию, где едва не погиб от рук местного религиозного фанатика⁷. Аликс по-прежнему то жила в тихом Дармштадте, то надолго уезжала в Англию. Из девочки-подростка она незаметно превратилась в девушку. Ее, вероятно, можно было бы назвать и красивой, если бы не строго поджатые губы и холодный взгляд серых глаз.

Их следующая встреча произошла через пять лет, зимой 1889 года, когда Аликс приехала погостить к сестре в Петербург. Они встречались почти каждый день, и именно этот приезд Аликс в Россию предопределил их дальнейшую судьбу.

* * *

Многие счастливые люди были бы далеко не так счастливы, если бы поняли, что их счастье тонко срежиссировано опытным драматургом, заинтересованным в удачной постановке спектакля.

Придворный мир — мир изощренной интриги. Взаимная симпатия молодых людей не осталась незамеченной окружающими. Кому-то робкая юношеская влюбленность казалась просто смешной, но некоторые глубокие умы тотчас сообразили, какую выгоду можно извлечь из возможного брака наследника престола и германской принцессы. Наиболее заинтересованными лицами в этой ситуации являлись великий князь Сергей Александрович и его жена Элла.

Довольно противоречивая личность великого князя Сергея, пятого сына Александра II, неоднозначно оценивалась даже близкими родственниками. «Упрямый, дерзкий, неприятный, он бравировал своими недостатками», — так характеризовал его великий князь Александр Михайлович. Не имеющий даже минимальных шансов когда-либо оказаться на отцовском престоле, Сергей пытался реализовать необузданное стремление к власти, превратив московское генерал-губернаторство в собственную удельную вотчину. Выведенный из терпения Александр III вынужден был телеграфировать брату: «Перестань разыгрывать из себя царя».

Не смея в открытую противоречить Александру, перед которым трепетала вся многочисленная императорская фамилия, Сергей исподволь начал многоходовую интригу, пытаясь приобрести максимальное влияние на молодого племянника. Элла с восторгом поддерживала планы мужа; она взяла на себя переговоры с сестрой и родственниками.

Через великую княгиню Николай и Аликс обменивались приветами и фотографиями. Усвоив роль свахи, Элла убеждала Николая: «Теперь все в руках Божьих, в твоей смелости и в том, как ты проявишь себя. Будет трудно, но я не могу не надеяться. Бедняжка, она так страдает, я единственный человек, кому она пишет и с кем она говорит об этом, и оттого ее письма так часто печальны» (*ТА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1253. Л. 38–41*).

Не отставал от супруги и Сергей Александрович. Он не просто уговаривал — он требовал от Николая решительных шагов для достижения цели. Но робкая просьба сына о возможной помолвке на Аликс была тут же отвергнута Александром III. Хотя почти все русские императоры, кроме Петра Великого и самого Александра, выбирали жен из немецких династий, текущий политический момент требовал иного решения.

Для Александра III влюбленность сына не казалась чем-то серьезным. Брак наследника российского престола всегда являлся слишком серьезным политическим событием, чтобы в расчет брались только нежные чувства. Хотя насильно женить Николая родители не собирались, ему в разное время предлагалось несколько вариантов возможного брака.

Одной из невест называлась дочь графа Парижского, главы династии Бурбонов, возможного президента Франции. Этот брак мог бы значительно укрепить русско-французский союз, любимое внешнеполитическое детище Александра III.

В качестве другой претендентки на роль будущей императрицы рассматривалась принцесса Маргарита Прусская. Николай писал в конце 1891 года: «21 декабря. Вечером у Мама втроем с Апрак [Оболенской. — *Авт.*] рассуждали о семейной жизни, теперешней молодежи из общества; невольно этот разговор затронул самую живую струну моей души, затронул мечту и ту надежду, которыми я живу изо дня в день. Уже полтора года прошло с тех пор, как я говорил об этом с Папа в Петергофе, а с тех пор ничего не изменилось ни в дурном, ни в хорошем смысле. Моя мечта — когда-либо жениться на Аликс Г. Я давно ее люблю, но еще глубже и сильнее с 1889 г., когда она провела шесть

недель в Петербурге! Я долго противился моему чувству, стараясь обмануть себя невозможностью осуществления моей заветной мечты. Но когда Eddy оставил или был откazan, единственное препятствие или пропасть между нею и мною — это вопрос религии! Кроме этой преграды, нет другой; я почти уверен, что наши чувства взаимны!» (*ТА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 227. Л. 108*).

Всегда робкий с отцом, Николай на этот раз проявил удивительную твердость: он желал жениться только на Аликс. Удивленная таким упорством сына, императрица решила выяснить, насколько самостоятельно его решение. Ники не делал из этого особого секрета, и тогда стала очевидна роль Сергея Александровича и Эллы в этой истории. Родители цесаревича были возмущены.

Мария Федоровна имела серьезный разговор с Сергеем Александровичем. Элла, расстроенная недовольством царицы, сообщала королеве Виктории: «Теперь об Аликс. Я коснулась этого вопроса, но все как и прежде. И если когда-нибудь будет принято то или иное решение, которое совершенно закончит это дело, я, конечно, напишу сразу... Да, все в руках Божиих... Увы, мир такой злобный. Не сознавая, какая это продолжительная и глубокая любовь с обеих сторон, злостные языки называют это честолюбием. Какие глупцы! Как будто подняться на трон заслуживает зависти. Только любовь чистая и сильная может дать мужество принять это серьезное решение...» (цит. по: *Миллер Л. Святая мученица Российская Великая Княгиня Елизавета Федоровна. Франкфурт-на-Майне. С. 83*).

Аликс приехала летом 1890 года в Москву в гости к сестре, но родители запретили Николаю встречаться с нею. Чувствуя внутреннее сопротивление сына, Мария Федоровна решила немного отвлечь его от мыслей об Аликс.

* * *

В это время на сцене Императорского Мариинского театра блистала новая звезда — балерина Матильда Кшесинская. Еще весной 1890 года, после выпускного экзамена балетной труппы, на торжественном ужине присутствовала царская чета с наследником. Неожиданно царь поднялся с места, шутливо пожелав молодым людям: «Берегитесь! Поменьше флирта». Александр III, когда хотел, умел быть удивительно любезным человеком...

Для девушки слова, а главное, интонация, с которой они были сказаны, послужили сигналом к атаке. И очень скоро Николай сполна изведal силу женских чар. Для балерины был приобретен двухэтажный особняк, где в обществе Матильды стал проводить свободные вечера, а подчас и ночи, наследник престола. Много лет спустя Кшесинская вспоминала: «Я влюбилась в Наследника с первой нашей встречи. После летнего сезона, когда я могла встретиться и говорить с ним, мое чувство заполнило всю мою душу, и я только о нем могла думать. Мне казалось, что хоть он и не влюблен, но все же чувствует ко мне влечение, и я невольно отдавалась мечтам. Нам ни разу не удавалось поговорить наедине, и я не знала, какое чувство он питает ко мне. Узнала я это уже потом, когда мы стали близки» (*Кшесинская М. Воспоминания. М., 1992. С. 32*).

Конечно, Кшесинская понимала всю безысходность их романа, да и влюбленность Николая в дармштадтскую принцессу не была для нее тайной: «Мы не раз говорили о неизбежности его брака и о неизбежности нашей разлуки. Часто Наследник привозил с собой свои дневники, которые он вел изо дня в день, и читал мне те места, где он пи-

сал о своих переживаниях, о своих чувствах ко мне, о тех, которые он питает к принцессе Алисе. Мною он был очень увлечен, ему нравилась обстановка наших встреч, и меня он безусловно горячо любил. Вначале он относился к принцессе как-то безразлично, к помолвке и браку — как к неизбежной необходимости. Но он от меня не скрыл затем, что из всех тех, кого ему пророчили в невесты, он ее считал наиболее подходящей и что к ней его влекло все больше и больше, что она будет его избранницей, если на то последует родительское разрешение» (*Там же*. С. 37–38).

В цитате из воспоминаний балерины, написанных полвека спустя, еще ощущается ревность молодой женщины, которую бросили ради другой. Вероятно, отсюда и некоторый, мягко говоря, субъективизм в оценке давнего романа.

* * *

За время, миновавшее с ее приезда в Россию в 1889 году, Аликс постигло новое горе — умер отец. Старший брат Эрнст-Людвиг вступил на отцовский престол, и Аликс жила предчувствием больших событий, которые неминуемо должны были случиться в ее жизни.

Трудно предположить, как бы развивались брачные планы русского Двора дальше, но болезнь и тяжелое предчувствие заставили Александра III согласиться с выбором сына.

Счастливый Николай, воспользовавшись первым предложением — свадьбой старшего брата Аликс, герцога Эрнста-Людвига на принцессе Виктории-Мелите, 2 апреля 1894 года отправился в Кобург в сопровождении великого князя Сергея Александровича с супругой, великих князей Владимира, Павла и великой княгини Марии Павловны.

Сергей и Элла были в восторге от близкого исполнения их заветного желания и всячески ободряли Николая, гарантируя полный успех предприятия. Дальнейшие события полностью подтвердили их прогноз.

Конечно, Аликс с большой симпатией относилась к «милому Ники», но вряд ли можно было назвать это чувство любовью. Бесспорно, корона русской императрицы стоила дорогого, и многие тогдашние невесты из лучших королевских домов, не задумываясь и на любых условиях, приняли бы брачное предложение наследника престола. Но недаром у принцессы Аликс так решительно сжаты губы и серьезен взгляд...

Если для родителей Николая дармштадтская партия не вызывала интереса из-за политических соображений и личной неприязни ко всему немецкому, то Аликс сдерживали причины более высокого свойства. Брак с будущим русским монархом подразумевал ее безусловный переход в православие, но глубоко религиозная девушка с трудом могла даже думать о перемене веры. Впрочем, один великий король однажды по-французски остроумно сформулировал решение проблемы: «Париж стоит мессы»**.

...Великая княгиня Элла, к этому времени перешедшая в православие, старалась убедить упрямую младшую сестру собственным примером: «Все мы христиане — дети Христа. Эта перемена религии многих, я знаю, заставит поднять крик, но я чувствую, что это приблизит меня к Богу. Я знаю все ее доктрины и буду с радостью продолжать изучать их... Ничто внешнее не привлекает меня, и не богослужение, — но основа веры» (*Миллер Л. Святая мученица Российская великая княгиня Елизавета Федоровна*. С. 66–67).

Дневниковые записи Николая позволяют восстановить интригу событий, происходивших в те дни в Кобурге.

«5-го апреля. Вторник. Боже! Что сегодня за день! После кофе, около 10 часов, пришли к т. Элле в комнаты Эрни и Аликс. Она замечательно похорошела, но выглядела чрезвычайно грустно. Нас оставили вдвоем, и тогда начался между нами тот разговор, которого я давно сильно желал и вместе очень боялся. Говорили до 12 часов, но безуспешно, она все противится перемене религии. Она, бедная, много плакала. Расстались более спокойно...

6-го апреля. Среда. Встал рано и в 8 ¼ отправился с д. Владимиром на ту же гору и дошли до самой крепости, замок которой обращен в музей древнего оружия. Вернулись в 9 ½ и пили кофе в нашей общей гостиной. Аликс потом пришла, и мы говорили с ней снова; я поменьше касался вчерашнего вопроса, хорошо еще, что она согласна со мной видется и разговаривать...

7-го апреля. Четверг. День свадьбы Диску и Эрни... Пастор сказал отличную проповедь, содержание которой удивительно подходило к существу переживаемого мною вопроса. Мне в эту минуту страшно захотелось посмотреть в душу Аликс!

8-го апреля. Пятница. Чудный, незабвенный день в моей жизни, день моей помолвки с дорогой, ненаглядной моей Аликс. После 10 часов она пришла к т. Михень, и после разговора с ней мы объяснились между собой. Боже, какая гора свалилась с плеч; какой радостью удалось обрадовать дорогих Мама и Папа! Я целый день ходил как в дурмане, не вполне сознавая, что, собственно, со мной приключилось!

Вильгельм сидел в соседней комнате и ожидал окончания нашего разговора с дядями и тетями...» (ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 232. С. 101–103).

Германский кайзер Вильгельм с «дядями и тетями» наследника совсем не случайно сидели в соседней комнате: каждый из них преследовал свои интересы в этом деле. Весь предыдущий день они прибегали к мощному психологическому давлению, уговаривая девушку не упорствовать и принять предложения Николая.

Наконец сопротивление было сломлено — Аликс дала согласие стать женой наследника русского престола и перейти в православие. Еще бы, Петербург стоит проповеди протестантского пастора!

В большинстве своем именно так и оценивали замужество скромной немецкой принцессы в русском высшем свете и дипломатических кругах.

Эту точку зрения отражает рассказ русского посла в Берлине графа Н. Д. Остен-Сакена, бывшего свидетелем помолвки. Заметим, что рассказ относится к 1904 году: «В первый день приезда после парадного обеда я подошел к старику обер-гофмаршалу, с которым был очень дружен. Разговорившись с ним, говорю: когда я уезжал, принцесса была девочкой, скажите откровенно, что она из себя представляет? Тогда он встал, осмотрел все двери, чтобы убедиться, не слушает ли кто-нибудь, и говорит мне: «Какое для Гессен-Дармштадта счастье, что вы от нас ее берете». Когда она приняла предложение (еще бы не принять!), то она, несомненно, искренне выражала печаль, что ей приходится переменить религию. Вообще это тяжело, а при ее ужом и упрямом характере это было, вероятно, особенно тяжело. Как ни говорите, а если мы и в особенности «истинно русские» люди хулим субъекта, переменявшего религию по убеждениям, то ведь не особенно красивый подвиг переменить таковую из-за благ мирских. Не из-за чистоты и возвышенности православия (по существу православия это, несомненно, так) принцесса Alix решила переменить свою веру. Ведь о право-

славии она имела такое же представление, как младенец о теории пертурбации небесных планет.

Но, раз решившись переменить религию, она должна была уверить себя, что это — единственно правильная религия человечества. Конечно, она и до сих пор не постигла ее сущности, но затем совершенно обуялась ее формами, в особенности столь красивыми и совершенно поэтическими, в каковых она представляется в дворцовых архиерейских служениях.

С ее тупым, эгоистическим характером и узким мировоззрением, в чадую всей роскоши русского двора, довольно естественно, что она впала всеми фибрами своего «я» в то, что я называю православным язычеством, т.е. поклонению форме без содержания... При такой психологии, окруженной низкопоклонными лакеями и интриганами, легко впасть во всякие заблуждения...» (*Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 286*).

Такова точка зрения опытного дипломата, наблюдавшего за царицей все десять лет, прошедшие с ее приезда в Россию. Но все-таки было бы несправедливо приписывать решение Аликс исключительно холодному расчету. Как ни странно, но немецкий прагматизм уступил место глубокому и сильному чувству, которое Аликс и Николай пронесли через всю жизнь. Спустя почти четверть века она напомнит ему о событиях того дня словами, в которых чувствуется искренняя любовь: «В этот день, день нашей помолвки, все мои нежные мысли с тобой, наполняя мое сердце бесконечной благодарностью за ту глубокую любовь и счастье, которыми ты дарил меня всегда, с того памятного дня — 22 года назад. Да поможет мне Бог воздать тебе сторицей за всю твою ласку!

Да, я, — говорю совершенно искренно, — сомневаюсь, что много жен, таких счастливых, как я, — столько любви, доверия и преданности ты оказал мне в эти долгие годы в счастье и горе. За все муки, страдания и нерешительность мою ты мне так много дал взамен, мой драгоценный жених и супруг... Благодарю тебя, мое сокровище, чувствуешь ли ты, как мне хочется быть в твоих крепких объятиях и снова пережить те чудные дни, которые приносили нам все новые доказательства любви и нежности? Сегодня я надеюсь ту дорогую брошку. Я все еще чувствую твою серую одежду и слышу ее запах — там у окна в Кобургском замке.

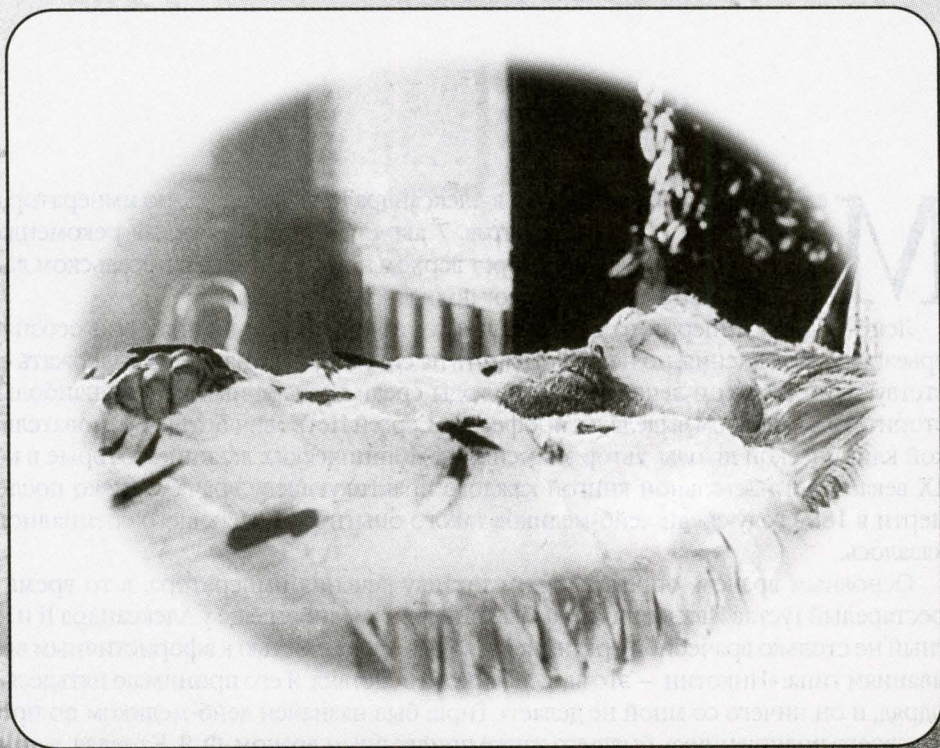
Как живо я помню все это! Те сладкие поцелуи, о которых я грезила и тосковала столько лет и которых больше не надеялась получить. Видишь, как уже в то время вера и религия играли большую роль в моей жизни. Я не могу относиться к этому просто и если на что-нибудь решаюсь, то уж навсегда, то же самое в моей любви и привязанности. Слишком большое сердце — оно пожирает меня. Также и любовь ко Христу — она была всегда так тесно связана с нашей жизнью в течение этих 22 лет!» (*Переписка Николая и Александры Романовых. М.—Л., 1926. Т. 4. С. 204*).

Перед отъездом в Россию Николай решил рассказать невесте о своем романе с Кшесинской. Аликс оказалась мудрой девушкой, в его дневнике она, с неистребимой немецкой склонностью к сентиментальности, вписала: «Я твоя, а ты мой, будь уверен. Ты заперт в моем сердце, ключик потерян, и тебе придется остаться там навсегда» (*ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 233. С. 25–26*).

-
- * Покушение на Николая было совершено религиозным фанатиком 29 апреля 1891 года во время визита цесаревича в Японию.
 - ** Слова, приписываемые Генриху IV, вынужденному в 1593 году принять католичество, чтобы вступить на французский престол.

ФИНАЛ

Между тем состояние здоровья Александра III ухудшалось, но император продолжал свои обычные занятия. 7 августа, проигнорировав рекомендации врачей, царь проделал 12 верст верхом на лошади в Красносельском лагере. На следующий день он не мог подняться с постели.

Лейб-медики императора пребывали в состоянии тихой паники: они осознавали серьезность положения, но не умели влиять на ситуацию, назначить и выдержать соответствующий режим и лечение. Долгие годы среди придворных врачей наибольшим авторитетом и опытом выделялся профессор Сергей Петрович Боткин, основатель русской клинической школы, автор знаменитых «Клинических лекций», которые в конце XIX века стали настольной книгой каждого практикующего врача. Однако после его смерти в 1889 году среди лейб-медиков такого опытного и знающего специалиста не оказалось.

Основным врачом, определяющим тактику лечения императора, в то время был престарелый Густав Иванович Гирш, бывший лейб-медиком еще у Александра II и известный не столько врачебной эрудицией, сколько склонностью к афористичным высказываниям типа: «Никотин — это яд медленного действия. Я его принимаю пятьдесят лет подряд, и он ничего со мной не делает». Гирш был назначен лейб-медиком по протекции своего родственника, бывшего также придворным врачом, Ф. Я. Карелля, желавшего устроить ему блестящую карьеру и обеспечить положение в свете.

Князь В. П. Мещерский с возмущением писал: «Врачом у Государя был эстонец Гирш. Он был добряк как человек, но как доктор он не мог внушать особенного доверия, главным образом потому, что как до поступления на должность при Государе, когда он еще был Наследником, так и потом он имел очень мало врачебного опыта, а в глазах своего царственного пациента не имел авторитета.

Вопрос о докторах при Дворе, с тех пор, как я видел близко придворное житие-бытие, меня всегда удивлял своей странностью, как явление, которое ни в каком частном доме немыслимо. Везде ищут доктора, составившего себе имя и, хотя бы по молве, заслуживающего доверия. При Дворе издавна, по-видимому, практиковалось совсем иное отношение к врачу. Там какой-нибудь родной человек добивался поместить при царственной особе или своего родственника, или своего протеже на должность врача не столько для того, чтобы этой особе было от такого врача хорошо, сколько для того, чтобы врачу было хорошо и удобно...

По этому поводу мне припоминаются приблизительно следующие слова одного очень умного и авторитетного врача: «Грешно, — говорил он, — назначать к таким лицам, как Государь или как Наследник престола, такого врача, который должен на них учиться. К таким лицам, как бы они здоровы ни были, непременно надо выбирать во врачи такого, у которого кроме ума и знаний есть большая практика, то есть то, что для врача есть его главный талисман, — практический опыт, дабы, в случае болезни его цар-

ственного пациента, он не мог оказаться неопытным в расследовании и в понимании признаков болезни» (*Мещерский В. П. Мои воспоминания. Т. 2. С. 147, 149*).

Окончательно растерявшийся Гирш вновь привлекает профессора Захарьина: «В начале августа я был вызван в Петергоф на 9-е число этого месяца и тогда же получил письмо лейб-хирурга Гирша, извещавшее, что здоровье Государя сильно ухудшилось и что в июле констатировалось присутствие белка. Прибыв в Петергоф, я впервые имел возможность в течение нескольких дней произвести полное наблюдение и необходимые исследования при помощи прибывшего со мной профессора Н. Ф. Голубова.

Оказалось: постоянное присутствие белка и цилиндров, т.е. признаков нефрита, некоторое увеличение левого желудочка сердца при слабом и частом пульсе, то есть признаки последовательного поражения сердца, и явления уремические (зависящие от недостаточного очищения почками крови), бессонница, постоянный дурной вкус, нередко тошнота. По этим данным был поставлен диагноз, к которому впоследствии присоединился профессор Лейден и который вполне подтвердился вскрытием» (*Нива. 1894. № 46*).

В письменном заключении о болезни, представленном Александру III, медики не сочли возможным скрывать от больного диагноз и тяжесть состояния, более того, врачи прямо сообщили, что подобный недуг хоть «иногда проходит, но в высшей степени редко», и для возможного продолжения жизни требуется строжайшее соблюдение режима и диеты.

Особенно тревожил Захарьина напряженный ритм жизни Александра III. Врач видел в этом одну из главных причин приближающейся катастрофы: «Условия и образ жизни Государя с его январской болезни были прежними, то есть прямо противоположными тому, чего требовало его здоровье и на чем настаивали врачи: постоянное утомление умственными занятиями, а весьма нередко и телесное, постоянно недостаточный сон, частое пребывание на воздухе во всякую погоду; роковое же влияние на развитие и быстрый ход болезни имели крайне холодное и сырое лето и еще более сырой и холодный нижний этаж государственного помещения в Александрии (около Петергофа), в особенности находившаяся в этом этаже опочивальня, наиболее холодная и в высшей степени сырая. Государь не выносил жары и всегда искал прохлады...» (*Там же*).

* * *

Александр мужественно выслушал роковой приговор. Медицинский консилиум предложил императору провести осень и зиму на острове Корфу в Ионическом море, надеясь, что климат сможет помочь больному больше лекарств. Но смертельно больной государь категорически отказался покидать свою Россию. Он предпочел поехать в Беловежскую пущу, потом в Спалу, но дождливая погода и сырость только усугубили тяжесть состояния. «Вы сами знаете характер Его Величества, — пишет в своем дневнике великий князь Константин Константинович, — его отношение к болезни и врачам, и также поймете, что могли делать врачи, когда Государь в Спале, например, не желал их даже принимать каждый день, нельзя и думать заставить его все время лежать в постели... Осложняющие явления, в свою очередь, объясняются продолжительным нарушением питания (бывали дни, что Е. В. довольствовался 2-мя устрицами в день) и таким же отсутствием правильного сна» (*ТА РФ. Ф. 660. Оп. 3. Д. 41. С. 137*).

Состояние здоровье ухудшалось, и 21 сентября император переехал в Ливадийский дворец под Ялтой.

В день приезда царя в Ливадию у нового дворца была выстроена рота 16-го Стрелкового Его Величества полка, входившего в состав 4-й стрелковой бригады, покрывшей себя славой в русско-турецкую войну. Государь вместе с Марией Федоровной, несмотря на прохладную, дождливую погоду, подъехали в открытой коляске. Александр был одет в генеральскую шинель. Офицер 16-го Стрелкового полка П. П. Заварзин, впоследствии начальник Московского охранного отделения, вспоминал: «Первый взгляд на это открытое, с ярко выраженной волей лицо обнаруживал, тем не менее, что внутренний недуг подрывает могучий организм. Необычная для государя была его бледность и синева губ.

При виде войск первым движением Царя было снять пальто, как это требовал устав, если парад представлялся в мундирах без шинели. Мы видели, как в тревоге за состояние здоровья своего супруга Императрица хотела его остановить, но послышался твердый ответ: «Неловко!» — и Государь в одном сюртуке подошел к роте...

«Здорово, стрелки!» — прозвучал громкий, низкий голос, за которым последовал дружный ответ солдат. Медленным шагом Государь обошел фронт, оглядывая его тем взглядом, под которым каждому казалось, что Государь только на него и смотрит. Когда рота прошла под звуки музыки церемониальным маршем, мы услышали похвалу: «Спасибо, стрелки! Славно!» Ни у кого из нас, конечно, не зарождалось мысли, что это был последний привет Царя строевой части...» (цит. по: *Тальберг Н. Д. Русская быль. С. 580–581*).

* * *

Он ожидал прихода смерти с царственным достоинством, не унижая ни себя, ни близких стопами или жалобами. Через несколько дней Александр стал плохо спать, увеличились отеки на ногах, появился сильнейший зуд. Врачам наконец удалось настоять на строгой диете. Однажды Александр шепотом попросил у дочери Ольги: «Дорогая, я знаю, там, в соседней комнате, есть мороженое. Принеси его сюда, но смотри, чтобы никто не увидел!» Он съел тарелку мороженого, и в изнеможении откинулся на подушки (*Воррес Йен. Последняя великая княгиня. С. 214*).

В дни, когда недуг отступал, Александр подолгу сидел в плетеном кресле, вглядываясь в морскую даль. Рядом с ним постоянно находились жена и дети.

За десять дней до финала он в последний раз надел парадный мундир, чтобы встретить невесту сына, приехавшую в Ливадию.

Тогдашним способом борьбы с отеками ног были ежедневные массажи с последующим бинтованием. Скоро и этот метод перестал помогать. Лейб-медик Н. А. Вельяминов полагал, что помимо нефрита тяжесть состояния больного усугубляла болезнь сердца, на что указывали приступы одышки, удушье, острые боли за грудиной (*Молин Ю. А. Читая смерти писателя. СПб, 1999. С. 337*).

18 октября 1894 года состоялся консилиум в составе профессоров Лейдена, Захарьина, Попова, лейб-хирургов Гирша и Вельяминова. В прессе стали появляться тревожные сообщения о состоянии здоровья императора.

«Ливадия. 18 октября, 11 час. утра.

В состоянии здоровья Государя Императора произошло значительное ухудшение. Кровохарканье, имевшееся вчера при усиленном кашле, ночью увеличилось, и появились

признаки ограниченного воспалительного состояния (инфаркт) в левом легком. Положение опасное».

18 октября в Петербург был отправлен последний фельдтегер с бумагами, с резолюцией Александра III. Всю ночь больной провел без сна, дожидаясь рассвета. В семь утра он послал разбудить цесаревича и около часа беседовал с ним.

«Ливадия. 20 октября, 11 час. утра.

Деятельность сердца продолжает падать. Одышка увеличивается. Сознание полное».

Две ночи перед смертью он провел на диване, днем его вывозили в инвалидной коляске к раскрытому окну. Мария Федоровна не отходила от него ни на шаг: «Слава Богу, в последние дни он позволял мне делать для него все, так как сам он уже ничего не мог, а позволить камердинеру ухаживать за собой не хотел, и каждый вечер он трогательно благодарил меня за помощь» (ГА РФ. Ф. 675. Оп. 1. Д. 45. Л. 112).

Он умирал, как и жил — без громких фраз и театральных жестов. В ночь на 20 октября Александру стало трудно дышать, под ноги положили подушку, профессор Лейден и Мария Федоровна до двух часов ночи согревали дыханием его холодеющие руки. Он тихо сказал жене: «Чувствую свой конец». Мария Федоровна пыталась ободрить мужа. «Нет, — твердо ответил государь, — это тянется слишком долго: чувствую, что смерть близка. Будь покойна. Я совершенно покоен» (цит. по: *Тальберг Н. Д. Русская быль. С. 585*).

На рассвете вся семья вошла к императору в комнату. Он всех поцеловал, и пока хватало дыхания, успел поздравить великую княгиню Елизавету Федоровну с днем рождения. После этого он потребовал причастия и простился с женой.

20 октября Николай записал в дневнике: «Боже мой, Боже мой, что за день! Господь отозвал себе нашего обожаемого, дорогого, горячо любимого Папа. Голова идет кругом, верить не хочется — кажется до того неправдоподобной ужасная действительность. Все утро мы провели наверху около него. Дыхание было затруднено, требовалось все время давать ему вдыхать кислород. Около половины 3 он причастился св. Тайн; вскоре начались легкие судороги... и конец быстро настал. О. Иоанн [Кронштадтский] больше часу стоял у его изголовья и держал за голову. Это была смерть святого! Господи, помоги нам в эти тяжелые дни!» (*Дневники императора Николая II. М., 1992. С. 43*).

* * *

Клинический диагноз, поставленный профессорами Лейденом, Захарьиным, Поповым, лейб-хирургами Гиршем и Вельяминовым звучал следующим образом: «Хронический интерстициальный нефрит с последовательным поражением сердца и сосудов, гемморагический инфаркт в левом легком, с последовательным воспалением» (*Нива. 1894. № 45*).

Спустя два дня после смерти, 22 октября 1894 года, состоялось вскрытие и бальзамирование тела умершего императора*.

Протокол вскрытия подписали профессора И. Ф. Клейн, Д. Н. Зернов, М. А. Попов, прозекторы Н. В. Алтухов, А. К. Белоусов, министр Двора граф И. И. Воронцов-Дашков.

* * *

Смерть еще не успела наложить свою печать на лицо усопшего, как в столице вслух заговорили о том, что императора лечили неправильно. Тотчас отыскиали и главного виновника врачебной ошибки — им стал профессор Захарьин. Как писали тогдашние газеты, началась «настоящая вакханалия ложных слухов и вымыслов», обвиняющих Захарьина в неправильной тактике лечения.

Г. А. Захарьин был вынужден публично оправдывать избранную врачебную тактику: «Лечение направлялось главным образом против уремических припадков и против слабой деятельности сердца; позднее, когда с развитием отеков уремические явления стали стихать (уменьшился дурной вкус, появился небольшой аппетит и сон стал несколько лучше), лечение направлялось исключительно на регулирование и укрепление сердца. Но все средства давались, само собою разумеется, наиболее действенные — действовали слабо и ненадолго.

Распространяемые слухи, что Государю во время последней болезни была пущена кровь, а в январскую инфлюэнцу ставились мушки, условившие раздражение почек и тем способствовавшие развитию нефрита, ложны: ни кровопускания, ни вообще какого-либо кровоизвлечения не делалось (наоборот, в последнюю болезнь одно время давалось железо), ни мушек не ставилось, как в январскую, так и в последнюю болезнь» (*Нива*. 1894. № 46).

Однако объяснения Захарьина только подлили масла в огонь. Его оппоненты прямо указывали на ошибки, допущенные при лечении.

«Я до сих пор помню его, — вспоминала Захарьина дочь императора, великая княгиня Ольга Александровна. — Знаменитый этот специалист был маленьким толстеньким человечком, который всю ночь бродил по дому, жалуясь, что ему мешает спать тиканье башенных часов. Он умолял папа приказать остановить их. Думаю, от его приезда не было никакого толка. Разумеется, отец был невысокого мнения о враче, который, по-видимому, был главным образом занят собственным здоровьем» (Цит по: *Воррес Йен. Последняя великая княгиня*. С. 213).

Один из наиболее видных представителей медицинского факультета Московского университета А. А. Остроумов даже прочел лекцию об ошибках, допущенных при лечении Александра III. На экзаменах Остроумов хвалил отличников: «Вы знаете болезни почек лучше Захарьина».

Профессор физиологии университета святого Владимира в Киеве С. И. Чирьев опубликовал отдельным изданием письменные претензии к Захарьину. Подробно разбирая записку Захарьина, он писал: «...едва ли подлежит какому-нибудь сомнению, что не только в январе месяце, но и 2 июня настоящего года профессор Захарьин находил сердце государя совершенно здоровым и деятельность его вполне удовлетворительною, а исхудание, которое он у него заметил, признал вполне «желательным», и считал настоящую болезнь начавшейся приблизительно в июле месяце.

Посмотрим теперь, как должен поступать всякий русский врач, на которого выпадает великая честь быть призванным к болящему русскому Государю. Если врач призывается для подания врачебной помощи Государю, то он должен, во-первых, исследуя больного, составить себе возможно полную картину как относительно органов и систем заболевших, так и относительно состояния органов первой важности, если они не вовлечены прямо в болезненный процесс; во-вторых, он должен собрать по возможно-

сти полные сведения относительно прошлого больного: его предшествующих заболеваний, оставили ли они или нет какие-нибудь следы в организме, и не раньше высказывать свой диагноз и предсказания, пока ему не удастся объяснить вполне удовлетворительно всякое, даже мелкое явление, в прошлом страждущего...

Что же делает профессор Захарьин? Будучи призван к больному, он исследует его довольно поверхностно, потому что нельзя же допустить, чтобы сердце Государя было действительно найдено в начале этого года «нормальным», а не гипертрофированным, т.е. увеличенным против нормы в своем объеме, так как почти каждому русскому известно, что Государь в течение своей жизни очень увлекался гимнастическими усиленными упражнениями, а такие упражнения ведут, как известно, неизбежно к гипертрофии сердечной мышцы. Эта гипертрофия имеет то громадное неудобство, что, со временем, при первой серьезной потребности от гипертрофированной мышцы усиленной работы, например, вследствие распространенного бронхита, или особенно вследствие внесения значительного препятствия подтоку крови в сосудистом аппарате почек, она легко подвергается перерождению и оказывается недостаточной.

Далее, профессор Захарьин узнает, что в августе 1893 года государь сильно ослабел от чрезмерного носового кровотечения... Если бы только профессор Захарьин остановился на этом кровотечении, то уже это одно должно было зародить в нем большое подозрение относительно состояния почек больного, потому что именно такими обильными и повторными кровотечениями и начинается у физически хорошо развитых субъектов диффузное интерстициальное воспаление почек. Мало того, эти обильные носовые кровотечения сопровождаются лихорадочными бронхитами. И это происходит у человека, ведущего нормальный образ жизни, правда, только живущего, по уверению профессора Захарьина, в сыром и холодном помещении дворца Александрии. Опять-таки новое указание на почки.

Наконец, в январе месяце настоящего года профессора Захарьина приглашают к Государю, и он помимо «инфлуэнцы» констатирует у больного уже несомненное заболевание почек — белок. Недосмотрев гипертрофию левого желудочка, профессор Захарьин прямо принимает этот белок за «обыкновенное явление при острых лихорадочных болезнях», в подтверждение чего ссылается на довольно быстрое исчезновение белка. Но кому же неизвестно, что в начале интерстициального воспаления почек белок присутствует не постоянно, а появляется только при всяких ожесточениях болезни...

И так шло дело, пока, наконец, без всяких причин со стороны больного, не обнаружился у него формальный интерстициальный нефрит, т.е. пока не были найдены белок и цилиндры. Теперь даже и для профессора Захарьина сделалось заметным увеличение левого желудочка сердца, и появились уремические припадки...

Таким образом, насколько можно судить по данным, сообщаемым самим профессором Захарьиным, болезнь Государя Императора началась, по крайней мере, за год перед тем, как она была констатирована, и если относительно этого времени имеются лишь отрывочные наблюдения, особенно с января месяца 1894 года, то мы этим вполне обязаны тому же профессору Захарьину, потому что если бы он отнесся к случаю с должным вниманием, то он ни в каком случае не мог бы преспокойно уехать в Москву, а устроил бы постоянный медицинский надзор за больным для выяснения характера многих темных для него вопросов этого страдания» (*Чирьев С. И. По поводу письма профессора Захарьина к издателю «Московских ведомостей». Киев. 1894. С. 7–13*).

* * *

С точки зрения современной медицинской науки, диагноз и тактика лечения Александра III видится иначе, нежели в конце XIX века.

Клиническая картина болезни императора Александра III позволяет предположить у него хронический гломерулонефрит — заболевание почек инфекционно-аллергической природы, с преимущественным поражением сосудов почечных клубочков, с развитием как почечных, так и внепочечных симптомов.

Проявления острого нефрита достаточно характерны и проявляются отеками, стойким повышением артериального давления и изменениями мочи, в которой появляется кровь, белок, эпителий почек. Моча, по образному определению старых докторов, приобретает цвет «мясных помоев».

Отеки возникают вначале на лице, затем распространяются на тело, конечности. Вследствие повышения артериального давления больные острым нефритом страдают одышкой, временами испытывают приступы удушья по типу сердечной астмы. Нередко отмечаются сильные носовые кровотечения, подобные тому, которое было у Александра III в Дании. Больных беспокоит крайняя слабость, головная боль, тупая боль в пояснице. При исследовании отмечается гипертрофия левого желудочка, о которой писал профессор С. Чирьев.

Острый гломерулонефрит в большинстве случаев длится не более нескольких месяцев и, в случае неправильного режима и недостаточного лечения, приводит либо к летальному исходу, либо переходит в хроническую форму. В этот период у больных нарастают явления почечной недостаточности, интоксикации, появляются выраженные признаки отравления мочой — уремии: слабость, головная боль, тошнота, кожный зуд, аммиачный запах изо рта. Незадолго до смерти больные впадают в глубокую уремическую кому.

Конечно, если бы в распоряжении докторов, лечивших Александра III, были аппараты искусственной почки, мощные антибактериальные и гормональные средства, возможности инфузионной терапии, исход болезни императора мог быть иным. Но нельзя не согласиться и с мнением профессора С. Чирьева, что в тактике лечения Александра III были допущены определенные врачебные просчеты, которые могли усугубить состояние больного...

* * *

27 октября гроб с телом покойного императора на руках перенесли на крейсер «Память Меркурия». В траурной эскадре шли броненосец «Двенадцать Апостолов» и пароход Добровольческого флота «Орел». В тот же день корабли вошли в бухту Севастополя.

В двойном дубовом гробу, обитом изнутри медью и выстланном белым шелком, под горностаевой мантией лежал тринадцатый русский император Александр III. В последний раз предстояло ему пересечь Россию, чтобы лечь рядом с предками в Петропавловском соборе.

В столицу траурный эшелон прибыл только 1 ноября в 10 часов утра. Петербург имел в эти дни скорбный вид: черные флаги, темная материя, развешанная по фасадам зданий и собранная в складки вдоль пилястров и колонн. Солнце ни разу не выглянуло из низко зависших туч, и фонари, окутанные черными лентами, казались погребальными факелами.

Весь Невский проспект, от Николаевского вокзала до Адмиралтейства, был сплошь задрапирован темной материей. Траурная процессия двигалась от Николаевского вокзала до Петропавловской крепости четыре часа. За колесницей с гробом Александра III вели любимого коня императора — Лорда, покрытого траурной попоной.

Петропавловский собор изнутри был полностью затянут черным сукном, свет таялся, замирая в сумраке траурного убранства стен. Посередине величественного собора, между четырьмя столбами, была устроена золотая сень, увенчанная короной. Под сенью на высоком помосте стоял гроб с усопшим государем. Ордена на бархатных подушках, почетная стража, заупокойная служба...

7 ноября 1894 года состоялись похороны Александра III. На траурной процессии присутствовали датский король, король и королева эллинов, король Сербии, князь черноморский, представители всех европейских правительств. Лорд-гофмейстер английской королевы Виктории барон Чарльз Каррингтон сообщал в Лондон: «Служба началась в 10. 40 утра, когда прибыли император и императорская и царствующая фамилия, и продолжалась до часу дня. Давка была ужасная, дипломатический корпус стоял справа. Император, императрица и принцесса Уэльская в центре с королями Греции и Дании и принцем Уэльским; вокруг эрцгерцоги, герцогини и другие монаршие гости — будущая императрица выглядела необыкновенно красиво. Придворные дамы стояли сзади вместе со свитой прибывших коронованных особ.

Толпа была такая, что князь Долгорукий, руководивший церемонией и державший длинный жезл, задрапированный черным, с трудом мог проложить дорогу императрице — трем дамам стало дурно...

Служба была с хором без органа, императрица и принцессы все время стояли или молились на коленях. Месса продолжалась полтора часа жалобно и монотонно, а затем отслужили обычную ежедневную панихиду. Были розданы зажженные свечи, но из-за толпы у дам их не было, и таким образом опасность пожара была предотвращена. В 12. 30 состоялась ужасная церемония последнего прощания. Императрица с героическим мужеством медленно подошла, преклонила колена, последний раз поглядела на покойного императора и поцеловала сперва образок на груди Его Величества, потом его в губы. Император [Николай II] поддерживал Ее Величество и очень заботился о ней, а все присутствующие коронованные особы целовали образок...» (цит. по: *Мейлунас А., Мироненко С. Николай и Александра. Любовь и жизнь. М., 1998. С. 119*).

Под несмолкаемые залпы траурного салюта «вся церковь рыдала, когда гроб опускали в могилу подле гробницы Марии Александровны» (*ГА РФ. Ф. 660. Он. 3. Д. 41. С. 149*). Вдовствующая императрица Мария Федоровна бросила горсть земли...

«О, как это было страшно и ужасно — последнее прощание. Это было повторением незабываемого 20 октября, когда добрый Бог отобрал у меня того, которого я лелеяла и любила больше всего на свете и который всем вам был лучшим из отцов», — писала она на Кавказ сыну Георгию, которому обострение болезни не позволило приехать на похороны (*ГА РФ. Ф. 675. Он. 1. Д. 45. Л. 115об.*).

* * *

За два года до смерти Александр с грустью писал Марии Федоровне: «Нет спокойствия ни физического, ни морального... Все скучно и грустно, да, кажется, никогда и не будет иначе; забот с каждым годом все больше и больше, а радостей, утешительного все

меньше!» (ТАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 710. Л. 72. Письмо от 30 апреля 1892 г.). Сколько в этих словах горести и усталости от бесконечных дел и проблем! Ему, как когда-то его деду императору Николаю I, казалось, что он может быть в курсе всей жизни России, решать все вопросы, знать всю правду. Но... «Я чувствую, — говорил он, — что дела в России идут не так, как следует; я знаю, что Вы мне скажете правду; скажите, в чем дело?» — незадолго до смерти спросил он у своего генерал-адъютанта, ближайшего помощника О. Б. Рихтера. На что тот ответил: «Государь, Вы правы; дело в том, что у нас есть страшное зло — отсутствие законности». «Но я всегда стою за соблюдение законов и никогда их не нарушаю», — возразил Александр. «Я говорю не о Вас, а о нашей администрации, которая слишком часто злоупотребляет властью, не считаясь с законами». — «Но как же Вы себе представляете положение России?» На это Рихтер ответил: «Я много думал об этом и представляю себе теперешнюю Россию в виде колоссального котла, в котором происходит брожение; кругом котла ходят люди с молотками, и, когда в стенах котла образуется малейшее отверстие, они тотчас его заклепывают, но когда-нибудь газы вырвут такой кусок, что заклепать его будет невозможно, и мы все задохнемся». Государь застонал от страдания...» (Епанчин Н. А. *На службе трех императоров*. С. 166). Можно понять трагедию честного и прямого Александра III, осознававшего пропасть между его пониманием счастья и покоя его страны и истинным состоянием России!

* Акт, составленный по вскрытии тела в Бозе почившего Императора Александра Третьего.

«Тысяча восемьсот девяносто четвертого года, октября 22-го, семь с половиною часов вечера, мы, нижеподписавшиеся, нашли при бальзамировании тела в Бозе почившего Государя Императора Александра Александровича нижеследующие изменения: значительный отек подкожной клетчатки нижних конечностей и пятнистую красноту на левой голени. В левой полости плевры 200 кубических сантиметров сывороточной жидкости, окрашенной в красный цвет; в правой полости плевры — 50 кубических сантиметров такой же жидкости. Старый фиброзный рубец в верхушке правого легкого, отечное состояние правого легкого, в левом легком — отек верхней доли и кровяной инфаркт в нижней доле того же легкого, причем эта нижняя доля очень полнокровна и содержит в себе очень мало воздуха.

Кровяной инфаркт находится у верхнего края нижней доли левого легкого и в разрезе имеет трехугольную форму, полтора сантиметра в продольном разрезе и один сантиметр в поперечном. В околосердечной сумке 30 кубич. сантиметров красноватой сывороточной жидкости.

Сердце значительно увеличено в объеме: продольный размер 17 сант., поперечный размер 18 сант.; в подсерозной клетчатке сердца большое количество жировой ткани, сердце плохо сохранилось.

Левая полость сердца увеличена и стенка левого желудочка утолщена (= двум с половиною сантиметрам); мышца левого желудочка бледно-ваялая и желтоватого цвета: в правом желудочке мышечная стенка истончена (6 миллиметров) и такого же желтоватого цвета; заслоночный аппарат совершенно нормален.

В полости живота около 200 куб. сант. сывороточной жидкости. В желудке и кишечнике большое количество газов. Печень немного увеличена, очень полнокровна.

Почки имеют следующие размеры: левая — 16 сант. в длину, 7 сант. в ширину и 4 сант. в толщину; правая — 15 сант. в длину, 6,5 сант. в ширину и 4 сант. в толщину; капсула почек обыкновенной толщины и отделяется легко. Наружная поверхность почек мелкозерниста, темно-красного цвета; плотность почек незначительна. Корковое вещество почек уменьшено (от 6 до 7 миллиметров) и желтовато; медулярное же вещество — темно-красного цвета. Сверх того, в левой почке — серозный пузырек трех миллиметров в поперечнике.

На основании вышеизложенного, мы полагаем, что Государь Император Александр Александрович скончался от паралича сердца, при перерождении мышц гипертрофированного сердца, последовавшим от интерстициального нефрита (зернистой атрофии почек)» (*Ива. 1894. № 45. РГИА. Ф. 468. Оп. 46. Д. 3.*)

32

№ 5.

May me

Милый, чудно благо
милый же тебе и

СУДАРЫНИ ВЕЛИКОЙ КНЯГ

АЛЕКСІЯ АЛЕКСАН

ВЪ 1869 ГОДѢ

ГОРОДА.	Число верстъ.	Прибытіе.	Пробыва- ніе.	Отъѣздъ.
Царское Село				10 Іюля въ 8 ч. <i>Вечеръ</i>
Ильинское	10-го вѣ- сѣ утромъ.	11-го . . .	11-го вѣче- ромъ.	
Москва	580	вечеромъ 11-го.	1 день, 12.	утромъ 13.
Нижній-Новго- родъ	410	вечеромъ 13-го.	14 и 15-ое.	съ разсвѣ- томъ 16-го.
Казань	378	къ обѣду 17-го.	17 и 18-ое.	съ разсвѣ- томъ 19-го.
Симбирскъ	220	утромъ 20-го.	1 день, 20-ое.	съ разсвѣ- томъ 21-го.
Самара	204	утромъ 22-го.	1 день, 22-ое.	съ разсвѣ- томъ 23-го.
Хвалынскъ	184	утромъ.	23ночлегъ.	съ разсвѣ- томъ 24-го.
Вольскъ	80	вечеромъ		
Саратовъ	172	24-го въ полдень.	2 дня 24 и 25-ое.	25-го Іюля послѣ обѣда.
Царицынъ	359	вечеромъ 26-го.	Ночлегъ.	утромъ 27-го.
Калачъ	73	къ полудню 27-го.	завтракъ.	27-го.

АРХИВ ИМПЕРАТОРА

17

Коммеджъ.

5 Июня 1891г.

Среда.

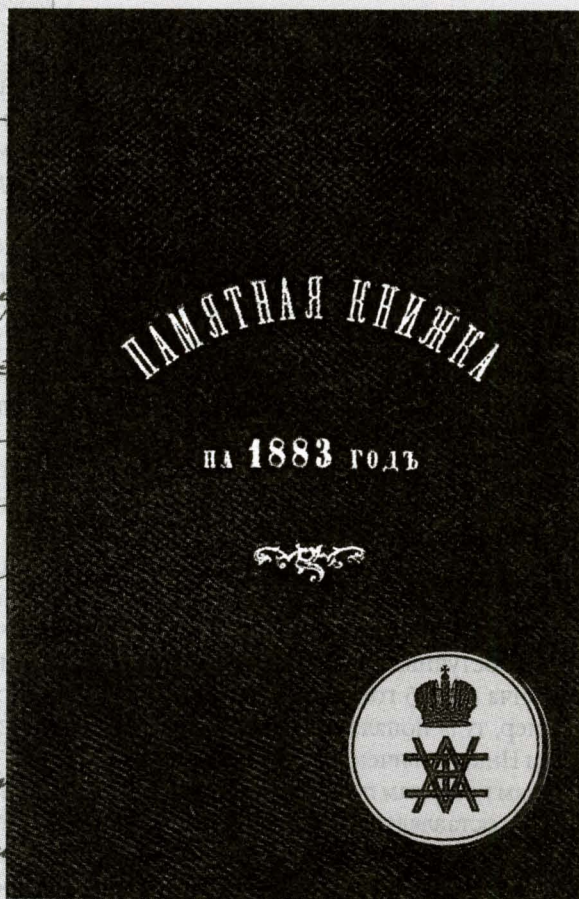
души, дорогой,
арю тебе за твою
4, которое полу-

ПЕЧАНИЕ.

10
2.0
3.0
4.50
6.0
7.08.0
9.10.0
11.12.0
13.0
14.0
15.0
16.0
17.0

Восна.

в, ко-
мед и
мо и
порт
покупат
и тл
аеме
elix, от
но не
авоон
юмел при
женни на
мил заблуда-
ваши.

Меняю Новорос; Кашау радостно т
возвращение и с надеждою немерно
изу и свиданій с вами! Благодар
уже раз от всей души за милост
тбмо и от всего сердца обн
наю тебе мой милый душе М
Криво умишу Всему. - Подпись в
до свиданій мой дорогой, Криво
с вами. Мной влюбилъ друг
Вашъ

Каждый архив имеет свою историю. Политическая конъюнктура, отношение общества к документам, понимание их роли и значимости в истории государства, профессионализм архивистов — это лишь некоторые из многочисленных факторов, определяющих судьбу тех или иных документов и даже целых архивов.

Еще в 70-х годах XVIII века императрица Екатерина II положила начало библиотеке Зимнего дворца. Интересуясь историей России, Екатерина II поручила «искать всюду» документы по истории России. Собранные редкие книги и рукописи были доставлены в Эрмитаж и стали основой богатейшей коллекции. Более полувека спустя, в 1834 году, был создан Государственный архив Российской империи. По приказу Николая I туда стали поступать и рукописи членов императорской фамилии.

Входящие в состав Рукописного отдела библиотеки Зимнего дворца документы являлись наследственной собственностью императорского дома. Эти материалы, как правило, поступали непосредственно от императора, императрицы и великих князей либо по решению императора из кабинетов и библиотек великокняжеских дворцов после смерти их владельцев.

В основном в Рукописном отделе до революции были собраны личные документы российских императоров, императриц и великих князей, начиная со времени правления Екатерины II и до эпохи Александра II включительно. Исключение составляют некоторые документы, поступившие в Рукописный отдел после гибели великого князя Сергея Александровича в 1905 году и смерти великого князя Михаила Николаевича в 1909-м. Так, например, туда попала переписка императора Александра III с великими князьями Михаилом Николаевичем и Сергеем Александровичем.

По установленным правилам после смерти императоров и великих князей их кабинеты опечатывались, составлялась опись документов. Новым императором определялась их дальнейшая судьба. Письма к монарху, как правило, возвращались их здравствующим авторам, документы, представляющие исторический интерес, передавались в Государственный архив Российской империи и, по принадлежности, в различные министерства; личные материалы — в Рукописный отдел библиотеки Зимнего дворца. Часть документов по повелению нового императора сжигалась. Так было с документами императоров Николая I и Александра II.

К сожалению, в архивах не удалось обнаружить опись бумаг императора Александра III, которая должна была бы быть составлена после его смерти в 1894 году. Если судить по принципам пополнения Рукописного отдела библиотеки Зимнего дворца в XIX веке, то часть личных материалов Александра III должна была бы оказаться там. Однако в «Каталоге собрания рукописей, хранящихся в Библиотеке Зимнего дворца», составленном в 1909 году заведующим библиотекой В. В. Щегловым, указаний на документы Александра III, кроме переписки с великими князьями, отсутствуют. Возможно, по решению императора Николая II вдовствующая императрица Мария Федоровна оставила основную часть архива своего мужа (дневники и переписку) у себя, в кабинетах Гатчинского дворца или в Аничковом дворце, где она часто жила после смерти мужа.

События февраля 1917 года изменили статус Зимнего дворца. С начала марта 1917 года заведующему императорскими библиотеками В. В. Щеглову начали поступать приказы о передаче в Государственный архив различных дел, хранившихся в Рукописном отделе.

16 марта состоялась передача «на вечное хранение всех оказавшихся в наличности» и «хранившихся в Рукописном отделении Собственного Его императорского Величества Библиотеки Зимнего дворца документов, бумаг и рукописей» в Государственный архив Министерства иностранных дел (так в то время назывался Государственный архив Российской империи).

Все бумаги были упакованы в 26 ящиков и отправлены в архив. К ним же были присоединены три запечатанных сундука — документы великого князя Константина Николаевича, которые согласно надписи на них должны были быть вскрыты в 1972 году, спустя 80 лет после его смерти.

Из национализированных императорских и великокняжеских дворцов в архив начали поступать личные документы членов императорской фамилии, которые те в силу различных причин не смогли увести с собой или которые были изъяты у них во время ареста.

Вдовствующая императрица Мария Федоровна во время Первой мировой войны (с начала 1915 г.) жила в основном в Киеве. Здесь она занималась деятельностью учреждений Российского Красного Креста, во главе которого стояла с 1870 года. После отречения Николая II Мария Федоровна вместе с семьей дочери великой княгини Ксении вынуждена была уехать в Крым. С собой она взяла самое ценное, что было у нее в Киеве, в том числе письма Николая II за 1915–1916 годы, переписку, которую вела из Киева с близкими и родными ей людьми, а также свои дневники за последние несколько лет. Основной же архив, включавший письма Александра III, остался в Петербурге и Гатчине.

В октябре 1920 года в Москве был образован Государственный архив РСФСР. Составной частью его I отделения стали материалы по истории Дома Романовых, поступившие из бывшего Государственного архива Российской империи, в их числе и документы Рукописного отдела Зимнего дворца. Во II отделение поступили документы так называемого «Новоромановского архива», который был создан в 1918 году и размещался в одном из кремлевских зданий. В 1922 году в Госархив РСФСР из петербургских дворцов передали большой комплекс документов бывшей царской семьи. Сюда же попали документы Александра III и Марии Федоровны из различных дворцов. В 1923–1925 годах началась их первая разборка.

После ликвидации Государственного архива РСФСР в 1925 году фонды Романовых вошли в состав Архива Октябрьской революции (АОР).

В апреле 1927 года в АОР были переданы на хранение документы, поступившие из Ленинградского отделения Центрального исторического архива (ЛОЦИА). Этот архив передал в Москву материалы из Управлений дворцов-музеев. К актам о передаче в ЛОЦИА хранителями дворцов были приложены списки личной переписки и других документов Александра III и Марии Федоровны из дворца «Коттедж» (около 300 писем), из Гатчинского дворца-музея (около 600 писем), из дворца «Ферма». В декабре 1929 года императорские архивы были переданы вновь образованному Особому отделу Центрального исторического архива РСФСР (ЦИА РСФСР), где с 1925 года хранились материалы Романовых из бывшего Государственного архива Российской империи, который впоследствии был переименован в Государственный архив феодально-крепостнической эпохи (ГДФКЭ).

Именно здесь в конце 1930-х — начале 1940-х годов принимается важное решение, которое определило дальнейшую судьбу многих фондов семьи Романовых. В 1940 — 1941 годах расформируются фонды императорских дворцов. Из исторически сложившихся во дворцах документальных комплексов выделяют материалы, относящиеся к личностям того или иного императора, императрицы или великого князя. К уже имеющимся к этому времени личным фондам Романовых присоединяют выделенные материалы из императорских дворцов. Создаются и новые фонды. Так, в начале 1950-х годов был искусственно создан фонд императора Александра III, куда вошла большая часть документов из Аничкова и Гатчинского дворцов.

В 1961 году фонды Романовых были присоединены ко вновь созданному Центральному государственному архиву Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (ЦГАОР СССР). В апреле 1992 года ЦГАОР СССР был объединен с Центральным государственным архивом РСФСР, получив название Государственного архива Российской Федерации, в котором сейчас существует отдел хранения документов по истории России XIX — начала XX века.

Комплекс документов по истории Российской империи в Государственном архиве РФ насчитывает около миллиона дел. Особое место занимают личные фонды российских императоров. Среди них личные фонды императора Александра III (1333 дела) и императрицы Марии Федоровны (3731 дело). Это значительные по объему документальные комплексы, которые отражают историю жизни не только императорской четы, но и историю Российского государства, отношений с европейскими королевскими дворами в середине XIX — начале XX века.

В личном фонде Александра III содержатся письма и рескрипты представителей королевских домов Европы о пожаловании ему различных орденов, а также дипломы российских обществ, связанные с присвоением ему званий их почетных членов, послужные списки цесаревича Александра Александровича, благодарности императора Александра II за успешную службу и рескрипты о награждении наследника орденами за храбрость в годы русско-турецкой войны, манифесты и церемониалы, связанные со вступлением на престол Александра III, маршруты его поездок за границу и по России, бюллетени о здоровье императора и документы о последних днях его жизни.

Небольшая часть архива представлена документами, преподнесенными Александром III. Это рукописи различных авторов на литературные, исторические, научные темы, тексты и ноты песен, стихотворения разных лиц, мемуары В. П. Мещерского и отрывки из его дневников, брошюры, записки.

Любопытны для исследователя ученические тетради, учетные листки успеваемости, результаты экзаменов юного Александра, расписание его занятий с преподавателями, классные журналы.

Особый интерес представляют записные и памятные книжки, дневники Александра Александровича. Свою первую записную книжку он начал вести в двенадцатилетнем возрасте. На протяжении всей жизни Александр вносил туда различные записи о личных расходах, выигрышах и проигрышах в карточной игре, о полученной и отправленной корреспонденции, об уловах во время рыбной ловли, о количестве убитой дичи на охоте. Нередко в записных книжках можно найти переписанные им стихотворения любимых русских поэтов, рисунки, сделанные его рукой.

Несомненно, важными источниками являются его дневники, которые он вел на протяжении двадцати лет — с 1861 по 1881 год. Став императором, Александр III забросил ведение дневников, но сохранившиеся 14 тетрадей за двадцать лет дают историкам богатейший материал для понимания формирования личности юного Александра, его отношения к России и религии, к родителям и возлюбленным. Он откровенен и искренен в своих дневниках, может быть, потому, что часто только бумаге мог доверить свои мысли и чувства.

Переписка Александра III представлена двумя комплексами: письма самого императора (в основном черновики его писем и телеграмм) и письма, адресованные ему. Они составляют почти треть личного архива. Здесь практически представлены все королевские дворы Европы, со многими из которых Романовы были связаны родственными узами; все члены большой императорской семьи, государственные деятели России, частные лица — многочисленные просители, писатели, музыканты, художники. И, конечно, письма его жены императрицы Марии Федоровны. В ГА РФ хранится их переписка за 1865–1894 годы. Надо отметить, что они не часто расставались, но если и случалось находиться вдали друг от друга, то писали письма почти каждый день. В этих посланиях раскрываются такие стороны человеческих отношений и характеров, которые не всегда видны со стороны. Так, внешне грозный, мощный и, казалось, не отличающийся сентиментами император Александр III в письмах предстает нежным, любящим, тонко чувствующим свою Минни супругом. Чего стоит, например, одна записочка Александра «к пробуждению дорогой Минни» 1875 года: «Здравствуй, моя дорогая душка. Целую крепко мои милые Насетор [принятое в семье интимное выражение] и все, что я люблю целовать. Саша». После записки — маленький рисунок женской груди (*ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 704. Л. 34*).

За строчками писем к жене, рассказывающих о будничных государственных делах и заботах, чувствуется его трогательное и искреннее отношение к людям, окружающим его.

В фондах Александра III и Марии Федоровны хранятся манифесты и адреса от различных российских и датских обществ, организаций и комитетов по поводу их свадьбы и рождения в 1866 году первенца — Николая.

1 марта 1881 года был смертельно ранен Александр II. На престол взошел новый император. В мае 1883 года состоялась коронация Александра III и Марии Федоровны. В личном фонде имеются церемониал перевоза императорских регалий из Петербурга в Москву, где традиционно в Успенском соборе Кремля короновались русские цари, церемониалы торжественного въезда в Москву, а также текст молитвы, коленопреклоненно произнесенной императором в священный для него день.

В личных архивах императора Александра III и императрицы Марии Федоровны сохранилась замечательная фототека, запечатлевшая период второй половины XIX — начала XX века. Здесь представлены одиночные и семейные фотопортреты почти всех августейших особ Европы, членов российского Императорского Дома; есть фотографии, рассказывающие о пребывании семьи Александра III за границей, о повседневной жизни в любимой Гатчине, в Аничковом дворце. В отличие от фотографии ни одно словесное описание не в состоянии дать столь полного представления о том, как жили, как работали представители императорской фамилии, как они одевались, как проводили досуг.

Век любительской съемки только начинался. Многие из этих уникальных фотографий представлены в настоящем издании.

Основные даты жизни императора АЛЕКСАНДРА III и важнейшие события его царствования

- 1845, 26 февраля. Рождение Александра Александровича.
17 марта. Крещение великого князя Александра.
- 1855, 18 февраля. Смерть императора Николая I. Воцарение императора Александра II.
- 1861, 19 февраля. Указ Александра II об освобождении крестьян.
- 1865, 12 апреля. Смерть цесаревича Николая Александровича. Александр Александрович становится наследником русского престола.
- 1866, 11 июня. Помолвка цесаревича Александра Александровича с дочерью датского короля Христиана IX принцессой Марией-Софией-Фредерикой-Дагмар.
20 июля. Принятие Александром присяги цесаревича.
14 сентября. Приезд Дагмар в Россию.
12 октября. Принятие Дагмар православия с именем Марии Федоровны.
28 октября. Бракосочетание Александра Александровича и Марии Федоровны.
31 октября. Член Государственного Совета.
- 1868, 6 мая. Рождение сына Николая.
- 1869, 20 мая. Рождение сына Александра.
- 1869, 10 июля — 6 августа. Путешествие наследника по России.
- 1870, 20 апреля. Смерть сына Александра.
- 1871, 27 апреля. Рождение сына Георгия.
- 1875, 25 марта. Рождение дочери Ксении.
- 1877, 12 апреля. Начало русско-турецкой войны.
21 мая. Отбытие цесаревича Александра Александровича на театр военных действий.
22 июня. Назначение цесаревича Александра Александровича командующим Русшукским отрядом.
25 августа. Бой Русшукского отряда возле местечка Аблово с турецкими войсками Мехмет Али-паши.
9 сентября. Победа Русшукского отряда возле местечка Чаир.
15 сентября. Награждение орденом Святого Владимира первой степени.
30 ноября. Разгром Русшукским отрядом армии Сулеймана-паши у села Мечки. Награждение цесаревича орденом Святого Георгия второй степени.
- 1878, 1 февраля. Отъезд цесаревича из действующей армии в Петербург.
22 ноября. Рождение сына Михаила.
- 1880, 22 мая. Смерть матери императрицы Марии Александровны.
июля. Морганатический брак отца Александра II с княжной Екатериной Долгорукой.
- 1881, 1 марта. Убийство императора Александра II. Начало царствования Александра III.
15 марта. Погребение Александра II.
3 апреля. Казнь цареубийц.
29 апреля. Манифест Александра III о незыблемости самодержавия.
14 августа. «Положение о мерах сохранения государственного порядка и общественного спокойствия».
27 ноября. Русско-иранская конвенция о разграничении территории к востоку от Каспийского моря.

- 1882, 18 мая. Учреждение Крестьянского земельного банка.
1 июня. Рождение дочери Ольги.
2 июня. Закон об ограничении труда малолетних, создание Фабричной инспекции.
22 июня. Преобразование военных гимназий в кадетские корпуса.
24 июня. Первый в мире полет самолета А. Ф. Можайского в Красном Селе.
27 августа. Принятие «Временных правил о печати».
- 1883, 28 апреля. Закон о государственном флаге.
15 мая. Коронация Александра III в Успенском соборе Московского Кремля.
18 мая. Освящение храма Христа Спасителя в Москве.
- 1884, март. Занятие русскими войсками Мервского оазиса.
13 июня. Закон о церковно-приходских школах.
15 августа. Принятие нового Университетского устава.
- 1885, 3 июня. Учреждение Дворянского земельного банка.
10 сентября. Договор с Англией о границе с Афганистаном.
- 1886, 28 мая. Закон об отмене подушной подати.
3 июня. Закон о найме рабочих и ответственности за забастовки.
2 июля. Новая редакция Закона об императорской фамилии.
- 1887, 1 марта. Покушение на Александра III.
8 мая. Казнь пяти участников покушения.
- 1888, 22 июля. Открытие Томского университета.
17 ноября. Крушение царского поезда в Борках.
- 1889, 12 июня. Закон о земских начальниках.
- 1890, 12 июня. Принятие нового «Положения о губернских и уездных земских учреждениях».
8 декабря. Открытие Императорского института экспериментальной медицины в Санкт-Петербурге.
- 1890–1907. Выпуск 86 томов Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона.
- 1891, 16 апреля. Принятие на вооружение русской армии винтовки С. Мосина.
29 апреля. Покушение в городе Оцу на цесаревича Николая Александровича.
19 мая. Закладка Великой Сибирской железнодорожной магистрали.
15 июня. Договор России с Францией.
- 1892, 11 июня. Новое Городовое положение.
5 августа. Русско-французская военная конвенция.
- 1893, 14 декабря. Запрет залога и продажи общинных земель.
- 1894, 29 января. Заключение торгового договора с Германией.
8 апреля. Помолвка цесаревича Николая Александровича с принцессой Алисой Гессенской.
20 октября. Смерть императора Александра III в Ливадии.
7 ноября. Погребение Александра III в Петербурге в Петропавловском соборе.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва)

ГМ — журнал «Голос минувшего»

Д. — дело

ДП — Департамент полиции

Е. В. — его (ее) величество

Оп. — опись

ПСЗ — Полный свод законов Российской империи

РГИА — Российский государственный исторический архив (С.-Петербург)

РГБ — Российская государственная библиотека (Москва)

Ф. — фонд

Семья Александра III

Слева направо:

Михаил, императрица Мария Федоровна, Николай,
Ксения, Георгий, Ольга

Начало 1880-х гг. Фотограф С.Л.Левицкий

Рисунок великого князя
Михаила Александровича
Нач. 1888 г.

Рисунки великого князя
Георгия Александровича
Нач. 1890-х гг.

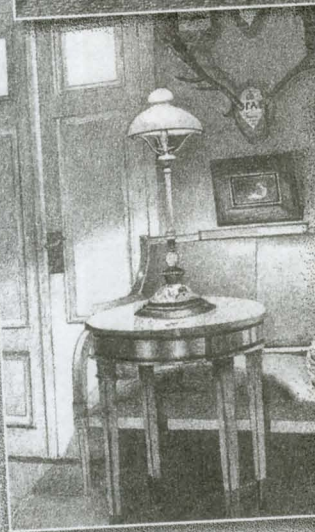
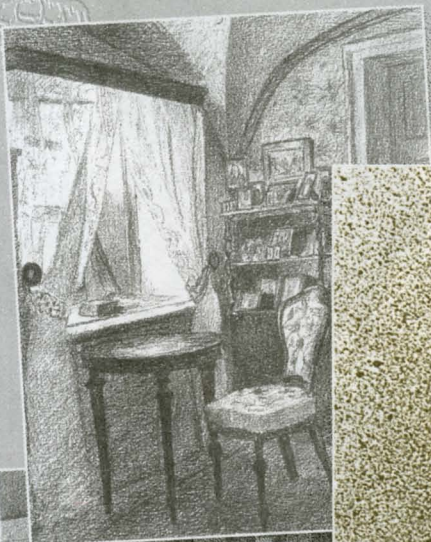

Рисунок
цесаревича
Николая
1888 г.

Для Папа. отъ Нисс
26-го февраля. 1881 г.

Императрица Мария Федоровна
с младшей дочерью Ольгой
Начало 1890-х гг.

Рисунок великой княжны
Ольги Александровны
1899 г.

*Ольга 1899 г.
Татьяна
11 июля.*

Король Дании Христиан IX
Начало 1870-х гг. Фотограф С. Jagerspacher
Гмунден, Дания

1876
CABINET PORTRAIT
GEORG F. HANSEN KGL. Hof-Photog.

Королева Дании Луиза
1876 г. Фотограф Georg F. Hansen

Брат Марии Федоровны
датский принц Фредерик (Фреди),
будущий король Дании
1866 г. Фотограф К. Бергамаско

Frederik Niels Bogade Danmarks
CH BERGAMASCO ST PETERSBURG

№ III
Petersburg
1. 23 Febr.
4 Febr.
Аничковъ
Дворецъ
1883
Min egen smukke
elskede Hustru!
Fidelsomtlig
at jeg for første
 Gang i Søndag, men jeg
har alligevel
Fidelsomtlig
lovet mig selv
at være hos dig
når du kommer
og jeg er glad i dig

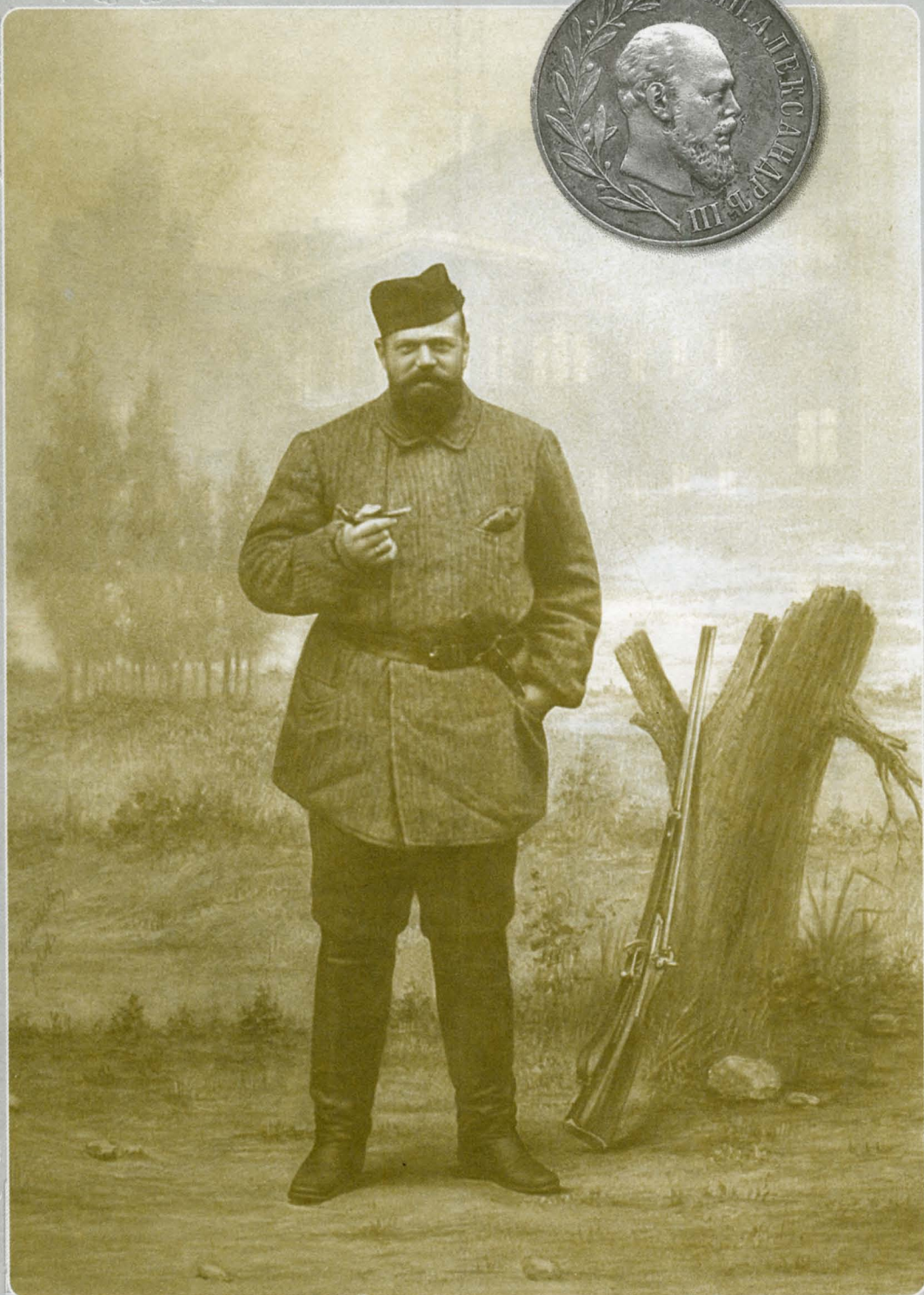
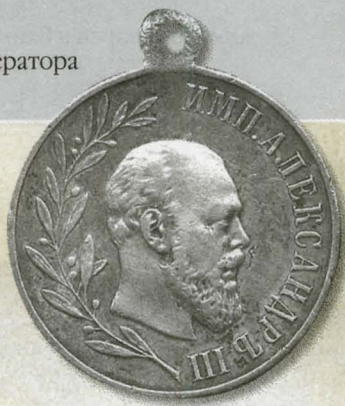
Письмо императрицы Марии Федоровны
матери королеве Дании Луизе
23/4 февраля 1883 г. Санкт-Петербург

Аничков дворец в Санкт-Петербурге
1900-е гг.

Император Александр III с семьей в гостях у короля Дании Христиана IX
На крыльце королевского дворца в Фреденсборге
1891 г. Фотограф Е. Hoblenberg, Дания

Медаль в память императора
Александра III

Император Александр III
1880-е гг.

Рисунок из дневника великой княжны
Ольги Александровны
1897 г.

Семья Александра III в парке Гатчинского дворца
Конец 1880-х гг.

На охоте в Спале
1892 г.

Облава в Сиверцкой и Сиверской рощах.

„20 „ Октября 1886 г.

№	Участники.	Глухарь.	Тетерев.	Бел. куроп.	Сыр. куроп.	Вальдшнеп.	Горностай.	Фазан.	Дятел.	Горноз.	Белогл.	Жар-птица.	Вальд.	Горноз.	Дятел.
1	Евг. Филиппов...					2				3	6				
2	Владим. Михайлов...										15				
3	Влад. М. М. М. М. М. М.	1				1					15				
4	Влад. М. М. М. М. М. М.										25				
5	Ген. Л. Л. Л. Л. Л. Л.				1						8				
6	Влад. М. М. М. М. М. М.										1	11			
7	Ген. Л. Л. Л. Л. Л. Л.					1					1	7			
8	Ген. Л. Л. Л. Л. Л. Л.										1	11			
9	Ген. Л. Л. Л. Л. Л. Л.											11			
10	Влад. М. М. М. М. М. М.					1					1	3			
11	Влад. М. М. М. М. М. М.					1					1	11			
12	Влад. М. М. М. М. М. М.	2									12				
13	Влад. М. М. М. М. М. М.										12				
14	Влад. М. М. М. М. М. М.					1									
15															
Итого . . .		3	2	6						8	11				

ВСЕГО { Убито 167
Выстрѣловъ 339

Начальникъ ИМПЕРАТОРСКОЙ ОХОТЫ *Князь Горчаковъ*

S. M. la Tsarine. S. A. I. la Grand Duchesse
S. A. N. la Princesse Serge de Russie.
Louis de Battenberg. S. A. N. la Princesse
Henri de Prusse.

Hofphot. Professor E. Uhlenhuth, Coburg.

Librairie Nilsson à Paris.

Сестры, урожденные принцессы Гессенские
 Слева направо: Алиса, императрица Александра Федоровна;
 Виктория, жена герцога Баттенбергского;
 Элла, великая княгиня Елизавета Федоровна,
 жена великого князя Сергея Александровича;
 Ирена, жена принца Прусского
 Фотограф Е. Ухленхут. Кобург

E. Uhlenhuth

COBURG.
SCHWEINFURT.

Цесаревич Николай Александрович
с невестой Алисой Гессенской
Апрель 1898 г. Фотограф Е. Uhlenhuth. Кобург

Пикник Семья Александра III с придворными
Начало 1890-х гг.

Император Александр III с младшим сыном Михаилом
в гостях у великого князя Сергея Александровича
и великой княгини Елизаветы Федоровны
Ильинское. Конец 1880-х гг.

Семья Александра III с придворными на крыльце дворца в Ливадии
Октябрь 1891 г. Фотограф Г.Ностиц

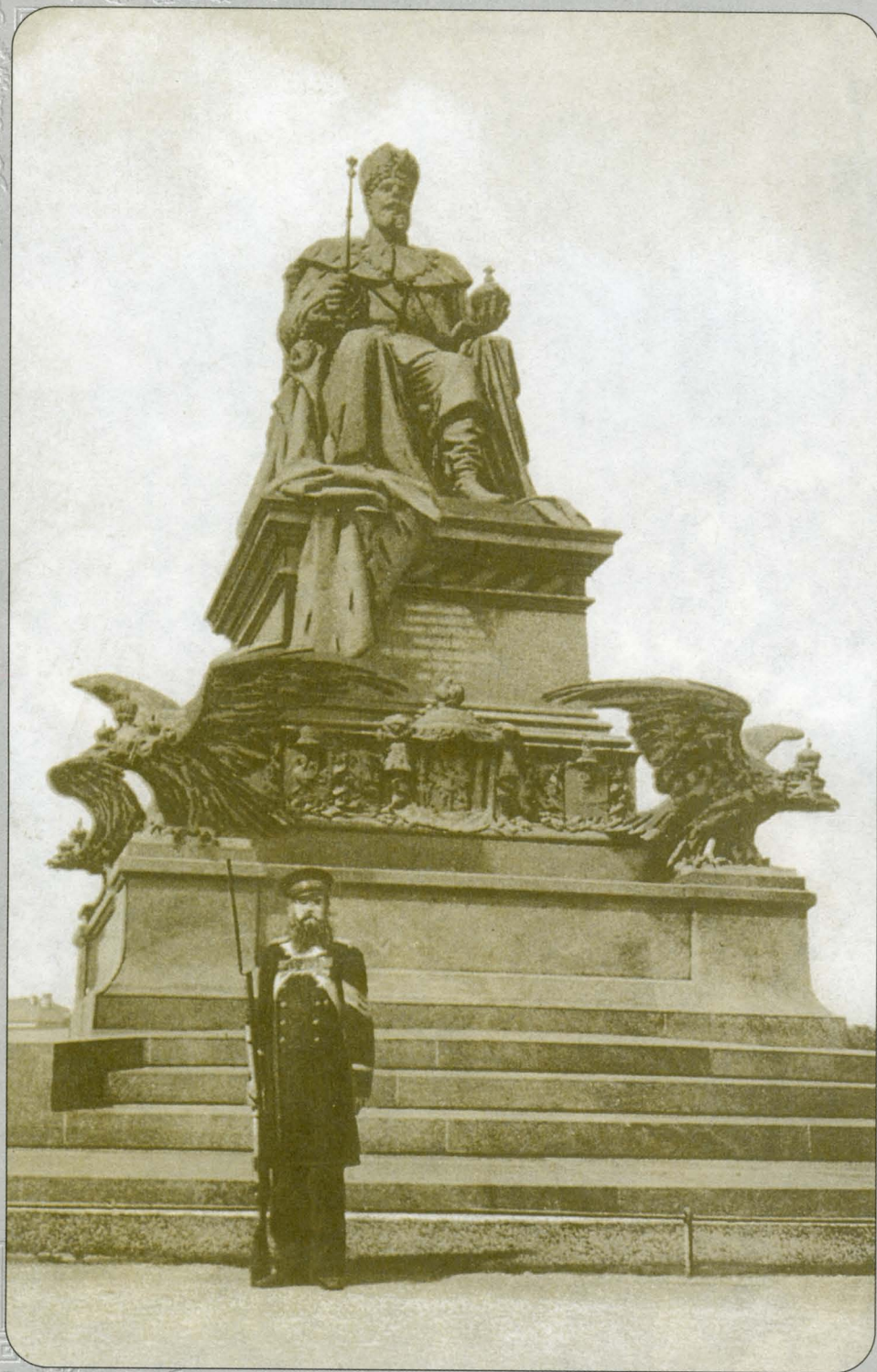

Семья Александра III с родственниками императрицы,
датской королевской семьей, прибывшими на празднование
25-летия свадьбы в Крым
Октябрь 1891 г. Фотограф Г.Ностиц

Смерть Александра III. Ялта, 27 октября 1894 г.
Траурная процессия на улицах города и поминальный обед
Ялта. Фотограф Ф. Орлов

Памятник императору Александру III
возле храма Христа Спасителя
Москва. 1910-е гг.

БИБЛИОГРАФИЯ

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Государственный архив Российской Федерации
Ф. 102 — Департамент полиции МВД Российской империи
Ф. 564 — Кони А. Ф.
Ф. 569 — Лорис-Меликов М. Т.
Ф. 583 — Половцов А. А.
Ф. 601 — Николай II
Ф. 641 — Мария Александровна, жена Александра II
Ф. 642 — Мария Федоровна, жена Александра III
Ф. 645 — великий князь Георгий Александрович
Ф. 648 — великий князь Сергей Александрович
Ф. 652 — великий князь Владимир Александрович
Ф. 660 — великий князь Константин Константинович
Ф. 677 — Александр III
Ф. 678 — Александр II
Ф. 681 — великий князь Алексей Александрович
Ф. 704 — Зиновьев Н. В.
Ф. 728 — Рукописное отделение библиотеки Зимнего дворца
Ф. 730 — Игнатьев Н. П.
Ф. 1718 — Катков М. Н.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Александр Второй. Воспоминания. Дневники. СПб., 1995.
Александр Михайлович, великий князь. Книга воспоминаний. М., 1991.
Альбом священного коронования Его Императорского величества Государя Императора Александра III Александровича и Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны 15 мая 1883 года. М., 1883.
Бенуа А. Н. Мои воспоминания. Т. 1–2. М., 1990.
Берс А. А. Воспоминания об императоре Александре III. СПб., 1900.
Блудова А. Д. Воспоминания графини Антонины Дмитриевны Блудовой. М., 1888.
Богданович А. Ф. Три последних самодержца. Дневник. М., 1990.
Богданович Е. В. К серебряной свадьбе царя и царицы. СПб., 1891.
Боголепов А. П. Воспоминания о Боже почившем Императоре Александре III профессора живописи А. П. Боголюбова. СПб., 1895.
Боголепов А. П. Письма императора Александра III к А. П. Боголюбову. СПб., 1900.
Боткин С. П. Письма из Болгарии. СПб., 1893
Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1–3. М., 1960.
Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел. М., 1961.
Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел. М., 1961. Т. 1–2.
Волконский С. М. Мои воспоминания. М., 1992.

- Глинка С. Н.* Отрада душевная по случаю рождения Его Императорского высочества великого князя Александра Александровича 26 февраля 1845. СПб., 1845.
- «Голос минувшего», журнал. 1917. № 5–6.
- «Голос минувшего», журнал. 1918. № 1–3.
- Грот К. Я.* Император Александр III в отношениях своих к наставнику своей юности (Я. К. Гроту). СПб., 1906.
- «Гражданин», газета. №1 за 1884 г.
- Грубе В. Ф.* Воспоминания об Александре III. СПб., 1898.
- Дворжицкий А. И.* Воспоминания. Исторический вестник № 1. 1913.
- Джунковский В. Ф.* Воспоминания. Т. 1–2. М., 1997.
- Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. 1883–1892. Т. 1–2. М., 1966.
- Дневник императора Николая II. 1890–1906 гг. М., 1991.
- Дневники императора Николая II. М., 1992.
- Дневник князя Мещерского. СПб., 1881.
- Дневник наследника цесаревича великого князя Александра Александровича. 1880 г. Российский архив. Т. VI. 1995.
- Дневник Д. А. Милютина. М. 1950.
- Дневник Е. А. Перетца, государственного секретаря. 1880–1883. М.–Л. 1927.
- Епанчин Н. А.* На службе трех императоров. Воспоминания. М., 1996.
- Журнал военных действий Рущукского, впоследствии Восточного отряда в войну 1877–78 г. СПб., 1883.
- Император Александр III и императрица Мария Федоровна. Переписка. М., 2001.
- «Исторический вестник», журнал. Сентябрь 1900 г. Апрель 1907 г.
- Ключевский В. О.* Памяти в Бозе почившего государя императора Александра III. М., 1894.
- Кони А. Ф.* Собрание сочинений. Т. 1–8. М., 1966–1969.
- Кропоткин П. А.* Записки революционера. М., 1988.
- Киесинская М.* Воспоминания. М., 1992.
- Ламсдорф В. Н.* Дневник. 1886–1890. М., 1926.
- Ламсдорф В. Н.* Дневник. 1891–1892. М., 1934.
- Ламсдорф В. Н.* Дневник. 1894–1896. М., 1991.
- Лев Толстой и русские цари. Письма царям. Публицистика. М., 1995.
- Ленин В. И.* Полн. собр. соч. изд. 5.
- Мемуары графа Д. С. Шереметева. М., 2001.
- Мещерский В. П.* Император Александр III. СПб., 1895.
- Мещерский В. П.* Мои воспоминания. Т. 1–3. СПб., 1897–1912.
- Милютин Д. А.* Дневник. Т. 1–4. М., 1947–1950.
- «Московские ведомости», газета. 30 апреля 1881 г. 8 ноября 1882 г. 6 октября 1884 г.
- Мосалов А. А.* При дворе последнего Российского императора. М., 1993.
- «Нива», журнал. 1894 г.
- Николай I. Муж. Отец. Император. Сборник документов, воспоминаний. М., Слово. 2000.
- Новицкий В. Д.* Из воспоминаний жандарма. М., 1991.
- Памятная книжка на 1865, 1881, 1884 гг. СПб.
- Первое марта 1887 г. Центрархив. М.–Л. 1927.
- Переписка Николая и Александры Романовых. М.–Л. 1926. Т. 4.
- Письма императора Александра III к А. П. Боголюбову. СПб., 1900.
- Письма К. П. Победоносцева к Александру III. Т. 1–2. М.; Пг. 1923.
- Плевако Ф. И.* Избранные речи. Тула. 2000.
- Победоносцев К. П.* Великая ложь нашего времени. М., 1993.

- Победоносцев К. П.* Письма и записки. М.; Пг. 1923. Т. 1–2.
- Победоносцев и его корреспонденты. Т. 1–2. М.; Пг. 1923–1924.
- Полный свод законов российской империи. Т. 1–16. СПб., 1911.
- Правительственный вестник. 1880 г.
- «Русская старина», журнал. Октябрь 1883 г.
- Санкт-Петербургские ведомости. 1845 (№ 60).
- Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–78 гг. на Балканском полуострове. Выпуск 1–27. СПб., 1898–1900.
- Собственноручные высочайшие резолюции и словесные высочайшие повеления в Бозе почивающего императора Александра III по всеподданнейшим докладам. СПб., 1901.
- Тайный правитель России. К. П. Победоносцев и его корреспонденты. М., 2001.
- Толстая А. А.* Записки фрейлины. М., 1996.
- Толстая С. А.* Дневники. Т. 1–2. М., 1978.
- Тютчева А. Ф.* При дворе двух императоров. М., 1990.
- Церемонии Священного коронования Их Императорских величеств Государя императора Александра Александровича Самодержца Всероссийского и Государыни императрицы Марии Федоровны. СПб., 1883.
- Чичерин Б. Н.* Воспоминания. Т. 1–4. М., 1929–1934.

ЛИТЕРАТУРА

- Александр III в Гатчине. СПб., 2001.
- Антонян Ю. М.* Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М., 1998.
- Аргальский герцог.* Ответственность Англии в восточном вопросе. СПб., 1908.
- Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XIX веке. М., 1973.
- Бирюков П. И. Л. Н. Толстой.* Биография. Берлин. 1921. Т. 1–3.
- Большая энциклопедия под редакцией С. М. Южакова. СПб., 1900–1909.
- Боткина А. П.* Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве. М., 1993.
- Боханов А. Н.* Император Александр III. М., 1998.
- Будницкий О. В.* История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов-на-Дону. 1976.
- Бурцев Л. В.* В погоне за провокаторами. М., 1989.
- Василевский И. М.* (Не-Буква) Романовы. Ленинград. 1927.
- Военная одежда русской армии. М., 1994.
- Военная энциклопедия. Т-во И. Д. Сытина. Т. 1–18. СПб., 1911–1915.
- Валгин И. Л.* Колеблясь над бездной. Достоевский и императорский дом. М., 1998.
- Волков С. В.* Русский офицерский корпус. М., 1993.
- Воррес Йен.* Последняя великая княгиня. М. 1998.
- Гейфман А.* Революционный террор в России 1894–1917. М., 1997.
- Гернет М. Н.* История царской тюрьмы. Т. 1–5. М., 1951–1956.
- Гребельский П. Мирвис А.* Дом Романовых. СПб., 1992.
- Дикий А. И.* Евреи в России и в СССР. Новосибирск. 1994.
- Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений. Т. 1–12. М., 1982.
- Духовная трагедия Льва Толстого. М., 1995.
- Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880 гг. М., 1964.

- Зайончковский П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970.
- Золотарев В. А.* В грядущее глядим мы сквозь былое. Война 1877–1878 гг. — апофеоз восточного кризиса. М., 1997.
- Император Александр III. СПб., 1894.
- Император Александр III. Коллекционер и меценат. М., 2000.
- История дипломатии. Т. 1–3. М., 1945.
- Кизеветтер А. А.* На рубеже двух столетий. Воспоминания. 1881–1914. М. 1997.
- Ковалев В. А.* Заложники заблуждения. М., 1995.
- Ковалевский П. И.* Александр III, царь-националист. СПб., 1912.
- Колосов Е. Е.* Государева тюрьма -Шлиссельбург. П., 1924.
- Корелин А. П.* Дворянство в пореформенной России 1861–1904 гг. М., 1979.
- Костенко В. П.* На «Орле» в Цусиме. Л., 1955.
- Кудрина Ю. В.* Императрица Мария Федоровна. М., ОЛМА-ПРЕСС, 2000.
- Либрович С. Ф.* На книжном посту. Воспоминания. Записки. Документы. Пг–М., 1916.
- Макаров С. О.* Документы. М., 1953.
- Мейлунас А., Мироненко С.* Николай и Александра. Любовь и жизнь. М., 1998.
- Миллер Л.* Святая мученица Российская Великая Княгиня Елизавета Федоровна. Франкфурт на Майне.
- Михайлов О. Н.* Забытый император. М. 1996.
- Малин Ю. А.* Читая смерти письма. СПб., 1999.
- Монархи Европы. М., 1996.
- Назаревский В. В.* Император Александр III. М., 1907.
- Назаревский В. В.* Царствование императора Александра III. М., 1910.
- Некоторые материалы для истории жизни и царствования великого царя-миротворца Александра III. М., 1903.
- Николаев В.* Александр Второй — человек на престоле. Мюнхен. 1988.
- Новицкий В. Д.* Из воспоминаний жандарма. М., 1991.
- Ольденбург С. С.* Царствование императора Николая II. М., 1992.
- Палеолог М.* Роман императора. М., 1990.
- Перегудова З. И.* Политический сыск России. 1880–1917. М., 2000.
- Политические процессы шестидесятых годов. Т. 1. М., 1928.
- Поляков А. С.* Второе 1-е марта. Покушение на Александра III в 1887 г. М., 1919.
- Поткин И. П.* Индустриальное развитие дореволюционной России. М., 1994.
- Прахов А. В.* Император Александр III как деятель русского художественного просвещения. СПб., 1903.
- Преображенский И. В.* Последние дни и часы жизни государя императора Александра III. СПб., 1905.
- Придворный календарь на 1882 г. СПб., 1881.
- Придворный календарь на 1894 г. СПб., 1893.
- Путешествие Государя наследника-цесаревича с государыней цесаревной в 1869 г. М., 1869.
- Романов Б. А.* Россия в Маньчжурии. Л., 1928.
- Российские самодержцы. 1801–1917. М., 1993.
- Русский биографический словарь. Т. 1 —25. СПб., 1896–1914.
- Русский биографический словарь. М., 1999.
- Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. Под редакцией В. Я. Гросула. М., 2000.
- Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Император Александр III как покровитель отчизноведения. СПб., 1892.
- Степанов В. Л.* Н. Х. Бунге. Судьба реформатора. М., 1998.
- Тальберг Н. Д.* Русская быль. Очерки истории императорской России. М., 2000.
- Татищев С. С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. Т. 1–2. М., 1996.

- Тихомиров Л.* Заговорщики и полиция. М.–Л. 1928.
- Тихомиров Л.* Монархическая государственность. СПб., 1992.
- Толмачев Е. П.* Александр II и его время. Т. 1–2. М., 1998.
- Троцкий Н. А.* Царизм под судом прогрессивной общественности. 1866–1895 гг. М., 1979.
- Чирьев С.* По поводу письма профессора Захарьина к издателю «Московских ведомостей». Киев, 1894.
- Шевелев А. А.* Молодые годы великого государя Александра Александровича. М., 1895.
- Шевелев А. А.* Некоторые материалы к истории жизни и царствования великого царя-миротворца Александра III Александровича. Т. 1–3. М., 1897–1903.
- Шевелев А. А.* Царь-мироворец на войне 1877–78 гг., его отношение к войне и военному делу в России. М., 1905.
- Шевелев А. А.* Цесаревич на войне 1877–78 гг., его отношение к войне и военному делу в России. М., 1905.
- Энциклопедический словарь издательства Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 1–82. СПб., 1890–1907.
- Энциклопедический словарь братьев Гранат. Т. 1–33. М., 1910–1918.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абаза Александр Агеевич (1821–1895), действительный статский советник, член Государственного Совета, гофмейстер при дворе великой княгини Елены Павловны; 1874–1880 гг. и 1883–1892 гг. председатель Департамента государственной экономии Государственного совета; 1880–1881 гг. — министр финансов.

Абдул-Хамид II (1842–1918), турецкий султан с 1876 по 1909 г.

Авелан Федор Карлович, (1839 — после 1905), генерал-адъютант, адмирал, начальник Главного морского штаба с 1896 г., с 1905 г. в отставке. По личному выбору Александра III командовал русской эскадрой на Тулонских торжествах по случаю заключения франко-русского союза.

Адлерберг Александр Владимирович (1818–1888), граф, генерал-адъютант, командующий императорской Главной квартирой, член Главного управления цензуры; 1872–1881 гг. министр императорского двора и уделов, канцлер российских императорских и царских орденов, член Государственного Совета.

Адольф Нассауский (1817–1905), герцог, с 1844 г. муж великой княжны Елизаветы Михайловны (1798–1849).

Айвазовский Иван Константинович (1817–1900), художник-маринист.

Аксаков Иван Сергеевич (1823–1886), публицист, славянофил, редактор газет «День», «Русь», «Москва» и журнала «Русская беседа», член Московского славянского комитета.

Аликс (Alix) — см. Александра Федоровна, супруга Николая II.

Алданов Марк Александрович (1886–1957), русский писатель-эмигрант.

Александр I Павлович (1777–1825), император с 1801 г.

Александр II Николаевич (1818–1881), император с 1855 г.

Александр III Александрович (1845–1894), император с 1881 г.

Александр Александрович (1869–1870), великий князь, второй сын цесаревича Александра Александровича и Марии Федоровны, умер в младенчестве.

Александр Баттенбергский (1857–1893), принц, сын принца Александра Гессенского от мorganатического брака с графиней Юлией Гауке, с 1879 г. князь Болгарский. После отречения в 1886 г. принял титул графа Гартенау.

Александр Гессенский (1823–1888), принц Гессенский, брат императрицы Марии Александровны.

Александр Михайлович (1866–1933), великий князь, четвертый сын великого князя Михаила Николаевича, генерал-адъютант, адмирал, с 1894 г. женат на дочери Александра III великой княжне Ксении Александровне.

- Александра Александровна (1842–1849), великая княжна, первая дочь Александра II, умерла в детстве.
- Александра Английская (1844–1925), урожденная принцесса Датская, с 1863 г. жена наследника английского престола принца Альберта-Эдуарда Уэльского (с 1901 г. — английский король Эдуард VII), старшая сестра императрицы Марии Федоровны.
- Александра Иосифовна (1830–1911), урожденная принцесса Саксен-Альтенбургская, великая княгиня, с 1848 г. жена великого князя Константина Николаевича.
- Александра Федоровна (1798–1860), урожденная принцесса Прусская Шарлотта, жена императора Николая I.
- Александра Федоровна (1872–1918), урожденная принцесса Гессенская Алиса-Виктория-Елена-Луиза, с 1894 г. жена императора Николая II.
- Алексей Александрович (1850–1908), великий князь, четвертый сын Александра II, генерал-адъютант, генерал-адмирал, главный начальник флота и морского ведомства 1880–1905 гг., член Государственного Совета.
- Алтухов Николай Владимирович, коллежский советник, прозектор Московского университета, участвовал в патолого-анатомическом исследовании тела Александра III.
- Альберт Виктор Эдуард (1864–1892), герцог Кларенс, старший сын принца Уэльского, сватавшийся к Алисе, принцессе Гессенской, но получивший отказ.
- Альберт-Эдуард (1841–1910), герцог Уэльский, наследник престола Великобритании, с 1901 г. король Эдуард VII.
- Альфред-Эрнест-Альберт Саксен-Кобургский (1844–1900), герцог Эдинбургский, второй сын королевы Виктории, с 1874 г. муж великой княжны Марии Александровны, дочери Александра II.
- Андреюшкин Пахомий Иванович (1865–1887), студент С.-Петербургского университета, народолюбец, участник покушения на Александра III 1 марта 1887 г., казнен.
- Антоний (Рафальский) (умер 1848 г.), митрополит Новгородский и Петербургский.
- Антонян Ю. М., современный исследователь психологии и криминологии.
- Апухтин Александр Львович, военный топограф, попечитель Варшавского учебного округа 1879–1897 гг.
- Арнольди Александр Иванович (1817–1890), генерал от кавалерии, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., военный губернатор Софии в 1877 г., с 1884 г. в отставке.
- Бабст Иван Кондратьевич (1824–1881), профессор политической экономии Московского университета с 1857 г. Преподаватель цесаревича Александра Александровича.
- Бадмаев Александр (Сультим) Александрович (ум. 1873 г.), сын богатого бурятского скотовода, с 1857 г. жил в Петербурге, занимался тибетской медициной, владел аптекой. Его младший брат Петр (Жамсаран) (1849–1919) закончил факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета и прослушал курс в Военно-Медицинской академии, с 1875 г. на службе в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел. Занимался врачебной практикой. Оба брата — крестники Александра III.
- Бажанов Василий Борисович (1800–1883), протопресвитер, член Св. Синода, с 1849 г. духовник императорской семьи, писатель, богослов.
- Баранов Эдуард Трофимович (1811–1884), граф, генерал-лейтенант, генерал-адъютант, председатель совета Главного общества российских железных дорог, в 1866 г. прибалтийский, а

в 1866–1868 гг. виленский генерал-губернатор и командующий войсками Виленского военного округа, с 1868 г. член Государственного Совета, в 1871–1874 гг. управлял Министерством двора и уделов, председатель Комиссии по разработке «Общего устава железных дорог».

Бартенев А., поручик, послуживший прообразом героя рассказа И. А. Бунина «Дело корнета Елагина».

Бартенев Владимир Иванович (1834 — после 1909), сенатор.

Беккер Карл Людвиг Фридрих (1820–1900), немецкий исторический живописец.

Белостоцкий А. В. — сенатор.

Белоусов Алексей Константинович, прозектор Харьковского университета, надворный советник, участвовал в патологоанатомическом исследовании тела Александра III.

Бенуа Александр Николаевич (1870–1960), русский художник, историк искусства, критик, один из основателей объединения «Мир искусства», с 1926 г. в эмиграции.

Бердяев Н. С. полковник, начальник Московского охранного отделения.

Бердяев Николай Александрович (1874–1948), русский религиозный философ, с 1922 г. в эмиграции.

Березовский Антон Иосифович (1847– ок. 1916) — террорист, участник польского восстания 1863 г., 6 июня 1867 г. стрелял в Александра II в Париже.

Бернс А. А., полковник лейб-гвардии Преображенского полка, член духового оркестра императора Александра III, автор воспоминаний.

Бисмарк фон Отто Эдуард Леонид (1815–1898), с 1867 г. граф, с 1871 г. князь, в 1859–1862 гг. прусский посол в России, в 1871–1890 гг. германский канцлер.

Биппен Н. Н. — сенатор.

Блейхрердер Герзон (1822–1893) — немецкий банкир, доверенное лицо Бисмарка.

Блудова Антонина Дмитриевна (1812–1891), графиня, камер-фрейлина императрицы Марии Александровны.

Богданович Александра Викторовна, урожденная Бутовская, жена генерала от инфантерии Е. В. Богдановича, автор опубликованных дневников «Три последних самодержца».

Богдановский Евстафий Иванович (1833–1888), доктор медицины с 1861 г., профессор по кафедре хирургии Медико-хирургической академии с 1869 г.

Боголюбов Алексей Петрович (1824–1896), художник, с 1858 г. академик, участник Товарищества передвижников, давал уроки рисования и живописи цесаревне Марии Федоровне, основатель т.н. «Радищевского музея» в Саратове (А. П. Боголюбов — внук А. Н. Радищева).

Боровиковский Владимир Лукич (1758–1826), русский художник.

Бортнянский Дмитрий Степанович (1751–1825), композитор духовной музыки, с 1796 г. директор придворной капеллы.

Боткин Сергей Петрович (1832–1889), профессор Военно-медицинской академии, основоположник русской клинической школы, лейб-медик Александра II и Александра III.

Боткина Александра Павловна (1867–1959), урожденная Третьякова, дочь коллекционера П. М. Третьякова.

Брокгауз Эдуард (1829–1914), немецкий издатель русского энциклопедического словаря.

Бруни Федор Антонович (1799–1875), русский художник, итальянец по происхождению. Ректор Петербургской Академии художеств в 1855–1871 гг. Участвовал в росписи Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге и храма Христа Спасителя в Москве.

Булгаков Михаил Афанасьевич (1891–1940), русский писатель.

- Бунге Николай Христианович (1823–1895), ученый-экономист, товарищ министра финансов в 1879–1881 гг., министр финансов в 1881–1886 гг., председатель Комитета министров в 1887–1895 гг.
- Бунин Иван Алексеевич (1870–1953), русский писатель, Нобелевский лауреат 1933 г., в эмиграции с 1920 г.
- Бурцев Владимир Львович (1862–1942), публицист и издатель журналов «Свободная Россия», «Народоволец», «Былое» и др., с 1921 г. в эмиграции.
- Буслаев Федор Иванович (1818–1897), филолог, профессор Московского университета. Преподавал словесность цесаревичу Александру Александровичу.
- Валуев Петр Александрович (1814–1890), граф с 1880 г., курляндский губернатор в 1853–1858 гг., член редакционных комиссий по выработке «Положения 19 февраля 1861», министр внутренних дел в 1861–1868 гг., министр государственных имуществ в 1872 г., председатель Комитета министров 1877–1881 гг.
- Ванновский Петр Семенович (1822–1904), генерал от инфантерии с 1883 г., генерал-адъютант, во время русско-турецкой войны — начальник штаба Рушукского отряда, военный министр 1881–1898 гг., министр народного просвещения в 1901–1902 гг.
- Васнецов Виктор Михайлович (1848–1926), русский художник.
- Вельбицкий, начальник харьковского жандармского управления в 1887 г.
- Вельяминов Николай Александрович (1855–1920), профессор Военно-медицинской академии, в 1910–1912 гг. начальник академии, с 1890 г. лейб-хирург. Издатель журнала «Хирургический вестник» с 1885 г.
- Верещагин Василий Васильевич (1842–1904), русский художник-баталист. Участник русско-турецкой и русско-японской войн. Награжден орденом Св. Георгия IV ст. Погиб в Порт-Артуре во время взрыва броненосца «Петропавловск».
- Виктория I Александрина (1819–1901), королева Великобритании с 1837 г. и императрица Индии с 1876 г.
- Виктория-Мелита (Виктория Федоровна) (1876–1936), великая герцогиня Саксен-Кобург-Готская, жена герцога Эрнста Гессен-Дармштадтского, во втором браке за великим князем Кириллом Владимировичем.
- Виктория, принцесса Уэльская (1868–1935), племянница Марии Федоровны, дочь принца Альберта-Эдуарда Уэльского и Александры.
- Вильгельм II (1858–1941), германский император в 1888–1918 гг.
- Вильгельмина-Луиза (1755–1776), принцесса Дармштадтская, первая жена великого князя наследника Павла Петровича (с 1773 г.). В православии — великая княгиня Наталья Алексеевна.
- Вильгельмина-Луиза (1788–1836), жена герцога Людвига II Гессен-Дармштадтского с 1804 г., мать императрицы Марии Александровны.
- Вильгельмина-Луиза, первая жена Павла I.
- Витберг Александр Лаврентьевич (1787–1855), архитектор, автор первого проекта храма Христа Спасителя в Москве.
- Витте Сергей Юльевич (1849–1915), граф с 1905 г., директор Департамента железнодорожных дел Министерства финансов в 1889–1892 гг., министр путей сообщения в 1902 г., министр финансов в 1892–1903 гг., председатель Комитета министров в 1903–1905 гг., председатель Совета министров в 1905–1906 гг., член Государственного Совета.

Владимир Александрович (1847–1909), великий князь, третий сын Александра II, генерал от инфантерии, главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа 1884–1905 гг., член Государственного Совета, президент Академии художеств (с 1876 г.).

Вово — см. Мещерский Владимир Петрович.

Вогюэ (Vogue) Эжен-Мельхиор (1848–1910), виконт, французский дипломат.

Волохов Степан Александрович (1866–1887), участник покушения на Александра III 1 марта 1887 г.

Воронцов-Дашков Илларион Иванович (1837–1916), граф, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, министр императорского двора и уделов в 1881–1897 гг., наместник на Кавказе и главнокомандующий войсками Кавказского военного округа в 1905–1915 гг.

Вышнеградский Иван Алексеевич (1831–1895), профессор, инженер, ученый в области механики, управляющий Министерством финансов в 1887 г., министр финансов в 1888–1892 гг.

Ган Александр Федорович (1809–1895), генерал от инфантерии с 1878 г., член военного совета. Участник польской кампании 1831 г., Крымской войны 1853–1855 гг., в составе Рущукского отряда командовал 12-м армейским корпусом.

Ге Николай Николаевич (1831–1894), русский живописец, один из создателей Товарищества передвижников.

Гейкинг Густав Эдуардович, барон, штабс-капитан, адъютант киевского губернского жандармского управления. Смертельно ранен 25 мая 1878 г. террористом Г. А. Попок-Голопупенко. Скончался 29 мая.

Гельфман Геля Мироновна (1852–1882), народоволец, участница заговора на Александра II 1 марта 1881 г. Незадолго до смерти была помилована. Умерла в тюрьме.

Генералов Василий Денисьевич (1867–1887), студент Петербургского университета, участник покушения на Александра III 1 марта 1887 г.

Георг V (1865–1936), король Англии с 1910 г.

Георгий Александрович (1871–1899), великий князь, третий сын Александра III, наследник престола, цесаревич в 1894–1899 гг. Умер от туберкулеза в местечке Абастус (Абас-Туман) на Кавказе.

Герард Владимир Николаевич (1839–1903), известный русский адвокат, член совета присяжных поверенных с 1869 г., защитник Н. И. Кибальчича на судебном процессе по делу о покушении на Александра II 1 марта 1881 г.

Герке Август Антонович, присяжный поверенный, защитник на процессах по делу о покушении на Александра II 1 марта 1881 г. и на Александра III 1 марта 1887 г.

Гинцбург Гораций Осипович (1833–1909), барон, банкир, меценат, член Общества взаимного вспоможения русских художников в Париже.

Гирс Николай Карлович (1820–1895), статс-секретарь, товарищ министра иностранных дел 1875–1882 гг., министр иностранных дел в 1882–1895 гг.

Гирш Густав Иванович (1828–1907), лейб-хирург Александра III и Николая II.

Глинка Михаил Иванович (1804–1857), русский композитор.

Гоголь Николай Васильевич (1809–1852), русский писатель.

Борис Федорович Годунов (1552–1605), русский царь с 1598 г.

Гога — см. Юрьевский Георгий Александрович, сын Александра II.

- Голенищев-Кутузов Павел Павлович (1843–1914), граф, гофмаршал.
- Голенищева-Кутузова Аглаида Васильевна (1853–?), графиня, камер-фрейлина императрицы Марии Федоровны, получила серьезные травмы во время катастрофы царского поезда в Борках 17 октября 1888 г.
- Головнин Александр Васильевич (1821–1886), министр народного просвещения в 1861–1866 гг., член Государственного Совета.
- Голубов Николай Федорович (1856–1916?), профессор с 1893 г. и директор факультетской терапевтической клиники Московского университета.
- Горкун Петр Степанович (родился в 1866 г.), студент Петербургского университета, участник покушения на Александра III 1 марта 1887 г.
- Горохов, фельдшер, очевидец убийства Александра II 1 марта 1881 г.
- Горчаков Александр Михайлович (1798–1883), светлейший князь, советник посольства в Вене 1833–1838 гг., посланник в Штутгарте в 1841–1850 гг., министр иностранных дел в 1856–1882 гг., государственный канцлер с 1867 г.
- Гранси де Август-Людвиг, барон, шталмейстер Людвига II Гессен-Дармштадтского.
- Гранси де (m-lle de Grancey) — воспитательница императрицы Марии Александровны.
- Граф Парижский — см. Людовик-Филипп Альберт.
- Грессер Петр Аполлонович (1832–1892), генерал-адъютант, петербургский градоначальник в 1882–1892 гг.
- Гриневицкий Игнатий Иоахимович (1856–1881), народоволец, убийца Александра II, казнен.
- Грот Яков Карлович (1812–1893), академик, историк литературы, вице-президент Академии наук, преподаватель русского языка цесаревича Александра Александровича.
- Грудзинская Ионна Жанетта Антоновна (1795–1831), графиня, морганатическая супруга великого князя Константина Павловича, после брака получила титул княгини Лович.
- Гун Карл Федорович (1830–1877), художник, профессор Академии художеств, член совета Академии с 1872 г.
- Гурко Иосиф Владимирович (1828–1901), генерал-адъютант, фельдмаршал, участник русско-турецкой войны, помощник главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа, одесский (1882–1883), варшавский (1883–1894) генерал-губернатор, член Государственного Совета.
- Дагмар — см. Мария Федоровна, императрица, супруга Александра III.
- Даки (Ducky) — см. Виктория-Мелита, принцесса.
- Дашкова Софья Андреевна (в замужестве княгиня Гагарина) (1822–1908), фрейлина императрицы Марии Александровны.
- Дворжицкий Адриан Иванович (1830–1887), полковник, обер-полицмейстер Петербурга, сопровождал Александра II 1 марта 1881 г. Во время покушения на императора был тяжело ранен.
- Дейер Петр Антонович, сенатор, председатель суда над участниками покушения на Александра III 1 марта 1881 г.
- Делянов Иван Давыдович (1818–1897), граф, статс-секретарь, министр народного просвещения в 1882–1897 гг.
- Демидов князь Сан Донато Павел Павлович (1839–1885), муж М. Э. Мещерской, сын от первого брака А. К. Карамзиной, горнозаводчик и землевладелец. Во втором браке — муж княжны Е. П. Трубецкой (1852–1917). Один из организаторов «Священной дружины».

Дмитрий Константинович (1860–1919), великий князь, третий сын великого князя Константина Николаевича и великой княгини Александры Иосифовны, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, в 1897–1905 гг. главноуправляющий государственного коннозаводства. Расстрелян в Петропавловской крепости большевиками.

Долгорукая (Долгорукова) Вера Гавриловна (урожденная Вишневская), княгиня, мать морганатической супруги Александра II Е. М. Юрьевской.

Долгорукая (Долгорукова) Екатерина Михайловна — см. Юрьевская Екатерина Михайловна.

Долгорукая (Долгорукова) Мария Михайловна, княжна, сестра Е. М. Юрьевской.

Долгорукая (Долгорукова) Ольга Александровна, княжна, юношеская симпатия цесаревича Николая Александровича (Ники).

Долгорукий Михаил Михайлович (1815–?), князь, отец Е. М. Юрьевской.

Долгорукий Василий Александрович (1868–1918), князь, обер-гофмаршал, генерал-майор свиты, руководил траурными мероприятиями в Санкт-Петербурге при похоронах Александра III.

Достоевский Федор Михайлович (1821–1881), русский писатель.

Достоевская Любовь Федоровна (1869–1926), дочь Ф. М. и А. Г. Достоевских, автор воспоминаний об отце.

Дохтуров Дмитрий Петрович (1838–1905), генерал от кавалерии с 1898 г., член Военного совета с 1901 г., участвовал в русско-турецкой войне в составе Руцукского отряда.

Драгомиров Михаил Иванович (1830–1905), генерал-адъютант, военный историк и теоретик, участник русско-турецкой войны, начальник Академии Генерального штаба 1878–1889 гг., командующий войсками Киевского военного округа, киевский генерал-губернатор в 1897–1903 гг., член Государственного Совета. Преподавал цесаревичу Александру Александровичу теорию военного искусства.

Дрентельн Александр Романович (1820–1888), генерал-адъютант, генерал-губернатор Юго-Западного края и командующий войсками Киевского военного округа в 1881–1888 гг., член Государственного совета.

Дризен Александр Федорович, барон, генерал-лейтенант, участник русско-турецкой войны, в составе Руцукского отряда командовал 12-й кавалерийской дивизией.

Дубинский (вероятно, Николай Иванович), генерал-майор, участник русско-турецкой войны, в составе Руцукского отряда командовал 2-й бригадой 1-й пехотной дивизии.

Дюрер Альбрехт (1471–1528), немецкий живописец и график.

Евгения-Мария (1826–1920), урожденная графиня Монтано, с 1852 г. жена императора Наполеона III.

Екатерина I Алексеевна (1683–1727) (урожденная Марта Скавронская), жена Петра I, российская императрица в 1725–1727 гг.

Екатерина II Алексеевна (1729–1796) (принцесса Софья-Фредерика-Августа Ангальт-Цербстская), жена Петра III, русская императрица в 1762–1796 гг.

Екатерина Михайловна (1827–1894), великая княгиня, дочь великого князя Михаила Павловича, в замужестве — герцогиня Мекленбург-Стрелицкая.

Елена Павловна (1806–1873), принцесса Вюртембергская, жена великого князя Михаила Павловича.

Елизавета I Петровна (1709–1761), русская императрица в 1741–1761 гг.

Елизавета Михайловна (1826–1845), великая княжна, жена герцога Адольфа Нассауского с 1844 г. Елизавета Тюрингенская (1207–1231), дочь Андрея II, короля Венгерского. С 1221 г. замужем за ландграфом Людвигом Тюрингенским. Прославилась благочестием и аскетизмом. Канонизирована в 1235 г.

Елизавета Федоровна (1864–1918), урожденная принцесса Гессенская, великая княгиня, жена великого князя Сергея Александровича. Основательница Марфо-Мариинской обители в Москве. Убита 18 июля 1918 г. под Алапаевском.

Епанчин Николай Алексеевич (1857–1941), генерал от инфантерии, участник русско-турецкой войны, директор Пажеского корпуса с 1900 г., профессор Николаевской академии Генерального штаба. Автор воспоминаний «На службе трех императоров».

Ефрон Илья Абрамович (1845–1917), издатель русского энциклопедического словаря.

Желябов Андрей Иванович (1851–1881), один из руководителей террористической организации «Народная воля».

Жеребков А. — офицер, помилованный Александром III.

Жерве Альфред-Альберт (1837–1921), французский адмирал, командовал эскадрой, прибывшей в Кронштадт в 1891 г.

Жилинский В. В. — историк.

Жуковский Василий Андреевич (1783–1852), поэт, критик, публицист, просветитель. Наставник цесаревича Александра Николаевича, учитель русского языка цесаревны Марии Александровны.

Заварзин Павел Павлович — полковник, офицер 16-го стрелкового полка в 1894 г., начальник Московского, затем Одесского охранного отделения.

Загоскин Михаил Николаевич (1789–1852), русский писатель.

Засулич Вера Ивановна (1849–1919), член террористической группы «Освобождение труда», в 1878 г. стреляла в петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова, была оправдана судом присяжных.

Захаров Николай Михайлович (1866–1881), посыльный в мясной лавке, из крестьян. Смертельно ранен бомбой Рысакова 1 марта 1881 г.

Захарьин Григорий Антонович (1827–1897), профессор и директор факультетской терапевтической клиники Московского университета. Один из лечащих врачей Александра III.

Здекауер Николай Федорович (1815–1897), профессор госпитальной клиники Медико-хирургической академии, с 1860 г. лейб-медик Александра II, в 1884–1889 гг. председатель медицинского совета.

Зернов Дмитрий Николаевич (1843–?), с 1875 г. профессор анатомии Московского университета, действительный статский советник, участвовал в патологоанатомическом исследовании тела Александра III.

Зиновьев Николай Васильевич (1801–1882), генерал-адъютант, воспитатель детей Александра II, в 1862 г. председатель Особого временного комитета о пожарах, председатель комиссии по предоставлению пособий пострадавшим от неурожая 1867 г.

Зичи Михаил Александрович (1827–1906), придворный художник, академик.

- Иоанн IV Васильевич Грозный (1530–1584), великий князь Московский с 1533 г., первый русский царь (с 1547 г.). Сын Василия III от второго брака с Еленой Глинской.
- Иоанн Кронштадтский (И. И. Сергиев) (1829–1908), протоиерей, настоятель Андреевского собора в Кронштадте. Канонизирован Русской Православной Церковью в 1990 г.
- Игнатъев Николай Павлович (1832–1902), граф, генерал-адъютант, посол в Турции в 1864–1877 гг., министр внутренних дел в 1881–1882 гг., член Государственного Совета.
- Иноземцев Федор Иванович (1802–1869), профессор кафедры практической хирургии Московского университета в 1837–1859 гг., основал первую в России факультетскую хирургическую клинику (1846 г.), первым в России применил эфирный наркоз (1847 г.), основатель Общества русских врачей в Москве.
- Исидор Иаков Сергеевич (Никольский) (1799–1892), митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский с 1860 г.
- Калиновская Северина (Ольга) Осиповна, возлюбленная цесаревича Александра Николаевича, в первом браке Плаутина, во втором — Огинская.
- Каменский Николай Михайлович (1778–1811), граф, генерал от инфантерии, младший сын фельдмаршала М. Ф. Каменского, в 1810 г. главнокомандующий молдавской армией, одержал победы при Батине, Рущуке, Ловчи.
- Канчер Михаил Никитич (1865–?), студент Петербургского университета, участник покушения на Александра III 1 марта 1887 г.
- Каприви Лео, фон (1831–1899), граф с 1891 г., генерал, командир 10-го армейского корпуса в 1888–1890 гг., в 1890–1894 гг. рейхсканцлер.
- Каракозов Дмитрий Владимирович (1840–1866), террорист, совершивший покушение на Александра II 4 апреля 1866 г. Повешен на Смоленской площади в Санкт-Петербурге.
- Карл I Фридрих (1823–1891), король Вюртембергский, муж сестры Александра II Ольги Николаевны.
- Карл XII (1682–1718), король Швеции с 1697 г.
- Карл, принц Дармштадтский, брат императрицы Марии Александровны.
- Карл (Кароль) (1839–1914), король Румынии.
- Каррель Филипп Яковлевич (1806–1886), лейб-медик, тайный советник.
- Каррингтон Чарльз Роберт (1843–1928), барон, лорд-гофмейстер английской королевы Виктории.
- Катков Михаил Никифорович (1818–1887), известный публицист, с 1851 г. редактор газеты «Московские ведомости», с 1856 г. издатель журнала «Русский вестник».
- Кузнецова Анна Васильевна, балерина, гражданская жена великого князя Константина Николаевича.
- Квятковский Александр Александрович (1853–1880), член террористической организации «Народная воля». Участвовал в организации покушений на Александра II. Повешен в Петропавловской крепости.
- Кедрин Е. И., адвокат в 1881 г.
- Келлер-Вилианди Иван Петрович (1826–1899), русский художник.
- Кибальчич Николай Иванович (1853–1881), народоволец, участник покушения на Александра II 1 марта 1881 г. Казнен.

- Клейн Иван Федорович, профессор патологической анатомии Московского университета, действительный статский советник, участвовал в патологоанатомическом исследовании тела Александра III.
- Климент (Василий Друмлев) (1841–1910), митрополит Терновский, болгарский религиозный и политический деятель.
- Климов Павел Юрьевич, кандидат искусствоведения, современный историк русского искусства, старший научный сотрудник Русского музея.
- Клодт фон Юргенсон Петр Карлович (1805–1867), барон, русский скульптор и литейный мастер; профессор Академии художеств.
- Ключевский Василий Осипович (1841–1911), академик, историк.
- Ковалевский Павел Михайлович (1823–1907), писатель, мемуарист.
- Комаров Александр Виссарионович (1830–1904), генерал от инфантерии (1890 г.), выиграл сражение на реке Кушке 18 марта 1885 г. Известный археолог.
- Кони Анатолий Федорович (1844–1927), действительный тайный советник, сенатор с 1891 г., с 1877 г. председатель Петербургского окружного суда, с 1885 г. обер-прокурор Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената, почетный академик, руководитель следствия по аварии императорского поезда в Борках, с 1918 г. профессор кафедры уголовного судопроизводства Петроградского университета.
- Константин Константинович (1858–1915), великий князь, сын великого князя Константина Николаевича. Генерал-адъютант, генерал от инфантерии, с 1891 г. командир Преображенского полка, начальник военно-учебных заведений в 1900–1910 гг., генерал-инспектор военно-учебных заведений с 1910 г., президент Академии наук с 1889 г. Поэт, драматург, литературный критик (псевдоним К. Р.).
- Константин Николаевич (1827–1892), великий князь, второй сын Николая I. Генерал-адмирал, с 1855 г. управлял флотом и морским ведомством на правах министра, в 1860 г. председатель Главного комитета по крестьянскому делу, наместник Царства Польского в 1862–1863 гг., председатель Государственного Совета и Главного комитета об устройстве сельского состояния в 1865–1881 гг.
- Константин Павлович (1799–1831), великий князь, цесаревич, сын Павла I.
- Корево (вероятно, Антон Наримунович), генерал-майор, участник русско-турецкой войны, в составе Рущукского отряда командовал 1-й бригадой 33-й пехотной дивизии.
- Кох Карл-Юлиус Иоганнович (1846–?), жандармский капитан, в 1876–1881 гг. начальник охранной стражи Александра II.
- Коцебу Павел Евстафиевич (1768–1884), граф, генерал-адъютант, член Государственного Совета, в 1862–1874 гг. новороссийский и бессарабский генерал-губернатор, в 1874–1880 гг. варшавский генерал-губернатор.
- Крамской Иван Николаевич (1837–1887), русский художник-передвижник.
- Крахоткин Митрофан Дмитриевич, подпоручик 139-го Моршанского пехотного полка, очевидец убийства Александра II.
- Кропоткин Дмитрий Николаевич (1836–1879), князь, генерал-майор, харьковский губернатор, убит 9 февраля 1879 г. террористом Г. Гольденбергом.
- Кропоткин Петр Алексеевич (1842–1921), князь, теоретик анархизма.
- Ксения Александровна (1875–1960), великая княгиня, старшая дочь Александра III, жена великого князя Александра Михайловича.
- Кузьмин Роман Иванович (1811–1867), архитектор, перестраивал Гатчинский дворец.

Кулебякин П. Т., ротмистр, командир конвоя лейб-гвардии Терского казачьего эскадрона, сопровождавший Александра II 1 марта 1881 г.

Кшесинская Матильда Феликсовна (1872–1971), балерина, фаворитка цесаревича Николая Александровича и великого князя Сергея Михайловича, жена великого князя Андрея Владимировича.

Кэмпбелл Джордж Джон Дуглас, герцог Аргальский (1823–?), английский государственный деятель, пэр, министр по делам Индии в 1868–1875 гг., хранитель государственной печати.

Лажечников Иван Иванович (1792–1869), автор исторических романов.

Ламздорф Владимир Николаевич (1844–1907), граф, директор канцелярии МИД с 1880 г., товарищ министра иностранных дел с 1897 г., министр иностранных дел в 1900–1906 гг.

Лебедев Петр Николаевич (1866–1912), физик, профессор Московского университета, основатель Московского физического общества.

Лего Федор Петрович, сенатор.

Лейден Эрнст (1832–1910), профессор-терапевт в Кенигсберге, Страсбурге и Берлине, привлекался к лечению Александра III.

Лейхтенбергский герцог Максимилиан-Евгений-Иосиф-Наполеон (1817–1852), президент Академии художеств с 1839 г., главнoзаведующий Горным институтом. С 1839 г. в браке с великой княжной Марией Николаевной, дочерью Николая I.

Лейхтенбергский герцог Николай Максимилианович князь Романовский (1843–1890), принц, генерал-адъютант, шеф лейб-гвардии Конногвардейского полка, президент Минералогического общества с 1865 г. Во время русско-турецкой войны командовал кавалерией в отряде генерала Гурко.

Лейхтенбергский герцог Сергей Максимилианович князь Романовский (1849–1877), погиб во время русско-турецкой войны.

Леонардо да Винчи (1452–1519), итальянский живописец, скульптор, ученый, инженер.

Леонтьев Владимир Иванович, присяжный поверенный.

Лесков Николай Семенович (1831–1895), русский писатель.

Лермонтов Михаил Юрьевич (1814–1841), русский поэт.

Ливен (вероятно, Вильгельм Карлович) (1800–1880), барон, генерал от инфантерии, шталмейстер цесаревича Александра Николаевича, генерал-адъютант, член Государственного Совета, с 1871 г. обер-егермейстер.

Литвинов (вероятно, Николай Павлович), генерал, состоял при цесаревиче Николае Александровиче, старшем сыне Александра II.

Лобко Павел Львович (1838–1905), генерал от инфантерии, профессор Николаевской академии Генерального штаба, начальник канцелярии Военного министерства. Участник русско-турецкой войны.

Логановский Александр Васильевич (1810–1855), русский скульптор. Участвовал в украшении Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге и храма Христа Спасителя в Москве.

Ломброзо Чезаре (1835–1909), итальянский психиатр и криминалист.

Лорис-Меликов Михаил Тариелович (1825–1888), граф, генерал-адъютант, командир Отдельного корпуса на Кавказе в 1877–1878 гг., с 1879 г. временный харьковский генерал-губернатор, с февраля по август 1880 г. начальник Верховной распорядительной комиссии, в 1880–1881 гг. министр внутренних дел.

Луиза, королева Дании (1817–1898), урожденная Вильгельмина-Фредерика-Каролина-Августа-Юлия, принцесса Гессен-Кассельская, жена датского короля Христиана IX, мать императрицы Марии Федоровны.

Людвиг II, герцог Гессен-Дармштадтский (1777–1848), отец императрицы Марии Александровны.

Людвиг IV герцог Гессен-Дармштадтский (1837–1892), отец великой княгини Елизаветы Федоровны и императрицы Александры Федоровны, жены Николая II.

Людовик-Филипп-Альбер принц Орлеанский, граф Парижский (1831–1894), его вторая дочь Элен (род. 1871 г.) рассматривалась Александром III как возможная невеста сына — наследника престола Николая Александровича.

Макаров Степан Осипович (1848–1904), адмирал, ученый-океанограф, с 1891 г. главный инспектор морской артиллерии, командующий эскадрой Средиземного моря в 1894–1899 гг., главнокомандующий Кронштадтским портом, командующий Тихоокеанским флотом, погиб при взрыве броненосца «Петропавловск» в Порт-Артуре.

Маков Лев Саввич (1830–1883), товарищ министра внутренних дел в 1876–1878 гг., министр в 1878–1880 гг., министр почт и телеграфов и директор Департамента духовных дел и иностранных вероисповеданий в 1880–1881 гг., член Государственного Совета.

Маковский Константин Егорович (1839–1915), художник, действительный член Академии художеств с 1898 г., член-учредитель Товарищества передвижных выставок.

Малевич Александр, казак лейб-гвардии Терского эскадрона императорского конвоя, убит бомбой Рысакова 1 марта 1881 г.

Манасеин Николай Аксентьевич (1835–1895), сенатор, министр юстиции в 1885–1894 гг., член Государственного Совета.

Маргарита принцесса Прусская (1872–1954), сестра Вильгельма II, замужем за принцем Фридрихом-Карлом Гессенским.

Мария Александровна (1824–1880), урожденная Максимилиана-Вильгельмина-Августа-София-Мария принцесса Гессен-Дармштадтская, императрица, жена Александра II.

Мария Александровна (1853–1920), великая княжна, дочь Александра II, жена Альфреда-Эрнста-Альберта, принца Великобританского, герцога Эдинбургского, впоследствии герцога Саксен-Кобург-Готского.

Мария Николаевна (1819–1876), великая княгиня, старшая дочь Николая I. В первом браке за герцогом Лейхтенбергским, во втором — за графом Г. А. Строгановым.

Мария Павловна (1854–1923), урожденная герцогиня Мария Мекленбург-Шверинская, жена великого князя Владимира Александровича.

Мария Федоровна (1847–1928), урожденная принцесса Мария-София-Фредерика-Дагмар, жена Александра III.

Маркевич Болеслав Маркович (1822–1884), писатель и публицист.

Маркелов Иван Иванович (1799–1872), секретарь русского посольства во Франкфурте в 1839 г.

Маркус Федор Федорович, дежурный медик в Зимнем дворце, 1 марта 1881 г. оказывал первую медицинскую помощь Александру II.

Мачнев Кузьма, ординарец Александра II, унтер-офицер лейб-гвардии 2-го Кубанского эскадрона императорского конвоя. Ранен бомбой Рысакова 1 марта 1881 г.

Медников Евстратий Павлович (1853–1914), руководитель наружного наблюдения Московского охранного отделения, с 1902 г. возглавил наблюдательное отделение Департамента полиции.

- Мезенцев (Мезенцов) Николай Владимирович (1828–1878), генерал-майор, с 1864 г. управляющий III Отделением и начальник штаба корпуса жандармов, с 1876 г. шеф жандармов и начальник III Отделения. Убит террористом.
- Менделеев Дмитрий Иванович (1834–1907), химик, открывший периодический закон химических элементов.
- Мехмет-Али, турецкий генерал.
- Мещерская Мария Элимовна (1844–1868), княжна, фрейлина императрицы Марии Александровны, возлюбленная цесаревича Александра Александровича. В 1867 г. вышла замуж за П. П. Демидова, князя Сан-Донато.
- Мещерский Владимир Петрович (Вово) (1839–1914), князь, действительный статский советник, камергер. Известный публицист, с 1872 года редактор-издатель газеты «Гражданин».
- Милютин Дмитрий Алексеевич (1816–1912), граф, генерал-фельдмаршал, генерал-адъютант, почетный член Академии наук, военный министр в 1861–1881 гг., член Государственного Совета.
- Милюков Павел Николаевич (1859–1943), историк, лидер конституционно-демократической партии, министр иностранных дел Временного правительства.
- Минни, см. Мария Федоровна, супруга Александра III.
- Михаил Александрович (1878–1918), великий князь, младший сын Александра III, брат Николая II, наследник престола в 1899–1904 гг., генерал-майор, член Государственного совета. Во время первой мировой войны командовал кавказской туземной дивизией, затем 2-м кавалерийским корпусом. Убит большевиками в Мотовилихе (Пермская губ.).
- Михаил Николаевич (1832–1909), великий князь, младший сын Николая I, генерал-фельцейхмейстер, наместник на Кавказе в 1863–1881 гг., генерал-фельдмаршал, председатель Государственного Совета в 1881–1905 гг. Женат на великой княгине Ольге Федоровне, урожденной принцессе Цецилии Баденской.
- Михаил Павлович (1798–1849), великий князь, младший сын Павла I, генерал-фельцейхмейстер, генерал-инспектор по инженерной части, главнокомандующий Гвардейским и Гренадерским корпусами. Женат на великой княгине Елене Павловне, урожденной принцессе Каролине Вюртембергской.
- Михаэлис Е. Е. — свидетельница по делу Д. Каракозова.
- Михайлов Александр Владимирович, присяжный поверенный, адвокат на суде над участниками покушения на Александра III 1 марта 1881 г.
- Михайлов Тимофей Михайлович (1859–1881), участник покушения на Александра II 1 марта 1881 г. Повешен.
- Млодецкий Ипполит Осипович (1855–1880) — террорист, совершивший покушение на М. Т. Лорис-Меликова. Повешен.
- Мод, принцесса Уэльская (1869–1935), племянница императрицы Марии Федоровны, дочь ее сестры Александры.
- Мольтке Гельмут Карл Бернارد (1800–1891), граф, генерал-фельдмаршал, начальник германского генерального штаба в 1858–1888 гг.
- Монигетти Ипполит Антонович (1819–1878), придворный архитектор, профессор (1858 г.), перестраивал Аничков дворец для цесаревича Александра Александровича.
- Моренгейм Артур Павлович (1824–1907), барон, русский посол во Франции в 1884–1898 гг.
- Морозов Николай Александрович (1854–1946), революционер, был приговорен к пожизненному заключению, 1882–1905 гг. находился в одиночном заключении в Шлиссельбурге.

- ской крепости. Писатель, почетный член Академии наук СССР, директор Естественно-научного института им. Лесгафта.
- Мосин Сергей Иванович (1849–1902), генерал-майор, конструктор стрелкового оружия. Создатель магазинной трехлинейной винтовки (1890 г.).
- Музовский (Муссовский) Николай Васильевич (1750–1848), протопресвитер, духовник семьи Николая I.
- Муравьев Михаил Николаевич (1796–1866), граф, министр государственных имуществ 1857–1861 гг., виленский генерал-губернатор 1863–1865 гг., член Государственного Совета.
- Муравьев Николай Валерианович (1850–1908), статс-секретарь, товарищ прокурора Петербургской судебной палаты в 1881 г., министр юстиции в 1894–1905 гг., посол в Риме в 1905–1908 гг.
- Набоков Дмитрий Николаевич (1826–1904), гофмейстер великого князя Константина Николаевича, сенатор, управляющий Канцелярией по делам Царства Польского в 1867–1871 гг., министр юстиции в 1878–1885 гг., член Государственного Совета.
- Наполеон I (Наполеон Бонапарт) (1769–1821), французский император (1804–1814, март–июнь 1815 г.).
- Наполеон III (Луи-Наполеон Бонапарт) (1808–1873), племянник Наполеона I, император Франции в 1852–1870 гг., в 1870 г. свергнут с престола, умер в Англии.
- Неклюдов Николай Андриянович (1840–1896), криминалист, магистр уголовного права, обер-прокурор общего собрания кассационных департаментов Сената с 1885 г., товарищ государственного секретаря 1894–1895 гг., товарищ министра внутренних дел с 1895 г., обвинитель на процессе над участниками покушения на Александра III 1 марта 1887 г.
- Непокойчицкий Артур Адамович (1813–1881), генерал от инфантерии, генерал-адъютант, с 1874 г. председатель Особой временной комиссии по управлению Медико-хирургической академией, во время русско-турецкой войны начальник штаба главнокомандующего русской армии великого князя Николая Николаевича, член Государственного Совета.
- Нессельроде Карл Васильевич (1780–1862), граф, статс-секретарь, управляющий Министерством иностранных дел в 1812–1816 гг., министр иностранных дел в 1816–1856 гг., государственный канцлер с 1845 г.
- Нессельроде Мария Дмитриевна, урожденная графиня Гурьева (1786–1849), графиня, статс-дама, жена К. В. Нессельроде.
- Низи — см. Николай Николаевич-старший, великий князь.
- Ники — см. Николай II Александрович.
- Николай I Павлович (1796–1855), русский император в 1825–1855 гг.
- Николай II Александрович (1868–1918), русский император в 1894–1917 гг., старший сын Александра III. Расстрелян большевиками в Екатеринбурге.
- Николай Александрович (1843–1865), великий князь, цесаревич, сын Александра II, наследник престола.
- Николай Михайлович (1859–1919), великий князь, сын великого князя Михаила Николаевича, генерал от инфантерии, генерал-адъютант, командующий Кавказской гренадерской дивизией с 1897 г. Известный историк, писатель, энтомолог. Расстрелян большевиками в Петропавловской крепости.

- Николай Николаевич-старший (1831–1891), великий князь, третий сын Николая I, генерал-фельдмаршал, генерал-инспектор по инженерной части с 1852 г., командир Отдельного гвардейского корпуса 1862–1864 гг., генерал-инспектор кавалерии с 1864 г., во время русско-турецкой войны главнокомандующий русской армией на Балканах. Женат на великой княгине Александре Петровне, урожденной принцессе Ольденбургской (1838–1900).
- Никитин Иван Платонович, студент Харьковского университета, находился под следствием в связи с покушением на Александра III 1 марта 1887 г.
- Никольский Ксенофонт Яковлевич (ум. 1886 г.), протоиерей Большого собора Зимнего дворца, 6 июля 1880 г. обвенчал Александра II с княжной Е. М. Долгорукой.
- Никса — см. Николай Александрович, цесаревич, сын Александра II.
- Новицкий В. Д. — генерал, начальник Киевского жандармского управления, автор воспоминаний.
- Новорусский Михаил Васильевич (1861–1925), участник подготовки покушения на Александра III 1 марта 1887 г. Приговорен к смертной казни, замененной пожизненным заключением в крепости. Освобожден в 1905 г.
- Новоселов Семен Корнилович (1812–1876), генерал-майор в отставке, участник сербско-турецкой войны 1876 г. в должности командующего Ибарской армии сербов.
- Оболенский (Оболенский-Нелединский-Мелецкий) Владимир Сергеевич (1847–1891), князь, флигель-адъютант, генерал-лейтенант, гофмаршал.
- Оболенская Александра Александровна (Апрак) (урожденная Апраксина), княгиня, фрейлина и близкий друг императрицы Марии Федоровны, жена флигель-адъютанта гофмаршала князя В. С. Оболенского-Нелединского-Мелецкого.
- Обручев Николай Николаевич (1830–1904), генерал-адъютант, генерал от инфантерии с 1887 г., в 1856–1878 гг. профессор Николаевской академии Генерального штаба, с 1867 г. управляющий делами Военно-ученого комитета, член Государственного Совета в 1897–1904 гг., почетный член Академии наук.
- Озеров Сергей Сергеевич, флигель-адъютант, генерал-майор свиты.
- Окулов Николай Михайлович, сенатор, член суда над участниками покушения на Александра III 1 марта 1887 г.
- Ольга Александровна (1882–1960), великая княгиня, младшая дочь Александра III, в первом браке за принцем Петром Александровичем Ольденбургским 1901–1915 гг., после развода вступила в морганатический брак с ротмистром лейб-гвардии Кирасирского полка Николаем Александровичем Куликовским (1881–1958).
- Ольга Константиновна (1851–1926), великая княгиня, королева Греции, дочь великого князя Константина Николаевича, замужем за принцем Датским Вильгельмом, в дальнейшем королем Греции Георгом I.
- Ольга Николаевна (1822–1892), великая княгиня, королева Вюртембергская, вторая дочь Николая I, с 1846 г. жена принца Карла Вюртембергского, с 1864 г. короля.
- Ольга Николаевна (1895–1918), великая княжна, старшая дочь Николая II, расстреляна большевиками в Екатеринбурге.
- Ольга Федоровна, урожденная принцесса Цецилия Баденская (1839–1891), жена великого князя Михаила Николаевича с 1857 г.

- Ольденбургский Петр Георгиевич (1812–1881), принц, сын великой княгини Екатерины Павловны и принца Георгия Ольденбургского, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, в 1861–1881 гг. главноуправляющий IV Отделением собственной его императорского величества канцелярией. Учредитель и попечитель Училища правоведов в Петербурге.
- Оом Федор Адольфович (1826–1898), тайный советник, секретарь императрицы Марии Федоровны, воспитатель старшего сына Александра II великого князя-цесаревича Николая Александровича.
- Оппольцер Иоганн Риттер, фон (1808–1871), профессор медицинского факультета Венского университета, привлекался к лечению великого князя-цесаревича Николая Александровича.
- Орлов Алексей Федорович (1786–1861), граф, генерал-адъютант, шеф жандармов в 1845–1856 гг., председатель Государственного совета и Комитета министров в 1856–1860 гг.
- Орлов Григорий Григорьевич (1734–1783), граф, генерал-фельдмаршал, фаворит Екатерины II.
- Орлов И. Н. сенатор, член суда над участниками покушения на Александра II.
- Осипанов Василий Степанович (1861–1887), студент Петербургского университета, участник покушения на Александра III 1 марта 1887 г., повешен.
- Остен-Сакен Николай Дмитриевич (1831–1912), граф, русский посланник в Баварии и Гессене в 1884–1895 гг., посол в Германии в 1895–1912 гг.
- Островский Александр Николаевич (1823–1886), драматург, писатель.
- Остроумов Алексей Александрович (1844–1908), профессор и заведующий клиникой госпитальной терапии Московского университета в 1880–1903 гг., председатель Московского медицинского общества в 1879–1889 гг.
- Остряков Алексей Петрович, юрист, адвокат Д. Каракозова.
- Павел Александрович (1860–1919), великий князь, младший сын Александра II, генерал от кавалерии, командир лейб-гвардии Конного полка в 1890–1896 гг., командир Гвардейского корпуса в 1898–1902 гг. Женат первым браком на греческой принцессе Александре Георгиевне (1870–1891), с 1902 г. вmorganaticком браке с О. В. Пистолькорс (урожденная Карнович, с 1915 г. — княгиня Палей). Расстрелян большевиками в Петропавловской крепости.
- Павел I Петрович (1754–1801), русский император с 1796 г.
- Пален Константин Иванович (1833–1912), министр юстиции в 1867–1878 гг., председатель Комиссии для пересмотра законов о евреях в 1883 г., член Особой комиссии для составления проектов местного управления, член Государственного Совета.
- Палеолог Морис Жорж (1859–1944), французский дипломат, посланник в Софии в 1907–1912 гг., посол в Петрограде в 1914–1917 гг.
- Паскевич Иван Федорович (1782–1856), светлейший князь Варшавский, граф Эриванский, генерал-фельдмаршал, наместник Царства Польского и главнокомандующий 1-й армии в 1832–1856 гг.
- Перетц Егор Абрамович (1833–1899), статс-секретарь с 1871 г., государственный секретарь 1878–1883 гг., член Государственного Совета, председатель Попечительского совета ведомств учреждений императрицы Марии Федоровны.
- Перовская Софья Львовна (1853–1881), графиня, член исполнительного комитета террористической организации «Народная воля», возглавляла подготовку покушения на Александра II 1 марта 1881 г. Повешена.

- Перовский Борис Алексеевич (1815–1881), граф, генерал-адъютант, заведовал конторой «августейших детей» Министерства императорского двора, с 1874 г. член Государственного Совета.
- Пестель Павел Иванович (1793–1825), полковник, декабрист. Повешен.
- Петр I Алексеевич (1672–1725), с 1721 г. первый русский император.
- Петр III (1728–1762), император с 1761 г.
- Пикуль Валентин Саввич, советский писатель.
- Пирогов Николай Иванович (1810–1881), профессор госпитальной хирургической клиники, патологической и хирургической анатомии Медико-хирургической академии, участник Крымской, русско-турецкой и франко-прусской войн. Основоположник военно-полевой хирургии.
- Писарев Н. С., сенатор, член суда над участниками покушения на Александра II 1 марта 1881 г.
- Плетнев Петр Алексеевич (1792–1866), русский поэт, критик, ректор Петербургского университета 1840–1861 гг., преподавал русский язык и словесность цесаревичу Александру Николаевичу, будущему императору Александру II.
- Плеханов Георгий Валентинович (1856–1918), теоретик революционного движения.
- Победоносцев Константин Петрович (1827–1907), обер-прокурор Синода в 1880–1905 гг., член Государственного Совета, преподаватель детей Александра II и Александра III.
- Позье Иеремия (Еремей Петрович) (1716–1779), женеvский ювелир, в 1729–1764 гг. жил и работал в России, придворный ювелир императриц Елизаветы Петровны и Екатерины II.
- Покрошинский, полковник, комендант Шлиссельбургской крепости.
- Поленов Василий Дмитриевич (1844–1927), русский художник, член Академии художеств.
- Половцов Александр Александрович (1832–1909), действительный статский советник, сенатор, государственный секретарь в 1883–1892 гг., секретарь Русского исторического общества, издатель «Русского биографического словаря».
- Полонский Яков Петрович (1819–1898), поэт.
- Попов Андрей Андреевич (1832–1896), художник.
- Попов Митрофан Алексеевич, профессор анатомии Харьковского университета, участвовал в патологоанатомическом исследовании тела Александра III.
- Посыет Константин Николаевич (1819–1899), генерал-адъютант, адмирал, министр путей сообщений в 1874–1888 гг., член Государственного Совета.
- Прахов Адриан Викторович (1846–1916), профессор истории Петербургского университета.
- Путилов Николай Иванович, учредитель акционерного общества Путиловских заводов.
- Принц Густав Густавович, присяжный поверенный, адвокат на процессе над участниками покушения на Александра III.
- Прейм — полицейский агент, убит террористами.
- Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837), русский поэт.
- Радецкий Федор Федорович (1820–1890), генерал-адъютант, участник русско-турецкой войны, командующий войсками Харьковского военного округа в 1882–1888 гг., член Государственного Совета.
- Раухфус Карл Андреевич (1835–1915), директор и главный врач детской больницы принца Ольденбургского, с 1876 г. — лейб-педиатр.
- Разумовский Кирилл Григорьевич (1728–1803), граф, генерал-фельдмаршал, с 1764 г., член Государственного Совета, последний гетман Украины.
- Репин Илья Ефимович (1844–1930), русский художник.

- Рибо Александр Феликс Жозеф (1842–1923), министр иностранных дел Франции в 1890–1893 гг, премьер-министр 1892–1895 гг.
- Рихтер Оттон Борисович (1830–1908), генерал-адъютант, комендант Главной Императорской квартиры в 1881–1898 гг, член Государственного совета.
- Рицонни Александр Антонович (1836–1902), русский художник, академик.
- Розбери Арчибальд Филипп Примроз (1847–1929), английский государственный деятель.
- Робер Любер (1733–1808), французский художник, член Королевской академии живописи и скульптуры с 1767 г. С 1802 г. — почетный вольный общник Академии художеств Петербурга.
- Романовский Дмитрий Ильич (1825–1881), генерал-губернатор Туркестанской области.
- Ротшильд Альфонс (1827–1905), парижский банкир.
- Руссо Жан-Жак (1712–1778), французский философ-просветитель.
- Рылеев Александр Михайлович (1830–1907), генерал-адъютант, в 1864–1881 гг. комендант Главной Императорской квартиры. Племянник К. Ф. Рылеева.
- Рысаков Николай Иванович (1861–1881), участник покушения на Александра II 1 марта 1881 г. Повешен.
- Сабина Мария, фрейлина императрицы Марии Александровны.
- Сабуров Андрей Александрович (1838–1916), сенатор, член Государственного Совета, в 1880–1881 гг, министр народного просвещения (1880–1881).
- Савинков Борис Викторович (1879–1925), революционер-террорист, лидер партии эсеров, писатель, литературный псевдоним В. Ропшин.
- Савицкий Константин Аполлонович (1844–1905), русский художник-передвижник.
- Сандро — см. Александр Михайлович, великий князь.
- Сафдет-паша, в 1876 г. министр иностранных дел Турции.
- Сверчков Николай Егорович (1818–1898), русский художник.
- Серафим Саровский (1759–1833), иеромонах Саровского монастыря, в 1903 г. канонизирован Русской Православной Церковью.
- Семирадский Генрих Ипполитович (1843–1902), русский художник, академик.
- Сергеев Фрол, лейб-кучер Александра II.
- Сергей Александрович (1857–1905), великий князь, сын Александра II, московский генерал-губернатор и командующий войсками военного округа в 1891–1905 гг. Убит боевиком-эсэром И. П. Каляевым.
- Синицин А. Н., сенатор, член суда над участниками покушения на Александра II 1 марта 1881 г.
- Сеченов Иван Михайлович (1826–1905), основоположник русской физиологической школы, профессор физиологии Московского университета с 1891 г.
- Скворцов Григорий, мичман, помилованный Александром III.
- Скалон Василий Юрьевич (1846–1907), общественный деятель и публицист, с 1874 г. председатель московской уездной земской управы. Редактор газеты «Ведомство» (1880–1882).
- Склифосовский Николай Васильевич (1836–1906), с 1871 г. профессор Медико-хирургической академии, с 1880 г. профессор и декан медицинского факультета Московского университета, в 1893–1900 гг. директор Института усовершенствования врачей в Петербурге. Участник русско-турецкой войны.
- Скобелев Михаил Дмитриевич (1843–1882), генерал от инфантерии с 1881 г, генерал-адъютант с 1878 г, во время русско-турецкой войны командовал 16-й пехотной дивизией, уча-

ствовал в блокаде Плевны и зимнем переходе через Балканы. В 1880–1881 гг. руководил 2-й Ахалетинской экспедицией, во время которой была завоевана Туркмения.

Смирнов Александр Дмитриевич, товарищ обер-прокурора уголовно-кассационного департамента Сената, обвинитель на процессе над участниками покушения на Александра III 1 марта 1887 г.

Соколов Николай Иванович, присяжный поверенный, защитник на процессе над участниками покушения на Александра III 1 марта 1881 г.

Соловьев Александр Константинович (1846–1879), террорист, совершивший покушение на Александра II. Повешен.

Соловьев Сергей Михайлович (1820–1879), историк, член Академии наук, автор многотомной «Истории России с древнейших времен».

Софья Алексеевна (1657–1704), царевна, правительница России в 1682–1689 гг.

Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1879–1953).

Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826–1911), историк, журналист, общественный деятель.

Стахович Александр Александрович (1830–1913), орловский помещик, депутат II Государственной думы, актер-любитель.

Стрельников В. С., генерал, погибший в 1882 г. от рук террориста С. Н. Халтурина.

Строганов Сергей Григорьевич (1794–1882), граф, генерал-адъютант, член Государственного Совета, с 1860 г. воспитатель младших детей Александра II, в 1863–1865 гг. председатель Комитета железных дорог.

Струков, полковник, возглавлявший передовой отряд в Дунайской армии в русско-турецкой войне.

Стюрлер Александр Николаевич (1825–1901), флигель-адъютант с 1854 г., генерал-майор свиты, шталмейстер двора цесаревича Александра Александровича с 1865 г., позднее генерал от кавалерии, генерал-адъютант.

Суворов Александр Аркадьевич (1804–1882), князь, генерал-адъютант, член Государственного Совета, военный генерал-губернатор Петербурга в 1861–1866 гг., с 1866 г. генерал-инспектор пехоты.

Сулейман-паша (1838–1883), турецкий генерал, командующий турецкой армией на Балканах в 1877–1878 гг.

Суриков Василий Иванович (1848–1916), русский исторический живописец, действительный член Академии художеств.

Танеев Александр Сергеевич (1785–1866), статс-секретарь, обер-гофмейстер, помощник управляющего собственной его императорского величества канцелярией, член Государственного Совета.

Тимофеев Алексей Алексеевич, генерал-майор, участник русско-турецкой войны.

Тихомиров Лев Александрович (1852–1923), теоретик монархической государственности, в 1909–1913 гг. сотрудник «Московских ведомостей».

Толстая Александра Андреевна (1818–1904), графиня, фрейлина императрицы Марии Александровны, камер-фрейлина императрицы Марии Федоровны.

Толстая Софья Андреевна (урожденная Берс) (1844–1919), графиня, жена Л. Н. Толстого.

Толстой Дмитрий Андреевич (1823–1889), граф, сенатор, в 1861 г. исполнял должность директора Департамента народного просвещения, в 1865–1880 гг. обер-прокурор Синода и од-

новременно в 1866–1880 гг. министр народного просвещения, с 1882 г. министр внутренних дел, член Государственного Совета.

Толстой Лев Николаевич (1828–1910), граф.

Толстой Федор Петрович (1783–1873), граф, русский медальер, скульптор, рисовальщик, вице-президент Академии художеств в 1828–1858 гг., товарищ президента Академии художеств в 1859–1868 гг.

Тон Константин Андреевич (1794–1881), архитектор.

Трепов Федор Федорович (1812–1889), генерал-адъютант, петербургский обер-полицмейстер в 1866–1873 гг., петербургский градоначальник в 1873–1878 гг.

Третьяков Павел Михайлович (1832–1898), коллекционер, основатель первой публичной художественной галереи в Москве (Третьяковской галереи), действительный член Академии художеств.

Трутовский Константин Александрович (1826–1893), русский художник.

Турчанинов Александр Николаевич, присяжный поверенный, адвокат на суде над участниками покушения на Александра III 1 марта 1887 г.

Тютчев Федор Иванович (1803–1873), русский поэт, с 1859 г. возглавлял Комитет иностранной цензуры.

Тютчева Анна Федоровна (1829–1889), дочь Ф. И. Тютчева, жена А. С. Аксакова, фрейлина императрицы Марии Александровны.

Уваров Сергей Семенович (1786–1855), граф, президент Академии наук, министр народного просвещения в 1833–1849 гг., президент Академии наук (1818–1855).

Ульянов Александр Ильич (1866–1887), старший брат В. И. Ленина, революционер-народник, студент Петербургского университета, один из организаторов покушения на Александра III 1 марта 1887 г. Казнен.

Ульянов (Ленин) Владимир Ильич (1870–1924).

Ульянова Мария Александровна (урожденная Бланк) (1835–1916), вдова действительного статского советника, мать А. И. и В. И. Ульяновых.

Унковский Алексей Михайлович (1828–1893), с 1857 г. предводитель дворянства Тверской губернии, в 1859 г. удален от должности и в 1860 г. сослан в Вятку, присяжный поверенный, участвовал в процессе над участниками покушения на Александра II 1 марта 1881 г.

Ушакова Ольга, дочь классной дамы Смольного института.

Фауд-паша, турецкий дивизионный генерал.

Федоров Николай Павлович, генерал-майор, профессор Михайловской артиллерийской академии, эксперт на процессе над участниками покушения на Александра III 1 марта 1887 г.

Фердинанд I Кобургский (1861–1948), князь Болгарский в 1887–1908 гг., король Болгарский в 1908–1918 гг. После отречения от престола бежал в Германию.

Фигнер Вера Николаевна (1852–1942), член террористической организации «Народная воля», участвовала в подготовке покушения на Александра II в 1881 г. В 1884–1904 гг. была заключена в Шлиссельбургской крепости.

- Филофей (Тимофей Григорьевич Успенский) (1808–1882), с 1876 г. митрополит Киевский и Волынский, член Святейшего Синода.
- Франц-Иосиф I (1830–1916), австрийский император с 1848 г., венгерский король с 1867 г.
- Фредерик, принц Датский (1843–1912), старший брат императрицы Марии Федоровны, король Дании Фредерик VIII с 1906 г.
- Фредерикс Владимир Александрович, барон, директор Департамента личного состава и хозяйственных дел Департамента иностранных дел, член духового оркестра Александра III.
- Фреди — см. Фредерик, принц Датский.
- Фролов, палач.
- Фукс Эдуард Яковлевич, сенатор, председатель суда над участниками покушения на Александра II 1 марта 1881 г.
- Халтурали Константин Федорович, присяжный поверенный, защитник на процессах над участниками покушений на Александра II и Александра III.
- Халтурин Степан Николаевич (1856–1882), террорист, в 1880 г. произвел взрыв в Зимнем дворце. Повешен.
- Харламов Алексей Алексеевич (1840–1922), русский художник.
- Хилков Михаил Иванович (1834–1909), князь, министр путей сообщения.
- Христиан IX (1818–1906), король Дании с 1863 г., с 1842 г. женат на Луизе Гессен-Кассельской (1817–1898). Отец императрицы Марии Федоровны.
- Цыщурин Федор Степанович (1820?–1896), лейб-медик, член Военно-медицинского ученого комитета и Медицинского совета Министерства внутренних дел.
- Чайковская Анна, акушерка Воспитательного дома в Петербурге.
- Чайковский Петр Ильич (1840–1893), русский композитор.
- Чарторижский Адам Адамович (1770–1861), князь, министр иностранных дел России в 1804–1806 гг., один из ближайших друзей Александра I, член Негласного комитета.
- Черевин Петр Александрович (1837–1896), генерал-адъютант, генерал-лейтенант, товарищ министра внутренних дел в 1880–1883 гг., начальник охраны Александра III.
- Чернышова Елизавета Александровна (1826–1902), жена князя В. И. Барятинского (1817–1875), княгиня, тетушка М. Э. Мещерской.
- Черняев Михаил Григорьевич (1828–1898), генерал-майор, генерал-губернатор Туркестанской области, в 1875–1876 гг. редактор-издатель газеты «Русский мир», по приглашению сербского правительства в 1876 г. командовал Главной сербской армией, в 1882–1884 гг. туркестанский генерал-губернатор, член Государственного Совета.
- Чехов Антон Павлович (1860–1904), русский писатель.
- Чивелев (Чивилев) Александр Иванович (1808–1867), директор Дворянского института в Москве, доктор политической экономии, руководитель научного образования Александра III и великого князя Владимира Александровича.
- Числова Екатерина Гавриловна (1845–1889), балерина (1862–1876), любовница великого князя Николая Николаевича-старшего.

Чирьев Сергей Иванович (1850–?), профессор физиологии Киевского университета.

Чихачев Николай Матвеевич (1830–1916), генерал-адъютант, адмирал, начальник Главного морского штаба в 1884–1888 гг., управляющий Морским министерством в 1888–1896 гг., член Государственного Совета.

Шамиль (1797–1871), глава горцев Дагестана и Чечни во время Кавказской войны с Россией. В 1859 г. сдался в плен, жил с семьей в Калуте, в 1870 г. выехал в Мекку.

Шебеко Варвара (урожденная Гончарова), подруга княгини Е. М. Юрьевской.

Шевырев Петр Яковлевич (1863–1887), один из организаторов покушения на Александра III 1 марта 1887 г.

Шереметев Дмитрий Сергеевич (1869–1943), граф, в 1892 г. поступил корнетом в лейб-гвардии Кавалергардский полк; император Александр III хотел назначить его адъютантом цесаревича Николая; впоследствии — флигель-адъютант императора Николая II. После 1918 г. — в эмиграции в Италии.

Шереметева Екатерина Павловна, графиня, урожденная княжна Вяземская, жена графа С. Д. Шереметева.

Шереметева Елена Григорьевна (1861–1908), дочь великой княгини Марии Николаевны и Г. А. Строгонова. В первом браке за В. А. Шереметевым, во втором — за Милашевичем.

Шидловский А. Р., харьковский предводитель дворянства, член Особого совещания при Министерстве внутренних дел с 1886 г.

Шнеур Константин Яковлевич, присяжный поверенный, защитник на процессе над участниками покушения на Александра III 1 марта 1887 г.

Шольц, лейб-акушер.

Шувалов Петр Андреевич (1827–1889), граф, генерал-адъютант свиты, в 1866–1874 гг. шеф жандармов и управляющий III Отделением, в 1874–1879 гг. посол в Англии, член Государственного Совета.

Щеглов Владимир Владимирович, заведующий библиотекой Зимнего дворца.

Щегловитов Иван Григорьевич (1861–1918), статс-секретарь, сенатор, министр юстиции в 1906–1915 гг., председатель Государственного совета. В 1917 г. расстрелян большевиками.

Эдди (Eddy) — см. Альберт Виктор Эдуард, герцог Кларенс.

Элла — см. Елизавета Федоровна, великая княгиня.

Эрисман Федор Федорович (настоящее имя Фридрих Гульдрейх) (1842–1915), профессор кафедры гигиены Московского университета в 1882–1896 гг. С 1896 г. жил в Швейцарии.

Эрни — см. Эрнст-Людвиг, принц Гессенский.

Эрнст-Людвиг (1868–1937), принц Гессенский, с 1892 г. великий герцог Гессен-Дармштадтский, брат принцессы Алисы Гессенской.

Юсупов Феликс Феликсович, князь, граф Сумаров-Эльстон (1887–1967), убийца Г. Распутина.
Юсупова Ирина Александровна (1895–1970), княгиня, дочь великого князя Александра Михайловича и великой княгини Ксении Александровны.
Юрьевская Екатерина Александровна (1878–1959), светлейшая княжна, дочь Александра II и Е. М. Юрьевской, жена Ф. Ф. Юсупова.
Юрьевская Екатерина Михайловна (1847–1922), урожденная княжна Долгорукая, с 1880 г. морганатическая супруга Александра II.
Юрьевская Ольга Александровна (1873–1925), светлейшая княжна, дочь Александра II и Е. М. Юрьевской. В браке за Георгом-Николаем, графом Меренбергским.
Юрьевский Георгий Александрович (1872–1913), светлейший князь, сын Александра II и Е. М. Юрьевской.

Янг Николай Иванович, сенатор, член суда над участниками покушения на Александра III 1 марта 1887 г.
Янышев Иоанн Леонтьевич (1828–1910), протопресвитер, духовник семьи Александра III, профессор богословия Петербургского университета с 1856 г.

Барковец О., Крылов-Толстикевич А.

**НЕИЗВЕСТНЫЙ ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР III
ОЧЕРКИ О ЖИЗНИ, ЛЮБВИ И СМЕРТИ**

Генеральный директор издательства *С. М. Макаренков*

Редактор *В. Пестерев*

Художественное оформление: *В. Гусейнов, Д. Сергеев*

Компьютерная верстка: *В. Гусейнов, Д. Сергеев*

Технический редактор *Е. Крылова*

Корректор *О. Наренкова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 02.06.03 г.

Формат 70x100/16. Гарнитура «Garamond»

Печ. л. 17,0. Тираж 3 000 экз.

Заказ № 2193

РИПОЛ
КЛАССИК

ISBN 5-7905-1412-X

9 785790 514128 >